

Учредители

[Егор Гайдар], Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Самуил Лурье, Владимир Мау, Лорд Брайан Маккензи, Андрей Медушевский, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьещух, Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Екатерина Гениева (заместитель Главного редактора, куратор раздела иностранной литературы)
Людмила Захарова (главный бухгалтер)
Андрей Колесников (раздел «социум»)
Алла Язькова (международная политика)
Андрей Медушевский (история)
Владимир Кантор (философия)
Юлия Баклакова (корректор)
Григорий Ярошенко (фотопроекты)
Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London)
Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Александр Гладков, Николай Головнин, Александр Петров, Сергей Приходько, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Париж), Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке и в сотрудничестве с Фондом Егора Гайдара; при участии Института экономической политики (Институт Гайдара), Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ № 37

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

- © «Вестник Европы» XXXVII, 2013 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Заказ Отпечатано в ППП «Типография "Наука"». 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXXVII

год 2013

ГОСТЬ НОМЕРА — СЛОВЕНИЯ

5 От редакции

фонд гайдара в словении

8 Россия и Словения. Егор Гайдар. Двадцать лет спустя. *Обзор круглого стола*

13 Из редакционной хроники

16 Русская часовня на перевале Вршич

22 **Д.Г. Завгаев**, посол Российской Федерации в Республике Словения. Россия и Словения — перспективы наращивания взаимовыгодного партнерства

словенские встречи

В беседе с гл. редактором журнала Виктором Ярошенко (переводчик Александр Садыков):

26 **Янко Вебер**, председатель Государственного собрания Республики Словения. Жить по средствам

32 **Карл Эрьявец**, министр иностранных дел республики Словения. Вернуть доверие к европейским ценностям

40 **Данило Тюрк**, профессор, экс-президент Словении. Стратегические интересы Европы и России совпадают

2

46 **Данило Тюрк**. Отрывки из книги «Основы международного права»

54 **Примож Шелиго**, посол Республики Словения в Российской Федерации. Приветствие

58 **Макс Тайникар**, профессор. Гайдар на Словенском

самоидентификация

60 **Антон Бемлер**, профессор. Южная Европа и европейская безопасность

70 **Йоже Менцингер**, профессор. Без иллюзий, или Словения между сломом социализма и кризисом капитализма

90 **Игор Грдина**. Миф «великого скачка» и реальность пристроек

98 **Давид Крашовец**. Маленький принц и история Словении

ЛИТЕРАТУРА

словенская проза и поэзия

107 **Витомил Зупан**. Левитан. Роман, а может, и нет. *Отрывки. Перевод со словенского*

Юлии Созиной, стихотворный перевод — Наталии Шведовой

118 **Макс Кубо**. Открытое письмо Богу. *Перевод Надежды Стариковой*

123 **Мойца Кумердей**. Ливер. *Перевод Татьяны Жаровой*

129 **Андрей Блатник**. Тридцать лет. *Перевод Юлии Созиной*

130 **Миха Ремец**. Жар-птица. *Перевод Юлии Созиной*

135 **Миха Маццини**. Дух. *Перевод Юлии Созиной*

137 **Драго Янчар**. Соблазнитель. *Перевод Надежды Стариковой*

142 **Мая Новак**. Трактир на улице Васе Мискина. *Перевод Евгении Шатко*

146 **Яни Вирк**. Автор ищет автора. *Перевод Юлии Созиной*

148 **Словенская поэзия**. *Переводы Жанны Перковской*

156 **Светлана Макарович**. Проклятые курьезы. *Перевод Жанны Перковской*

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО СЛОВЕНИИ

175 Летчик. *Интервью ВЕ с Матевжем Ленарчиком*

177 **Матевж Ленарчич**. Земля и небо. Полеты вокруг земного шара

196 **Алойзия Зупан Сосич**. «Новая эмоциональность» словенской литературы

204 **Криштоф Яцек Козак**. «Текущая современность» словенской драматургии

216 **Петя Графенауэр**. Изобразительное в современном словенском пространстве

224 **Ада Филип-Сливник**, бывший посол Словении в России. *Прощальное интервью*

230 **Александра Красовец**. Понаехали тут, или Чефуры вон! Словенские реалии мультикультурного сожительства

238 **Л.А. Кирилина**. Российский центр науки и культуры в Любляне

241 Русский след. (По материалам РЦНК)

письма русского путешественника

244 **Татьяна Щербина**. Путь в Словению и обратно

artes

248 **Александр Тягны-Рядно**. Фотопутешествие по Словении

© Фото В. Ярошенко. Любляна, центр

От редактора

СЛОВЕНСКИЙ НОМЕР

Мы представляем нашим читателям специальный выпуск журнала — номер, посвященный республике Словения.

Для нас это эксперимент. Если получится этот, попробуем сделать и другие. Никогда прежде наша редакция не выпускала таких номеров, трудное и хлопотливое это дело, и не всегда выполнимое.

Однако — **почему все-таки Словения?**

Этот наш номер мы готовили в содружестве с Фондом Егора Гайдара, его председателем Б.И. Минцем, Библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино и ее гендиректором Е.Ю. Гениевой, чьей инициативе и обязан этот наш проект.

«Почему Фонд Гайдара, — может задать вопрос наш читатель, — заинтересовался именно маленькой Словенией, затерявшийся в предгорьях Альп?»

Гайдар и Словения

Дело в том, что наш покойный друг Егор Гайдар очень любил Словению. Так сложилось, что детство свое он провел в Югославии. Он хорошо знал язык, который тогда еще назывался «сербско-хорватский», читал и по-словенски, у него там с детства были друзья — собственные и родительские: отца Тимура Аркадьевича Гайдара и матери Ариадны Павловны Бажовой, ученого-историка, специализировавшейся на югославско-российских отношениях в XIX веке.

Егор Гайдар писал о своем югославском детстве в книге «Дни поражений и побед»:

«В 66-м вместе с отцом и мамой уезжаем в Югославию. Отца назначают туда корреспондентом «Правды». Поразительно интересное по тем временам место. Югославия — единственная страна с социалистической рыночной экономикой. В 65-м здесь существенно демократизирован политический режим, идут экономические реформы, вводится рабочее самоуправление. Страна поражает невиданным

по советским масштабам богатством магазинов, открытостью общественных дискуссии, публичным обсуждением проблем, которое совершенно немыслимо у нас... В советской школе, где я учусь, ребята из Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Кубы, Монголии. Настоящий интернациональный детский клуб, где мы живо интересуемся делами друг друга, тем, что происходит в наших странах. Впервые начинаю внимательно следить за экономическими новостями, вникать в те проблемы, с которыми столкнулись югославские реформы. <...> Есть такой феномен — юношеская гиперпамять. Это необычно развитая память в юношеском возрасте. <...> Я довольно быстро заметил, что мне не составляет труда запомнить содержание просмотренного статистического ежегодника Югославии или случайно попавшегося учебника. На редкость удобное свойство для учебы в школе и институте. Потом, когда к двадцати годам эта способность начинает ослабевать, чувствуешь

себя как без рук, будто в компьютере отказала оперативная память.

Отец, которому по наследству от деда досталась некоторая финансовая безалаберность, всегда тяготился отчетностью и бухгалтерией. Заметив, как легко мне дается все, что связано с цифрами, он повесил на меня, десятилетнего мальчишку, составление ежемесячного финансового отчета корпорации. Не исключено, что и это повлияло в какой-то степени на мой выбор будущей профессии».

Позднее уже признанный в Европе экономист-реформатор Егор Гайдар много раз бывал в Словении, профессионально и глубоко интересовался подробностями, как тогда казалось, самого благополучного

перехода от социализма к капитализму, ее опытом интеграции в Европейском сообществе.

Когда начались бомбежки НАТО, Гайдар с друзьями летал в Белград, обращался к мировому сообществу, встречался в Ватикане с Папой Иоанном Павлом II в стремлении прекратить вооруженное вмешательство и противостояние.

Делегация Фонда Гайдара прилетела в Люблян в составе: Борис Минц, Петр Гайдар, Ирина Буйлова, Екатерина Гениева, Яков Уринсон, Андрей Нечаев, Виктор Ярошенко, сотрудницы Фонда Маргарита Геворкян, Елена Епифанцева и Библиотеки иностранной литературы — Людмила Скачкова и Юлия Созина.

В Люблянском университете мы с большим интересом участвовали в круглом столе «Егор Гайдар. Словения и Россия — экономические реформы двадцать лет спустя», открывали памятную доску о пребывании Егора Гайдара в замке Оточец и «мемориальный уголок» Гайдара в Центральной экономической библиотеке Люблянского университета. Тогда, год назад, был подписан протокол об издании на словенском языке одной из главных книг Гайдара — «Гибель империи». Тогда же мы приняли решение о вы-

пуске словенского номера, с тем чтобы понять и проанализировать проблемы и достижения этой самой западной славянской страны. При всем различии наших путей за эти двадцать лет, мы увидели много общего.

Прошел год, мы приветствуем выход в Словении книги Егора Гайдара, мы представляем наш номер и книгу «Основы международного права» профессора Данило Тюрка, бывшего еще год назад президентом Словении, только что вышедшей в Москве на русском языке в «Центре книги Рудомино» при ВГБИЛ.

В прошлом году мы вручали нашу Карамзинскую медаль «AD NUNTIUS EUROPAE» («Вестнику Европы») общественному деятелю Саше Славецу за ту огромную роль, которую он и его семья сыграли в деле сохранения главного памятника словенско-русской дружбы — мемориальной часовни на месте гибели российских военнопленных Первой мировой войны на перевале Вршич.

В Российском центре науки и культуры благодаря гостеприимству его директора Рифата Кадыровича Патеева, при большом стечении культурной и политической общественности, мы провели презентацию журнала «Вестник Европы», подарили комплект журнала национальной библиотеке Словении.

В свой третий приезд в Люблян, уже летом текущего года, мы провели ряд встреч и интервью, публикуемых в этом номере.

С подачи Юлии Созиной мы познакомились с замечательным переводчиком и деятельным организатором российско-словенских контактов Александром Садыковым, долгие годы живущим в Словении. Благодаря его усилиям (и связям) мы получили возможность встречаться с видными политиками, учеными, деятелями культуры. Его переводы публикуются в этом

П. Гайдар

номере журнала. Жизнь связывает в единый сюжет совершенно разные события и незнакомых людей. Александр рассказал о том как, будучи юным советским студентом, направленным по обмену в Югославию (была и такая редкая опция, выпадавшая тогда немногим), познакомился с корреспондентом «Правды» в Белграде Тимуром Гайдаром. Советские студенты в Югославии тогда были такой экзотикой, что Тимур Аркадиевич пригласил его к себе домой, собственноручно вписав адрес в блокнот (Саша показал этот старый блокнот), и принимала его Ариадна Павловна Бажова, жена Тимура Гайдара, занимавшаяся историей отношений России и Южных славян. Запомнился Садыкову и умный мальчик Егор, принимавший участие в беседе отца со студентами... Такие вот бывают

Б. Минц

пересечения судьбы. В 1968 году нескольких первокурсников Университета Дружбы народов отобрали для обучения — по обмену — в Югославию. Но 21 августа 1968 года последовало советское вторжение в Чехословакию. Югославия его резко осудила, и отношения с СССР очень напряглись. Студенты, было, «зависли», но, в конце концов, обмен состоялся. Сашу Садыкова направили в Люблян, которая тогда показалась ему ужасно провинциальной, он мечтал о столичном Белграде, просил перевести себя, но его уговаривали потерпеть... Он притерпелся, да так, что остался в Любляне, здесь полюбил, женился, завел детей, и теперь стал очень заметным человеком в сфере словенско-русских культурных и деловых связей. Он знает всех, его знают все... Спасибо ему.

© Текст: Виктор Ярошенко

Особая благодарность и Рифату Кадыровичу Патееву, директору дома российской науки и культуры в Любляне. Этот пламенный энтузиаст делает чудеса в своем замечательном Центре, расположенном на главной площади словенской столицы, напротив городской ратуши. Нескончаемый конвейер выставок — живописи, графики, фотографий, документов, — концерты, с любовью собираемая библиотека, встречи, мастер-классы, курсы русского языка, фестивали, конкурсы — все это проводит небольшая команда центра под руководством его вездесущего директора. Русский культурный Центр стал очень заметным фактором культурной жизни словенской столицы (чего не скажешь о многих других, расположенных в куда более блестящих городах мира).

В общем, сообщаем читателям, что Фонд Гайдара, Библиотека иностранной литературы и «Вестник Европы» подружились со Словенией и намерены продолжать наше приятное сотрудничество с очень славной, доброжелательной, красивой славянской страной и впредь.

Благодарности:

Редакция выражает благодарность за помощь в создании этого номера Посольству Словении в России и лично бывшему послу Аде Филип-Сливник; министру иностранных дел Словении Карлу Эрьявцу; председателю Парламента Янко Веберу; Посольству России в Словении и лично послу Доку Гапуровичу Заваеву; бывшему президенту Словении Данило Тюрку; депутату Европарламента, первому премьер-министру независимой Словении Алойзу Петерле; директору Российского центра науки и культуры в Словении Рифату Кадыровичу Патееву; профессорам Йоже Менцингеру, Антону Беблеру, Андрею Розману, Душану Мрамору, Максу Тайникару, Богомиру Ковачу; господину Саше Славецу; писателю и недавнему директору Государственного агентства книги РС Славко Преглу; директору издательства «Дидакта» Руди Заману.

Особая благодарность Юлии Созиной, организатору, переводчику и редактору-составителю этого номера.

Екатерина Гениева,
Борис Минц,
Виктор Ярошенко

■□■

РОССИЯ И СЛОВЕНИЯ. ЕГОР ГАЙДАР. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ

Обзор круглого стола

В экономике главный критерий — эффективность. Парето сформулировал несколько принципов эффективной экономики.

«Первый принцип — распределение товаров между потребителями; чтобы все товары были распределены правильно. Таково государство с плановой экономикой.

Мы в Югославии пытались добиться справедливости и эффективности с помощью рабочего самоуправления

предприятиями. Не получилось. Плановая экономика не способна быть эффективной. В понятие эффективности входит и минимизация расходов, а планово-распределительная экономика не может этого добиться, она расточительна. Я жил и работал в период, когда у нас надеялись на самоуправление предприятий. Я увидел неэффективность самоуправляющихся предприятий. Там было много проблем. Можно ли добиться максимизации прибыли при самоуправлении рабочих? Какой оптимальный размер предприятия? Есть ли у него интерес к росту? Вообще, есть ли у экономики, построенной на этом принципе, стимул роста? О социалистических предприятиях говорили: это черная дыра».

Вообще, круглый стол получился уникальный; столько в нем участвовало крупнейших экспертов, реформаторов, людей, реально проводивших реформы в своих странах.

Андрей Нечаев, министр экономики гайдаровского правительства, и **Яков Уринсон**, министр экономики и вице-премьер в правительстве В.С. Черномырдина, **Алойз Петерле**, первый премьер

Круглый стол вел профессор Люблянского университета Макс Тайникар (с 1993 по 1996 год министр экономики Словении). Открывая конференцию, он пошутил, что «все мы тут министры», и в этом была лишь доля шутки, поскольку в зале сидели многие бывшие российские и словенские министры-реформаторы. Он сказал «несколько слов о транзите» — переходе из социализма в рыночную экономику, капитализм. Улыбаясь, он сказал: «Все мы внесли вклад в социализм и вернулись в капитализм. Мы сделали лишь вылазку, — нам не удалось создать устойчивую систему справедливого и эффективного общества».

независимой Словении. Профессор **Богомир Ковач** вспомнил Толстого, де «все счастливые семьи счастливы одинаково», и продолжал: «Но мы ведь все не так уж счастливы. История транзита — перехода от социализма многих государств ставит вопрос: сможем ли мы сформировать новую систему взглядов и ценностей; чему мы научились за

двадцать лет, каковы были главные ошибки, какие из них были определены судьбой, какие — системой, какие — случайностью? В чем заключается проблема? В России социализм начался в 1917 году. Югославия вошла в социализм после Второй мировой войны. Мы начинали реформы почти одновременно, но с разных отрезков дистанции. Начало реформ показывает разделительную черту — то, что нас разделяло. Мы в 90-м году решили идти в Европейский Союз, в мировую экономическую систему. Ключевым моментом перехода из социализма было то, что ни социализм, ни капитализм не были одноцветны. Система Югославии сильно отличалась от системы СССР. Мы искали оптимальную систему; моделей в мире очень много. Нужно было не руководствоваться абстракциями и не пребывать в радужном заблуждении своей неверной позиции. Два транзитных перехода: драматический распад Югославии и распад СССР, произошедший в относительно мягкой форме. Но он оказался и наиболее неопределенным и проблематичным, с точки зрения дальнейшего развития. Остальные государства гораздо легче отказались от социализма.

Россия Путина последние десять лет с политической точки зрения идет по китайскому пути (во всяком случае, с оглядкой на него). Есть такой подход, что социализм в XX столетии был случайностью, отклонением развития, а капитализм — результат неуклонного последовательного развития, воли и интеграции ценностей ... Система ценностей была недооценена; идея Единой Европы развивалась постепенно. Мы ошиблись в самом начале, мы не прониклись ценностями Единой Европы. Произошла некоторая недооценка моральной стороны переходного периода; мы не занимались ценностями. Впрочем, это крайне медленно меняющийся фактор. Мы говорили об универсализме рынка, но мир не состоит целиком из рыночных отношений. Рынка нет в семье, в любви, в дружбе, в патриотизме, в альтруизме... У нас было два пути. Горбачев, а еще больше Ельцин пошли по пути быстрых реформ; мы же пошли по пути Хайека, по пути постепенных реформ... Европа занялась сама собой и не интересовалась Россией. Россия не желала быть слишком связанной с Европой, но проявляла интерес, вначале очень активный, к развитию отношений. Европе удалось быстро изменить экономику и институты многих восточноевропейских государств, но Россией и постсоветским пространством она не занималась и не могла заниматься, поглощенная собственным расширением и трансформациями внутри.

Чему мы можем научиться из этого опыта? Где были наибольшие ошибки?

Мы слишком многое поставили на экономику и недооценили значение политики и ценностей — и оказались в трудной ситуации. Почему Словении удалось добиться успехов, о которых заговорили? У нас был «консенсус элит», все они хотели идти в Европу. Но у нас было коалиционное правительство, и в приватизации мы потеряли вожжи. Регулировать банковскую систему стало невозможно. Происходила олигархизация экономики и общества. Из новых членов ЕС мы считались одним из самых успешных государств. Но мы недооценили важность управления приватизированными предприятиями.

Марк Тайникер сказал: «Все мы здесь присутствующие, были министрами, поэтому надеюсь, что меня поймут. Если бы я был диктатор Словении, я бы сразу определил приоритеты, но в демократическом обществе процесс согласия достигается медленно, годами. Экономика нуждается в том, чтобы перед ней была проделана политическая работа.

Очень многое, необходимое обществу, рынком не учитывается и не обслуживается: культура, образование, социальная помощь, медицина, наука... Замены государству нет. Социальная система не была и не могла быть эффективной. Но политика не экономика, она определяет порядок и очередь приоритетов. Даже самые либеральные экономисты признают, что государство должно выполнять свои функции...»

Профессор **Йоже Менцингер** описал ситуацию, сложившуюся в словенской экономике (его статью, специально написанную для нашего журнала, мы печатаем в этом номере).

Андрей Нечаев, министр экономики в гайдаровском правительстве, бывавший в Словении вместе с Гайдаром, тоже говорил об устойчивых мифах, сложившихся вокруг российских реформ и не позволяющих реалистично оценить их. Первый миф: что Гайдар и его команда развалили советскую экономику, великую экономику великой державы. Но она развалилась сама, полностью — экономика, финансовая, политическая и государственная система. Второй миф, бытующий и сейчас в политических кругах многих стран: будто бы реформы можно проводить мягко, а общество можно убедить их поддерживать. Что существует политика, подготавливающая реформы — это тоже миф; реформы проводят тогда, когда уже невозможно их не проводить, и жизнь общества далеко не сразу становится лучше, а может и не стать лучше для больших социальных групп.

Борьба с парламентом принципиально отличает российские реформы от восточноевропейских. Вам прощали ошибки, нам не прощают до сих пор ничего — ни ошибок, ни достижений. Россию отличало и отличает отсутствие консенсуса элит, глубокий раскол в обществе.

Приватизация началась значительно раньше, чем пришло правительство Ельцина–Гайдара. Это была не приватизация, а расхищение государственной собственности управленцами.

Яков Уринсон, заместитель председателя правительства, министр экономики России (1997–1998 гг.), говорил об уроках гайдаровских реформ и о сегодняшних проблемах и задачах России. (См. его статью «Снова дует ветер перемен» в очередном, 38-м номере журнала).

Яков Уринсон сказал, что анализируя ход и содержание экономических реформ в России в 1992–1993 гг., следует учитывать, что они осуществлялись в экстремальных условиях. Время на подготовку к плавной экономической реформе было упущено. Конечно, было бы, например, хорошо до либерализации цен в январе 1992 г. накопить ресурсы для интервенций на товарных рынках, чтобы смягчить неизбежный ценовой шок. Но о каком накоплении ресурсов могла идти речь, если крупным городам страны реально грозил голод? Золотовалютные резервы страны на конец 1991 г. составляли лишь 65 млн долларов, внешний государственный долг был 81 млрд долларов, внутренний — около 16,5. Новых займов ни одна страна не давала.

А в это время правительство Ельцина–Гайдара должно было ни много ни мало построить основы новой демократической России.

Приведем цитату из статьи **Якова Уринсона** для «Вестника Европы», написанной на основе этого доклада для следующего тома журнала: «Родившееся в муках на месте Советской республики, демократическое государство в первые годы своего существования было недостаточно отстроеным. Его институты во многом формировались второпях и на ощупь... Сегодня приходится констатировать, что в 1991–1993 годах основные силы реформаторы сконцентрировали на экономике. Столь же глубоко и настойчиво включиться в преобразование других сторон государственной системы, на мой взгляд, не удалось. С первого дня не меньше, чем экономикой, следовало заниматься реформой судебной власти и правоохранительной системы.

Надо было лучше отслеживать реальные интересы вновь нарождающихся социальных групп населения и поддерживать формирование различных партий и движений. Надо было создавать и укреплять местное самоуправление, механизмы федеративной парламентской республики и институты гражданского общества.

За свои просчеты мы заплатились трагическими событиями октября 1993 года, реальной угрозой реставрации коммунистического режима во второй половине 1990-х годов и отклонениями от магистральной линии демократического развития в 2000-е годы...» ■□■

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ХРОНИКИ

Делегация Фонда Гайдара встречалась с профессорами экономического факультета. Словения маленькая страна, тем больше было наше удивление, когда мы узнали, что в Люблянском университете учатся больше пятидесяти тысяч студентов на 26 факультетах, от естественно-научных до художественных. На всех факультетах есть магистратура и докторантура; сюда принимают и иностранных студентов. Пять тысяч человек учатся на экономическом. Изучают макро- и микроэкономику, математику и информатику, экономику знаний и экономику социальной сферы, менеджмент в бизнесе, промышленности, туризме, спорте, медицине, образовании. Изучают финансы, маркетинг и многое другое: деловое администрирование, логику, международное право и европейское законодательство. Особое внимание уделяется экологизации экономики, новым подходам к энергетике и инновационным технологиям.

Преподаватели, уровень подготовки и дипломы университета соответствуют стандартам ЕС, являются международно признанными и ценятся во всей Европе. Преподавание ведется на словенском и (или) английском языках. Интенсивный обмен лекторами, студентами и исследователями связывает университет со многими ведущими университетами мира. Охотно принимают иностранных студентов, учатся здесь и ребята из России. Но пока таких мало.

Стране вряд ли нужно такое количество экономистов, но здесь считают, что это образование может быть полезно и в бизнесе, и в политике, и в фермерском хозяйстве, и на государственной службе. Здесь учатся не по государственному, кем-то составленному плану, а потому, что хотят учиться именно этому. Факультет активно сотрудничает

сильны в программировании, работе по созданию искусственного интеллекта, в химии, фармацевтике, создании новых материалов, в альтернативной энергетике, медицинских технологиях. Словения и в Югославии была ведущим научным и промышленным регионом, за последние годы она сильно продвинулась.

с бизнесом, словенским и европейским, принимает участие в научных и образовательных программах ЕС, в соответствии с концепцией «тройной спирали»: университет–бизнес–власть.

Здесь стремятся использовать территориальный фактор, близость к Северной Италии, Австрии, Швейцарии, Франции для включения Словении в создающийся международный интегрированный инновационный кластер, похожий на тот, который возникает в Северной Европе. Университет в этой работе на ведущей роли. Словенские ученые

Делегация Фонда Гайдара и руководители экономического факультета обсуждали возможность сотрудничества по ряду программ, а также возможность содействия обмену студентами, исследователями и преподавателями, стажировкам преподавателей российских провинциальных вузов в Люблянском университете, и наоборот. В Словении после периода некоторого охлаждения намечается рост интереса к России как в обществе, так и в бизнес-кругах; это немедленно почувствовали и студенты, которые вполне прагматично интересу-

ются реальной российской экономикой, налоговым законодательством, спецификой работы бизнеса в России. В Европе кризис, Словения слишком мала, чтобы многие из этого молодого поколения смогли сделать здесь карьеру; российский рынок, в том числе трудовых высококвалифицированных вакансий, начинает представлять интерес. Здесь, говорили нам, заинтересованы в обмене преподавателями из лучших российских вузов.

Председатель правления Фонда Егора Гайдара **Борис Минц**, выступая на дискуссии, сказал, что Фонд будет искать в России партнеров и спонсоров для совместной деятельности.

Семь тысяч студентов учатся на философском факультете. Здесь работают 700 сотрудников, из них — 400 преподавателей. 47 программ первого уровня; 67 — второго. На философском факультете 21 отделение. Для нас это непривычно. В огромной России резко сокращают набор на гуманитарные специальности, особенно по философии, классической филологии, истории. А в Люблянском университете, напротив, растет набор по философии, культурологии, классической, восточной, китайской. На экономическом факультете открылся конфуцианский центр, поддерживаемый КНР.

Русскому языку в университете обучаются 180 студентов, рассказал нам профессор **Андрей Розман**. В стране сохранились и средние школы, где изучают русский. (Интересно, что в Армении, где мы недавно были с делегацией Фонда Гайдара, таких школ уже нет.) Хотя Российско-армянский (славянский) университет есть. Но об этом в другом месте.

Старые преподаватели знают русский, среди молодых это уже редкость. «Мы хотели бы, чтобы преподаватели знали русский язык, следили за вашей научной литературой, общественной жизнью России, — говорил нам профессор А. Розман. — Для этого нужна и заинтересованная помощь с русской стороны».

Делегация фонда Гайдара в библиотеке экономического факультета

Здесь явно не считают главной целью образования — «удовлетворить потребность в квалифицированных кадрах». Образование здесь по-социалистически бесплатное, но по-капиталистически свободное: учишься, чему хочешь. Здесь, говорили нам, университетское образование (особенно бакалавриат) рассматривают как необходимый базовый, практически всеобщий минимум для вхождения молодого человека в современное европейское высокотехнологическое информационное общество. Имеется в виду, что первоначальное образование научит его получать дальнейшие необходимые ему знания и навыки, постоянно, раз в несколько лет переучиваться и даже менять область деятельности и профессию. «Словения маленькая страна, — говорили нам, — она должна гибко реагировать на изменения в Европе и мире, мы должны готовить людей, способных к инновациям и готовых к переменам». ■□■

Профессор Андрей Розман

РУССКАЯ ЧАСОВНЯ НА ПЕРЕВАЛЕ ВРШИЧ

...Ехали мы долго, пару часов, через всю страну, с юга на север, к Альпам, хотя как можно долго ехать по маленькой стране? За зеркальными окнами роскошного автобуса проплывали изумрудные долины; как исполинские стены, на заднике пейзажа возносились поросшие темным хвойным лесом горные цепи, по ним, говорят, так же как и у нас на Камчатке, вольно ходят медведи и доходят до самой Баварии, наводя там панику (в газетах); черепичные крыши обочь дороги, то там то здесь над ними торчали белые свечи колоколен с лихими кардинальскими шапочками, крыши соборов, мелькали просторные сараи, навесы для сена из длинных сосновых жердин под потемневшими двускатными крышами, стада упитанных гладких коров, хорошая дорога, убаюкивающий ход машины... Страна «типа рая», как сказал один мой попутчик. Похоже на Швейцарию, а еще больше на Австрию, но победнее; там все обстоятельнее — и дороги, и их обустройство из камня и бетона, и дома, и мосты. Горы, наконец, оказались совсем близко и сомкнулись над головою хвойными лапами: мы въехали в узкую долину, и дорога, петляя и сужаясь, пошла вверх. Первый поворот, второй, третий, пятый... Солнце замелькало меж частых стволов, автобус проскочил свой поворот и медленно, неуклюже стал разворачиваться на узкой горной дороге. Наконец приехали. Перед нами, на крутом склоне выше нас, — к ней надо было подниматься по бревенчатым ступенькам, — стояла двухбашенная часовенка. Деревянная, обшитая лиственничными пластинами, как многие дома здесь, с полукруглыми торцами, похожая на миниатюрную копию здешних двухбашенных католических соборов, восходящих еще к романскому стилю, но с такими русскими луковками куполов, покрытых лиственничным гонтом...

Знаменитая, единственная в Словении, да и во всей Европе Русская часовня на перевале Вршич, под горой Присойник, что круглый год красуется своей белоснежной шапкой над королевством Златорога. Сказочный Олень — Золотые рога обитает именно здесь, в этих местах, и не было охотника, который не мечтал бы его, бессмертного, подстрелить...

Егор любил бывать здесь, приезжал один и с семьей, и поэтому нас, делегацию Фонда Егора Гайдара, привез сюда знаменитый в этих краях Саша Славец.

А с ним (и с нами) были Саша Иван Грежина, первый посол Словении в России, неугомонный председатель общества «Словения–Россия», и Алоиз Петерле, депутат Европарламента, профессор-экономист, первый премьер свободной Словении и друг Егора Гайдара. Саша Славец, неожиданно легкий, несмотря

на свои восемьдесят три года, показывал часовню, по-хозяйски открывая своим ключом ее застекленные двери. Скромный алтарь, иконостас. Порядок идеальный, а ведь сторожей нет. Но и людей из племени вандалов — тоже нет. Саша смахнул невидимую пыль, протер иконы. По-хозяйски — понятное дело — его стараниями (а до него — его отца, а после него — его детей) и сохраняется в пронзительной красоте и тишине гор этот алтарь русской веры и русской памяти.

Андрей Нечаев, бывавший здесь лет пятнадцать назад с Егором Гайдаром и сейчас приехавший снова, рассказывал, что гонял тогда Славец за рулем по этим узким дорогам так, что дух захватывало. В 1992 го-

ду — году правительства Гайдара — он, Славец, и посол Саша Грежина сделали эту часовню местом русско-словенской встречи. Кто только не побывал здесь с тех пор, в златогорских горах, после Гайдара за эти годы! Список этих людей занял бы целый том... Сюда, на эту гору, подымались и первые официальные лица России (и других европейских) стран, премьеры, президенты, высокие духовные иерархи католической и Русской Православной церкви, простые русские батюшки, монахи и монахини, министры, генералы, поэты и прозаики, художники, бизнесмены, туристы, школьники...

Место это особенное уже своей географической обусловленностью; перевал Вршич, находящийся в центральном массиве Юлийских Альп, разделяет реки Савы и Сочу меж Адриатическим и Черным морями.

О том, как и почему оказалась здесь, в глубине южных Альп, Русская часовня, рассказывали нам наши хозяева — Саша Славец и Саша Иван Грежина, а также подаренные ими книги, прежде всего обстоятельная, прекрасно изданная книга «Ruska kapelica pod

Vrsicem» /«Русская часовня под перевалом Вршич» (Любляна, 2006 г.).

В будущем году человечество будет отмечать столетие начала Первой мировой войны, «Великой войны», как ее называют в Европе. Эта война навсегда изменила лицо, историю и душу мира. В ее огне исчезли империи — Германская, Австро-Венгерская, Османская и Российская. Война принесла неисчислимые потери, неслыханные грабежи, гибель многих миллионов людей, непредставимые прежде зверства, вроде массированных бомбардировок с воздуха, газовых атак и обстрелов мирных городов тяжелыми артиллерийскими орудиями. Никогда прежде войны не носили такого *расчеловеченного* характера, никогда не были столь

Русские военнопленные. Фото 1915 г.

тотальными, затрагивавшими едва ли не все население планеты.

Затерянная в Альпийских горах австро-венгерская провинция, — казалось, самое тихое место в Европе, — стала одним из самых кровопролитных фронтов, линией противостояния, где погибли сотни тысяч людей. Здесь австро-венгерская армия сражалась против Италии, перешедшей на сторону Антанты и 23 мая 1915 года объявившей войну Австро-Венгрии и Германии.

Об этом в книге «Русская часовня под перевалом Вршич» (далее «Русская часовня...»): пишет д-р Звонка Зупанич-Славец «Итальянцы планировали совершить быстрый прорыв к Любляне и Вене через Люблянские ворота... Австро-Венгрия решила укрепить оборону на фронтовой линии, по реке Соча. Такое решение защитило большую часть словенских территорий от полного разорения, а местных жителей — от выселения». Итальянское наступление было, однако, остановлено, началась изматывающая окопная война

в горах. В 10-й австро-венгерской армии сражались словенские и боснийские части. На «сошском фронте» погибло около десяти тысяч словенцев, а всего в этих малоизвестных битвах — больше миллиона человек с обеих сторон. В романе «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэй описывал обреченность людей, втянутых в это военное безумие. Словенцы сражались с итальянцами за свои земли в рядах австро-венгерской армии. А русские? Как здесь оказались русские?

Звонка Зупанич-Славец поясняет: «Австрийские соединения с августа 1914 года сражались с русскими в Польше, в Галиции, Карпатах и в Буковине. В некоторых успешных сражениях они захватили большое количество русских и румынских военнопленных. По официальным данным, их общее количество насчитывало 1 268 999 человек» (с. 72). И далее: «С территории военных действий их увозили в тыл, где концентрировали в лагерях... После объявления войны Италией Словения — прежде глубокий тыл — оказалась прифронтовой зоной. В 1915 году в район Краньской Горы было привезено до 12000 военнопленных, главным образом русских». (Русскими называли всех солдат русской армии.) Дорог в горах для снабжения действующей армии не хватало, и австрийское командование срочно приступило к строительству новых дорог — шоссейных и железных. Было принято решение построить дорогу через перевал Вршич, от Краньской Горы до долины реки Сочи, куда вела только горная тропа. Уже осенью 1914 года начались работы. В июне 1915-го привезли больше пяти тысяч русских военнопленных, потом еще — «как минимум в два раза больше». «Главным занятием военнопленных на словенских территориях во время войны стало строительство дороги на Вршич... Точной статистики по количеству русских военнопленных, попавших в Словению и умерших здесь, вероятно, никогда уже не удастся получить» (с. 80). «Жили они в больших, плохо отапливаемых бараках, кормили их плохо, при том, что они ежедневно с утра до ночи, были заняты на тяжелых физических работах...» Объективности ради автор пишет: «...читая о суровом обращении с военнопленными, о тяжелом непосильном труде их, не будем забывать, что австрийское командование очень торопилось ввиду приближающейся зимы». «...в нечеловеческих усилиях и муках к октябрю 1915 года [русские пленные] закончили строительство 30-километровой дороги, ведущей на фронт» (с. 82)... За эту дорогу они платили своей жизнью, по этой дороге все новые и новые солдаты шли на фронт, а чаще всего — на смерть».

В боях на реке Соче погибли больше 100 тысяч итальянских и австро-венгерских солдат, среди которых десятки тысяч словенцев, воевавших по обе стороны фронта. Здесь, в этих горах, зимой были часты лавины. Австрийцы, зная это, строили противолавинные щиты. В 1915 году снега было очень мало, старики говорили, что такой малоснежной зимы они не помнили десятки лет. Снегопады начались лишь в первых числах марта. Военнопленные измучились, расчищая дорогу. «В среду, на первой неделе Великого поста 1916 года, внезапно сорвалась огромная лавина, тысячи тонн мокрого, тяжелого снега обрушились на противолавинные щиты, похоронив под собою всех обитателей бараков — рабочих Северного лагеря. Погибли сотни людей, среди них — сорок австрийцев, остальные — русские».

Военнопленных хоронили где придется, на разных кладбищах, большинство — в братской могиле, там, где теперь стоит Русская часовня. По церковным данным, собранным после погребения, насчитывалось 272 жертвы.

Как же возникла часовня? Каких-либо подробных свидетельств о ее строительстве не сохранилось. Звонка Зупанич-Славец пишет: «По добровольному решению русских военнопленных, родившемуся из сочувствия к ближнему и уважения к традиции, у дороги, на месте, где стоял больничный барак, была построена православная часовня с русскими луковичами куполов... В тяжелейших жизненных испытаниях, в которых проявляется истинная человечность, это было возведение храма надежды. Эта часовня — печальный памятник бессмысленности войны. Сразу после строительства военнопленные, австрийские военные и местные строители сфотографировались на память. Эта фотография известна всем в Словении. Она свидетельствует о неунничтожимом внутреннем единстве людей больше, чем все слова.

Такова история Русской часовни.

Но есть еще история ее сохранения и ее становления — как символа страданий и места упокоения. Как всегда бывает, чаще всего значительные последствия вырастают из начинаний, упорства, не вполне даже понятных чувств, но ощутимых дел конкретных людей. И здесь, вполне необычным образом, возникает имя семьи Славец. Об этом нам рассказал сам Саша Славец.

В тридцатых годах его отец, строитель Йосип Славец, и его фирма «Славец из Краня», получил подряд на участие в реконструкции этой многострадальной дороги, пришедшей в полный упадок. Строителям то и дело попадались многочисленные могилы и человеческие останки... Их бережно собрали и перезахорони-

ли у Русской часовни. Там же Йосип Славец поставил пирамидку в память о погибших русских солдатах — она сохранилась и до сих пор. Постепенно русские эмигранты, живущие в Словении, другие православные люди стали приезжать к этой часовне, а в день Святого Владимира, в последнее воскресенье июля, здесь стали проводить молебны...

Социалистические власти не слишком приветствовали это, но и особенно не вмешивались. Йосип Славец, покоренный красотой этих мест, вблизи Русской часовни, над девятым поворотом дороги на Вршич, построил большой дом. Семья Славец в их знаменитом на всю округу доме все эти годы принимала гостей, сохраняла часовню.

Йосип Славец скончался в 1978 году. Его сын Саша продолжил отцовское послушание, а затем и его внук Алеша, его жена Звонка (инициатор фундаментальной книги «Русская часовня»), не оставляют попечением затерянный в горах маленький храм. После землетрясения 1998 года часовня покосилась и осела, подгнили старые бревна опор. Саша Славец и общество «Словения — Россия» убедили Министерство культуры заняться серьезной реставрацией часовни, которая была проведена в 2005-06 годах.

«Потомки Йосепа Славеца вот уже 70 лет считают своим моральным долгом заботиться о последнем пристанище своих славянских братьев», — пишет д-р Звонка Зупанич-Славец. В Словении три тысячи церквей, из них только четыре — православные. Часовня на Вршиче — самая маленькая и самая известная из них. Сегодня это совершенно особенное место — не только своей историей, но и сложившейся ролью в христианском межконфессиональном диалоге. Здесь бывали католический кардинал Томаш Шпидлик, нунций папы римского в Любляне д-р Эдмонд Фархат, архиепископ и митрополит д-р Франц Роде, архиепископ и митрополит Люблянский д-р Алоизий Шуштар, тогда еще митрополит Кирилл, митрополит Филарет, митрополит Герман, митрополит Тихон, совсем недавно — митрополит Иларион, православные архиепископы и епископы и католические клирики, священники, монахи и монахини...

Покойный Патриарх Московский и всея Руси Алексей II написал в приветственном письме: «Единодушие участников этих встреч, совместная молитва об упокоении сынов России дают основания полагать, что памятное место под Вршичем было и остается не только местом памяти о трагических событиях времен Первой мировой войны, но и символом братских отношений и единства наших народов».

Монсиньор Алоиз Уран, архиепископ и митрополит Люблянский, в предисловии к книге о Русской часовне под Вршичем написал: «Уже долгое время Русская часовня является особенным местом — отсюда возносятся молитвы за единство христиан и экуменическое сотрудничество между Словенской Католической церковью и Русской Православной церковью».

Новая жизнь Русской часовни началась одновременно с новой историей отношений между новой Словенией и новой Россией. В июне 1991 года Саша Славец, тогда председатель недавно созданного Словенского объединения частных предпринимателей, провел круглый стол о положении и перспективах словенского частного бизнеса...

«Тогда только начиналась широкая приватизация, в феврале 1992 года на озере Блед прошел международный симпозиум по приватизации. В нем приняли участие русские экономисты: от академика Дмитрия Львова до гайдаровского единомышленника Сергея Васильева. Здесь нужно упомянуть еще одного человека - профессора Любо Сирца¹, который на организованной им конференции в Будапеште познакомился с Анатолием Чубайсом, интересовавшимся опытом восточно-европейской приватизации.

Весной 1992 года Любо Сирц (который прежде контактировал с Институтом Гайдара) в своем письме на имя министра внешних экономических связей Сергея Глазьева предложил, чтобы в церемонии у Русской часовни кроме представителей церкви и общественности приняли участие и члены Российского правительства. Гайдар это предложение поддержал. Так началась долгая новая история часовни, в которой ее политическое, метафорическое и метафизическое значение поднялось до невысказанной прежде высоты.

В течение 1992 года, в самый разгар деятельности реформаторского правительства Гайдара, Саша Славец и Любо Сирц активно контактировали с российскими реформаторами... Постепенно эти усилия частных лиц получили такое развитие и поддержку в Москве, что был разработан проект экономического соглашения между Россией и Словенией — один из первых для возникшей новой страны, ориентированной на вступление в ЕС. Славец информировал о своей активности словенское правительство, и частная инициатива постепенно переросла в межгосударственную деятельность, а в Словению направилась очень представительная российская делегация, руководителем которой был С. Глазьев, тогда еще входивший в команду реформаторов, а членами — многие молодые, но

уже известные экономисты: Е. Журавская, К. Кагаловский, М. Дмитриев, А. Починок и другие. В результате той поездки был подписан договор об экономическом сотрудничестве между РФ и Словенией. В следующем году в составе представительной российской делегации, кроме С. Глазьева, С. Васильева, А. Нечаева, А. Кудрина, А. Илларионова, находились также другие известные персоны — политики, бизнесмены, деятели Русской Православной церкви...

С годами торжественные встречи у Русской часовни на перевале Вршич обрели все большее значение, стали «уникальной формой сотрудничества между самым западным и самым восточным славянскими государствами». Здесь общаются облеченные властью люди, здесь встречаются религии, здесь — без ожесточения и агрессии — идет межконфессиональный диалог; в своих молитвах к Богу объединяются христиане... А начал все это грандиозное дело вполне частный человек, предприниматель средней руки Саша Славец.

К Русской часовне возлагали венки министры и послы, премьеры и президенты, митрополиты и священники, писатели и миллиардеры. В 2001 году здесь, на перевале, побывал тогда еще митрополит Смоленский и Коломенский Кирилл, который встречался с архиепископом Белградским д-ром Францем Перко и с местным патером Марком Бенедиктом. «Митрополит Кирилл растроганно заметил: здесь умирали люди, пришедшие издалека. То, что вы сохраняете память о чужих людях, является выражением высочайшей морали. Вы должны стать примером и для нас, и для всей Европы, примером того, как включить душу и сердце в международные отношения. Сегодня мы будем молиться за русских и за словенцев» («Русская часовня...», с. 254). Словенские СМИ сообщили, что на пикнике «митрополит спел песню “Двенадцать разбойников”, своим выступлением вызвав всеобщее восхищение и бурные аплодисменты».

В 2007 году дорога через перевал Вршич была официально переименована в Русскую дорогу.

Прошлой осенью в Центре российской науки и культуры (ЦРНК), при большом стечении избранной общественности, членов семьи Славцев, мы вручили Саше Славецу Карамзинскую медаль «AD NUNTIVS EUROPAE» («Вестнику Европы»).

Саша Славец был очень растроган. Медаль вручили Борис Минц, председатель Фонда Егора Гайдара, Екатерина Гениева и Петр Егорович Гайдар, бывавший здесь еще мальчиком, вместе со своим отцом и его другом Сашей Славецом.

Славец не оставляет своим попечением Русскую часовню, которая стараниями его и его друзей, а также Саши Грежины и других членов общества превратилась в главный символ словенско-русской дружбы и местом ежегодных (в последнее воскресенье июля) церемоний, которые становятся все более многолюдными, с военным караулом, встречи проходят в неформальной и проникновенной атмосфере.

Старые знакомые: Андрей Нечаев, Саша Славец и Петр Гайдар

В субботу проходит вечерняя католическая месса в Краньгорском храме, в воскресенье — заупокойную литургию у Русской часовни служит православный иерарх. Словенцы, будучи католиками, за всю свою историю никогда не конфликтовали с православными.

«...Вспоминая о безымянных погибших людях, похороненных в этом одиноком месте, — сказал кардинал Томаш Шпидлик одной из таких церемоний, — мы можем быть более или менее уверены в том, что отдаем долг справедливости космической истории мира, величественное течение которой питается из малых ручейков — из истории судеб простых людей» («Русская часовня», с. 18).

Примечание

¹ Я встречался с ним в Кембридже в июле 1991 года на семинаре, организованном лордом Харрисом и Центром исследования коммунистических экономик, где тогда работал венгерский диссидент Любо Сирц. По предложению Е.Т. Гайдара я участвовал в делегации, которую возглавлял академик Дм. Львов и Конст. Кагаловский, другие известные впоследствии люди. Незадолго перед этим в «Новом мире», где я тогда работал, вышла моя большая статья «Партии интересов», а в семинаре участвовал знаменитый социолог, признанный мировой специалист по этой проблеме Манкур Олсон. На том памятном семинаре в Квинз-колледже (Кембридж) я и познакомился с Любо Сирцем (Прим. В.Я.).

В. Ярошенко
Любляна–Москва

© Текст: Виктор Ярошенко
© Фото: Виктор Ярошенко

Доку ЗАВГАЕВ

Посол Российской Федерации
в Республике Словения

(к выходу Словенского номера журнала
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»)

Каждого оказавшегося в Словении россиянина неизменно привлекают великолепная природа и благоприятный климат этой страны. Но самое сильное впечатление оставляют живущие здесь люди, их гостеприимство и благожелательность, искренний настрой на развитие с нами дружественных отношений.

Россия и Словения связаны давними узами. Многие словенцы не просто носят хорошо узнаваемые имена, почерпнутые из произведений русских классиков, но и сами великолепно знают русскую литературу, историю, искусство. Общество дружбы «Словения — Россия», которое объединяет настоящих энтузиастов развития нашего двустороннего взаимодействия (а среди них немало известных политиков, бизнесменов, ученых) — крупнейшая неправительственная организация такого профиля в этой стране.

Словенцы, которые, по их собственным словам, живут в «самой западной стране славянского мира», часто подчеркивают, насколько значима для них славянская составляющая их национальной идентичности. В Любляне, столице Словении, работает штаб-квартира Форума славянских культур — международной организации, созданной в 2004 г. по инициативе президентов двух наших стран В.В.Путина и М.Нучана. Цель организации — развитие культурных связей между славянскими народами, популяризация славянских культур как в государствах — участниках Форума, так и за пределами славянского мира.

Свято чтут в Словении память о русских и советских воинах, сложивших здесь голову в

перспективы наращивания
взаимовыгодного партнерства

годы двух мировых войн. Словенские власти, ветеранские и другие общественные организации тесно взаимодействуют с российской стороной в деле сохранения общего исторического прошлого. Захоронения наших воинов содержатся в образцовом порядке.

В скорбных списках павших во Второй мировой войне отражается весь многонациональный состав бывшего СССР. О боевых подвигах и высоких моральных качествах советских людей разных национальностей, в годы войны сражавшихся с фашистами в составе словенских партизанских отрядов, здесь сложены легенды. На основании архивных документов и свидетельств очевидцев событий военных лет, по инициативе посольства при поддержке Роспечати и ВГТРК, снят полно-

метражный документальный фильм «Русский батальон» (кинокомпания «Родина», режиссер А.Ладнов, автор С.Барабанов, продюсер И.Мисанова). Неоценимую помощь в создании фильма оказали словенцы — ветераны партизанского движения, историки и музейные работники, представители местных властей. Кинолента, презентация которой прошла в Любляне в мае с.г. с участием министров иностранных дел России и Словении С.В.Лаврова и К.Эрьявеца при полном аншлаге, была с искренней теплотой воспринята публикой, а также получила большой положительный резонанс в стране.

Единственной в своем роде масштабной манифестацией взаимных симпатий народов двух наших стран можно с уверенностью на-

звать ежегодную церемонию в память о русских военнопленных времен Первой мировой войны, погибших при строительстве горной дороги через альпийский перевал Вршич близ г. Краньска-Гора. С начала 1990-х гг. российское посольство, Общество дружбы «Словения — Россия» и мэрия г. Краньска-Гора проводят здесь в конце июля торжественные мероприятия с участием высоких представителей обеих стран, иерархов Русской Православной и Словенской католической церквей, деловой, культурной и научной общности наших стран, ветеранов и молодежи. Скромная Русская часовня, воздвигнутая на месте гибели наших воинов их товарищами, пережила благодаря заботе местных жителей все катаклизмы бурного XX века и в 2016 г. отметит славный столетний юбилей.

Таковы лишь отдельные яркие штрихи традиционно дружественных отношений, связывающих наши страны и народы.

* * *

Россия и Словения успешно выстраивают взаимовыгодное партнерство. Интенсивный политический диалог опирается на регулярные контакты высших руководителей двух государств. Прорывной характер носил визит В.В.Путина в Словению в марте 2011 г. За последние три года состоялось девять российско-словенских визитов на высшем уровне. Подписано более пятидесяти документов, в том числе. Декларация о партнерстве для модернизации, Меморандум о важных проектах для расширения экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Словения, целый ряд межправительственных и межведомственных соглашений, договоров о сотрудничестве между Словенией и отдельными российскими регионами. Подавляющее большинство этих документов реализуется на практике.

Устойчивую позитивную динамику и отличные перспективы для дальнейшего роста имеют российско-словенские торгово-экономические связи. В 2012 г. взаимный товарооборот превысил 1,6 млрд. долл. США. Растут показатели и в 2013 году.

Россия и Словения сотрудничают также и в рамках масштабного энергетического про-

екта «Южный поток», который имеет общеевропейское измерение. В ноябре 2012 г. в Москве подписано Окончательное инвестиционное решение по сооружению словенского участка газопровода. «Южный поток» обеспечит надежное энергоснабжение, устойчивое развитие и энергобезопасность Словении и Европы в целом, укрепит сотрудничество между всеми его участниками и принесет им конкретную экономическую выгоду, позволит создать тысячи новых рабочих мест, придаст мощный импульс экономическому развитию целого ряда европейских стран.

Наше двустороннее взаимодействие все более ориентируется на развитие современных высокотехнологичных инновационных производств, выпуск наукоемкой и востребованной на мировом рынке продукции. Межправительственная Российско-Словенская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству энергично продвигает совместную работу компаний двух стран в таких сферах, как телекоммуникации, информационные и биомедицинские технологии, фармацевтика, производство новых материалов для автомобилестроения, строительной отрасли и др.

Над расширением круга хозяйствующих субъектов — участников двустороннего экономического сотрудничества с особым акцентом на развитие контактов между высокотехнологичными предприятиями, а также на налаживание связей на уровне малого и среднего бизнеса активно работает созданный в 2011 г. Российско-Словенский Деловой совет. За два года его деятельности вокруг идеи углубления российско-словенского экономического сотрудничества удалось собрать более сотни российских и словенских компаний, реализующих конкретные проекты.

Российско-словенское взаимодействие вносит практический вклад в реализацию задач долгосрочной государственной экономической политики России, способствуя широкому внедрению передовых технологий, созданию производств с высокой добавленной стоимостью, новых эффективных и современных рабочих мест. Словенские партнеры работают в более чем пятидесяти регионах Российской Федерации. Они принимают участие в таких

стратегически важных проектах, как техническое оборудование олимпийских объектов в г. Сочи (телекоммуникации), разработка программ энергосбережения и повышения энергоэффективности, восстановление и развитие экономического потенциала Северо-Кавказского региона.

Все большее значение приобретает инвестиционная составляющая наших экономических связей. Российские инвесторы показали себя эффективными собственниками металлургических предприятий Словении. Новые возможности для наращивания делового взаимодействия между двумя странами открылись с выходом на словенский рынок в 2012 г. российского Сбербанка. Деловые круги нашей страны проявляют интерес к новому этапу приватизации госсобственности в Словении. В России с участием словенского капитала созданы и наращиваются современные мощности по производству лекарств, средств связи, строительных материалов, автокомпонентов и др.

Перспективной областью для развития сотрудничества, в том числе инвестиционного, является также туристический сектор экономики. Словения, с ее разнообразными природно-климатическими зонами, горнолыжными центрами, морскими курортами, источниками термальных и минеральных вод, располагает большим потенциалом, особенно в сфере оздоровительного туризма. В последние годы быстрыми темпами растет число посещающих ее россиян.

Между нашими странами идет насыщенный культурный диалог. Традиционно велик интерес словенцев к российскому искусству, литературе, музыке, театру, кино. Самым значительным событием в культурной жизни Словении называют здесь ежегодные гастроли в Любляне прославленного маэстро В.Гергиева и Мариинского театра из Санкт-Петербурга. Публика тепло принимает выступления рос-

сийских художественных коллективов во всех уголках страны.

Конкретную целенаправленную работу по продвижению русского языка, популяризации многонациональной российской культуры ведут Российский центр науки и культуры в Любляне и Русский центр Фонда «Русский мир» во втором по величине городе Словении — Мариборе.

Постоянно растет в республике число желающих говорить по-русски. В университетах и средних учебных заведениях, на различных курсах русский язык ежегодно изучают более двух тысяч человек — детей и взрослых.

Растет взаимный интерес к трудам современных экономистов, юристов, дипломатов, государственных деятелей, расширяется сотрудничество в книгоиздательской деятельности. Среди книжных новинок последнего времени — русское издание монографии бывшего президента Словении Д.Тюрка «Основы международного права», словенский перевод книги Е.Т.Гайдара «Гибель империи» и др. В России издательством «Центр книги Рудомино» осуществляется проект «Словенский Глагол», цель которого — познакомить читателя с лучшими произведениями словенской литературы XX–XXI веков. На словенский язык переведены книги русских писателей и поэтов, в театрах ставятся спектакли, по классическим, и современным пьесам. В общем, всего и не перечислить...

Несомненно, все более энергичное развитие контактов между нашими странами, динамичное расширение туристических, культурных, образовательных и научных обменов — в наших общих интересах.

Уверен, что выпуск специально посвященного Словении номера журнала «Вестник Европы» — весьма своевременное и полезное начинание, которое, безусловно, внесет весомый вклад в дальнейшее укрепление связей между нашими странами и народами. ■□■

ЖИТЬ ПО СРЕДСТВАМ

Янко ВЕБЕР

Председатель Государственного собрания
Республики Словения

Виктор Ярошенко: **Еще недавно столь благополучная Словения, образец и пример для подражания всего постсоветского мира, раньше всех южноевропейских постсоциалистических стран вступившая в ЕС и НАТО, теперь называется в числе самых неблагополучных в экономическом отношении стран Европы. Цитируем новостную ленту:**

«Словения в рамках антикризисных мер намерена продать 15 крупных государственных компаний, чтобы избежать обращения к международной финансовой помощи, передавало в мае агентство Рейтер.

Премьер-министр Словении Аленка Братушек заявляла, что страна сама в состоянии справиться с текущими экономическими проблемами. Тогда премьер пояснила, что к лету власти планируют начать процессы приватизации, чтобы привлечь в страну свежий капитал, инвестиции, создать новые рабочие места и обеспечить экономический рост.

Помимо приватизации предприятий, Словения намерена осуществить ряд мер по сокращению расходной части бюджета, что поможет сэкономить около одного миллиарда евро».

Пишут, что Словения — второй после Греции «тяжелобольной» Европы... А ведь среди неблагополучных стран называли Испанию и Италию, даже Ирландию, еще недавно считавшуюся «европейским тигром экономического роста», но не Словению.

В чем, по Вашему мнению, причина того, что Вашу страну настиг такой глубокий (говорили даже о дефолте) кризис — экономический, финансовый, политический?

Парламентские и президентские выборы закончились с неожиданным результатом; волна обвинений и разоблачений, смена президента, калейдоскоп правительств, ожесточенная борьба в парламенте. За прошлую зиму и весну этого года сменились президент, премьер, председатель Государственного собрания... Многотысячные демонстрации, требовавшие отлучения от политики всей политической элиты... Поэтому второй вопрос:

Словения — парламентская республика, главная роль в которой принадлежит парламенту. Как Вы, новый председатель Государственного собрания, объясняете все это?

Янко Вебер: С точки зрения всех актуальных событий, часть из которых вы упомянули, и за которыми внимательно следят в Европе и за ее пределами, я хотел бы, в первую очередь, подчеркнуть, что **Словения — это страна, которая в рамках Европейского Союза имеет один из наименьших государственных долгов.** Это очень важно, и этот факт станет очевидным, когда Словении удастся санировать банковскую систему, что является клю-

чевым моментом для деятельности всей экономики государства.

Мы в Словении реалисты (как страна и общество в целом), мы прежде не выходили за рамки своих возможностей, т.е. жили по средствам. То, что у нас сегодня создалась столь серьезная ситуация, имеет довольно долгую историю. Это последствия слишком быстрого экономического роста (наибольшего в 2006–2008 годах), происходившего в основном за счет кредитования, безудержного влезания в долги наших банков и предприятий. Это было время, когда можно было легко получить очень дешевые кредиты, прежде всего за границей. Конечно, можно упрекнуть за это наш регулятор — Банк Словении, который должен был более внимательно следить за тем, что происходит в стране и в мире. Все эти кредиты были взяты предприятиями и банками в большей степени потому, что наши заемщики не рассчитывали на то, что произойдет такое сильное ухудшение и финансовой ситуации в мире.

В.Я.: Они оказались недобросовестными заемщиками или просто чрезмерными оптимистами?

Я.В.: Это вызывалось господствующим умонастроением, определенной (и рискованной) тактикой бизнеса, которую сегодня нужно взять под контроль более активным и жестким способом, чем это понималось и делалось ранее. Если бы Банк Словении тогда ограничил задолженность за границей, поставил барьеры и пределы долговых обязательств, ситуация была бы сейчас другой. И именно поэтому сегодня Словения предпринимает очень серьезные меры, с помощью которых мы хотим уравновесить наши государственные финансы. Ведь еще после 2008 года, когда стало ясно, что наступил этот кризис, мы выработали решение о том, что бюджет надо разгрузить. Мы уже тогда хотели и должны были бы провести пенсионную реформу (суть которой, конечно же, в повышении пенсионного возраста); продлить рабочий стаж, снять некоторые чрезмерные льготы и в результате несколько разгрузить бюджет. Мы, конечно, стремились также получить больше доходов в бюджет благодаря ликвидации теневого бизнеса и структурной перестройке, поддержке новой экономики, основанной на инновациях. Но в то же время мы понимали, что надо помогать предприятиям в сохранении рабочих мест, так как

быстрое падение занятости приведет к большим социальным проблемам. Но это было время, когда общественность всё воспринимала как начало долгожданного периода благосостояния. В ожиданиях царил оптимизм. Год за годом продолжался активный экономический рост, поэтому социальные партнеры и профсоюзы, а также оппозиция пребывали в некоторой эйфории, в общем-то, не свойственной трезвомыслящим словенцам. Люди очень болезненно расстаются со своими иллюзиями. Конечно, это плата за столь глубокое непонимание людьми того, что происходит в мире. Правда, можно утешаться тем, что это свойственно не только маленькой Словении — кризис стал неожиданностью и для больших стран, да и для мировой экономики в целом. Политическая сфера тоже оказалась не готова воспринять новые реальности как вызовы и искать на них честные ответы. В результате мы столкнулись с ростом общественного недовольства, популистских обещаний, падением доверия общества к государству. Волна референдумов привела к блокированию крайне необходимых на тот момент законов. Будь эти законы своевременно приняты — сегодня мы могли бы говорить о том, что Словении удалось преодолеть финансовый и экономический кризис. Конечно, этот опыт с проведением референдумов был очень трудным и серьезным, но он показал, что нам необходимо модернизировать и политическую систему, а также внести изменения в конституцию страны. Референдумы неспособны решать сложнейшие экономические вопросы; поэтому в дальнейшем следует ограничить тематику возможных референдумов по тем законам, которые являются ключевыми для стабилизации экономической ситуации в стране. Понимание этого дошло до всех парламентских фракций, и мы уже продвинулись достаточно далеко.

С другой стороны, повторюсь, мы не одиноки, мы члены Европейского Союза, который принял целый ряд мер. Страны-участницы (особенно те, которые находятся в еврозоне) обязаны сформировать так называемый пакт стабильности, с помощью которого в среднесрочный период (4–5 лет) можно будет сбалансировать государственные финансы.

В первую очередь меры ЕС были направлены на то, чтобы заставить страны Евросоюза экономить, жить по средствам. Из-за вот этой, если можно так выразиться, «референдомании» и волны популистских лозунгов мы пережили трудный год. Новое

правительство было сформировано после внеочередных президентских выборов и начало проводить исключительные меры экономии.

В свое время мы предупреждали, что все это может привести к весьма отрицательным последствиям, влияющим на экономический рост, — и через год это действительно произошло. ВВП Словении упал из-за того, что очень сильно упало потребление и спрос. И тем самым, конечно, снизились возможности для балансирования бюджета, ибо если происходит падение производства, то автоматически снижается рост доходов в бюджет. Эта проблема становилась все более серьезной, пока не стало совершенно ясно, что наряду с этими мерами экономии, для того чтобы оживить экономику, необходимо как можно быстрее санировать банковскую систему.

В 2008 г., когда начался экономический кризис, ошибкой было именно то, что на стабилизацию банков и финансовую разгрузку предприятий мы пошли слишком маленькими шагами. И в данный момент у нас проблема не из-за слишком большой задолженности бюджета, т.е. внутреннего долга (который, как я уже сказал, находится ниже среднего уровня Европейского Союза). Проблема в том, что у предприятий слишком большая задолженность. Её можно решить путем быстрой докапитализации банков.

В.Я.: И сколько же денег, по вашему мнению, Словении нужно сейчас найти?

Я.В.: Цена вопроса — на уровне 900 миллионов евро; поэтому, когда мы докапитализируем банки, думаю, мы сможем восстановить систему, с помощью которой государство гарантирует предприятиям банковские кредиты. Государство станет выступать гарантом по кредитам; тем самым мы уменьшим обязательства предприятий к банкам. Разумеется, при этом государство увеличит свою долю для тех предприятий, в успешной работе которых оно особенно заинтересовано. Тем самым будет дан ясный сигнал частным инвесторам, ведь инвестиция в то или иное предприятие будет иметь смысл, тем более это предприятие будет поддержано государством.

В.Я.: Вы считаете, что увеличение государственной доли в активах предприятий — это хороший сигнал для инвесторов? Обычно они воспринимают это иначе.

Я.В.: В настоящий момент мы находимся в такой ситуации, когда нам надо действительно очень быстро докапитализировать банки и провести все эти меры, с помощью которых мы разгрузим нашу экономику. Когда мы говорим о том, в какой ситуации сейчас находится Словения, это является нашей ключевой задачей.

В.Я.: *Некоторые экономисты считают, что кризис имеет и положительные аспекты: он позволяет выявить самые слабые места экономики и начать структурные реформы, к которым очень трудно подступиться в ситуации благополучия...*

Я.В.: Это правда, кризис помог нам понять, где были сделаны главные ошибки. Они были совершены еще в процессе приватизации, когда приватизации сопутствовало истощение предприятий, а полученные средства новый владелец накапливал в налоговых оазисах. Это очень горькая истина, из-за этого в Словении росла безработица, падал уровень доверия людей к функционированию институтов государства, а мы несвоевременно реагировали на такие процессы. На многих предприятиях приватизация прошла в пользу высшего менеджмента. Именно со стороны менеджеров приватизация создавала проблему: дескать, неэффективное предприятие надо уничтожить и таким образом снять проблему с повестки дня. Это была ошибка.

Если ты видишь, что руководство предприятия злоупотребляет своим положением, в таком случае необходимо заменить руководство, но не уничтожать предприятие и тем самым целый сектор экономики. Из-за этого был заторможен и весь инвестиционный цикл: попросту говоря, в эти инвестиции никто почти ничего больше не вкладывал.

Поэтому вот эти факторы я считаю ключевыми причинами нынешнего положения: чересчур быстрое заимствование денег, приостановка экономического роста в период 2006–2008 годов, потом бездумное, я бы сказал, отношение к уничтожению крупнейших строительных компаний — и как следствие утечка капитала за границу. И теперь, конечно, надо думать над тем, какие меры надо принимать.

В.Я.: *Нет ли здесь влияния тех процессов, связанных с распадом единой югославской экономики, как было и в Советском Союзе?*

Я.В.: После распада СФРЮ Словения прошла

очень быстрый путь экономического восстановления и роста. Так что мы не можем говорить об остаточном влиянии деятельности компаний, которые когда-то работали на югославском рынке. Конечно, есть очень много фирм, которые выросли еще во времена существования бывшего государства, они и сегодня очень успешно работают. Это именно экспортные компании. В общем, мы не можем говорить, что сталкиваемся с каким-то отсталым предпринимательским сознанием. Словения — это маленький рынок, и словенские компании всегда были ориентированы на экспортные рынки.

Именно поэтому у Словении несколько проблем, возникших из-за изменившихся экономических условий вокруг нас. Наша страна интегрирована в европейскую экономику, поэтому экспортно-ориентированные компании являются для нас ключевыми. В настоящий момент у Словении стабильное состояние, наши экспортные компании работают хорошо, и в этом отношении у нас нормальная ситуация. Экспорт — стабильный, доход — хороший, поэтому мы и говорим, что Словении при ее небольшом госдолге, можно считать успешной страной благодаря хорошему экспорту.

Но, конечно, внешние факторы, общий экономический спад в Европе очень сильно влияют на нас. Хотя я должен признать: в чем-то мы и сами виноваты, что вызвали некоторое недоверие к нашей стране.

При этом я имею в виду политику. Некоторые наши политики в период кризиса хотели внушить людям, будто нам не нужно участие государства в банках, его влияния; доказывали, что нам не нужны доли государства в самых ключевых и успешных предприятиях. Например, порт Копер. Многие товары поступают в этот порт и выходят из него, т.е. Копер для Словении и для Европы имеет стратегическое значение. Поэтому государство должно сохранить свое влияние и свое участие в нем. Не что подобное происходит и в страховой системе. Очень важно контролировать и этот рынок. Что-то сходное можно сказать и о банковской системе. Мы маленькая страна, у нас всего три аэропорта, но лишь один из них соответствует международным требованиям для воздушного сообщения. «Телеком» — это тоже компания, в которой сконцентрировано очень много ноу-хау, знаний, которые используются в телекоммуникациях Европейского Союза. Государство должно очень хорошо подумывать, что делать с этими компаниями. От сторон-

ников нелиберальной концепции из Словении поступало очень много негативной информации: дескать, мы не сможем санировать свои банки, фирмы, финансы, не сможем выйти из этого кризиса, поэтому единственное, что надо сделать — это государству выйти из них, т.е. дешево продать их во времена кризиса.

В.Я.: *Писали, что Словения готова расстаться с частью важнейших активов.*

Я.В.: Если прежний председатель правительства, прежний министр финансов... открыто говорят, что Словения стоит перед банкротством, то само собой разумеется, что все к этому прислушиваются... И это была ошибка. Их заявления можно рассматривать только в контексте того, что они хотели все распродать. Проблема еще и в том, что и нынешнее правительство пытается рассуждать точно так же.

В.Я.: *Многие поняли это так, что мировой бизнес приглашается к покупке словенских активов. Министр финансов Словении Урос Куфер говорил, что в число объектов, подлежащих приватизации, в частности, войдут второй по величине банк страны НКБМ, авиакомпания Adria Airways, международный аэропорт Любляны, телекоммуникационная компания Slovenian Telekom.*

Я.В.: Да, речь идет о попытках распродажи, но это, конечно, неправильно. Если вы спрашиваете меня сейчас как спикера парламента, то лично я считаю, что прежде всего сейчас необходимо восстановить доверие к Словении в глазах международной общественности. И совершенно нелогично, чтобы Словения брала кредиты путем продажи своих облигаций на худших условиях, нежели государства с гораздо более трудной экономической ситуацией. И эти спекуляции нужно остановить. Но это можно сделать только путем очень ясных заявлений — как моих, так и других высоких государственных лиц.

В.Я.: *Сейчас у нас много говорят о проблемах, которые ставят перед современной экономикой обязательства развитого социального государства...*

Я.В.: Я думаю, что, несмотря ни на что, мы должны осознавать, что во всем, что мы делаем, люди всегда должны быть на первом месте. Но в

том, что касается пенсионной системы, мы должны идти в ногу с партнерами по ЕС.

Дело в том, что сейчас люди живут гораздо дольше, чем прежде, а в экономике, в погоне за эффективностью идет процесс уменьшения числа занятых. Пенсионная система должна соответствовать этой реальности. Процесс технологического перевооружения и падения занятости населения проходит в масштабе всей Европы и Европейского Союза, идет процесс переоценки эффективности предприятий. Новый подход состоит в том, что руководство компании должно очень хорошо заботиться о занятых, завоевывать доверие персонала и обеспечивать людям достойную зарплату. Это может привести к более успешной деятельности предприятия и лучшей производительности труда, высокому качеству продукции. Конечно, должно быть очень корректное отношение к поставщику материалов и покупателям. Поэтому необходимо следить за тем, чтобы капитал не слишком концентрировался только у владельца. Чем больше будет таких компаний, тем лучше мы будем реагировать на возможные трудности и внутренние проблемы. В Америке и Китае у персонала предприятий гораздо меньше таких прав, чем у европейцев, но это не может быть нашим желанным будущим. И там, где слишком маленькая доля расходов на зарплату, там мы урезаем возможность заботиться о нашем молодом поколении.

Как бы мы ни оценивали соотношение между прибылью и затратами, оно должно регулироваться законодательством, и государство должно создавать все условия для этого. Именно в этом я вижу будущее. Все иное может привести к конфликтам, катастрофам, и я не хотел бы этого никому.

Если же к этому добавить, что технология все больше прогрессирует, что физический труд будет утрачивать свою цену, а машины будут выполнять работу вместо нас, — значит большому числу людей будет нечем заняться. Поэтому их нужно переучивать, обучать, чтобы они управляли технологией. Комбинация всего этого, т.е. переход от менее сложных к более сложным технологиям, в том числе к технологиям социального воспроизводства, требует высокого уровня образования. Мне кажется, вот это и есть та цель, к которой нам надо стремиться. И конечно, развивать научные и технологические контакты.

У нас очень авторитетный, признанный Люблянский университет; кроме того в Словении есть

очень важные научно-исследовательские институты, Институт им. Йозефа Стефана, Химический институт, которые создают вместе с Люблянским университетом мощный мозговой траст, и не только на уровне Словении, но и на международном уровне. Внести эти знания в международное пространство было бы для Словении прекрасной перспективой.

Словения находится в лидирующей группе стран по индексу развития человеческого потенциала — очень важному интегральному индексу, — и мы хотим сохранить это место.

В.Я.: У России и Словении прекрасные политические отношения, регулярно происходят визиты на высшем уровне, общаются министры и парламенты. Словения участвует в крупнейшем российско-европейском проекте газопровода «Южный поток». Российский бизнес интересуется Словенией, об этом говорят участившиеся контакты деловых кругов наших стран...

Я.В.: Связь с Россией имеет для Словении стратегическое значение. Уже раньше я говорил о Евросоюзе, участие в котором для нас очень важно, но проблема заключается в том, что в ЕС наблюдается спад, и мы должны искать и находить новые рынки. Россия является для нас стратегическим партнером из-за исключительно большого рынка. Благодаря очень важному позитивному опыту экономического, политического сотрудничества я могу смело сказать, что у нас сложился довольно высокий уровень доверия. Речь идет о еще более интенсивном взаимодействии в области фармацевтики, энергетики, строительства, науки. Партнерство между Словенией и Россией развивается действительно во всех областях и очень динамично.

Перевод аудиозаписи и сопровождение встречи — Александр Садыков ■■■

© Перевод: Александр Садыков

Карл ЭРЬЯВЕЦ Министр иностранных дел Республики Словении

Министр иностранных дел республики Словении Карл Эрьявец отвечает на вопросы «Вестника Европы»

«Вестник Европы»: Двадцать лет назад о Словении говорили как о стране, «сбежавшей с Балкан». За эти годы Словения интегрировалась в Европе, в НАТО, предпринимала участие во многих акциях ЕС и НАТО.

Как бы Вы охарактеризовали опыт приобретенный за годы членства в Европейском Союзе? Как изменилась психология людей, стали ли они ощущать себя больше «европейцами», чем словенцами, вырос ли интерес к проблемам Большой Европы, выборам Европарламента?

Карл Эрьявец: С тех пор как Словения стала членом ЕС, прошло 10 лет. Вхождение в Евросоюз ускорило весь переходный процесс и прогресс Словении во многих областях. Словения зарекомендовала себя успешным членом Евросоюза, мы стали первой новой страной в процессе расширения 2004 года, которая стала председателем Совета ЕС и ввела в обращение новую валюту евро.

Европейскими гражданами считают себя 68 процентов словенцев, что на 5 процентов выше, чем средний показатель за ЕС (63 %). Наивысшим достижением они полагают свободное передвижение лиц, внутренний рынок, переход на евро, программу по обмену студентов «Эразмус» — в общем, словенцы чувствуют себя европейцами.

Но, с другой стороны, конечно, нельзя не согласиться с тем, что в странах — членах ЕС снижается уровень доверия к институтам ЕС, а также слабая заинтересованность граждан в Европейском Союзе. Знаковым показателем является

© Фото В. Яраненко

ВЕРНУТЬ ДОВЕРИЕ К ЕВРОПЕЙСКИМ ЦЕННОСТЯМ

участие в выборах в Европейский парламент, который остается низким (в 2009 году он составлял в Словении немногим более 28%, а по всему ЕС — 43%).

Нельзя забывать, что Европейский Союз является не только экономическим и финансовым сообществом, но и сообществом, которое защищает демократические ценности, соблюдение прав человека и правового государства, а также борется за мир и безопасность. И такой Европейский Союз необходимо сохранить. При этом Евросоюз должен найти ключ для сохранения экономической успешности, с тем чтобы сохранить социальное государство.

Сегодня Европа, наверное, находится в самой сложном положении с тех пор, как начался интеграционный процесс. Геополитические изменения, связанные с глобальным экономическим и финансовым кризисом, ставят перед нами целый ряд вопросов, но в то же время и предлагают новые возможности. Окончание экономического, финансового и долгового кризиса является нашим приоритетом, мы должны как можно быстрее найти эффективные решения и вернуть доверие к европейским ценностям. Европейскому Союзу необходимо вернуть роль глобального игрока.

Кризис евро и меры по углублению экономического и монетарного союза означают, что необходимо перенести еще больший суверенитет стран-участниц на уровень ЕС, ибо уже существует опасность, что демократический дефицит в ЕС увеличится.

Я сам вижу необходимость в более активном включении национальных парламентов в дела ЕС и межпарламентское сотрудничество. Частично это является задачей прежде всего национальных правительств, которые обязаны проводить более активную проевропейскую политику, качественную коммуникацию и диалог с гражданами.

Выборы в Европейский парламент в 2014 году станут важным переломным моментом, быть может, первым важным шагом к прямым выборам Президента ЕС (кандидаты будут выдвигаться европейскими политическими группировками).

Словения хочет быть активным членом сообщества, поэтому будущее Европы мы сделали главной темой восьмого «Стратегического форума Блед» — «Изменения в Европе и мире» («A Changing Europe in a Changing World»), прошедшего в сентябре. Этот форум в предыдущие годы

показал себя одной из наиболее значительных в регионе конференций на высоком уровне.

«ВЕ»: *Какова динамика отношений со странами бывшей Югославии?*

К.Э.: Западные Балканы являются ключевыми внешнеполитическими приоритетами Словении. Между всеми странами региона на всех уровнях проходят интенсивные двусторонние контакты — помимо политического и все более возрастающего экономического сотрудничества, протекает также регулярный обмен позитивным опытом интеграции и приближения к ЕС. Словения является решительным сторонником процесса расширения Евросоюза. В этом году я уже посетил Македонию, Сербию, сейчас идет процесс согласования встреч с остальными министрами региона, с которыми я встречусь еще в этом году — или у них в гостях, или буду принимать их в Словении. Наше преимущество заключается в хорошем знании ситуации, поэтому Словения остается авторитетным собеседником и защитником интересов стран региона.

«ВЕ»: *Экономический кризис больно ударил по многим европейским странам, говорят о разделении Европы на южную — кризисную и северную — более-менее благополучную. Видные германские экономисты предлагают отказаться от евро. Словению называют среди проблемных стран, которым может потребоваться помощь ЕС. Как это отражается в сфере внешней политики?*

К.Э.: Сначала я должен подчеркнуть, что речь идет о глобальном финансовом кризисе, который больнее всего ударил именно по Европейскому Союзу и его членам. Еще и потому, что проект экономическо-монетарного союза был не завершен, а также по причине слабого надзора за банками. Европейский кризис — это, по сути, банковский кризис. Сейчас мы пытаемся это исправить, очень многое уже сделано. То, что страны-участницы еврозоны выработали европейский финансовый механизм для спасения проблемных стран, — лишь одно из конкретных доказательств солидарности.

Конечно, мы могли бы преодолеть кризис не столь болезненно, если бы Евросоюз был организован как федерация с мощными органами в Брюсселе. А поскольку их нет, то многие ключевые аспекты экономической и финансовой поли-

тики переданы координационным органам между странами-участниками. И для обеспечения конкурентоспособности государствам самим приходится проводить в жизнь ключевые структурные реформы. С этой точки зрения (а также с точки зрения совершенно различных проблем в странах-участницах), я с трудом согласился бы на деление между севером и югом Европы. С необходимостью проведения структурных реформ сталкиваются и страны центра. В связи с изменившимися экономическими и политическими условиями для Словении является важным, чтобы она еще более углубленно сотрудничала и крепила свою деятельность не только в рамках ЕС и в своем непосредственном окружении, но и в более широком международном сообществе. Но наряду с этим она должна провести некоторые структурные реформы. Считаю, что мы наметили правильные реформы. В настоящее время все наши силы направлены на их реализацию.

Несмотря на нынешнюю ситуацию (и в то же время именно из-за них), Словения продолжает активно выступать на внешнеполитической сцене, в регионе Западных Балкан, а также при разработке макрорегиональных стратегий в ЕС. В настоящее время Словения является председательствующей страной в Адриатическо-Ионической инициативе, основной целью которой является формирование Адриатическо-Ионического макрорегиона до конца нынешнего года.

Как я уже сказал ранее, мы принимаем также активное участие в обсуждении будущего ЕС. Мы хотим более интегрированного Союза в банковской, экономической и фискальной (налогово-бюджетной) областях, что сможет также обеспечить демократичность процессов.

Кроме того, Словения ведет диалог со стратегическими партнерами. В области внешней политики ключевое место отведено экономической дипломатии, которая открывает двери нашим компаниям на третьих рынках. Словения проводит последовательную и распознаваемую многостороннюю дипломатию на международных форумах, мы являемся принципиальными и бескомпромиссными защитниками прав человека.

«ВЕ»: *Турцию называют среди стран, с которыми Словения поддерживает заинтересованные отношения. Недавно вашу страну посетил председатель турецкого меджлиса;*

Ваш председатель парламента говорил, что Словения поддерживает идею вступления Турции в ЕС (идея, которую разделяют не все в ЕС), а отношения между странами назвал стратегическими.

С другой стороны, в Южной Европе пишут о возвращении и даже экспансии Турции на Балканы, ее заинтересованности в восстании исторического (османского) влияния в Средиземноморье. Что Вы можете сказать об этом?

К.Э.: Словения является решительным сторонником расширения Европейского Союза. И в случае с Турцией мы сразу же после вступления в ЕС заняли конструктивную позицию с целью полноправного членства Турции. Конечно, при этом мы все время подчеркиваем, что Турция, как и все остальные кандидаты, в переговорах о присоединении должна провести необходимые реформы и согласовать свою правовую систему с европейской. Я лично убежден, что тесные отношения ЕС и Турции необходимы и что активное продолжение переговорного процесса с этой страной представляет интерес и для Евросоюза.

У Словении и Турции существует стратегическое партнерство, что поднимает наши отношения на более значительный уровень. В ноябре прошлого года проходило заседание словенско-турецкой совместной экономической комиссии (сопредседателями которого мы были вместе с турецким министром по таможенным делам и торговле Язици). Экономике обеих стран взаимодействуют, в частности, в области транспорта, логистики и туризма.

Благодаря своему геостратегическому положению Турция является главным мостом между Европой и Азией. Поэтому естественно, что на основе своих хороших экономических показателей Турция становится важным игроком в международных отношениях. Это проявляется и в растущем турецком присутствии на Балканах, причем можно утверждать, что ключевой интерес этого — в первую очередь экономический. Исторические связи при этом им только помогают. В то время как ЕС и Балканы переживают тяжелый экономический и финансовый кризисы, мы рады всем партнерам, которые могут внести свою лепту в инвестиционный прорыв, ибо тем самым укрепляется также стабильность региона. А стабильность Западных Балкан — это, безусловно, тот фактор, в котором заинтересованы все, поэтому он является допол-

нительной причиной для укрепления отношений ЕС и Турции.

«ВЕ»: *Охарактеризуйте позицию Словении в сирийском кризисе; считаете ли Вы необходимым участие мирового сообщества в прекращении кровопролитной гражданской войны в этой стране? Как Вам видится «дорожная карта» разрешения этого кризиса?*

К.Э.: В дебатах, проходящих в рамках Европейского Союза и на других форумах, Словения на первый план выдвигает политическое решение сирийского кризиса, а недавний договор США и России о проведении международной конференции по Сирии представляется мне шагом в правильном направлении.

Скорейшее разрешение сирийского кризиса необходимо из-за все возрастающих региональных последствий войны и опасности расширения конфликта через границы гражданской, а тем самым и дестабилизации всего региона. Особенно актуальным является все ухудшающееся гуманитарное положение в стране, количество расселенных лиц и беженцев в соседних странах. Международное сообщество должно принять на себя часть своей ответственности и защитить гражданское население Сирии.

Словения всегда была активным членом международного сообщества при решении сирийского вопроса: мы принимаем участие в Группе друзей сирийского народа, вместе с некоторыми другими коллегами — министрами иностранных дел я писал письмо, с тем чтобы передать ситуацию в Сирии на рассмотрение Международного трибунала.

«ВЕ»: *В России к Словении традиционно относятся тепло как к одной из близких славянских стран, хотя и самой западной из всех.*

Двадцатилетие дипломатических отношений между нашими странами было отмечено на высшем уровне; складывается впечатление; что у России со Словенией наиболее спокойные, предсказуемые и благополучные из всех постюгославских государств, несмотря на Ваше членство в НАТО И ЕС. Отчего это? Как Вам — и нам — это удалось?

К.Э.: Это правда, наши отношения находятся на очень высоком и дружеском уровне. Между

странами установлено стратегическое партнерство. Интенсивность сотрудничества, особенно в экономической и культурной областях, возрастает. Политический диалог регулярно проходит на высоком уровне. Между государствами заключена Декларация о дружбе и сотрудничестве между странами, которая была подписана в 2002 году во время визита тогдашнего премьер-министра Дрновшена в Москве. Все это время мы строили наши двусторонние отношения. В последние годы в наших двусторонних отношениях, помимо визитов на высшем уровне, произошли многочисленные важные события.

Политический диалог интенсивен и во время моего мандата. Недавно (3 мая 2013 г.) в Словении находился с визитом российский министр иностранных дел Сергей Лавров. Уже традиционно делегации Государственной Думы и Совета Федерации РФ, а также Русской Православной церкви принимают участие в мемориальных июльских торжествах у Русской часовни на перевале Вршич. В прошлом году мы отметили 20-летний юбилей установления дипломатических отношений между нашими странами. Словения считает Россию важным партнером в европейской и мировой истории международных отношений. Россия играет большую роль для обеспечения мира и стабильности во всем мире.

Словения является молодым государством, показавшим себя за последние двадцать лет успешным и авторитетным членом международного сообщества. Нам удалось войти во все наиболее важные международные организации, мы успешно выполнили трудную задачу председательствования в Совете ЕС. Эту важную функцию мы выполняли первой из славянских стран, поэтому эта возможность была использована для продвижения богатого славянского культурного наследия к широкой европейской общественности.

Нынешний год для славянских народов является особым, поэтому будут проходить многочисленные мероприятия по случаю 1150-летия славянской письменности и культуры. Сотрудничество в области культуры между нашими народами является обширным и приносит многие конкретные результаты. Словенская сторона размышляет о том, чтобы в ближайшем будущем открыть в Москве культурно-информационный центр. Исходя из положительного опыта Российского центра науки и культуры в Любляне я убежден в том, что и Словен-

ский центр в Москве смог бы внести значительный вклад в дело взаимопонимания и укрепления связей между словенским и русским культурным языковыми пространствами.

«ВЕ»: *Как Вам представляется динамика и перспективы словенско-российских политических и экономических отношений?*

К.Э.: Мы пригласили российских инвесторов поучаствовать в проекте приватизации банков и некоторых компаний, которую в ближайшее время будет проводить Словения.

Мы заинтересованы в укреплении сотрудничества с отдельными регионами РФ. Растет число российских туристов, приезжающих в Словению. Россия входит в число тех стран и тех рынков, на которых Словения повысит динамику своей работы (кроме РФ в этом перечне стоят также Индия, Китай, Турция и Казахстан).

Мы хорошо осознаем экономическую роль и значение России, которая является одним из крупнейших и перспективных рынков.

«ВЕ»: *Охарактеризуйте позицию Словении в ЕС по вопросам миграции, расширения присутствия иного религиозного и этнокультурного населения. Мы знаем, что, скажем, в соседней Швейцарии или Франции эта проблема сейчас стоит особенно остро. Как вы охарактеризуете ситуацию в Словении и Вашу позицию в ЕС и Совете Европы по этому вопросу?*

К.Э.: Словения является привлекательной страной для мигрантов, в частности, граждан республик бывшей СФРЮ, которые ищут возможности для лучшей жизни. Таким образом, Словения меняет свое бывшее положение транзитной страны на целевую страну для переселения. Полноправным членством в ЕС она гармонизировала свою правовую систему в этой области с правовой системой Европейского Союза. Одним из главных принципов Резолюции по миграционной политике Республики Словения является принцип равноправия, свободы и взаимного сотрудничества, который, в первую очередь, касается политики интеграции. Путем различных программ словенское правительство стремится к улучшению социальной включенности и экономической независимости рабочих мигрантов, предупреждению нарушений их прав, способствованию их трудоустройству, а так-

же образованию рабочих мигрантов и интеграции их семей в словенское общество. В Словении создана эффективная система интеграции иностранцев. С начала выполнения программ по включению в словенское общество (2008 г.) общее количество мигрантов, которые обучались словенскому языку, а также знакомились со словенской историей, культурой и конституционным устройством, с программами межкультурного диалога, составляет более девяти тысяч человек.

В этих областях мы также активно работаем в Совете Европы, уделяя соответствующее внимание миграциям в связи с представлением убежища и процедурой возврата мигрантов, борьбе против ксенофобии, нетерпимости и дискриминации, а также проблематики внутренней эмиграции людей. Свою деятельность мы согласуем с госорганами стран-участниц и международными организациями (ЕС, UNHCR, ОБСЕ и IOM). Мы поддерживаем усилия Совета Европы, чтобы деятельность организации была направлена не только на освоение новых инструментов и стандартов, но и на то, чтобы уже принятые стандарты и инструменты (конвенции, рекомендации, направления) также выполнялись.

«ВЕ»: *В Словении работает атомная станция КРШКО, единственная в бывшей Югославии. Она старая; как Ваша страна вообще относится к энергетической проблематике, развитию атомной энергетики, нетрадиционным видам энергии?*

К.Э.: Атомная электростанция Кршко играет важную роль в деле энергоснабжения, ведь она предоставляет более трети всей энергии. Такая структура, которая уравновешенно разделена между гидро- и термоэнергетикой, обеспечивает нам смешанный состав энергоисточников. Удастся ли нам сохранить такую структуру в будущем — это еще будет предметом тщательных анализов.

Несмотря на некоторые возражения против использования атомной энергии, необходимо согласиться с тем, что она повышает надежность нашего энергоснабжения и в то же время не вызывает дополнительного парникового эффекта. Конечно, при этом необходимо позаботиться о надежном и безопасном способе хранения радиоактивных отходов. Что касается нетрадиционных источников же энергии, я хотел бы сказать, что Словения активно внедряет обновляемые источники энергии, их доля в конечном потреблении в последние годы

увеличивается. Если так пойдет и дальше, то нам удастся добиться поставленной цели — иметь в конечном потреблении четверть энергии из возобновляемых источников энергии.

«ВЕ»: В ноябре прошлого года Москву посетила правительственная делегация Словении во главе с премьером Яншей, она встречалась с президентом Путиным; говорили о перспективах увеличения товарооборота до 1 млрд евро. Речь, среди прочего, шла об окончательных соглашениях по проекту «Южный поток». С тех пор в Словении сменилось правительство. Премьер Аленка Братушек уже встречалась с руководством Газпрома. В какой стадии находится этот проект? Не изменилось ли отношение к нему?

К.Э.: Правительство Словении поддерживает проект «Южный поток». В переговорах с Европейской комиссией мы стараемся разъяснить, что подписанное между Правительством РС и Правительством РФ Соглашение о сотрудничестве при сооружении газопровода на территории Словении (подписан 14 ноября 2009 г.) вполне соответствует третьему законодательному пакету европейской Энергетической Хартии. Словения внесла свой существенный вклад к принятию решения № 12 на Совете ЕС 4 февраля 2011 г., в котором говорится, что «Европа должна увеличить диверсификацию своих путей и источников снабжения».

Мы стоим на позиции, что подписанное соглашение полностью соответствует требованиям правовой системы (*Acquisom communautaire*). Мы готовы вместе с Европейской комиссией обсуждать его в двустороннем порядке, с тем чтобы устранить возможные недостатки. Считаем, что «Южный поток» необходимо рассматривать в соответствии с законодательством ЕС и учитывать процедуры исключения в этом законодательстве. Словенская сторона намерена и обязана рассматривать данный проект в соответствии с требованиями Третьего энергетического пакета.

Конечно, этот проект нуждается в политической поддержке и четко выраженной заинтересованности стран-участниц по всей трассе, от Болгарии до Италии включительно. В Словении он имеет статус государственного значения и в соответствии с этим включен в пространственные планы. Мы считаем, что работы по проекту протека-

ют согласно утвержденному плану. Председатель правительства Аленка Братушек во время встречи с министром Сергеем Лавровым подчеркнула, что в настоящий момент этот проект является самой важной инвестицией в Словении.

«ВЕ»: Некоторые малые страны обладают в мире бóльшим влиянием, нежели их процент в мировом населении или доля в мировом ВВП. Имеет большое значение их исторический и культурный запас, их моральная позиция в сложных мировых конфликтах. Словения активно занимается продвижением идеи о всемерном осуждении и запрете геноцида. Прокомментируйте вашу позицию в этом вопросе.

К.Э.: Словения активно защищает соблюдение прав и безопасности человека, постоянно осуждает массовые зверства и является инициатором многочисленных международных выступлений за повышение ответственности стран и их руководителей за грубые нарушения прав человека.

Благодаря своему историческому опыту и опыту ближнего зарубежья она чувствует особую ответственность за то, чтобы укреплять международные усилия за предотвращение потенциальных геноцидов и других зверств. Конечно, мы должны осознавать, что слишком быстро изменить деятельность международного сообщества нельзя, но усилия любой, пусть даже маленькой страны в этой области всегда ощутимы и ценимы. Так же обстоит дело с инициативой по созданию мира без геноцида, которую словенская сторона представила на 67-м заседании Генеральной ассамблеи ООН в сентябре прошлого года в Нью-Йорке.

Словения является активным сторонником концепции о защите, согласно которой суверенитет — это не только право государств, но и их ответственность. На каждом государстве лежит ответственность по защите собственного населения, и государства должны помогать друг другу при этом. А международное сообщество тоже должно вмешиваться, но только в соответствии с существующими правилами (одобрение Совета Безопасности ООН), если у той или иной страны произойдет сбой при выполнении обязательств по защите людей.

«ВЕ»: В некоторых странах Европы снова поднимает голову антисемитизм, растет ра-

совая и религиозная нетерпимость. Как, по Вашему мнению, обстоит дело в Словении?

К.Э.: В Словении мы не видим никаких проявлений антисемитизма. Мы являемся активными членами Международного союза памяти о Холокосте (*International Holocaust Remembrance Alliance*) и соблюдаем принципы Стокгольмской декларации (поддержка просветительской работы, расследования и сохранения памяти о Холокосте на национальном и международном уровнях). 27 января отмечается национальный день памяти о Холокосте, и в этом году у нас было рекордное число мероприятий. В качестве министра иностранных дел я был почетным покровителем отдельных мероприятий, которые проходили в рамках проекта «Šoa-Šoa — вспоминаем 2013» в организации Центра еврейского культурного наследия «Синагога Марибор».

В этом году Министерство иностранных дел совместно с Министерством образования, науки и спорта, Институтом народного образования и некоторыми ведущими учеными проводит проект по просвещению по теме Холокоста.

Что касается расовой нетерпимости, то на международном уровне мы боремся за принципиальное осуждение проблематики дискриминации

и расовой нетерпимости. Вместе с Бельгией Словения внесла в Генеральную Ассамблею ООН биеннальную резолюцию в поддержку Международной конвенции о ликвидации всех видов расовой дискриминации. Резолюция была вновь единогласно принята в 2012 году.

В качестве кандидата в члены Совета ООН по правам человека в период 2016 — 2018 гг. Словения в рамках международных организаций будет и далее бороться за реализацию региональных и универсальных международных правовых инструментов для борьбы против фашизма, расовой дискриминации, ксенофобии и других видов нетерпимости.

«ВЕ»: И напоследок: расскажите о своих литературных вкусах. Какие книги для Вас были самыми важными, каких писателей вы назовете в числе близких?

К.Э.: Я люблю читать исторические, биографические и автобиографические романы политических деятелей и личностей из мира искусства. Особенно люблю русскую классику, больше всего «Войну и мир» Льва Толстого.

Перевод — Александр Садыков

© Перевод: Александр Садыков

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ СОВПАДАЮТ

Данило ТЮРК
Экс-президент Словении
профессор

Данило Тюрк (1952 г.р.), президент Республики Словения (с 2007 по 2012 г.). С 1984 г. работал в системе Организации Объединенных Наций. С 1992 по 2000 г. являлся постоянным представителем Республики Словения в ООН. В 1998-1999 гг. (когда Словения не была постоянным членом Совета Безопасности), возглавлял один из его комитетов, был Председателем Совета Безопасности ООН. С 2000 по 2005 гг. — помощник Генерального секретаря ООН по политическим вопросам. Профессор юридического факультета Люблянского университета. Автор монографии «Принцип невмешательства в международных отношениях и международном праве», фундаментальных «Основ международного права», многих статей о правах человека, о проблемах применения силы, борьбе против геноцида и др.

© Фото В. Ярошенко

Экс-президент Республики Словения, профессор Данило Тюрк отвечает на вопросы Главного редактора «Вестника Европы» Виктора Ярошенко

Виктор Ярошенко: Вы много лет работали в Организации Объединенных Наций, были секретарем Совета Безопасности, пять лет (2007–2012 гг.) — президентом Республики Словения. Вами накоплен огромный опыт в международной политике, аккумулированный в Вашей фундаментальной книге «Основы международного права» (недавно изданной и у нас¹). Поэтому мне хотелось бы говорить с Вами о принципиальных, сущностных вопросах. Например, как Вам видится

Данило Тюрк: Мое основное видение — это то, что либеральная идея в современном мире необходима в обоих направлениях: и в направлении Европы, и в направлении России. И эту либеральную идею необходимо уточнять и актуализировать. Посмотреть, что эта идея несет в себе. Я полагаю, что определяющим фактом является то, что Европа (при этом я имею в виду, конечно же, Евросоюз) нуждается в России, равно как и Россия нуждается в Европе. В принципе, это естественное положение вещей, ибо у Евросоюза и России существуют фундаментальные общие интересы. Конечно, у нас нет какого-то исчерпывающего определения: в чем состоят эти интересы? Я думаю, что к этому вопросу надо подойти последовательно и очень практично, не позволяя утопить в словах назревшие вопросы. Например, необходимо отменить визовый режим на поездки. Визовая проблематика является важным пробным камнем: во-первых, речь идет о степени доверия между странами и поколениями, а во-вторых, это индикатор степени понимания либеральной идеи, стремящейся обеспечить свободное развитие людей и гармонизировать человеческие отношения в мире.

И для развития этих идей надо создать хорошую базу человеческих контактов, но этого у нас нет, а если есть, то слишком мало.

Конечно, ситуация изменяется, в Словению приезжает все больше посетителей, отношения развиваются, приезжают предприниматели и туристы, но слишком мало людей из академической сферы, журналистов и представителей

других профессий, чтобы можно было создать человеческую базу сотрудничества. Мне кажется, это серьезный тест, очень важный тест и, в частности, для оценки жизнедеятельности либеральной идеи, однако либеральная идея за последние 20–30 лет в Европе выродилась в экономический либерализм, причем в такой, который придает слишком большую силу капиталу, а это как раз очень плохо для распространения либеральной идеи.

В.Я.: У нас в России уже третье десятилетие идет ожесточенная идеологическая борьба с либерализмом; против него — и националисты, и коммунисты, и сторонники «особого русского пути»... Общество расколото; власть испытывает своего рода сильный когнитивный диссонанс, с одной стороны, проводя в целом довольно разумную экономическую политику, провозглашая идею всесторонней модернизации экономики и институтов, скорейшей интеграции в мировую экономику, вступая в ВТО и другие международные организации; а с другой — поддерживает консервативные, изоляционистские и попросту реакционные силы... А как с этим обстоит в Словении?

Д.Т.: Понимаете, у нас в обществе сейчас распространено представление о том, что наличествует какая-то версия либерально-экономической идеологии, которая создала своего рода плутократию. Сегодня у нас комбинация власти и денег, а это нанесло обществу, республике немалый вред. В результате финансовый капитализм деградировал, а это плохо. Я думаю, что Европе следует изменить некоторые вещи, чтобы вернуться к принципам какого-то реального человеческого измерения. Ведь речь идет о свободе человека, устойчивости его благосостояния, но этого равновесия в Европе в настоящий момент, увы, нет. Есть комбинация и концентрация финансового капитала, есть определенные экономические проблемы, требующие своего решения, но в этом процессе контакт с оригинальной либеральной идеей утрачен.

В.Я.: Может быть, негативное отношение к либеральной идее связано именно с возрастающей пропастью между богатыми и большинством населения, которое является основой формирования всех влиятельных партий...

Д.Т.: У власти в Словении много лет стояла самая сильная партия — либерально-демократическая, но в 2004 году она на выборах проиграла. Это было восемь лет назад, и после этого в стране началось разложение, которое длится до сих пор. Мы переживаем сейчас одну очень важную трансформацию, у которой есть несколько особенностей. И одной из них как раз и является разложение либерально-демократической партии. Это важный симптом состояния общества: с одной стороны, усилилось влияние консервативных сил, а с другой — у людей появилась неопределенность, неуверенность в завтрашнем дне. Возникают новые партии, но исчезают старые, и этот либерально-демократический вызов требует новых решений, изменений в конституции. Этот момент в дальнейшем развитии страны очень важен. Другая причина — это растущее недоверие к политике. У людей накопилось слишком много негативного отношения к политикам — вообще, ко всем политикам и самой политике, что и явилось последствием различных отрицательных явлений, которых не скроешь от людей. Приватизация в Словении, так же как и у вас, в России, которая привела ко многим эксцессам. И у нас существует взаимосвязь между политическими лидерами и экономическими игроками. Все это не могло не создать впечатление, что нам как обществу нанесен огромный вред, и это вызвало у людей недоверие к «политическому классу». Это вторая особенность нашего политического состояния. А третья — заключается в том, что Словения является частью Европейского Союза, а в странах этого Союза, к сожалению, углубляется недоверие к европейским институциям. Многие граждане перестали доверять европейским учреждениям — Европарламенту, Еврокомиссии.

Поэтому когда вы в России думаете о своих собственных проблемах, хорошо было бы сравнивать с теми реальными проблемами, которые существуют в Европе. Мне кажется, Словения во многих случаях может послужить для вас наглядным примером. Вот почему я и назвал эти три проблемы: разложение либерально-демократической партии у нас, недоверие людей к политике вообще и углубление недоверия к европейским институциям. Таковы наши фундаментальные характеристики, и если в России появляется недоверие к политике, стоит объек-

тивно посмотреть на процесс и сравнить ваши проблемы с европейскими.

Россия — уникальная страна, у вас есть своя история, пусть даже и нелегкая. Есть традиции, великая культура, наработан собственный политический опыт, хотя, может быть, все это не столь уж сильно отличается от Европы, как это кажется на первый взгляд.

В.Я.: На последние президентские выборы в декабре 2012 г., которые Вы проиграли, пришло всего 37 процентов избирателей; Ваш конкурент, бывший премьер Борут Пахор, за год до выборов отправленный в отставку и получивший в парламенте вотум недоверия, выборы выиграл.

Мне кажется, всюду проявляется усталость людей от «нарусели» одних и тех же лиц. В связи с этим многие заговорили о кризисе сложившейся процедуры избирательной демократии. Некоторые предлагают «прямую демократию», «облачную демократию» по Интернету и т.д.

Д.Т.: Да, мы можем согласиться со всем этим... Такое незначительное число происходящих на выборы напрямую свидетельствует о недоверии людей к той политической системе, которая сложилась у нас. Это именно следствие того, что пережили люди, ибо они поняли: от их участия в выборах ничего не зависит, их голоса вообще, не гарантируют того, что реальную власть получит тот, за кого они хотели бы проголосовать. Реальная власть находится где-то в другом месте, но отнюдь не в демократических институциях, вот это и создает недоверие. Второе — это то, что проблемы в Европейском Союзе создали совсем иную ситуацию. Европа сейчас переживает кризис легитимности, который может угрожать европейскому сообществу.

Вы знаете, мы в Словении ожидали очень многого (может быть, даже слишком многого) от Лиссабонского договора, в котором должны были быть распределены роли европейских учреждений — например, усилены функции Европарламента и Еврокомиссии. Однако сама тенденция развития проходила в обратном направлении, и сегодня Европейский парламент более маргинален, нежели когда-либо, несмотря на то что он стал обладать большими полномочиями.

В.Я.: Быть депутатом в национальном парламенте престижнее, чем в Европарламенте?

Д.Т.: Да, это так, но это не обязательно хорошо.

В.Я.: Можно ли сказать, что в Европарламенте сидят люди из так называемого второго ряда национальной политики?

Д.Т.: Понимаете, Республика Словения — относительно новый член Европейского Союза, мы всего лишь десять лет в Европарламенте, сейчас у нас второй мандат, который заканчивается (один мандат длится пять лет). И, конечно, эти отношения еще не совсем развиты, а сравнения: какие политики уходят в национальные институты, а какие — в Европарламент, — еще не вполне сложились, но ясно одно: о наших европейских депутатах мало что слышно. В основном все происходит у нас дома.

Но что еще больше нас беспокоит — так это то, почему Европарламент никак не проявил себя во время кризиса? Там просто было невозможно ничего согласовать и понять, сталкивалось слишком много совершенно разных интересов. Получилось так, что в кризисной ситуации реальное принятие решений является прерогативой правительств стран объединенной Европы. Премьеры, министры очень часто встречаются на кризисных совещаниях, и эти встречи становятся все более важными, в то время как реальное значение деятельности Европарламента и Еврокомиссии снизилось. Такова характеристика кризиса и наш его опыт в кризисное время. Естественно, что подобное развитие событий усугубило недоверие к европейским институтам. Вот приведу вам пример последних дней: Европейский парламент рассматривал проблематику налоговых сокрытий, и в своих дебатах евродепутаты сожалели о том, что к их советам не прислушиваются. Конечно, в этой очень важной области все зависит от национальных властей. А Европейский парламент выполняет лишь консультативные функции. И все это весьма характерно для нынешней ситуации. Важно, чтобы в России хорошо понимали эту проблематику, понимали, что Европа — это не какой-то идеальный мир, к которому обязательно должны приспосабливаться все другие страны. У Европы — свои нелегкие проблемы, а у России — свои.

В.Я.: По поводу авторитета ЕС давно ходит шутка: «кому же в Европе позвонить?»

Д.Т.: Это еще Киссинджер спрашивал, и проблема до сих пор не решена. В принципе, в Евросоюзе создана одна такая важная институция, в Брюсселе работает много людей, — это Высокий комиссар по вопросам безопасности и внешней политики, но он не обладает столь большими полномочиями, чтобы в любое время позвонить Госсекретарю США, что может сделать министр иностранных дел России Сергей Лавров. Надо понимать, что здесь речь идет не только о формальном понимании вопроса. Более важно реальное положение вещей: европейские страны свою внешнюю политику все еще проводят сами.

В.Я.: Оживившиеся с наступлением кризиса евроскептики, говорят о неминуемом грядущем распаде Европейского Союза (во всяком случае, шенгенской зоны и зоны евро), о возврате к немецкой марке, песо, франку, драхме и т.д. Другие же, напротив, предполагают скорое возникновение мощной Европейской Федерации. Как Вам видятся тенденции развития и строительства Европы?

Д.Т.: Мне кажется, не произойдет ни того, ни другого. Во-первых, у европейских партнеров довольно много общих интересов, чтобы стремиться выжить вместе. Во-вторых, время для какого-либо иного европейского «Священного Союза» еще не наступило. Думаю, что Европа сначала должна доказать, что она способна создать свой эффективный банковский союз. Да, у нас есть общая валюта — евро, это валюта большого числа стран (не всех, но многих: 17 из 27), но при этом выявилось, что это как раз одна из слабых систем, и она не работает. Я говорю о финансовой и банковской системе, напрямую привязанной к евро. И если Европейский Союз не будет способен преодолеть эту проблему, тогда трудно будет представлять себе и политический союз.

В.Я.: Я встречался здесь с профессором И. Менцингером, который слывет в Словении экономическим диссидентом. Как я понял, он считает, что если бы страны ЕС, такие как Греция, Словения и др., имели бы собственную валюту, они могли бы проводить эмиссию, тем самым увеличивать инфляцию, но при этом регулировать экономические механизмы...

Д.Т.: Да, я с этим согласен. Вы знаете, Евросоюз создал некоторые свои институции — например, Европейский центральный банк, основной задачей которого является предотвращение инфляции, и вот этот страх перед инфляцией стал иррациональным. Вместо того чтобы решать эти проблемы средствами монетаристской политики, Центральный банк этого не делает, а переносит все бремя на бюджеты стран — членов ЕС. Понимаете, у Европейского банка есть свой мандат, но он несвободен в своих решениях. И здесь ошибка, я думаю, заключается в самой системе, что Менцингер, конечно, прав. Теперь вопрос в том, как и когда эта система изменится? Потому что если она вскоре не изменится, тогда возникает другой вопрос: на какую базу будет опираться политическая система? Трудно представлять себе будущее Европейского Союза, если он будет не в состоянии решить эти проблемы так, чтобы решение отвечало интересам всех стран — членов ЕС. В этом отношении я пессимист, но хочется верить, что за какое-то время что-то должно измениться, хотя пока ничего не происходит...

В.Я.: Многие, особенно в Германии, говорят о необходимости изменений основных финансовых бюджетных параметров стран — членов ЕС и о введении санкций за их нарушение...

Д.Т.: Если речь идет о банковском союзе, который является ключевым для ЕС, то месяц назад немецкий министр финансов сказал, что для этого придется пересмотреть европейские соглашения, а это очень длительный процесс, который может длиться годами. И все это время у нас будет нефункциональная система. Сегодня трудно быть оптимистом.

В.Я.: Конкурентность Европы по отношению к Китаю падает; и тогда возникает вопрос: могут ли в рамках свободной мировой торговли сосуществовать экономики, обремененные высокими социальными обязательствами, как в странах Европейского Союза, — и экономики стран, лишенных этих ограничений, таких как Китай и другие азиатские страны?

Д.Т.: Мне бы очень не хотелось, чтобы Европейский Союз принял на вооружение китайские стандарты. Думаю, решение заключается в том, чтобы улучшить китайские социальные

стандарты. Вот решение! Сейчас сложилась ситуация, когда эксплуатация рабочей силы приобретает характер рабства. То, что случилось в Бангладеш (разрушение зданий текстильных предприятий), когда погибло более тысячи человек, — это в двадцать первом веке совершенно неприемлемо. Социальные стандарты на китайском рынке должны улучшаться, благодаря этому у них будет создан и внутренний рынок. Большая часть проблем будет зависеть от того, как в Китае будет развиваться внутренний рынок. И я думаю, что на международном уровне нам необходимо настаивать на социальных и экологических стандартах производства, я имею в виду ВТО, а также договоры, которые другие государства заключают с Китаем.

ООН здесь не может играть большой роли, но посмотрите: за последние десятилетия Европа переселила свое производство в Китай. Тогда это было мотивировано прибылью, но теперь мы сталкиваемся с негативными последствиями этого, и необходимо срочно исправлять ситуацию.

Полагаю, что нужно реиндустриализировать Европу. Конечно, Европа пока еще не деиндустриализирована, но слишком много производств было переселено в Китай. Я хорошо помню, когда еще во времена правления Билла Клинтона очень много производств было перевезено в Китай, и тогда это привело к огромным проблемам в США. Конечно, у Америки есть определенные преимущества по сравнению с Европой, у них будет более дешевая энергия, ибо будут применяться новые технологии добычи природного газа. Повысится конкурентоспособность. Я думаю, что сотрудничество Европы с Россией было бы очень важным и выгодным в интересах долгосрочной европейской конкурентоспособности, ведь Россия обладает огромными энергоресурсами. Здесь налицо уникальное совпадение стратегических интересов развития Европы и России, которое мы пока еще не смогли глубоко осознать и правильно использовать.

Мне хочется вернуться к тому, с чего мы начали: для такого сотрудничества необходима хорошая база человеческих отношений и деловых контактов, рост взаимного понимания, интереса и доверия. Чтобы провести вот такие глубокие стратегические изменения, в этот процесс необходимо включить очень много людей. И мы не

должны откладывать на потом вопроса о визах. Ну, если нельзя решить визовую проблему сразу, то хотя бы по частям. Но я знаю, что и с нашей, и с российской стороны есть ограничения, т. е. это все не так просто, как кажется. И все-таки основная идея — развивать контакты на новом уровне — это уже существенно.

Уже тридцать лет в мире не существует «железного занавеса», когда людям и нельзя было свободно путешествовать. Теперь многие вещи изменились, но, судя по всему, возникли новые барьеры, и мы, политики в европейских странах, должны бы уделять этому вопросу больше внимания, и не только с гуманистической, но и со стратегической точки зрения.

Я желаю успехов «Вестнику Европы» — журналу с такой долгой интересной историей и с такой важной программой.

Организация беседы, сопровождение и письменный перевод Александра Садынова

Примечание

¹ Данило Тюрк. Основы международного права. Москва: Центр книги «Рудомино». 2013 г. 640 стр.

Отрывки из книги

Данило ТЮРК

Из предисловия:

Книга задумана таким образом, чтобы дать читателю возможность взглянуть на целостную картину современного международного права.

...Международное право — система правовых принципов и норм, которые определяют права и обязанности субъектов международного права и их взаимоотношения в мировом сообществе.

Государства как его первоначальные и важнейшие субъекты играют решающую роль при создании и развитии принципов и норм МП и при введении санкций за их нарушение.

Нормы международного права, содержащиеся в международных договорах и в обычном МП, являются обязательными. Этим международные договоры отличаются от политических деклараций, а обычное МП — от простых обычаев и правил вежливости. Нарушение международно-правовых норм рассматривается как международный *деликт*. Вопрос ответственности за международные деликты и последствия этих деликтов регулируются нормативами по международной ответственности государств, включающими так же разнообразные санкционные правила. Вместе с тем МП не содержит единообразно сформулированной системы санкций за нарушение его норм.

В МП также отсутствуют централизованная законодательная, исполнительная и судебная власти. Законодательная власть находится в руках государств... Исполнение обязательств также касается прежде всего субъектов международного права... Система мирного разрешения споров основана на принципе мирного уре-

«ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

гулирования и свободы выбора средств... Основные функции в системе МП таким образом — децентрализованы. Это — следствие того обстоятельства, что МП возникло и развивалось в условиях, важнейшим детерминирующим принципом которых являлся правовой суверенитет государств — его главных субъектов. Поэтому МП возникло как межгосударственное право, некоторые его институты и сегодня имеют подчеркнuto межгосударственный характер. Таковыми являются Международный суд ООН, сама ООН и другие международные организации... Европейское сообщество, само являясь международной организацией, стало членом некоторых других международных организаций.

Децентрализованный характер основных функций в системе МП ставит три фундаментальных вопроса.

С учетом того, что МП возникло путем заключения многочисленных договоров и длительного развития международных обычаев, можно утверждать: нормы МП представляют собой систему.

Основная особенность этой системы заключается в том, что в случае отсутствия конкретной нормы, можно регулировать отношения между субъектами, решать различные правовые вопросы, ссылаясь на более абстрактные нормы...

Вопросы толкования и применения международных договоров являются не только предметом приложений самих этих договоров, но и общих, кодифицированных норм.

Основные принципы международного права, такие как принцип добросовестного соблюдения договоров (*pacta sunt servanda*), связывают систему в единое целое.

ООН

Важнейшим международно-правым актом, который принят практически повсеместно и который с силой, равной силе международного договора, определяет основные принципы международных отношений, является Устав ООН.

Этот фундаментальный международный договор содержит такие основные принципы МП, как принцип суверенного равенства государств, принцип добросовестного и честного выполнения взятых на себя международно-правовых обязательств, принцип запрета использования силы, принцип обязательного мирного разрешения споров и ряд других. Этот международный договор и его принципы заложили основы современного международного права. Устав ООН играет роль Конституции в современном глобальном мировом сообществе.

Международное право влияет на все сферы международных отношений. Действующие принципы позволяют решать проблемы еще до возникновения новых правовых норм.

Второй основной вопрос, периодически возникающий: является ли международное право правом вообще?

Можно ли говорить о праве, в ситуации, когда система норм зависит от многих субъектов, которые создают и применяют правовые нормы, а централизованная система санкций отсутствует?

Основной категорией, определяющей все отношения в международном праве, является СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ.

Современные государства с помощью МП строят свои взаимные юридически урегулированные отношения. В ходе этого взаимодействия возникают многочисленные правовые нормы, которые все больше ограничивают суверенитет государств.

В международном праве известны *императивные и диспозитивные* нормы. Большинство норм являются диспозитивными, и государства могут изменить их, заключив об этом договор.

Императивные нормы — например, запрет применения силы или запрет расовой дискриминации, другие основные нормы соблюдения прав человека — не могут быть изменены государствами.

Важно также деление на обычное международное право и право международных договоров.

Существует еще исторически сложившееся деление МП на право войны и право мира.

Вопреки убеждению, которое бытует в общественном мнении повсюду в мире, большинство норм международного права соблюдается. Нарушения по большей части затрагивают нормы в области войны и мира, а также вопросы соблюдения прав человека. Нарушения, связанные с поддержанием мира, становятся предметом всеобщей озабоченности, и создают представление о хрупкости международно-правового регулирования. Эта озабоченность обоснована, однако она не отражает состояния МП в целом. Да и сами нарушения не подрывают состояние МП в целом.

«Большинство государств большую часть времени соблюдает большинство международно-правых норм».

В современном мире все более видны черты создающегося международного публичного правопорядка. Развиваются коллективные санкции. Со времени создания ООН за нарушения, связанные с нарушением мира и угрозой миру, предусмотрены санкции, как не связанные с применением оружия, так и силовые санкции, решение о которых выносит Совет Безопасности ООН.

Третий основной вопрос: на кого распространяется международное право?

...На международном уровне сложилось своеобразное положение. Поскольку отношения развиваются между государствами, которые и создают нормы международного права, часто используется выражение «*международное сообщество*». Однако понятие «международное сообщество» невозможно отождествлять с понятием «*глобальное общество*», или *человечество*. Понятие «международное сообщество» можно понимать по-разному. В политическом смысле оно используется, чтобы обратить внимание на общие цели и ценности, которые объединяют мир.

В международном праве понятие «международное сообщество» используется для обозначения совокупности всех государств мира и той формы их взаимодействия, которая отражает глобальный характер международного права

МП возникло как система регулирования отношений между государствами. Вопрос о «положении человека как индивида» в международном праве является достаточно новым. Изначальная связь между индивидом и международным правом была совершенно опосредованной. Норм МП, которые определяли бы положение человека, было исключительно мало; положение религиозных и позднее национальных меньшинств было предметом межгосударственного регулирования, основанном на интересах обеспечения стабильности в отношениях между государствами, а не на идее прав человека.

Идея международного правового определения **положения человека** проникла в международное право и получила свое место только после ужасов Второй мировой войны. Весьма важная часть усилий по развитию МП за последние шестьдесят лет была посвящена именно *судьбе человека как индивида*. Это развитие привело к возникновению трех больших групп правовых норм.

Прежде всего были заключены многочисленные международные договоры, которые *определяют права и свободы, присущие человеку как индивиду*. Созданы международные механизмы, которые дают индивиду возможность апелляции на международном уровне после того, как исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты.

Права человека сегодня являются неотъемлемой частью международного права.

Вторая группа правовых норм призвана защищать человека во время вооруженных конфликтов.

Гуманитарное право и его нормы защиты человека как индивида — элемент права вооруженных конфликтов, которое достигло своего развития после Второй мировой войны, особенно с принятием четырех Женевских конвенций о защите жертв войны (1949), двух дополнительных протоколов к этим конвенциям (1977) и развитием обычного права.

Третьей группой современного МП является развитие норм международной уголовной ответственности индивида. Эти нормы развивались постепенно, а полное выражение получили в Статуте Международного уголовного суда, который был подписан в 1998-м и вступил в силу в 2002 году.

Международный уголовный суд, созданный Римским статутом 1998 года, является не только институтом международного права войны.

...Развитие международного права, определяющее положение человека как индивида, значительно повлияло на состояние современного МП в целом. Если посмотреть на него из далекой исторической перспективы, такое развитие естественно и ожидаемо.

Международное право складывалось в Европе. Начало его было положено тогда, когда Европа стала системой суверенных государств, после того как европейские страны приняли принцип территориального суверенитета в качестве фундаментального организационного принципа государственной власти. Это развитие было весьма интенсивным после заключения Вестфальского мира (если иметь в виду договоры, подписанные в Мюнстере и Оснабрюкке в 1648 году). Оба договора были заключены на основании принципа, уже принятого в некоторых более ранних договорах, но никогда прежде не имевшего столь широкого общеевропейского действия — принципа, в соответствии с которым *государь признает решение о религиозной принадлежности своего государства — cuius region eius religio*. Этот принцип дал возможность католическим и протестантским странам, которые в составе различных коалиций принимали участие в Тридцатилетней войне, установить мир, оставив идею существования единой системы власти в Европе, пред-

полагающей единую религию и политическое устройство.

Важнейшую роль стало играть осуществление эффективной власти на территории государства. Все другие обстоятельства и соотношения сил были подчинены принципу *территориального суверенитета*.

На этой основе оказалось возможным построить международное право.

В Средние века решающим фактором была католическая церковь. Столкновение между церковной властью (Папой Римским) и светской властью (императором Священной Римской империи) закончилось победой Папы и универсалистской идеи власти — власти от Бога.

Этой системе были неизвестны национальные государства. Но в действительности принципы универсалистского христианского государства не были реализованы.

Позднее возникали отношения между итальянскими городами-государствами; возникали дипломатические отношения и международные договоры, торговцы формировали свои правила взаимоотношений и международной торговли. В XVI в. создан ряд трудов, ставших основой для дальнейшего развития международного права — например «Государь» Н. Макиавелли и работа Жана Бодена, создателя понятия «суверенитет» (1576). Жан Боден исходил из предположения, что суверенная власть — это не совсем свобода, она находится под эгидой естественного права, которое исходит от Бога. Швейцарский юрист Эммерих де Ваттель (1714–1767) вывел на первый план свободу народов, суверенитет и равноправие государств. После Французской революции наполеоновские войны изменили карту Европы и международное право.

На Венском конгрессе (1814–1815) был создан новый международный порядок, который опирался на принцип легитимности династий, которые правили до Наполеона. Священный Союз организовывал интервенции в целях сохранения *status quo*. Этот порядок не смог остановить образования национальных государств. Начались процессы объединения Италии и Германии, ослабление Габсбургской и Османской империй. К концу Первой мировой войны мобилизирующим стал принцип самоопределения народов.

Священный Союз стал первым примером устойчивого анклава великих европейских дер-

жав, впрочем, не сумевших предотвратить Крымскую войну между ними. Взаимодействие великих держав было необходимо для созыва двух больших мирных конференций в Гааге в 1899-м и в 1907 году. Конференциям не удалось обеспечить разоружение и прочный мир, но по их результатам была создана Постоянная палата Третейского суда и осуществлена кодификация правил войны.

* * *

В Америке распространен подход, в котором МП имеет «ограниченное значение».

Реалистично признавать разность между фактическим состоянием дел в международных отношениях, и нормативной структурой МП — с другой.

МП воздействует на реальность двумя способами: это метод регулирования, который вносит порядок в сложные международные реалии и одновременно нормативная система, пользующаяся достаточно большим авторитетом.

Вопросы международного *деликта* и международной ответственности являются основополагающими в системе международного права. Вместе с тем их особенностью стали различные определения понятия ДЕЛИКТ и составляющих его элементов в системе международной ответственности. Практический опыт и доктрина различных государств давали разные ответы на эти вопросы. Перед Второй мировой войной по данной теме проходила дискуссия в Лиге Наций... которая, впрочем, не завершилась кодификацией... За совершенные действия государства отвечают объективно, за неисполнение действия — по принципу презумпции виновности, при этом необходимо также определить, проявило ли государство необходимую добросовестность и старание...

Международный деликт — это всякое действие или бездействие, которое: а) совершается государством и б) является нарушением его международных обязательств. Государство несет ответственность за международные деликты. Оценка действия как международного деликта относится к компетенции международного права...

Понятие государства абстрактно, в сущности — государство представляют его органы и лица, действующие на основании выданных им полномочий.

Государство несет ответственность за действия таких органов и лиц, а в некоторых ситуациях — за поведение других, находящихся под его властью субъектов... Первым вопросом является то, в каких случаях некоторое поведение (действие или бездействие) можно присвоить государству. То есть — вопрос о присвоении поведения (*attribubiliti*).

В судебной практике встречались случаи, когда нужно было выяснить природу связи между вооруженными группировками и некоторыми другими группировками в иностранном государстве. Самый известный пример — военная и паравоенная деятельность в Никарагуа и вокруг нее (Никарагуа против США) рассматривалась в международном суде... Суд постановил, что ответственность за некоторые действия несут США, а в отношении других действий — нет. Суд отметил, что США не могут быть ответственны за нарушения гуманитарного права, совершенные никарагуанскими повстанцами (контраст). Хотя повстанцы и получали помощь, они тем не менее не контролировались США. Международный суд тот же критерий контролируемости использовал в разбирательстве спора между Боснией и Герцеговиной и СР Югославией (позже Сербией) о геноциде... По решению Международного суда ответственность Республики Югославии за геноцид в Сребренице квалифицировалась как самостоятельная: при тех обстоятельствах она не должна была допустить геноцид, что было прямой обязанностью Республики Югославии на основании первой статьи Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, и даже не пыталась это сделать.

Суд также констатировал ответственность Югославии за непроследование виновных, участвовавших в геноциде в Сребренице... Особым вопросом является рассмотрение нарушений основополагающих, *императивных норм* международного права, что необходимо рассматривать как международное преступление. Другие нарушения называются *международными деликтами*.

Поучительным примером является проблема военных действий НАТО против Союзной Республики Югославии с марта по июнь 1999 года во время кризиса в Косово. Операция была проведена без специального разрешения Совета Безопасности. С другой стороны, следует отметить, что поданное в Совет Безопасности

предложение осудить вооруженные действия государств — членов НАТО Совет Безопасности определенно отклонил (неявная поддержка военных действий), выдвинув аргумент гуманитарной необходимости и форс-мажора...

ООН и Совет Безопасности

...С юридической точки зрения, наиболее важным различием органов системы ООН является то, носят ли их решения *обязательный* или *рекомендательный* характер. К первой категории относятся решения Совета Безопасности и Международный суд, но второй — все остальные органы... При создании Совета Безопасности особую роль сыграла идея президента США Рузвельта о «четыре полицейских», которые после Второй мировой войны должны совместно заботиться о поддержании международного мира; это США, Великобритания, СССР и Китай.

На конференции в Сан-Франциско к этой группе присоединилась Франция.

Сотрудничество между постоянными членами было задумано как основополагающее условие для успешной деятельности Совбеза и всей системы ООН. С началом «холодной войны» его мощь была сильно подорвана. Противостояние между СССР и другими членами Совета Безопасности приводило к блокированию тех или иных решений и — как следствие — вело к тому, что центр политической инициативы сместился в сторону Генеральной Ассамблеи ООН. После окончания холодной войны условия работы Совета Безопасности стали гораздо более благоприятными. Сегодня он является основным международным органом по поддержанию мира и безопасности; замысел авторов устава ООН таким образом осуществился.

Первоначально в Совете Безопасности было 11 членов — пять постоянных и шесть непостоянных. В связи с ростом числа членов ООН в 1963 году было принято решение об увеличении его состава на четыре непостоянных члена. Их стало десять. Непостоянные члены избираются Генеральной Ассамблеей сроком на два года. Каждый год избирается половина (пять) непостоянных членов. Чтобы быть избранным, государство должно получить большинство в две трети голосов всех членов ООН.

Совет Безопасности проводит свои заседания в форме совещаний и неформальных кон-

сультаций. Последние занимают большую часть времени и имеют преимущества, связанные с их неформальным характером; они проводятся без ведения протокола, без присутствия общественности или представителей государств, не являющихся членами Совета Безопасности. В форме неофициальных консультаций проходит большая часть обсуждений в Совете Безопасности. Работа СБ ведется постоянно; у каждого члена Совета есть свой представитель в штаб-квартире ООН.

Совет Безопасности принимает свои решения на открытых официальных заседаниях. Хотя существует возможность проведения закрытых заседаний, они редко реализуются на практике, поскольку конфиденциальность обеспечивается практикой неформальных консультаций.

...Особые условия распространяются на страны, чьи «интересы специально затронуты». Эти страны имеют право принимать участие в обсуждении без права голоса... На практике, при определении того, интересы каких государств «специально затрагиваются», проявляется большая гибкость. Часто государствам, участвующим в споре или конфликтной ситуации, представляется место за столом Совета Безопасности на все время обсуждения. Остальные участники за столом меняются. Таким образом, круг государств, чьи «интересы специально затронуты», может быть расширен, причем всегда будет ясно, судьба каких государств обсуждается, и они будут постоянно иметь право находиться за столом Совета Безопасности, который служит символом принятия решений...

Совет Безопасности принимает решения путем голосования. Для принятия решений по вопросам процедуры достаточно получить голоса девяти членов, для принятия остальных решений необходимо, чтобы это большинство включало голоса ВСЕХ постоянных членов СБ.

Правило, согласно которому для принятия основных (а точнее — непроцедурных) решений требуется согласие всех пяти постоянных членов СБ, широко — и не вполне точно — интерпретируется как «право вето» постоянных членов. Термин «вето» означает возможность не допустить принятия решений путем выдвижения *возражения*. Таким образом, воздержание при голосовании, не означает наложения вето и тем самым позволяет принять решение. Этот принцип со-

временем утвердился в практике СБ, вопреки положению статьи 27 Устава ООН, который требует СОГЛАСИЯ всех постоянных членов СБ для принятия решения. На практике считается, что если кто-то из постоянных членов «воздержался», это не препятствует принятию решения Совета Безопасности. Данное изменение правила об обязательном согласии всех постоянных членов Совета для принятия решений по основным вопросам фактически соответствует понятию «вето».

Таким образом, по мнению некоторых авторов, была сформирована новая норма международного процессуального права и фактически пересмотрен устав ООН.

Сложившееся на практике определение «вето» соответствует потребностям постоянных членов, которые могут, воздержавшись при голосовании, таким образом выразить свои опасения в отношении предложенного решения вопроса, но избежать ситуации, когда они могут помешать принятию решения.

Несмотря на то что *право «вето»* в новейшей практике используется редко, угроза его применения реально сохраняется. Это особенно важно в процессе переговоров, когда стараются предложить такую формулировку, чтобы возражающий постоянный член Совета мог воздержаться, а Совет сохранил способность к принятию решения.

В нынешней ситуации необходима большая гибкость подхода... Правда, надо признать, что переговоры, которые ведутся под давлением угрозы применения *вето*, часто приводят к решениям, которые в результате двусмысленности и неопределенности формулировок не могут иметь оптимальных дипломатических последствий. Неопределенные и неясные решения всегда создают проблемы в толковании и применении.

Особенность современного развития дает преимущество консенсусным решениям... Например, во время кризиса, связанного с ситуацией в Косово в начале 1999 г., когда из-за угрозы применения *вето* было заблокировано решение об использовании вооруженных сил НАТО для урегулирования кризиса, ни в Совете Безопасности, ни в Генеральной Ассамблее не было предпринято попыток созвать чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи. Чрезвычай-

чайные сессии по вопросам Палестины после 1993 года созывались несколько раз, вопреки вето США в Совете Безопасности, но они постепенно утратили былую мобилизующую силу.

Согласно статье 25 Устава, члены ООН «соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их».

Тем не менее Совет Безопасности может принять по тому или иному вопросу решения и рекомендательного характера. В каждой резолюции СБ четко определено, содержит ли она *решения* (decisions) или *рекомендации*. Часто в одном решении есть и то и другое. Совет Безопасности не является судебным органом и не имеет права выносить судебные решения, носящие обязательный характер. Даже в случае угрозы мира или агрессивных действий. Не исключается, что он сделает только *рекомендацию*. Эта возможность выбора необходима, поскольку часто рекомендации СБ являются достаточной или предпочтительной мерой воздействия. После окончания «холодной войны» СБ часто использовал полномочия, данные ему Уставом ООН, и принимал меры принудительного воздействия.

Были введены различные меры экономического характера против Ирака в 1990–1993 годах. И против Югославии в 1992–1996 гг. целевые санкции были направлены на конкретные действия — например, на запрет поставки вооружений (государства бывшей Югославии, Либерия, Сомали и др.), запреты на полеты (Ливия), запрет на торговлю алмазами (Ангола, Сьерра-Леоне, Либерия), запрет на торговлю тропической древесиной (Либерия).

Практика показала, что, как правило, слишком широкие санкции не достигают желаемого эффекта и приводят к гуманитарным проблемам.

Для каждого случая санкций Совет Безопасности учреждает состоящий из государств — членов СБ специальный комитет, которому поручается мониторинг режима санкций.

Крупнейшей системой санкций была программа «нефть в обмен на продовольствие», которую СБ создал на основании соглашения с Ираком в 1996 году. Программа действовала до мая 2003 года. Она обеспечивала контроль над продажей иранской нефти и закупкой гуманитарных товаров в соответствии с решениями СБ. После окончания программы оставшиеся финансовые средства (около 8 млрд. долларов

США) были перечислены на специальный счет для целей будущего развития Ирака.

...Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде были также созданы согласно решению Совета Безопасности.

Эти решения носили весьма новаторский характер.

...Совет Безопасности в тех случаях, когда идет речь об определении мандатов миротворческих операций, ссылается на VII статью Устава. Когда возникает необходимость использования принудительных средств и особенно военных аспектов, Совет Безопасности принимает решение, что мандат действует в соответствии со статьей VII, что означает возможность применения вооруженных сил.

При проведении таких мероприятий, как санкции и миротворческие операции, Совет Безопасности действовал в обход препятствий, предусмотренных в тексте Устава, на основе телеологического толкования своих полномочий и имплицитных полномочий, вытекающих из целей ООН, которые предусматривают эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру...

С другой стороны, Совет Безопасности не развил практику использования статьи 42 Устава, которая дает возможность СБ собственными вооруженными силами провести кампанию по поддержанию или восстановлению мира.

Во время войн в Корее (1950) и в Персидском заливе (1991), последовавшей за иранской агрессией против Кувейта, Совет Безопасности разрешил применение силы.

Совет Безопасности в своей деятельности осуществил немало нововведений вследствие телеологического толкования устава, расширивших использование его полномочий, предусмотренных Уставом. В некоторых случаях, например, при создании трибуналов по бывшей Югославии и Руанде — были открыты совершенно новые направления толкования Устава и применения полномочий СБ.

Среди примеров последних лет важна резолюция 1373 (2001 г.), принятая после террористического нападения на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон. Эта резолюция стала важным нововведением в борьбе с терроризмом. Этой резолюцией СБ ввел систему отчетности всех государств ООН по вопросу борьбы с терроризмом и особо подчеркнул, что поддержка и укрытие террористов также считаются террористической деятельностью... Был создан Контртеррористический комитет СБ. С точки зрения права, статус данного комитета является нововведением, поскольку он, не будучи одним из комитетов по санкциям, созданных для решения географически определенных ситуаций, имеет *открытый мандат* Совета Безопасности, который может дополнять и развивать. В отношении данного Комитета не установлены ограничения по срокам его существования и деятельности. Советом Безопасности создано специальное подразделение Секретариата — так называемый Контртеррористический Исполнительный директорат, который осуществляет аналитическую работу и обеспечивает профессиональную работу Комитета. ■□■

ПРИВЕТСТВИЕ

Примож ШЕЛИГО

Чрезвычайный и полномочный Посол
Республики Словения
в Российской Федерации

Мне чрезвычайно приятно, что свежий номер «Вестника Европы», полностью посвященный Словении, вышел как раз в период, когда я приступил к своей деятельности в Москве в качестве вновь назначенного Посла Республики Словения в России. Хотел бы выразить признательность создателям журнала, а также тем организациям, которые на протяжении многих лет обеспечивают его регулярный выход: ведь благодаря им стало возможно и появление этого специального номера. Особой честью для нас является и то, что в их числе представлены Всероссийская библиотека иностранной литературы им. М. Рудомино и Фонд Егора Гайдара — важные факторы упрочения словенско-российского сотрудничества и дружественных отношений.

Диалог между нашими двумя государствами за последние годы стал исключительно динамичным и приобрел множество направлений как на уровне двусторонних отношений, так и на международной арене. Каждый год осуществляются взаимные визиты на высшем и высоком уровне, регулярно ведутся консультации между министерствами иностранных дел, совершенствуется договорно-правовая основа наших взаимоотношений. Я убежден в том, что такая интенсивность сохранится и в дальнейшем, поскольку нам предстоит отметить вместе ряд значимых событий.

Хотел бы, например, упомянуть о предстоящих зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 году — это, несомненно, откроет возможности для двусторонних встреч руководителей двух наших стран; затем последует дата, юбилейная для Русской часовни у перевала Вршич. Словенская сторона ожидает, что на будущий год, когда исполнится столетие со дня начала Первой мировой войны, в мемориальной церемонии у часовни примет участие Министр обороны Российской Федерации; мы надеемся, что на мероприятия по случаю векового юбилея Русской часовни, который будет отмечаться в 2016 году, в Словению прибудет и Президент Российской Федерации.

Мне весьма приятно отметить, что от политического диалога не отстает и экономическое сотрудничество, упрочение которого является одним из ключевых приоритетов и моей деятельности в качестве Посла. Россия считается важнейшим партнером Словении как в области торгового оборота, так и прямых инвестиций. В 2012 году Россия была седьмым по значимости торговым партнером Словении, а по объему прямых инвестиций Республика Словения за рубежом занимала пятое место. На российском рынке все большим спросом пользуются словенские курорты. Так, в 2012 году число туристов, приехавших отдохнуть в Словению, возросло на 27% по сравнению с 2011 годом; в нынешнем году тоже отмечается неуклонный рост.

Наряду с хорошими результатами следует не забывать и о том, что потенциал сотрудничества еще далеко не исчерпан. Если говорить об инвестициях, то можно вкладывать в туризм, в банковский и финансовый секторы, в энергетику и энергосберегающие технологии, информационные технологии. Возможности для совместной работы открываются также в области строительства, прежде всего в строительстве спортивных объектов, и я уверен, что

© Фото: В.Арошечко. Озеро Блед

словенские строительные компании, обладающие значительным опытом и современными технологиями, смогут успешно участвовать в создании спортивной инфраструктуры, предназначенной для проведения Чемпионата мира по футболу, который состоится в России через пять лет, в 2018 году.

К числу ключевых инструментов упрочения двустороннего экономического сотрудничества и выявления заинтересованности в нем предприятий обеих стран я бы отнес Межправительственную комиссию по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, регулярные заседания которой проводятся ежегодно. В ходе этих встреч проводится обзор выполненных задач и намечаются новые цели для дальнейшего сотрудничества. Важно и взаимодействие с российскими регионами, которое мы стремимся сделать еще активнее за счет подписания новых рамочных документов, упрощающих контакты между экономическими агентами двух государств.

Весьма важной для себя задачей я также считаю взаимодействие в сфере образования и культуры. Я поставил перед собой цель — создать в Москве Словенский культурный центр, который будет вносить существенный вклад в продвижение словенской культуры, науки и образования в Российской Федерации. Договорная база для этого уже сформирована, в этом заинтересованы и люди творческих профессий, проживающие в Словении, и соотечественники, которые живут и работают в России, а также многочисленные друзья Словении — дело только за реализацией идеи. Один раз в два года Словения и Россия подписывают Межправительственную программу сотрудничества в области культуры, науки, образования и спорта, которая определяет приоритеты и стимулы сотрудничества между учреждениями и организациями, действующими в сфере культуры, образования, науки и искусства. Идет обмен художественной, научной и учебной литературой, поощряется также сотрудничество в области радио и телевидения, кинематографа, печати, в том числе электронных СМИ, преподавания и изучения русского и словенского языков, национальных литератур. В настоящее время действует Программа, рассчитанная до 2015 года, и я бы хотел, чтобы она работала на все сто процентов, и даже больше.

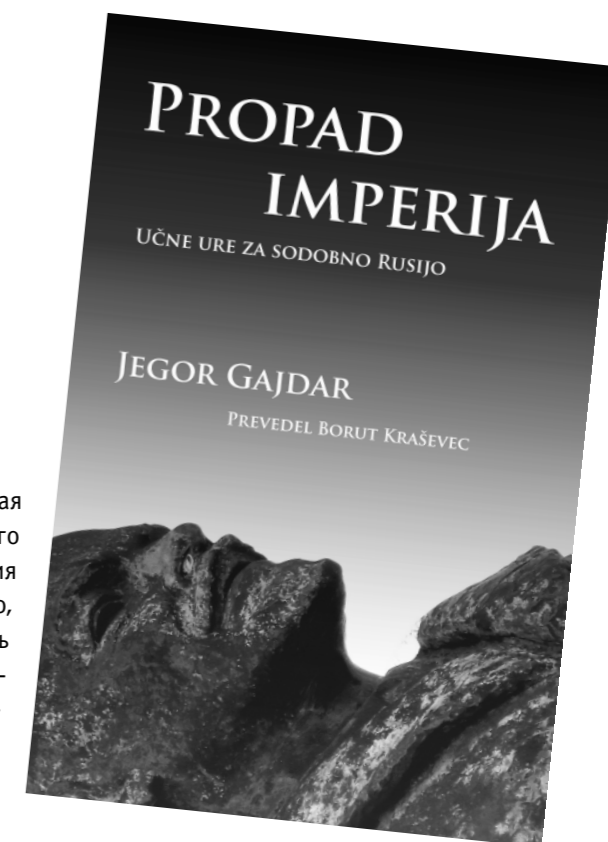
Нельзя не упомянуть и о Форуме славянских культур, штаб-квартира которого находится в Любляне. Форум объединяет все славянские страны, представляет славянскую культуру, науку и искусство, его созидательный заряд и наследие. Эта организация призвана и стремится содействовать тому, чтобы славянские культуры могли внести свой достойный вклад в глобальную полифонию культур. Россия является ключевым партнером в Форуме, поэтому нам хотелось бы еще теснее взаимодействовать с ней в том, что касается дальнейшего развития и расширения его сферы деятельности.

Я убежден в том, что этот номер «Вестника Европы» поможет российскому читателю получить многостороннее представление о политико-экономической жизни Словении, о ее культуре и природном богатстве; таким образом, знания о Словении будут шириться, она станет более популярной в России. Что же касается меня, то, будучи руководителем дипломатического представительства Республики Словения, я буду прилагать усилия к тому, чтобы у нас возникали новые идеи и проекты, способные сделать словенско-российские отношения, уже достигшие беспрецедентной отметки, еще плодотворнее и насыщеннее.

■□■

ГАЙДАР НА СЛОВЕНСКОМ

...в своей книге Егор Тимурович постарался разделить эту роль между тремя знаменитыми именами и закономерностями человеческого развития. <...> «Гибель империи» – не роман, однако и научным трудом, по современным стандартам, книга не является

«Гибель империи» — это книга, написанная Егором Гайдаром, без сомнения, прежде всего для самого себя. Ее объем, способ изложения и многочисленные свидетельства, возможно, сами по себе не указывают на это, но ведь книгу можно читать и между строк. По существу, обилием мнений, документов, свидетельств, сведений и краткими сдержанными выводами, для которых — при таком объеме книги — оставлено слишком мало места, автор просто *заставляет* нас читать между строк.

Если мы заметим еще и слова профессора Йельского университета Олега Цивинского, приведенные в начале книги, о том, что развал СССР останется в истории связанным лишь с тремя именами: Горбачева, Ельцина и Гайдара, и если мы примем во внимание мысль автора книги о том, что огромный Советский Союз рухнул всего за три дня, становится ясным также и то, *почему* Гайдар написал эту книгу. В первую очередь — ради своей собственной души. Ему, интеллектуалу, тонко чувствующему человеку, человеку мысли и — вероятно, — даже внутри себя — человеку скромному, по правде сказать, такая историческая роль просто-напросто не свойственна. Поэтому в своей книге Егор Тимурович постарался разделить эту роль между тремя знаменитыми именами и закономерностями человеческого развития. <...> «Гибель империи» — не роман, однако и научным трудом, по современным стандартам, книга не является. Приведенные документы, свидетельства, сведения и мнения, из которых состоит большая часть текста в книге, собственно, создают то удивительное напряжение, ту атмосферу Времени, которое описывает Гайдар. При этом автор не прибегает к обилию собственных слов и мыслей. Напротив, зачастую даже хочется, чтобы Гайдар добавил еще какой-нибудь собственный вывод или поделился своими мыслями... А он не хочет! И тем самым атмосфера всё более нагнетается. Создается впечатление, словно СССР и его руководители, к числу которых Егор, конечно, причисляет также Горбачева и Ельцина, — это семья, заблудившаяся в горах, и отец, который до сих пор был для всех опорой и защитой, вдруг неожиданно осознаёт собственное бессилие, ибо не может помочь своей семье. И чем старательнее он ищет выход, тем меньше семья доверяет ему. В конце концов все они оставляют его, для того чтобы спастись самим.

Д-р, проф. Макс Тайникар

■□■

© Текст: Макс Тайникар

ЮЖНАЯ ЕВРОПА

И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Антон БЕБЛЕР¹

Региональная безопасность в Юго-Восточной Европе

В течение двух последних десятилетий некоторые регионы Южной Европы часто становились наиболее опасными очагами напряженности на нашем континенте. Недавний глобальный финансовый кризис, с его первоначальным эпицентром в США, вызвал особенно глубокие экономические и социальные проблемы в ряде средиземноморских стран — членов ЕС и стал угрозой для евро, весьма заметного и важного символа европейской интеграции. Политические кризисы, социальные потрясения, вооруженное насилие и войны в Северной Африке и на Ближнем Востоке привели к увеличению притока в Европу из Северной Африки беженцев и людей, ищущих работу. К этому добавились многолетняя напряженность и конфликты в средиземноморском регионе Южной Европы. Это, в свою очередь, отрицательно повлияло на социальную стабильность и политический климат в балканских странах. Последовавшая затем политическая напряженность внутри государств — членов ЕС поставила под угрозу и работу Шенгенской системы — также одного из важнейших институтов европейской интеграции.

И без того шаткая экономическая и политическая стабильность в восточной части Южной Европы пострадала особенно сильно, тем самым почти нивелировав и так скромные достижения последнего десятилетия. Согласно статистическим данным о вооруженных конфликтах, существующих в мире, которые были составлены Центром исследования проблем мира (PCR) Университета Упсала, в сравнении с другими континентами Европа, после кризисного пика в начале

1990-х годов, сегодня демонстрирует относительное спокойствие. Однако реальное значение этого результата переоценивать не следует. Точно так же, как и везде, хотя и менее значительно, чем в Азии и Африке, на **нашем континенте или на его границах сохраняется серьезный конфликтный потенциал**. Это относится и к Юго-Восточной Европе, а также — и даже в большей степени — к соседним странам Средиземноморья, Северному и Южному Кавказу и к Ближнему Востоку. Помимо существования политики силы, нерешенных межгосударственных территориальных и политических споров, внутреннего религиозного экстремизма, конкуренции за энергоносители, воду и другие дефицитные природные ресурсы, внешнего вмешательства и пр., конфликтный потенциал в Европе увеличился и в связи с глобализацией. В том числе с ее эффектом массовой информации, а в долгосрочной перспективе — в связи с неизбежным процессом индивидуального и коллективного освобождения, которое изнутри дестабилизировало установленные авторитарные политические порядки, особенно в многонациональных и многоконфессиональных обществах.

Основы безопасности Юго-Восточной Европы

Между геополитическим развитием Евро-Атлантического региона и региональной безопасностью в Юго-Восточной Европе (ЮВЕ) существует ощутимая взаимосвязь. Сдвиги в соотношении сил среди основных внерегиональных держав повлияли на (дис)баланс между конфликтом и сотрудничеством стран друг с другом, а также внутри региона. Однако некоторые реальные

или потенциальные угрозы все еще представляют опасность для ЮВЕ и других регионов Европы. Кроме того, в течение последних двух десятилетий страны ЮВЕ сами являются заметным источником опасности, распространяющейся и на другие части континента. Четко выделяются две особенности региона ЮВЕ: его необычайная разнородность и высокая чувствительность элит к внешним воздействиям и сдвигам в отношениях между крупными державами континента. Страны Юго-Восточной Европы всегда существенно отличались от других европейских регионов, в частности от скандинавских стран. Не случайно Збигнев Бжезински назвал геополитическую линию разлома, простирающуюся от стран ЮВЕ на восток, вплоть до Тихого океана «Евразийскими Балканами»².

Геополитическая нестабильность в странах ЮВЕ имеет глубокие исторические корни. Страны ЮВЕ частично пересекаются со странами Восточного Средиземноморья, Центральной и Восточной Европы и Черноморского региона. Балканский полуостров всегда представлял собой уникальную в культурном, лингвистическом и религиозном плане смесь народов и этнических меньшинств в Европе³.

Вследствии Юго-Восточная Европа так и не смогла стать единым регионом с точки зрения культуры, политики и экономики. Данному региону явно не хватает своего центра тяжести.

Балканы уже давно зарекомендовали себя как наиболее нестабильный регион Европейского континента. На протяжении XIX и XX веков балканские восстания, революции, перевороты, государственные распады, войны, терроризм и другие формы насилия являлись стимулом к более широкому социальному потрясению и войнам между континентальными державами. **Последние всплески вооруженного насилия и войн на Балканах произошли в 1991–1995 и в 1998–2003 годах**⁴. Эти всплески в значительной степени были вызваны позитивными изменениями в Евро-Атлантическом регионе, а именно: концом «холодной войны», распадом Советского Союза, Восточной Европы и Социалистической Федеративной Республики Югославии, роспуском Организации Варшавского Договора и последующим переходом к демократической политической системе и рыночной экономике.

Социальная нестабильность, экономические трудности и политические волнения стали почвой для межнациональных конфликтов. Дополнительную остроту данным конфликтам придавали современные СМИ. Политики же безжалостно использовали эти конфликты в своих интересах.

Политическая нестабильность вместе с насилием с 1970-х годов привела к распаду Кипра, Молдавии и Югославии. **Процесс «балканизации» удвоил число де-факто существующих государств в Юго-Восточной Европе с восьми до шестнадцати**. В результате новых балканских войн было убито до 130 тысяч человек, а от двух до трех миллионов человек стали беженцами или вынужденными переселенцами. Самые трагические последствия наблюдались на территории Боснии и Герцеговины, Хорватии и Косова. Еще одним печальным результатом тех войн стало стрелковое оружие и боеприпасы, которые в неограниченном количестве поступали на общеевропейский черный рынок и контролируются организованными преступными группировками.

Даже по самым грубым подсчетам, **здесь было установлено около миллиона противотанковых и противопехотных мин**. Несмотря на то что при финансовой поддержке США и ряда стран — членов ЕС деятельность по разминированию ведется весьма успешно, осталось еще более двух тысяч квадратных километров потенциально опасных областей в Боснии и Герцеговине и в Хорватии, на которых, возможно, установлено 400 тысяч мин. **В результате бомбардировок НАТО в 1999 году в сельской местности на землях Сербии еще находят огромное количество смертельно опасных остатков кассетных бомб**.

Юго-Восточная Европа стала единственным регионом на Европейском континенте, где было размещено несколько миротворческих миссий ООН, но который тем не менее стал зоной военной интервенции НАТО. В 1995 году, после неудачных попыток со стороны ООН, СБСЕ / ОБСЕ и ЕЭС / ЕС⁶ и только после значительных колебаний западные державы под руководством США решили силой навязать мир в западной части Балканского полуострова. Конец военным действиям на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины, Косова и Македонии был положен лишь к 2003 году.

Политическая раздробленность, вооруженные конфликты, а также провал коммунистиче-

© Фото А. Тэгни-Рядно

ской политики индустриализации в странах ЮВЕ привели к разрухе и нанесли ущерб экономике и инфраструктуре региона⁶. В результате этого **большинство социалистических государств бывшей Югославии и Восточной Европы до сих пор так и не достигли уровня 1991 года ни в промышленности ни в сельском хозяйстве.**

В некоторых частях западной части Балканского полуострова потери в результате военных действий, перемещения человеческих и природных ресурсов, разрушения ранее единой транспортной и энергетической системы, экономического разделения и потери экспортных рынков уничтожили большинство позитивных результатов предшествующего экономического прогресса. Ущерб, распределенный очень неравномерно, значительно увеличил различия в ВВП на душу населения⁷ среди стран региона и повысил уровень безработицы. В беднейших государствах Юго-Восточной Европы уровень безработицы стал самым высоким на континенте.

Балканские войны привели к резкому росту торговли оружием, спонсируемой правительствами или при их попустительстве. Эти войны также способствовали тому, что уровень организованной преступности в Западной Европе увеличился в разы. Безработица и нищета в странах региона стимулировали коррупцию, организованную преступность, нелегальную миграцию и многочисленные виды незаконной торговли, особенно наркотиками и стрелковым оружием.

Тектонические геополитические сдвиги в начале 1990-х годов и кризис политики нейтралитета и Движения неприсоединения, провозглашенной Броз Тито привели к радикальной политической и военной перестройке в странах Юго-Восточной Европы. **В результате значительного снижения советского/российского влияния практически весь регион в политическом и экономическом плане стал ориентироваться на Запад.** Окончание конфликта между НАТО и странами Варшавского Договора и отсутствие крупных минеральных, энергетических и других природных ресурсов привели к **катастрофическому снижению геополитического значения региона. Страны Юго-Восточной Европы перестали быть объектом открытой борьбы за политическое и военное господство сверхдержав.** Поэтому вне-региональные источники конфликтов на самой территории либо на границах стран ЮВЕ были

сведены к минимуму. **Западные Балканы больше не являются пороховой бочкой Европы, как это было в 1914 году.** Эпоха религиозных и идеологических войн и перекройки государственных границ на Балканах, похоже, закончилась. Но в итоге регион получил долговременную международную дурную славу как источник опасности и больших неприятностей.

Ситуация в области безопасности в настоящее время

«Европейская стратегия безопасности», принятая в 2003 году, в качестве основных глобальных угроз для стран — членов ЕС утвердила следующие: распространение оружия массового поражения, недееспособные государства, терроризм и организованную преступность, информационную безопасность, энергетическую безопасность и изменения климата⁸. В других документах ЕС также упоминаются реальные или потенциальные проблемы, нерешенные конфликты между странами и внутри соседних государств и обеспечение внешних границ Европейского Союза. Реальная ситуация в странах ЮВЕ и уж тем более общественное восприятие угроз безопасности весьма существенно отличаются от официальных оценок ЕС.

Респонденты, участвовавшие в опросах общественного мнения в большинстве европейских стран, в целом были больше озабочены другими аспектами мировой безопасности, такими как безработица, преступность, коррупция, стихийные бедствия (наводнения, пожары) и т.д.

Однажды навязанное мнимое спокойствие в регионе сохранялось на Западных Балканах посредством международного протектората в Боснии и Герцеговине и в Косово. В БиГ СПС (SFOR) под руководством НАТО были заменены гораздо меньшим контингентом СЕС (EUFOR) в количестве двух тысяч человек (при поддержке небольшого специального подразделения НАТО, имеющего возможность быстрого вмешательства в конфликт). В Косово остаются около шести тысяч солдат НАТО в многонациональных силах СДК (KFOR), в то время как миссия Евросоюза ЕВЛЕКС (EULEX) насчитывает 2300 человек — с учетом международной полиции, прокуроров, сотрудников пенитенциарных учреждений, ад-

министративных контролеров и т. д. Численность миссии ЕВЛЕКС, вероятно, будет уменьшена в 2013 году.

Демаркационную линию между двумя частями Кипра с 1975 года охраняет миссия ВСООНК, которая сегодня насчитывает около шестисот миротворцев. И после двух десятилетий, прошедших со времен локальной мини-войны, российский миротворческий контингент в Приднестровье насчитывает около 335 военнослужащих.

Хотя гораздо менее интенсивно, чем во времена «холодной войны», но все же возобновилось соперничество между США и Россией за влияние в странах ЮВЕ. Российская сторона в качестве основного инструмента использует экспорт энергоносителей и значительные инвестиции, особенно в энергетический сектор Сербской Республики, Сербской и Боснии и Герцеговине, а также в недвижимость в Черногории. На территории, расположенной вблизи к странам ЮВЕ, по-прежнему присутствуют арсеналы оперативно-тактического ядерного оружия США и России. Многочисленное военное присутствие в Приднестровье, крупные морские и воздушные базы на украинской территории в Крыму, корабли русского флота на Черном море и сменяемая эскадрилья в Восточном Средиземноморье обозначили уменьшающиеся военные амбиции России — по сравнению с уровнем СССР до 1990 года. С дру-

гой стороны, военное присутствие США в Юго-Восточной Европе, заметно увеличилось — в основном из-за нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке. В дополнение к Шестому флоту американских ВМС в Средиземном море и присутствию ВВС США в Италии, Греции и Турции американцы создали крупную наземную базу Бондстил в Косово и приобрели права на использование военной подготовки и транзитной инфраструктуры в Румынии и Болгарии. В июле 2011 года США заключили соглашение с Румынией о размещении на ее территории элементов противоракетной обороны. Эти мероприятия обозначают будущую роль стран Юго-Восточной Европы в провозглашенном США и НАТО театре военных действий против потенциальной угрозы со стороны Ирана (в то время как Россия негативно расценивает подобное развитие событий и видит в нем непосредственную угрозу для себя).

Одним из важных аспектов безопасности в Юго-Восточной Европе после окончания «холодной войны» явилось то, что были весьма значительно сокращены расходы на оборону, содержание армии, запасы обычных вооружений, производство оружия и экспорт. Эти движения отражены в запасах тяжелых обычных вооружений до и вскоре после осуществления ДОВСЕ, подписанного в 1990 и в 2011 годах (см. таблицу 1).

Таблица 1

	Танки			Артиллерия			Самолеты		
Румыния	2960	1375	345	3928	1475	870	505	430	103
Болгария	2209	1475	301	2085	1750	738	335	234	91
Греция	2276	1735	1590	2149	1878	3156	458	650	303
Турция	3234	2795	4503	3210	3529	7450	355	750	694

Источник: *The Military Balance 2011*; Routledge, London: 2011, pp.93-94, 114-116, 138-140, 151-154. Goldblat, J. *Arms Control, A Guide to Negotiations and Agreements*. Oslo: International Peace Research Institute: London: Thousand Oaks: New Delhi: Sage Publications, 1994. pp. 176-177.

Из таблицы видно, что бывшие социалистические государства резко сократили свои расходы на оборону по политическим и экономическим причинам. Это относится не только к двум членам ВТО (Румынии и Болгарии), но и к тем странам, которые не входили в ВТО и Дого-

вор об ограничении и Вооруженных сил Европы (ДОВСЕ), а именно: Албании и семи бывшим югославским государствам. Нынешний уровень запасов вооружений в семи странах бывшей СФРЮ выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

	Активные	В резерве	Боевые танки
Сербия	28.184	50.171	212
Хорватия	18.600	21.000	261
Босния и Герцеговина	10.577	–	334
Словения	7.600	1.700	45
Македония	8.000	4.850	31
Черногория	2.984	–	–
Косово	2.500	800	–
ВСЕГО	78.445	78.521	883

Источник: *The Military Balance 2012*; International Institute for Strategic Studies, London: 2012, pp. 149, 100, 97, 134, 137, 150.

В этой группе государств сокращение произошло после окончания балканских войн в 1995 году. К 1999 году было произведено значительно меньшее количество единиц тяжелых обычных вооружений по сравнению с уровнем существующей тогда СФРЮ 1980-х годов. Армии были сокращены примерно наполовину, в то время как запасы тяжелых обычных вооружений сократились, по крайней мере, на две трети. С другой стороны, два члена НАТО (Турция и Греция) не снижают высоких расходов на оборону, что связано с до сих пор неразрешенными спорами по Кипру и воздушному пространству над Эгейским морем. Эта политика, к сожалению, привела Грецию к почти полному банкротству. Из-за разногласий между НАТО и Москвой ДОВСЕ, принятый в Париже в 1990 году, так и не был выполнен в полном объеме.

Другой аспект региональной безопасности относится к существующим ядерным установкам. В регионе находятся только пять действующих атомных электростанций и небольшое количество ядерных реакторов для проведения исследований. Хотя все государства Юго-Восточной Европы придерживаются Договора о нераспространении ядерного оружия, проблемы ядерной безопасности (в том числе захоронение ядерных материалов) все же существуют. Их острота была уменьшена в связи с тем, что под давлением ЕС были остановлены четыре из шести реакторов советской постройки на АЭС Козлодуй в Болгарии.

Подавление вооруженного насилия отнюдь не означает, что на Балканах установилась долгосрочная стабильность. С 2001 года это проявляется во вспышках насилия в Косово, Сербии и Македонии, на примере ослабленного центрального правительства в Боснии и Герцеговине, разрушения пограничных пунктов придорожными баррикадами на границе Сербии и Косова, в вооруженных столкновениях сербов и солдат КFOR, а также на примере актов насилия в Македонии в 2011–2012 гг. В регионе де-факто существуют три государства, правовой статус которых оспаривается: Турецкая Республика Северного Кипра, непризнанная Республика Приднестровье и Республика Косово. В соседнем регионе Закавказья есть еще три зоны межгосударственной напряженности. В 2008 году их существование привело к серьезным вооруженным конфликтам с применением тяжелых обычных вооружений, а в 2012 году — к перестрелке с человеческими жертвами на границе. В эти конфликты были непосредственно вовлечены не только три сепаратистских и на международном уровне практически непризнанных парагосударств — Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах, но и Россия, Грузия, Армения и Азербайджан. Все три «замороженных конфликта» остаются важными вопросами в сфере политики и безопасности Европы⁹.

Косово, вошедшее в список последним, способствовало нагнетанию политической напряженности в отношениях между США и крупными западноевропейскими государствами, с одной

стороны, и Россией — с другой. Провозглашение независимости Косова в 2008 году также разделило страны ЕС и НАТО на два лагеря. Несмотря на официальное окончание миссии Международной руководящей группы по наблюдению за независимостью Косова 10 сентября 2012 года, эти подразделения до сих пор остаются на территории Косова в качестве единственной стороны, реализовавшей предложения Ахтисаари по урегулированию статуса Косова. Хотя его существованию ничто не угрожает, Косово по-прежнему остается де-факто под международным протекторатом. Внутренне это очень слабое государство, не имеющее контроля над всей своей территорией и населением.

Нерешенная ситуация трех сепаратистских государств является благотворной почвой для новых потенциальных конфликтов. Кроме того, недавно прозвучали угрозы и обвинения в сепаратистских намерениях против некоторых видных политиков и общественных деятелей в Боснии и Герцеговине и в Сербии. Таким образом, потенциал для резких межнациональных конфликтов (также в Македонии) и для дальнейшего распада на пространстве бывшей Югославии исчерпан еще не полностью. Кроме того, среди шести экс-югославских государств, признанных мировым сообществом, остается ряд неболевших нерешенных вопросов правопреимства, в том числе оспариваемые части межгосударственной границы на суше, на Дунае и в Адриатическом море.

Невоенные угрозы безопасности

Среди других политических вопросов на Балканах следует отметить положение бесправных этнических меньшинств (например, цыган) и по крайней мере, полутора миллионов беженцев. Не столь давно страны Юго-Восточной Европы недавно стали свидетелями массовых беспорядков, демонстраций и вандализма, спровоцированных экономическими проблемами, высоким уровнем безработицы и политическим недовольством в Албании, Сербии, Хорватии и Греции.

В других частях Балкан социальные и политические условия еще хуже. Греция также испытывает приток незаконных мигрантов, в основном из стран Ближнего и Среднего Востока. По крайней мере, треть из 120 — 150 тысяч нелегальных

мигрантов в год добирается до стран ЕС через Юго-Восточную Европу, по Средиземному морю. Увеличение потока привело к неприятностям и последующей милитаризации вдоль короткой сухопутной границы ЕС между Грецией и Турцией. С другой стороны, самые новые государства — члены ЕС — Румыния и в меньшей степени Болгария — «экспортировали» часть своих социальных проблем, когда большое количество цыган мигрировало и создало незаконные поселения на территории Италии, Испании и Франции. Суровые контрмеры явились причиной политической нестабильности в организациях ЕС. А огромное число граждан Румынии, ищущих работу в Испании, вновь поставили под вопрос свободу передвижения лиц в пределах Европейского Союза.

Страны Юго-Восточной Европы подверглись ряду других невоенных угроз безопасности. Некоторые угрозы возникли внутри самих стран, а другие пришли или были связаны с подобными явлениями в государствах за пределами региона. Видное место среди невоенных угроз занимают организованная преступность и коррупция. По мнению некоторых аналитиков, у них есть потенциал стать самым опасным элементом региональной безопасности¹⁰. Организованная преступность, идущая с Балкан, нередко рука об руку с итальянскими и другими преступными сообществами за пределами региона, активно занимается грабежами банков и почтовых отделений, различными формами контрабанды и незаконной торговлей, в том числе торговлей людьми, человеческими органами, наркотиками, оружием, контрафактными товарами, табачными изделиями и т.д.

Подсчитано, что около трех четвертей героина (в основном из Афганистана) и значительная часть кокаина (из Латинской Америки) поступает в Западную Европу через страны ЮВЕ. Самым крупным покупателем легкого оружия, незаконно вывезенного из стран ЮВЕ, была, по некоторым данным, и непризнанная Республика Приднестровье, находящаяся под фактическим протекторатом России.

Зона транзита и укрытия

После окончания последней войны на Балканах регион, ранее считавшийся очагом конфликтов

и политического терроризма, утратил часть своей дурной славы и стал главным образом зоной транзита или укрытия. Среди реальных или потенциальных невоенных угроз безопасности, которые затрагивают страны ЮВЕ (и другие части Европы), следует упомянуть также природные и экологические катастрофы, изменение климата и энергетическую безопасность. Части региона пострадали от недавнего разрушительного наводнения и лесных пожаров. Русско-украинские споры вокруг транзита газа выявили хрупкость энергетической безопасности в странах ЮВЕ. Перебои в поставках газа в зимний период 2008/2009 года сильнее всего затронули жителей крупных городов Боснии и Герцеговины. И без того высокая зависимость стран ЮВЕ от импорта углеродного топлива, скорее всего, в будущем только увеличится. Несколько конкурирующих проектов трансрегиональных газопроводов, в частности, Набукко, получивший поддержку ЕС, и Южный поток, поддерживаемый Россией, будут пересекать страны ЮВЕ. Если эти масштабные проекты будут реализованы, они сильно повлияют на энергетическую безопасность не только стран Юго-Восточной Европы, но и в Европейского Союза в целом¹¹.

Юго-Восточная Европа и международное сообщество

«Замороженные» политические конфликты на Кипре и в Приднестровье, а также между Сербией и Косово, Македонией и Грецией свидетельствуют о неспособности балканских элит найти практические решения на основе компромисса и взаимных уступок и обеспечить стабильность в регионе. До сих пор ни одна из региональных инициатив по расширению сотрудничества не была осуществлена.

И все-таки усилия по углублению сотрудничества с государствами региона и между ними стали более перспективными¹². Эти усилия с 1990 года привели к созданию сети международных организаций. Практически все из них являются организациями, созданными на Западе. В эту сеть входят «Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы», ЦЕФТА, Инициатива кооперации в Юго-Восточной Европе, «Партнерство ради мира» НАТО, «Инициатива Юго-Восточной Европы» и др.

Интеграция как фактор мира

Международный опыт обращения с источниками нестабильности и опасности в странах Юго-Восточной Европы показывает сложность проблем, которые не могут быть быстро решены в одностороннем порядке. Жизнь показала, как опасно недооценивать связи между безопасностью в регионе и безопасностью в других частях Европы.

Необходимо стремиться к тому, чтобы международное сообщество осуществляло действия по улучшению экономической и социальной ситуации в большинстве стран на Балканах, избегая при этом порочного круга внешней зависимости региона. Вероятно, присутствие иностранных военных и полицейских здесь по-прежнему будет необходимо и в будущем. Разрешить многочисленные проблемы можно путем дальнейшего укрепления роли и влияния ЕС и НАТО в странах Юго-Восточной Европы. Стратегическая Концепция НАТО 2011 года ставит целью «содействие евроатлантической интеграции Западных Балкан [в целях] обеспечения прочного мира и стабильности, основанных на демократических ценностях, региональном сотрудничестве и добрососедских отношениях»¹³.

Несмотря на многочисленные препятствия, ЕС и НАТО активно способствовали многостороннему региональному сотрудничеству, особенно среди бывших югославских государств¹⁴. С 2008 года зона влияния соглашений о Стабилизации и ассоциации с ЕС была расширена на весь регион, за исключением Косова. Эти соглашения стали шагами к сближению и в конечном счете — вступлению всех остальных балканских государств в ряды членов ЕС. В 2011 году завершились предварительные переговоры с Хорватией о вступлении в Европейский Союз. После длительного периода ожидания Турция получила статус официального кандидата, но переговоры были приостановлены в основном из-за кипрской проблемы. Сербия и Черногория вошли в ранг кандидатов в 2012 году, кандидатура Македонии (как в ЕС и НАТО) остается в подвешенном состоянии из-за нелепого греческого вето по поводу самого названия — Македония. Албания, Босния и Герцеговина, а также Косово (в рамках Резолюции Совета Безопасности ООН № 1244/99) остаются

потенциальными будущими кандидатами. Вступление Хорватии и Албании в НАТО в 2009 году также способствовало стабилизации в регионе. На саммите НАТО в Чикаго в мае 2012 была подтверждена кандидатура Македонии, был высоко оценен прогресс Черногории на пути к членству в НАТО, а также стремление Боснии и Герцеговины вступить в НАТО. На саммите была высказана поддержка Евро-Атлантической интеграции Сербии, диалогу Белграда и Приштины при содействии ЕС, а также дальнейшему укреплению мира и стабильности в Косово. В ближайшие десятилетия процесс расширения ЕС и НАТО действительно дает надежду на улучшение региональной безопасности в странах ЮВЕ.

Глеющие конфликты внутри Европы

Однако некое предостережение было бы уместным. Предполагаемого включения всего региона в процесс Евро-Атлантической интеграции будет явно недостаточно. Опыт показывает, что, несмотря на одновременное членство Великобритании и Ирландии в ЕС, обоим этим государствам потребовалось более трех десятилетий, чтобы достичь символического примирения и заключения компромиссного Соглашения Страстной пятницы в Ольстере. А конфликт между Великобританией и Испанией в отношении Гибралтара до сих пор остается нерешенным, несмотря на их членство в ЕС и НАТО. Шестьдесят лет членства двух стран в НАТО не остановило гонку вооружений между Грецией и Турцией и не приблизило решение проблемы Кипра. Вступление Республики Кипр в ЕС также не разрешило данный спорный вопрос, а возможно, сделало его еще более сложным. Сегодня, более чем шестьдесят лет спустя с момента вступления Бельгии в НАТО и Европейский Союз, отношения между двумя основными национальными общинами в этой стране хуже, чем они когда-либо были. И таких примеров можно привести великое множество.

Исторические данные показывают, что вспышки насилия на Балканах (1860, конец 1870-х — на-

чало 1880-х гг., 1908–1913, 1914–1921, 1937–1945, 1947–1949, середина 1970-х гг., конец 1980-х гг., 1991–1995 и 1999–2003 гг.) регулярно перемежались с периодами относительного мира. Последний раз мир так и не был достигнут внутри региона; он был установлен лишь после военного вмешательства Запада. Проявления национализма, нетерпимости и взаимной ненависти, к сожалению, до сих пор наблюдаются на Балканах. Вот почему для того, чтобы изменить отрицательную картину последних полутора столетий, представители балканских элит должны продемонстрировать гораздо более мудрое и ответственное поведение.

Уроки балканских конфликтов

Большинство стран региона пережили радикальную трансформацию политических режимов. Вместо авторитарных, в том числе и тоталитарных режимов конца 1980-х годов регион сегодня представляет собою, в различной степени, демократические политические системы. А демократические режимы почти никогда не воюют между собой. Кроме того, значительная демилитаризация в большинстве балканских государств привела к существенному сокращению возможности ведения ими боевых действий. Балканские элиты также многое уяснили из негативного опыта последних двух десятилетий и его последствий.

В отличие от 1990–1991 годов, потенциальные очаги напряженности в регионе Западных Балкан сегодня находятся под контролем международных наблюдателей, состоящих из миротворцев, иностранных войск, гражданского контроля, а два места *де-факто* являются протекторатами. Кроме того, страны региона получают значительную финансовую помощь и кредиты для своего развития. Существует также сеть вышеупомянутых региональных схем сотрудничества, в том числе по вопросам безопасности и обороны. Все это дает основания для умеренно оптимистичных ожиданий, что однажды Балканы станут зоной демократии, процветания и стабильности, а не регионом, потенциально опасным для всей Европы.

Перевод Е.Г. Энтиной.

Примечания

¹ Антон Беблер — профессор, доктор. Факультет социальных наук. Университет Любляны, Словения.

² Zbigniew Brzezinski. 1997. Chapter 3 'Euroasian Balkans', pp. 7-25, 29-45, 99-108. In *The Grand Chessboard*, New York: Basic Books.

³ Johnsen, William. 1995. *Deciphering the Balkan enigma: Using History to Inform Policy*. Carlisle, Pa: Strategic Studies Institute, U. S.: Army War College. Chapters 2 in 3, pp. 9-60.

⁴ Blank, Stephen J. (ed.). 1995. *Yugoslavia's wars: The problem from hell*. Carlisle, Pa: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. Chapters 2, 3, 5, 6.

⁵ Burg, L. Steven. 1995. *Yugoslavia's wars: The problem from hell*. p.p. 47 — 86.

⁶ Altmann, Franz-Lothar. 2004. "Regional economic problems and prospects". In *The Western Balkans: Moving on*. Chaillot Paper no.70. Paris: Institute for Security Studies. p.p.69-84.

⁷ Batt, Judy. 2004. "Introduction: the stabilization/integration dilemma". In *The Western Balkans: Moving on*. Chaillot Paper no.70. Paris: Institute for Security Studies. p.p. 7 — 19.

⁸ Vasconcelos, Alvaro ed. 2009. *The European Security Strate-*

gy 2003-2008, Building on Common Interests. Paris: EUISS. pp. 38-41, 64-67.

⁹ Clement, Sophia. 1997. *The International Community Response in Conflict Prevention in the Balkans*. (Chaillot Paper no. 30. Paris: Institute for Security Studies. p.p. 46-74.

¹⁰ Lt. gen. Blagoje Grahovac. 2012. *Geopolitics & Organized Crime and Corruption in the Early 21st Century with Reference to the Balkans*. In *European Perspectives — Journal on European Perspectives of the Western Balkans*. Vol. 4, No. 1(6). Loka pri Mengešu: Centre for European Perspective.

¹¹ Altmann, Franz-Lothar. 2011. "Energy procurement security in the European Union". In *International conference Europe's energy security: challenges and prospects*. Ljubljana: Euro-Atlantic Council of Slovenia. pp. 37-41.

¹² Delevic, Milica. 2007. Ch.2, 3, "Regional cooperation in the Western Balkans". Chaillot Paper no.104. Paris: Institute for Security Studies. pp. 31-72.

¹³ Strategic Concept, NATO, Brussels, 2011, p. 31.

¹⁴ Rupnik, Jacques. 2011. "The Balkans as a European question". In Rupnik, Jacques ed. 2011. *The Western Balkans and the EU: The Hour of Europe*. Chaillot Papers no. 126. Paris: EUISS. pp. 17-30.

© Текст: Антон Беблер

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ,

ИЛИ СЛОВЕНИЯ МЕЖДУ СЛОМОМ СОЦИАЛИЗМА И КРИЗИСОМ КАПИТАЛИЗМА

Йоже МЕНЦИНГЕР

Спустя двадцать лет Словения бьется в экономических, социальных, политических и моральных судорогах, конца которым не видно. Потому не лишне поразмыслить о событиях, приведших к нынешнему состоянию. Могла ли Словения выбирать пути — лучшие, чем те, что она выбрала в действительности? Мы сбились — и когда? — с дороги, которая привела бы нас к чему-то более близкому тем романтическим ожиданиям двадцатилетней давности? Или же тогда это были лишь иллюзии? Вникнем в экономические проблемы, сопровождавшие Словению, — от слома социализма через депрессию переходного периода, десятилетия спокойного развития и периоды азартных игр к сегодняшнему кризису.

© Фото А. Тезина-Редно

1. Слом социализма

Социализм должен был бы устранить недостатки капиталистической экономики, в первую очередь — капиталистическую эксплуатацию и экономическую неэффективность. Между тем в одних странах — семьдесят, а в других — пятьдесят лет социалистической системы показали, что «исключительно быстрый» экономический прогресс социализма сопровождался дефицитом и очередями в Москве, отсутствием света и холодными радиаторами в Бухаресте, забастовками в Варшаве, «серостью» в Праге. Страны, считавшие себя социалистическими — за исключением большей социальной защищенности и равенства — не могли гордиться достижениями в других областях. Чтобы хоть как-то соответствовать уровню развития капиталистических стран, они пытались проводить экономические реформы, которые в большей или меньшей степени «капитализировали» социализм. Но, когда последствия таких реформ становились социально и в первую очередь политически неприемлемыми, за ними следовали антиреформы. В 1980-е годы стало ясно, что опыты «строительства коммунизма» остались за бортом и что «дорога напрямик» в лучшем случае приведет к неразвитому капитализму. Несмотря на это, слом социалистической системы в Восточной Европе произошел поразительно быстро.

СФРЮ и Словения — как ее часть — разделили судьбу других социалистических стран, хотя с большей легкостью, основательнее и чаще, чем другие, меняли хозяйственную систему. Раз от разу изменения хозяйственной системы было возможно осуществлять при помощи политической монополии Коммунистической партии и — внутри нее — беспорного лидерства Тито. Инициаторами, или идеологами всех изменений хозяйственных систем — от введения централизованного планирования экономики «советской» конституцией 1946 г., через введение самоуправления в 1950-е годы и рыночного социализма в 1960-е, вплоть до «договорной» экономики в 1970-е — были словенские политики: Борис Кидрич, Борис Крайгер и Эдвард Кардель. Причины реформ чаще всего были, скорее, политическими, чем экономическими; а у социологов никогда не было проблем с поиском «идеологических оснований» для реформ — достаточно было по-новому перечитать Маркса и из этой «богатой

сокровищницы» общепотребительных цитат выбрать наиболее подходящие. И те, вплоть до следующих нововведений, служили беспорным доказательством верно выбранного на сей раз направления. Так оно и шло вплоть до 1980-х годов, когда легендарная способность изменять хозяйственную систему исчезла вообще. Число комиссий, резолюций и слов, посвященных прежде всего «открытым вопросам и реальным трудностям», затем «экономическому кризису» и наконец «всеобщему экономическому, политическому и моральному кризису», возрастало с неимоверной скоростью. Одновременно — особенно в академических кругах — увеличивалось и количество идей: как же все-таки выйти из кризиса? Вереница запретов сокращалась. Сюда относятся признание рынка труда и капитала как необходимых составляющих рыночной экономики (Horvat 1985, Jerovšek и др., 1985), изменения в самоуправлении (Goldstein 1985), смена концепции общественной собственности на коллективную (Vajt, 1986, 1988) или же реставрация смешанной экономики (Porovič, 1984). Вскоре, несмотря на множество идей, стало очевидно, что время реформ истекло. Политики все еще, как шаманы во время засухи, твердили — заклинали о «необходимости дать проявиться экономическим и рыночным закономерностям» — точно так же, как десять лет назад говорили о «необходимости заменить рынок всеобъемлющей согласованностью на договорной основе, при помощи которой рабочие целиком овладели бы общественным производством». Среди попыток отыскать путь, который вывел бы страну из кризиса, самыми многообещающими были хлопоты внутри так называемой «крайгеровской» комиссии в первой половине 80-х, которая, однако, дальше замены утопичной «договорной» экономики семидесятых возвращением к социалистической рыночной экономике 60-х никуда так и не пришла. Все отчетливее становилось ясно, что изменения хозяйственной системы возможны лишь при отказе от ее основ — общественной собственности и самоуправления (Mencinger, 1988).

Объяснений для неожиданной неспособности продолжать реформы множество. От самого простого, согласно которому причины следует искать в уходе политиков, всегда «знавших», как быть дальше, и именно потому окруженных заурядностями, повторяющими лозунги, — до гораздо более хитросплетенных, со-

гласно которым безветрие возможно объяснить появлением распределительных коалиций (Olson, 1982) — достаточно сильных, чтобы предотвратить изменения, но слишком слабых, чтобы их осуществить. Когда во второй половине 80-х кризис все еще продолжал углубляться, стали предпринимать более радикальные попытки изменить хозяйственную систему: необходимость реформировать социалистическую экономику сменилась необходимостью преобразовать ее в капиталистическую. В эту сторону были обращены предложения, изложенные в тексте **«Основные направления реформы хозяйственной системы»**, подготовленные в 1988 г. Комиссией Федерального Исполнительного Совета, или так называемой *«микуличевской»*¹ комиссией. Комиссия восприняла идею об «интегральном рынке», состоящем из рынков продукции, труда и капитала, и переложила принятие решений с рабочих на собственников капитала. Последовавшие за этим два системных закона — **Закон об иностранных инвестициях** и **Закон о предприятиях**, собственно, и ввели капитализм еще прежде, чем социализм был формально устранен².

Поиски «новой» хозяйственной системы были вызваны и сопровождалась рецессией, начавшейся после второго нефтяного кризиса в 1980 г., когда Югославия больше не могла рассчитывать на кредиты и начался период купонов, четных и нечетных дней, периодической нехватки масла, стирального порошка и т.п. Рецессия стремительно углубляла противоречия между интересами республик, которые прежде прикрывались лозунгами о «братстве и единстве», признанию же противоречий препятствовала политическая монополия Союза коммунистов, которая, однако, быстро превращалась в политическую олигополию республиканских партий.

Неспособность изменить хозяйственную систему, с одной стороны, и еще более рецессия, с другой, породили «югославский синдром» — уверенность, что твои дела плохи, поскольку другие тебя используют. *«Сербы использовали словенцев, словенцы — сербов, сербы — хорватов, хорваты — боснийцев...»* Уже во второй половине 1980-х гг. в связи с этим стали появляться исследования о распаде Югославии и непосредственно об отделении Словении (Mencinger, 1990). В конце 1989 г. во время рецессии, переходящей в депрессию, высокая инфляция стала переходить в гиперинфляцию. Самой серьезной попыткой остановить гиперинфляцию стала стабилизационная программа Марковича³, выдвинутая в декабре 1989 г.; ее краеугольными камнями были фиксированный

курс «нового» динара, рестрикционная денежная политика и контроль над заработком. В июне 1990 г. за ошибками начального этапа программы «шоковой терапии» последовали новые; программа эта провалилась частично еще и потому, что все попытки союзных властей что-либо предпринять успешно блокировались отдельными республиками.

В начале 1990 г. дело дошло и до фундаментальных политических изменений; введение партийной демократии в Словении и Хорватии привело к власти «право»-ориентированные правительства. Это углубило «югославский синдром» и ускорило распад хозяйственной системы. Осенью 1990 г. союзное государство СФРЮ как экономика перестала существовать; оно больше было не способно собирать налоги, контролировать «печатный станок», а также препятствовать введению «таможни» между республиками и появлению различных хозяйственных систем⁴. Потенциальная экономическая выгода отсоединения Словении стала превышать неизбежные экономические и социальные потери; независимость явилась запасным выходом и одновременно условием для изменения хозяйственной системы. Вместе с тем совершенно неясным и непредсказуемым оставалось лишь то, *как* это будет происходить.

2. Из социалистической Югославии в капиталистическую Словению

Поразительно быстрый слом социализма в СССР, в Восточной Европе и в СФРЮ потребовал таких же быстрых ответов на вопрос: как можно осуществить возвращение в капитализм без больших социальных потрясений? Правильных ответов не было; переход от социалистической экономики к капиталистической начался без ясного понимания реального экономического положения, без контуров новой хозяйственной системы и без соответствующих экономических и социальных решений проблем, неизбежно возникающих в переходный период.

Их заменили иллюзии: якобы устранение деформированных рыночных и нерыночных институтов, реставрация рынка и частной собственности, а также рыночный механизм *laissez-faire* автоматически превратят социалистические хозяйства в государственное благосостояние. К новым, неопытным правительствам с их романтическими ожиданиями «гуманитарной помощи» быстренько подскочили международные финансовые институты и консультанты, зачастую узнававшие о странах, которым они давали советы,

из туристических брошюр и поездок от аэропорта до гостиницы «Холидей Инн» в их столицах. Кроме того, как и новые местные политики, многие иностранные специалисты были так же идеологически ослеплены и политически ангажированы — основной целью для них было окончательно устранить социализм и существующие институты, а вовсе не постепенно создать соответствующую определенной стране хозяйственную систему и повысить жизненный уровень для всего общества, а не только для «элиты»⁵. Различные идеологии прежнего «предотвращения капиталистической эксплуатации» сменила идеология «рыночного фундаментализма».

Принято говорить о трех или четырех составляющих переходного периода: приватизации, макроэкономической стабилизации, микроэкономической перестройке и установлении нового правопорядка.

Приватизация должна представлять собой упорядоченный и законный перенос прав собственности от «народа», т.е. государства и прочих государственных институтов, на участников гражданского права, т.е. частных предпринимателей и компании. Это повысило бы экономическую эффективность, гарантировало бы законность при разделе народных богатств и благ, а также служило бы устранению однопартийной системы. В действительности же превращение прежнего регулирования собственности в регулирование, которое соответствовало бы механизмам рыночной экономики и обеспечивало бы достижение поставленных экономических, социальных и политических целей, оказалось самой большой проблемой переходного периода. Оно, к сожалению, стало лишь целью, но не средством обеспечения экономической эффективности, а его стремительность и результаты перераспределения — критерием оценки успешности⁶. Различные приватизационные модели, вместо того чтобы отражать характерные особенности экономики, в действительности же отразили раздел, осуществляемый политическими силами и зачастую случайно выбранными приватизационными экспертами.

Макроэкономическая стабилизация — другой краеугольный камень переходного периода. Дело в том, что так называемый «monetary overhang» (излишек денег, денежный навес), или избыточный спрос, должен быть нормальной составляющей социалистической экономики; это проявлялось в очередях перед магазинами, в которых покупатели ожидали продукты и какие-то дефицитные товары, а также в низком качестве последних. Поэтому макроэкономического равновесия в бывших социалистических экономиках

можно было бы достичь увеличением предложения, т.е. либерализацией торгового обмена, уменьшением спроса посредством рестриктивной денежной и фискальной политики, либерализацией цен, фиксированным курсом, а также заморозкой выплат и государственных расходов. Однако очень скоро стало ясно, что оценка исходного положения экономики из-за ускоренной инфляции или гиперинфляции, уничтоживших покупательную способность и тем самым спрос, была ошибочной; та же политика углубляла депрессию перехода, превращая все большее число отечественных изделий в «продукт исключительно социалистического производства», которые возможно продавать лишь в закрытом социалистическом хозяйстве, и тем самым ускоряя продажу предприятий иностранным межнациональным корпорациям.

Третью составляющую переходного периода — **микроэкономическую перестройку** — сложно отделить от приватизации и макроэкономической стабилизации. Вместе с тем несомненно то, что значительная часть быстрых структурных изменений являлась скорее навязанной, чем необходимой для данного уровня развития, из-за чего в менее развитых экономиках создавались ненужные или даже вредные для них институты.

В то же время **созданию и установлению нового правопорядка**, позволявшего «невидимой руке» рынка сменить направление деятельности администрации, не было уделено должное внимание⁷.

Словения как часть СФРЮ обладала всеми ее хорошиими и плохими — в сравнении с другими странами Восточной Европы — качествами, но у нее были и дополнительные преимущества; несомненно, что в начале переходного периода она обладала самыми лучшими стартовыми условиями для успешной его реализации. Эти условия были созданы открытостью страны, наполовину осуществленными экономическими реформами и краеугольными камнями тогдашней хозяйственной системы: общественной собственностью и самоуправлением, делавшими возможными автономию предприятий, нормальную работу рынка продукции и принятием вполне стандартных политико-экономических мер.

К дополнительным словенским преимуществам следует отнести и социально стабильное население, географически рассредоточенную и довольно современную промышленность, частное (хотя и весьма неэффективное) сельское хозяйство, отчасти также

частный сектор сферы услуг и укоренившиеся связи с западными хозяйствами. Наряду с этим нельзя не отметить, что словенская экономика так и не была полностью интегрирована в общегославскую. «Республиканизация» после 1974 г. с другими югославскими республиками наладила торговый обмен по образцу международного торгового обмена.

В мае 1990 г. мандат получило правительство «Демоса», состоявшее из политиков-любителей с весьма разношерстными взглядами на мир⁸. Согласно документу «Программный курс» оно должно было бы попытаться: 1) обеспечить необходимое для того, чтобы пережить период трансформации системы; 2) установить новую хозяйственную систему и 3) путем обращения к отдельным частям системы и политики сделать возможной экономическую самостоятельность таким образом, чтобы это не вызвало ломки экономики и не спровоцировало противомер со стороны других республик, федерации и заграницы. Правительство своими мерами (ограничением роста зарплат и уменьшением государственного потребления) реально поддерживало стабилизационную программу Марковича. Но от этой поддержки оно отказалось в середине 1990 г., когда в «Меморандуме об экономической политике до конца 1990 года» потребовало изменений в стабилизационной политике, и хотя союзное правительство этих требований никогда бы не приняло, правительство Словении объявило о выходе отдельных составных частей экономической политики из ведения федерации⁹. Устранив «черный валютный рынок», оно уже летом ввело параллельную систему «плавающего курса» для населения. После распада фискальной системы в июле (когда Словения прекратила платить в фонд поддержки менее развитых югославских республик и областей) и в сентябре 1990 г. (когда Сербия и Словения не перечислили в союзный бюджет половину собранного налога с продаж), межреспубликанской торговой войны (в октябре Сербия ввела специальные депозиты на все платежи в Словению и Хорватию) и вторжения Сербии в денежную систему в конце декабря 1990 года — Словения отклонила все предложения по усилению присутствия союзного правительства, вновь потребовала изменений в экономической политике и предложила принципы для разделения долгов, обязательств, а также нефинансовых активов между Словенией и остальными республиками СФРЮ. Однако эти требования союзное правительство вновь проигнорировало, поэтому, когда Национальный Банк Югославии прекратил вмешиваться в валютный рынок, Словения

ввела собственный «квзавалютный рынок» и систему гибкого денежного курса для предприятий. Вместе с тем вплоть до июня 1991 г. словенское правительство сохраняло возможность создания таможенного союза с остальными частями Югославии, поэтому не вторгалось в систему таможенной охраны, а также регулярных выплат таможенных доходов в союзный бюджет¹⁰. Находясь в неопределенности по поводу будущей политической судьбы Словении и Югославии, правительство занималось расчетами расходов и прибылей от различных будущих мер¹¹.

Уменьшение рынка¹² и предложения по сырью из оставшейся части Югославии, остановка торговых потоков, налаженных Словенией через Югославию, снижение интереса иностранцев к маленькому словенскому рынку, разделение долгов, валютных резервов и недвижимого имущества, а также подготовка и подписание 2500 различных международных соглашений были отнесены к расходам. Прибыли были скорее потенциальными; посредством отсоединения Словения избежала бы политического беспорядка, увеличила бы возможности успешного изменения хозяйственной системы и введения экономической политики, соответствующей словенской экономике, а также возможности для вступления в ЕС. Осенью 1990 г. потенциальные прибыли перевесили расходы, независимость стала «запасным выходом».

При создании новой хозяйственной системы — еще до провозглашения независимости следует отличать те изменения, которые должны были бы обеспечить нормальную экономическую политику, от изменений, направленных на независимость, тогда еще остававшуюся под вопросом¹³. К первой группе изменений относится введение системы непосредственных налогов и первого бюджета с заложенным участием в делах федерации. С другой стороны, тайно появлялись законы, регулирующие денежную и фискальную систему будущей независимой страны; к этой группе мер относится также и печатание талонов в октябре 1990 г. Политика прагматичного приспособления к экономической ситуации и весьма неопределенным политическим решениям была успешной; в течение года Словения увеличила свою относительную конкурентоспособность на 35%, достигла суверенности в фискальной и курсовой политике, а также подготовила институциональные рамки для нового государства.

Накануне и во время обретения независимости разгорелся спор между приверженцами «шоковой терапии» и сторонниками «поступательности». Первые,

поддерживаемые иностранными советниками, верили в то, что провозглашение независимости и переходный период необходимо связать в единый пакет экономических мер, включающий в себя централизованную приватизацию, стабилизационную программу с характерными особенностями «шоковой терапии» и государственную перестройку экономики, особенно банковской системы; но прежде всего они верили в то, что незамедлительно нужно «позабывать» о самоуправляющемся прошлым. Приверженцы же «поступательности», собравшиеся в Совете Банка Словении, видели различие мер по обретению хозяйственной независимости и меры переходного периода; к поступательным мерам относилась децентрализованная приватизация, постепенное создание отсутствующих рыночных институтов, а также гибкая экономическая политика (Mencinger, 1991). Такая политика должна была бы сопровождаться меньшими потерями национального продукта, более низким уровнем безработицы, меньшим расслоением общества, но — более высокой инфляцией.

Поступательность была характерна и для макроэкономической стабилизации, ответственность за которую после провозглашения независимости — в значительной мере реально, а не только формально, — взял на себя Банк Словении. Основанием для нее были незамедлительное введение системы плавающего курса, ползущая привязанность курса и «пренебрежение» инфляцией. Больше всего проблем вызвала абсолютная и относительная малость, а поэтому и исключительная чувствительность финансовой сферы. Уже во время первоначальной консолидации денежной системы (с октября 1991 г. по июнь 1992 г.) Банку Словении удалось определить основные принципы изыскания денег для «новой» экономики и снизить уровень ожидаемой инфляции. Страх перед нехваткой валютных средств оказался необоснованным. Вместо избыточного спроса довольно быстро воцарилось избыточное предложение валюты. Поэтому Банк Словении быстро отменил первоначальные ограничения на валютном рынке и перешел к системе управления плавающим курсом, тем самым препятствуя чрезмерному реальному повышению курса толара. Инфляция же уменьшалась прежде всего благодаря уменьшению инфляционных ожиданий, усилению конкурентоспособности посредством открытия экономики, а также — вплоть до 1999 года — благоприятному развитию «terms of trade», которые основывались на дящемся десятилетие снижении цен на нефть (Mencinger, 2000 b). Внутреннее и внешнее равновесие в

течение всего периода от провозглашения независимости до 2004 г. оставалось характерной чертой, а также и особенностью словенской — в сравнении с другими переходными ситуациями — экономики, соответственно сохранялась и высокая доля государственных затрат в национальном продукте. Именно последнее, среди прочего, в значительной мере отражало поступательность во взглядах на то, каково социально приемлемое перераспределение национального продукта.

Поступательность, характерная для экономического развития Словения, собственно, никогда не была поставлена под угрозу; при образовании нового государства Словения не являлась членом Международного валютного фонда и у нее не было никаких «stand-by»** кредитов, при помощи которых МВФ принуждает воплощать в жизнь свои рекомендации, а потому могла отклонить тот тип стабилизации, которую рекомендовал «Вашингтонский договор». Можно сказать, Совет Банка Словении из рук экономически весьма необразованного правительства взял в свои руки стабилизационную политику и проводил политику отличную от действующих в то время доктрин МВФ.

Опасность рыночного фундаментализма начиная с 1993 г., когда была пройдена нижняя точка депрессии переходного периода, на целое десятилетие с лишним совсем пропала, ведь тогда последовал период солидного экономического роста, снижения безработицы и инфляции, сопровождавших внутреннее и внешнее равновесие¹⁴.

3. Приватизационные трудности

Еще до переходного периода в Словении существовал более или менее нормальный рынок продукции и несколько необычный рынок труда, который был приспособлен под нужды самоуправления. Гораздо больше трудностей было связано с рынком капитала, который должен был бы передавать сбережения от их владельцев инвесторам и обеспечивать их эффективное использование¹⁵. Но его невозможно создать без частной собственности, ведь собственность «всех и никого» нельзя покупать и продавать. Большая часть производственного сектора, по крайней мере принципиально, целиком принадлежала «народу»; каким образом его приватизировать? Это и было в Словении самой сложной проблемой переходного периода. Вместе с тем приватизации государственного или общественного имущества никто из тех, кто в начале 1990-х гг. получил или сохранил

политическое влияние, не противился. Да и всем тем, кто немного раньше еще «верил» в общественную собственность и самоуправление, приватизация казалась само собой разумеющейся. Однако как ее проводить, чтобы она привела к эффективной экономике и социально справедливому обществу, никто не знал ни тогда — ни сейчас.

В работах о том, что делать, если упростить, намечались два направления: 1) концепция децентрализованной, поступательной и возмездной приватизации и 2) концепция централизованной, быстрой и безвозмездно-распределительной приватизации. В каждой концепции были свои экономические достоинства и недостатки, но последние для проведения в жизнь этих концепций не имели особого значения; речь шла о перераспределении экономической и политической власти. Первый вариант предполагал ее сохранение в руках прежней экономической и политической элиты, а другой — передавал бы ее в руки новой экономической и политической элиты. **«Закон о переоформлении общественной собственности»** от ноября 1992 г. является своеобразным компромиссом между обеими; из первой концепции в него вошла децентрализованность, из второй — безвозмездное распределение при помощи сертификатов. Важнейшей положительной стороной этого закона была изначальная неопределенность структуры собственности по окончании формальной приватизации, а самой уязвимой — установление в сфере имущества института посредничества вместо устойчивого длительного хозяйствования.

Несмотря на окольные пути, словенская приватизация считалась успешной; в большом количестве предприятий стала возможной форма участия работников в собственности¹⁶ — без чего, скорее всего, их обанкротилось бы гораздо больше, а лучшие оказались бы в иностранной собственности, как практически все в Восточной Европе. Вместе с тем уверенность в относительной справедливости и эффективности словенской модели приватизации особенно после 2005 г. сильно пошатнулась; именно в сертификационной приватизации следует искать и корни словенского «казино капитализма». Посредством сертификатов и их обменом на акции в хозяйственных обществах и проектах производства работ мы создали, так сказать, два миллиона «капиталистов» — собственников имущества, которых не заботит судьба «их» хозяйственного общества, но лишь дивиденды и капиталистические прибыли, а следствием является истощение предприятий. Обладатели сертификатов,

если им повезло, стали собственниками имущества в «Леке», «Крке», «Петроле» и других успешных хозяйственных обществах, но и здесь их реально интересовали лишь дивиденды и обращение акций в деньги, на которые они могли бы заменить свое имущество производственного назначения на имущество непромышленного назначения, например автомобили или недвижимость, а не долгосрочная перспектива судьбы хозяйственных обществ, собственниками которых они стали. Большому количеству обладателей сертификатов, как всегда, оставалось лишь «вложение» в ППР, которые были преобразованы в инвестиционные общества; так мы и на другом уровне получили собственников имущества. А потому при помощи приватизации, собственно, по крайней мере в том, что касается ответственности, мы попали «из огня да в полымя». По-новому устроенная частная собственность зачастую оказывалась менее эффективной, нежели прежняя общественная; она была действительно коллективной собственностью, являющейся по своей природе, скорее, владением хозяйственным обществом, чем владением его имуществом. Как таковая она была гораздо более связана с предпринимательством, чем с ним связана сегодняшняя частная собственность¹⁷.

4. Как мы оказались там, где находимся?

В таблицах 1a и 1b представлены самые важные показатели двадцатилетнего развития экономики Словении; номинальный валовой внутренний продукт, валовой внутренний продукт на душу населения, темпы роста реального ВВП, безработица, выраженная в числе ищущих работу, и инфляция. Доля государственного потребления и доля расходов на образование, здравоохранение, социальный сектор и культуру косвенно указывают на социальную сплоченность, которая обычно измеряется коэффициентом риска бедности или различными коэффициентами распределения доходов, каковыми являются коэффициент неравенства, или коэффициент Джини; обе указывают на то, что доходы в Словении распределяются гораздо более соразмерно, нежели в Европейском Союзе. Затем следуют показатели внутренней стабильности: сбалансированность бюджета и государственный долг. Характерные особенности экономических отношений Словении с остальным миром демонстрируют сальдо счета текущих операций, объем экспорта и импорта, а также коэффициент открытости экономики.

Таблица 1а
Экономическое развитие Словении, 1991–2010

год	номинальный ВВП млн евро	ВВП € / чел.	рост ВВП	ищущие работу (тыс.)	инфляция (%)	государственные расходы % ВВП	расходы на образо- вание, здравоохра- нение, социальный сектор	сбалансирован- ность бюджета % ВВП	государственный долг % ВВП	счет текущих операций % ВВП
1991	9451	4700	-8.9	75.1	117.7					
1992	9678	4800	-5.5	102.6	201.3			1.2		5.50
1993	10832	5400	2.8	129.1	32.3			0.9		3.85
1994	12130	6100	5.3	127.1	19.8			0	13.3	3.98
1995	16025	8100	7.4	121.5	12.6	52.6		-8.3	12.0	-0.30
1996	16666	8400	3.6	119.8	9.7	44.5		-1.2	15.7	0.22
1997	18018	9100	5.0	125.2	8.3	44.8		-2.3	16.9	0.26
1998	19430	9800	3.5	126.1	7.9	45.7		-2.4	17.9	-0.56
1999	20852	10500	5.3	118.9	6.1	46.5	31.1	-3.1	19.5	-3.17
2000	21533	10800	4.3	106.6	8.9	46.7	31.1	-3.7	22.6	-2.69
2001	22828	11500	2.9	101.9	8.6	47.6	31.5	-4	24.1	0.17
2002	24597	12300	3.8	102.6	7.5	46.3	31.3	-2.4	26.1	1.02
2003	25819	12900	2.9	97.7	5.7	46.4	31.2	-2.7	26.5	-0.76
2004	27228	13600	4.4	92.8	3.7	45.9	31.1	-2.2	27.2	-2.63
2005	28731	14400	4.0	91.9	2.5	45.3	31.1	-1.4	26.7	-1.73
2006	31051	15500	5.8	85.8	2.5	44.6	30.4	-1.3	26.4	-2.49
2007	34550	17100	6.8	71.3	3.8	42.5	28.5	0	23.1	-4.76
2008	37280	18400	3.7	63.2	5.5	44.2	29.7	-1.9	21.9	-6.68
2009	35297	17300	-8.0	86.4	072	49.3	33.4	-6.1	35.2	-1.49
2010	35416	17300	1.4	100.5	1.80	50.3		-6.0	38.0	-1.14
2011	35639	17400	-0.2	110.7	1.81	50.9		-6.4	47.6	
2012	35228		-1.4							

Источник сведений: Статистическое управление Республики Словения и Евростат

Таблица 1б
Экономическое развитие Словении, 1991–2010

год	экспорт млн евро	импорт млн евро	открытость (экспорт + им- порт)/ВВП	нетто финансовое положение % ВВП	нетто финансовое положение млн евро	прямые иностран- ные инвестиции % ВВП	портфельные ино- странные инвести- ции % ВВП	прочие иностран- ные инвестиции % ВВП	кредиты/ ВВП	кредиты/ депозиты
1991	3859*	4131*							0.183	1.17
1992	6683*	6141*							0.193	0.90
1993	6082*	6501*	0.894						0.196	0.76
1994	5756	6035	0.897	4.94	600	0.89	-0.24	0.13	0.215	0.69
1995	6406	7301	0.855	2.24	360	0.79	-0.07	1.70	0.232	0.78
1996	6634	7525	0.850	-2.51	-419	0.80	3.04	-1.28	0.249	0.78
1997	7408	8227	0.868	-2.00	-361	1.51	1.20	3.09	0.249	0.74
1998	8052	8999	0.878	-4.33	-842	1.05	0.43	-0.43	0.289	0.79
1999	8031	9479	0.840	-9.44	-1970	0.27	1.58	0.78	0.325	0.89
2000	9496	10987	0.951	-11.81	-2545	0.36	0.89	2.17	0.348	0.87
2001	10347	11344	0.950	-1.96	-449	1.12	0.34	4.29	0.372	0.79
2002	10962	11574	0.916	0.11	27	6.46	-0.29	2.35	0.363	0.76
2003	11285	12238	0.911	-5.73	-1481	-0.59	-0.88	3.35	0.389	0.82
2004	13153	14276	1.007	-7.80	-2125	0.84	-2.37	3.58	0.440	0.92
2005	15471	16346	1.107	-11.00	-3161	-0.16	-5.19	9.34	0.511	1.05
2006	18501	19227	1.215	-17.08	-5306	-0.68	-4.74	5.14	0.588	1.21
2007	21964	23028	1.302	-21.33	-7372	-0.24	-6.77	12.88	0.701	1.48
2008	23204	25180	1.298	-33.40	-12453	-0.40	1.53	4.41	0.763	1.62
2009	18768	19005	1.070	-35.61	-12570	0.63	13.12	-11.29	0.827	1.60
2010	22212	22658	1.247	-37.12	-13355	-0.11	5.42	-5.20	0.840	1.60
2011										
2012										

Источник сведений: Статистическое управление Республики Словения и Евростат, собственные расчеты,
* — млн долларов США

В конце Таблицы 1b представлены менее употребимые, но для передачи изменений экономического состояния весьма важные финансовые показатели. Нетто финансовое положение (разница между непоплаченными долгами и обязательствами Словении по отношению к другим экономикам, которую составляет разница между размещением капиталов резидентами Словении за рубежом и иностранцами у нас в форме непосредственных вложений, вложений в ценные бумаги и прочими вложениями) демонстрирует зависимость экономики от финансовых колебаний в мире. Отношение между кредитами и ВВП показывает финансовое «погружение» экономики, а отношение между кредитами и депозитами связывает характерные особенности банковского сектора с финансовой зависимостью Словении от происходящего на мировых финансовых рынках.

Рисунок 4.1
Экономическое развитие Словении
1991–2010

экономический рост	ищущие работу (в тысячах)
инфляция (в % ВВП)	дефицит бюджета (в % ВВП)
дефицит текущего счета (в % ВВП)	открытость экономики
финансовая глубина	кредиты / депозиты

Экономическое развитие¹⁸ Словении можно разделить на четыре периода: период переходной депрессии (1991–1993), период выздоровления и безветрия (1994–2004), период азартных игр (2005–2008) и вытекающий из него период экономического кризиса (2009–2010).

Депрессия переходного периода

Словения как национальная экономика формально появилась 8 октября 1991 г., когда истек трехмесячный срок, в течение которого, согласно Брионскому договору, она должна была отказаться от мер, предпринятых для того, чтобы отстоять свою независимость. Страна сразу же столкнулась с продолжением кризиса, в течение которого падение активности, обусловленное переходным периодом, смешивалось с практически абсолютным исчезновением югославского рынка. Промышленное производство после 10,5-процентного падения в 1990 г., в 1991 г. сократилось еще на 12,5 %, в 1992 г. — на 13,2 %, а в 1993 г. — еще на 2,7 %. Валовый внутренний про-

дукт в 1991 г. снизился на 9,3 %, в следующем году — еще на 6 %. Это сопровождалось снижением занятости населения на 5,6 % в 1992 г. и на 3,5 % в 1993 г. Количество ищущих работу с 44 тысяч в 1990 г. возросло до 129 тысяч в 1993 г.; удвоилось количество неработающих пенсионеров. И те и другие требовали больших социальных выплат и увеличения доли государственного потребления в валовом внутреннем продукте. Инфляция, которая в 1991 г. с 549-процентной в 1990 г. снизилась «лишь» на 118 % и вновь поднялась на 201 % в 1992 г., в 1993-м успокоилась на 32,3 %. Вместе с тем вынужденный переход с югославского на «настоящий» иностранный рынок уже в 1991 и 1992 гг. принес на удивление значительный избыток в товарообмене: потеря югославского рынка ускорила реструктуризацию, вынудила на соответствующую экономическую политику и быстрое формирование нормальных макроэкономических рамок. В середине 1993 г. было достигнуто дно депрессии, а в следующем году — четырехпроцентный экономический рост. Двойной переход — из социалистической в рыночную и из региональной в национальную экономику — сопровождался переходом из индустриальной в сервисную экономику, а также крахом крупных и появлением мелких предприятий¹⁹. Реструктуризация была постепенной, рассредоточенной

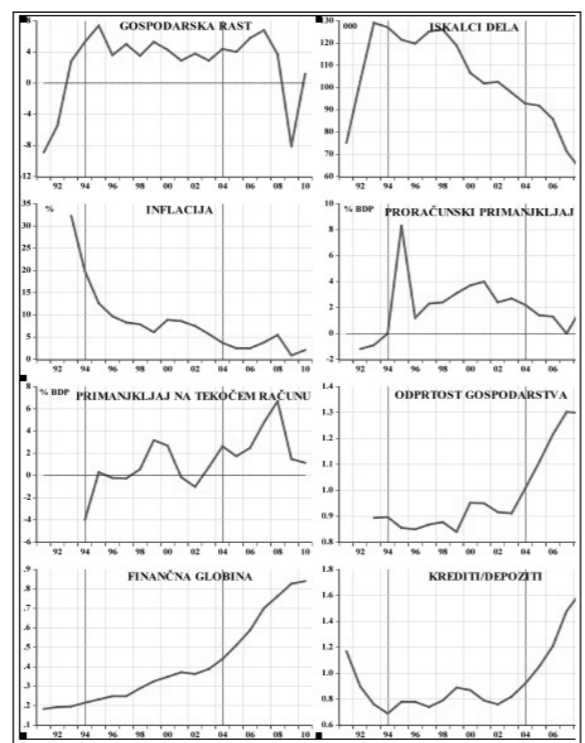

Рис. 4.1

и по большей части без государственной поддержки. В первый период значительную часть реструктуризации составили именно увольнения и отправка на пенсию. Социальные издержки переходного периода, которые хотя и были гораздо ниже, чем в других странах, переживавших переходный период, в первую очередь ударили по тяжело адаптирующимся к новым условиям промышленным рабочим среднего возраста, потерявшим место: прежняя «самоуправляемая» асимметрия рынка труда, так сказать, превратилась в «неоевропейскую» асимметрию, однако вплоть до 1993 г. увеличение «скрытой» безработицы и ранний выход на пенсию смягчали социальные проблемы, однако это усугубляло долгосрочные проблемы пенсионной системы. Социальная стабильность осталась важной особенностью Словении. Она основывалась на рассредоточенности индустрии, которая вместе с особенностями уклада в сельском хозяйстве способствовала появлению важной социальной группы — полукрестьян. Начальные условия, определенные реформами в бывшей Югославии, отклонение рекомендаций международных финансовых институтов, поступательность и прагматичность в экономической политике и в создании экономической системы, а также нерешительность в устранении институтов прежней экономической системы — важные факторы относительно успешного перехода. Утверждения о том, что переход был бы еще более успешным, если бы Словения приняла рекомендации международных финансовых институтов и если бы еще в 1990 г. новая власть отстранила бы людей, придерживавшихся «непрерывности» пути развития, ошибочны. Экономической успешности и малым социальным издержкам переходного периода, несомненно, способствовало и то, что Словения избежала политических потрясений и что прежней политической и экономической элите удалось сохранить или же во время переходного периода вновь обрести экономическое и политическое влияние.

Период выздоровления и безветрия

Экономические достижения периода с 1994 по 2004 год можно считать, по крайней мере, удовлетворительными. Для процессов этого периода был характерен стабильный и в соответствии со степенью развитости также довольно высокий экономический рост, при внутреннем (бюджет) и внешнем (платежный баланс) равновесии достигший уровня около 4 %. Безработица, приобретая черты безработицы европейских рыночных экономик (Mencinger,

2000), постепенно шла на убыль, так же постепенно уменьшалась и инфляция. Колебания доли государственного сектора в ВВП, вполне соответствующей «европейскому» уровню, и колебания расходов на образование, здравоохранение, социальный сектор и культуру, превосходивших средние «европейские» показатели, происходили скорее из-за колебаний в знаменателе, чем в числителе этой доли. Внутренний дисбаланс, отразившийся в бюджетном дефиците и государственном долге, был не слишком велик. Излишков в части услуг по текущему счету хватало на покрытие дефицита в его коммерческой части; внешнее равновесие наряду с унаследованной структурой экономики обеспечивалось также принятым решением о скользящем курсе, постоянной сбалансированной монетарной и курсовой политикой, а также размышлениями о продажах имущества «во благо малой родины»²⁰. От других бывших социалистических экономик Словения отличалась прежде всего относительно малыми непосредственными вложениями из-за рубежа, ведь она меньше, чем другие экономики, продавала богатства своего производства и сохранила значительную часть финансовой экономики. В отличие от большинства прочих бывших социалистических экономик, она сохранила и высокую степень социальной сплоченности. Это демонстрирует Рисунок 2, на котором показана комбинация критерия экономической успешности и критерия социальной сплоченности для стран — участниц ЕС. Согласно комбинации критериев Словения попадает в «скандинавский квадрат», объединяющий государства, экономически и социально более успешные, чем средние показатели Евросоюза.

Рисунок 2
Экономическая успешность и социальная сплоченность
(по горизонтали уровень занятости населения, по вертикали уровень риска бедности в %)

Примечание: Для измерения экономической успешности все чаще используется уровень занятости: доля работающих среди населения в возрасте от 15 до 64 лет — на горизонтальной оси; а для измерения социальной сплоченности — уровень риска бедности (доля населения, имеющего доходы меньше 60 % медианы) — на вертикальной оси. Словения (2007), по оценке обеих, попадает в так называемый «скандинавский квадрат».

Источник сведений: Евростат

Рис. 2

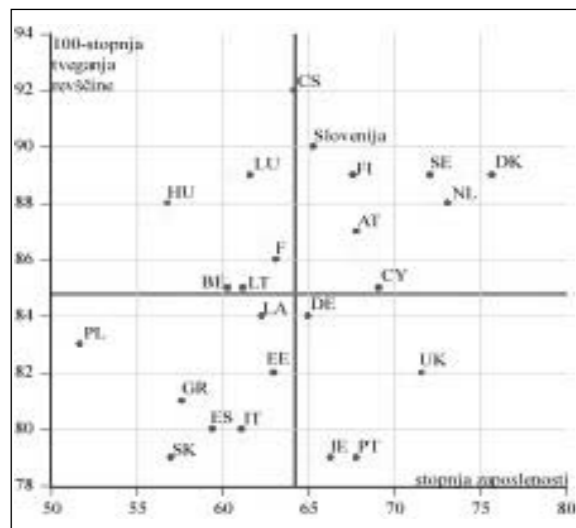

Рисунок 3
Зависимость экономики Словении от ЕС
(годовой прирост ВВП 1998/I–2011/I)
Источник сведений: Евростат

Потоки товаров, услуг и капитала постепенно привязали Словению к Евросоюзу, и таким образом она, потеряв экономические атрибуты государства (деньги, налоги, границы и правила игры) и вступив в ЕС и ЕВС, также формально стала областью ЕС²¹.

Период азартных игр и кризис

По вступлении в Европейский Союз или, еще более, по вступлении в еврозону Словения сошла с пути прежнего консервативного развития. «Устаревшее» (физиократическое и «во благо малой родины») мышление сменилось «современными» идеями, согласно которым богатство можно приумножать «финансовым погружением», поиском «случая» прибрать к рукам предприятия в бывших югославских республиках и покупкой «высокодоходных» ценных бумаг в различных фондах дома и по всему миру. Экономический рост, усилившийся и в 2007 г. (в первую очередь благодаря 15-процентному росту строительства и финансовых услуг), достиг 6,8 %; число ищущих работу с 2004 по 2008 г. быстро снизилось на треть; благодаря быстрому росту ВВП уменьшились государственно-финансовый дефицит, доля государственного сектора и государственный долг. Значение словенского фондового индекса, которое прежде более или менее соответствовало росту нормального ВВП, за три года утроилось. Понятие экономии изменилось, обычные формы сбережений в банках вытеснили

инвестиционные спекуляции в «высокодоходных» отечественных или зарубежных инвестиционных или пенсионных фондах. Биржа, призванная аккумулировать сбережения и контролировать управление предприятиями, стала местом для посреднических

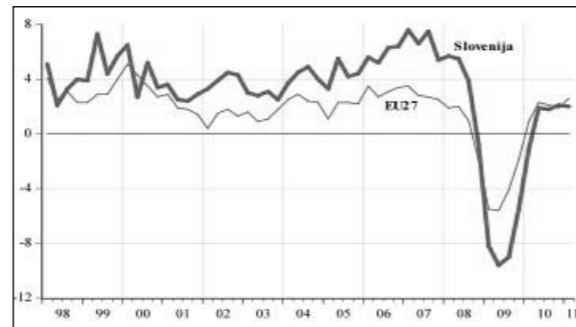

Рис. 3

сделок с имуществом и создания виртуального богатства. Сформировалась среда, в которой укоренилась практика выкупа предприятий собственным руководством²². Все это стало возможным лишь при быстром росте кредитов. А поскольку депозиты в банках росли гораздо медленнее, приблизительно с той же скоростью, что и номинальный ВВП, довольно скоро рост кредитов, необходимых для финансирования производства, расширения путем покупки предприятий, выкупа предприятий руководством и «сбережений» в ценных бумагах, привел лишь к обременению банков долгами за рубежом.

Рисунок 4
Внутреннее и внешнее равновесие, 1994–2010

(А: жирным — дефицит бюджета, тонким — дефицит текущего счета; Б: жирным — государственный долг, тонким — нетто внешний долг; и там и там по вертикали — % ВВП)

Источник: Банк Словении и Министерство финансов

Рисунок 5
Азартные игры (финансовое погружение, создание виртуального богатства и долга)
(Серым обозначен период азартных игр.)

Кредиты и депозиты кредиты/депозиты
Словенский фондовый индекс НЕТТО ДОЛГ

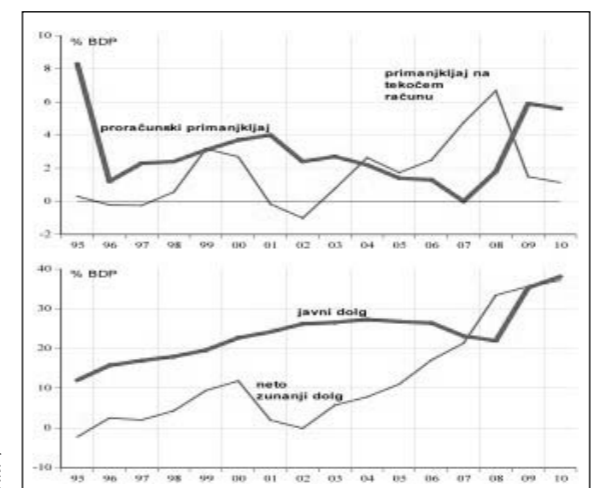
Источник: Банк Словении и Министерство финансов

В результате процессов 2005–2008 гг. Словения «вернется» к странам, развитие которых в переходный период опиралось на иностранные сбережения, поступавшие к ним в различных формах, чаще всего в форме иностранных непосредственных вложений или сумм за проданное имущество. «Финансовое погружение» 2005–2008 гг., как видно, окончательно расправится и с «национальным интересом». Распродажа предприятий, являющаяся следствием неуспешных выкупов их собственным руководством и политической демагогии, вернет ее в ряд других бывших социалистических экономик, судьбы которых в большей или меньшей степени решают собственники мультинациональных корпораций, прежде всего банков и финансовых институтов, находящихся практически целиком во власти иностранцев²³.

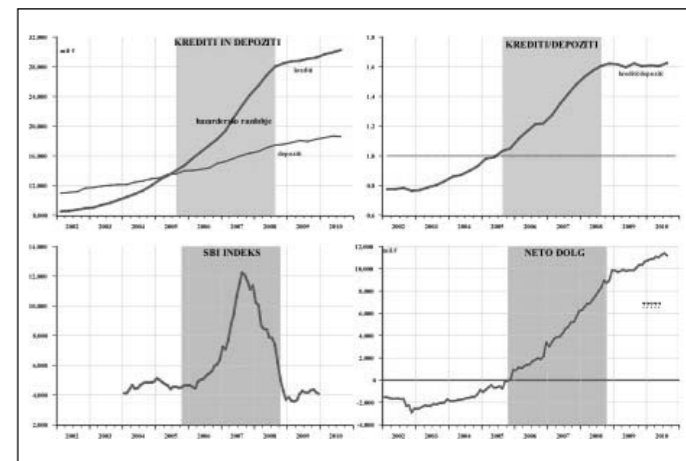
Начавшегося в конце 2008 г. кризиса Словения, естественно, избежать не могла, поскольку — и прежде всего — активность производства абсолютно зависит от экономической активности в ЕС, однако она встретила его дисбалансом, который сильно снизил или даже свел на нет возможности того, чтобы при помощи остатков экономической политики, по крайней мере, смягчить его социальное воздействие²⁴ и ускорить выход из него.

Предпринимаемые государством финансовые усилия в период кризиса в Словении вовсе не представляют собою ничего особенного; значительное увеличение бюджетного дефицита и государственного долга в 2009 г. — неперемное условие сокращения экономической активности, что немедленно снижает государственную финансовую прибыль от посредственных и непосредственных налогов, в то

Рис. 4

время как государственные финансовые расходы снижаются не так быстро — а если бы и снижались, кризис оказался бы еще более глубоким. Кризисная ситуация требует даже еще больших расходов для поддержки общественной безопасности и, как в текущей кризисной ситуации, для социализации банковских потерь, при помощи которой государства

пытались предотвратить крах финансовой системы и частично в этом преуспели. Такое спасение финансовой системы демонстрирует Рисунок 6, на котором изображен пример словенских банков: это — уменьшение задолженности «частного» сектора (банков) за рубежом при увеличении задолженности государства²⁵ за рубежом. Наряду с предпосылкой о том, чтобы только государство принимало на себя обязательства по облигациям, увеличение долга в 2009 г. было в Словении несколько большим, чем в среднем по ЕС27 (большим было и сокращение ВВП), но еще более, чем Словения, государственный долг в период кризиса до конца 2011 г. должны были бы увеличить еще десять членов Евросоюза. Однако из-за малой задолженности до кризиса государственный долг в размере около 45 % ВВП должен был бы оставаться на 20 индексных пунктов ниже, чем в среднем в ЕС27. Гораздо более опасным, чем государственный долг, является общая задолженность Словении (банков, населения, нефинансового сектора и государственных учреждений) за рубежом²⁶ и большая внутренняя задолженность или неликвидность нефинансовой части экономики, которая точно так же появилась в результате финансового погружения или кредитной зависимости нефинансовых обществ в период до кризиса и которая препятствует оживлению экономики.

Рис. 5

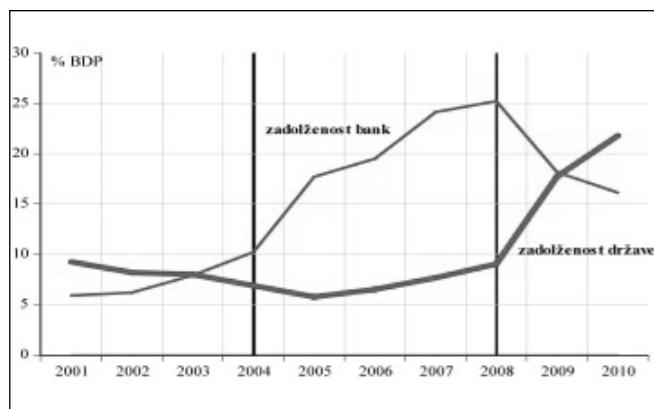

Рис. 4.6

Рисунок 4.6

Перенос долга за рубежом с «частного» на государственный сектор

(в % ВВП; тонкая линия — задолженность банков; жирная линия — задолженность государства)

Источник: Банк Словении, собственные расчеты

Уровень государственного долга, не являющегося критичным, и появление нетто задолженности и кредитной зависимости в прошлом указывают на сомнительность пути решения проблем при помощи такого рода консолидации государственных финансов и уменьшения государственного долга, с одной стороны, и посредством требований о немедленном введении новых правил капиталистического соответствия банков — с другой. Чересчур быстрое фискальное и монетарное ужесточение сделает невозможным избавиться от кредитной зависимости и неликвидности предприятий, а также уменьшить задолженность банков за рубежом. Парализованный внутренний спрос дополнительно может активизировать лишь государство, но не принуждением к экономии, а поощрением экономической активности. При этом для него оказывается доступен лишь безрадостный выход — займы и бóльший государственный долг; и то и другое с развитием паралича экономики, естественно, будут увеличиваться, а это еще хуже.

Дать ответ на вопрос об окончании кризиса и о том, что будет со Словенией в конце второго десятилетия XXI века, невозможно. Вероятно, кризис, или колебание роста около нулевой отметки, — это нормальное состояние, к которому просто следует привыкнуть? При этом не стоит забывать о том, что Словения — это лишь область Евросоюза, ведь от ответственности, присущей государству как экономиче-

ской единице, — в деньгах, налогах, границах и правилах игры — осталось совсем немного.

Таким образом, размышления о 2020 г. могут быть лишь размышлениями о Европейском Союзе и его судьбе, что возвращает нас к «официальным» стратегиям европейских властей. **«ЕВРОПА 2020 — Стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста»** присоединилась к потоку стратегий в прошлом году²⁷. Может ли Европа ожидать от нее большего, чем от лиссабонских стратегий? Если собранной в ней риторике окажется достаточно, о жизни в 2020 г. мы смело можем больше не заботиться. Крах двух стратегий несколько отрезвил брюссельских плановиков: так, например, глобализацию теперь определяют туда, где ей и место, — к трудностям ЕС, вместе с давлением на природные ресурсы и старением населения. Также и важнейшая цель — 75 % занятости — ведет к осознанию того, что **проблемой современного мира оказывается создание достаточного количества рабочих мест, а не достижение еще большей производительности и богатств, и что создание новых услуг, учреждений и правил — это лишь способ, как хотя бы немного преодолеть последствия технического прогресса для сферы занятости.**

А что, если в 2020 г. Европейского Союза вообще больше не будет, по крайней мере такого, каким мы его знаем сейчас? Еще несколько лет назад об этом было неприлично даже подумать, но два с лишним года кризиса привели к появлению в ЕС «югославского синдрома» и к различного рода исследованиям, подобным тем, что наводнили Югославию накануне ее краха. Ведь вдруг оказалось, что Евросоюз-2011 очень похож на СФРЮ-1983, когда югославские политики еще искали выход для Югославии, а нынче европейские политики ищут выход для Евросоюза. И если им не повезет, Словении останется лишь опыт двадцатилетней давности.

Использованная литература

- Bajt, A.(1986): Preduzetništvo u samoupravnoj socijalističkoj privredi, **Privredna kretanja** 159, 32-46.
 Bajt, A. (1988): **Samoupravna oblika družbene lastnine**, Globus, Zagreb.
 Bole, V. (1993): Restrukturiranje gospodarstva, **Gospodarska Gibanja**, EIPF, Ljubljana, 239, 21-34;
 Goldstein, S. (1985): **Prijedlog 85**, Scientia Yugoslavica, Zagreb.
 Horvat, B. (1985): **Jugoslovensko društvo u krizi**, Globus, Zagreb.

Jerovšek, J., et al.: (1985) **Kriza, blokade i perspektive**, Globus, Zagreb.

Kornai, J. (1990): **The Road to a Free Economy**, WWNorton&Company, New York;

Krugman, P (2010): **The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008**.

Mencinger, Jože (1988) Ideološki preboj, teoretska zmeda in stvarne prepreke, **Gospodarska Gibanja**, 6/1988, 39-45;

(1990) Slovensko gospodarstvo med centralizmom in neodvisnostjo, **Nova Revija**, 108,

(1991) «Makroekonomske dileme Republike Slovenije» **Gospodarska gibanja**, 5/1991, 25-35;

(2000a): Restructuring by Firing and Retiring": The Case of Slovenia v Landesmann M.A. in Pichelmann, K.:(2000) **Unemployment in Europe**, McMillanPress, London, 374-389;

(2000b) Zunanje ravnotežje ter avtomobilski in bencinski trg, **Gospodarska gibanja**, februar 2000, 25-38;

Olson M (1982): **The Rise and Decline of Nations**, Yale University Press, New Haven

Popović, S. (1984) **Ogled o jugoslovenskom privrednom sistemu**, Marksistički centar Beograd.

Stiglitz, J.: (2010): **Freefall, Free Markets and the Sinking of the Global Economy**, Penguin Books, London;

Источники сведений:

- Статистическое управление Республики Словении — Statistični urad Republike Slovenije;
 Евростат — EUROSTAT;
 Банк Словении — Banka Slovenije;
 Министерство финансов — Ministrstvo za finance.

Примечания

¹ Микучич, Бранко — югославский политик, государственный деятель, председатель Союзного Исполнительного Вече СФРЮ в 1986–1989 гг., предпринявший ряд жестких мер ради стабилизации экономического положения страны. — *Примеч. пер.*

² Введение капитализма обычно связывают с обретением самостоятельности и переходным периодом, а также с принятием в конце 1992 г. **«Закона о преобразовании общественной собственности»**. Вместе с тем более или менее официальными являются и замыслы по приватизации, отраженные в документе «Отказ от безсобственнической концепции

для общественной собственности». Таким образом, этот документ не мог стать ничем другим, как отказом от общественной собственности, или ее «вырождением» в коллективную и затем в частную собственность. Право управления и постоянного пользования в соответствии с инвестированным капиталом, вводимые тезисами документа, как раз являются составляющими капитализма. При этом общественная собственность все-таки была бы основной формой собственности, однако без дополнительных ограничений по отношению к другим формам она не могла оставаться доминирующей. «Официальное» введение рынков товаропроизводителей также потребовало бы «официального» признания и последствий, а это не что иное, как «официальный» отказ от провозглашенных основ общественного устройства — общественной собственности и самоуправления, ведь и то и другое идеологически, теоретически и практически несовместимы с рынком товаропроизводителей.

³ Маркович, Анте — югославский политик, государственный деятель, последний председатель Союзного Исполнительного Вече СФРЮ (1989–1991). — *Примеч. пер.*

⁴ Распад Югославии и отделение Словении открыты политическими и этническими рассуждениями, однако ясно, что все это невозможно отделить от процессов переходного периода. И более того, именно возможности перехода и присоединения к Евросоюзу оказались среди важнейших аргументов к достижению самостоятельности Словении.

⁵ Экономисты во все более обширной литературе в области «трансформатологии» занимаются так же и классификацией событий перехода по переходным моделям. Чаще всего используется разделение на **модель «шоковой терапии»** и **поступательную модель**. Однако можно быстро удостовериться, что такое разделение не дает классификации государств, осуществляющих переход, ведь отдельные составляющие перехода в определенных странах являлись смесью скорее разнообразных системных изменений и экономических политик, чем согласованных решений. Некоторые из них могли бы трактоваться как составляющие поступательного перехода, другие — как составляющие «шоковой терапии». Кроме того, целиком отдельное системное изменение или решение хозяйственной политики, например либерализацию цен, в отдельной экономике (Польша) возможно трактовать как «шоковое», в другой (Венгрия) как составляющую поступательности, в третьей (Словения) оно просто является начальным состоянием.

Разделение Станислава Гомулки (2000) на три модели неопределенности не устраняет. Согласно ему к **модели «шоковой терапии»** относится лишь переход, осуществленный в бывшей Восточной Германии, в **поступательную модель** попадают наследницы бывшего Советского Союза, а в **модель быстрого приспособления** – все восточноевропейские экономики. В действительности же важными являлись и различия в исходном положении, и различия созданных политических элит.

⁶ То, что частная собственность является условием эффективности, само собой разумеется, однако она является лишь необходимым, но недостаточным условием для достижения трех целей, ведь «настоящих» собственников, которые обеспечивали бы эффективное использование средств, невозможно создать декретами и административной передачей собственнических полномочий. Именно поэтому можно было ожидать, что эффект приватизации по отношению к эффективности экономик будет маленьким и, прежде всего, отложенным на будущее. Работает ли другая предпосылка – о том, что приватизация обеспечит законность, – это еще больший вопрос. Законность в экономике – исключительно неопределенный концепт, на что указывают, например, уже весьма разнообразный опыт распределения материальных ценностей даже в наиболее развитых капиталистических хозяйствах. Хотя частная собственность и рыночная экономика являются основой стабильной политической демократии, однако новая или новостарая политическая и экономическая элита приватизацию поняла в первую очередь как возможность быстрого усиления своей политической легитимности и увеличения своего благосостояния. Таким образом «настоящая» приватизация была лишь той приватизацией, результатом которой стала удовлетворявшее их перераспределение богатств и сфер влияния. Капитализм в Южной Америке и не только вовсе не является эффективной хозяйственной системой, не обеспечивает разумного распределения богатств и благ и еще меньше является основой политической демократии.

⁷ Впрочем, рыночные институты и рамки закона, формально сходные с теми, что присутствуют в развитых рыночных экономиках, могут быть сформированы довольно быстро, но это не обеспечивает того, что работать они будут так же, как в развитых рыночных экономиках.

⁸ В правительстве сформировались три группы; наряду с политически сильной «государствообразующей», также политически слабая «экономическая»

группа и группа «попутчиков», попавших в правительство благодаря выборной математике. Разделение между «державообразующей» и «экономической» группой явствовало из их отношения к Югославии; для первых (может быть??) отделение было целью, для вторых выход был вынужденным и в меньшей степени определенным переходным периодом. Что касается взглядов на переходный период или на приверженцев «шоковой терапии» и постепенщиков речь скорее шла о разделении между «правыми», желавшими возвращения к тому миру, каков он был до Второй мировой войны, и «левыми», о таком возвращении не помышлявшими.

⁹ В этом меморандуме словенское правительство требовало: 1) отменить привязку денег к немецкой марке и их девальвацию; 2) уменьшить налоговое бремя за счет расходов на оборону; 3) более эффективно контролировать рост заработной платы и вернуть зарплаты союзной администрации на сопоставимый уровень; 4) скорректировать денежную политику при налогообложении, а также перенести большую часть валютных запасов в коммерческие банки и 5) взять на себя часть претензий предприятий к Ираку. Одновременно оно объявило о собственных мерах по защите словенской экономики.

¹⁰ Поводом для выступления Югославской народной армии на пограничные переходы и войны за независимость могло бы стать именно нарушение словенским правительством обещания, что оно будет выплачивать в союзный бюджет собранные на границе таможенные пошлины.

¹¹ Будущее политическое устройство вплоть до июньской войны, или июльского Брионского соглашения, несмотря на результаты декабрьского референдума, в действительности было еще совершенно неопределенным, о чем свидетельствуют исследования об асимметричной федерации и различных формах конфедерации.

¹² Самой большой потенциальной и реальной проблемой было именно уменьшение рынка, ведь Словения на югославском рынке, если считать его иностранным рынком, продавала целых 58 % общего «экспорта».

¹³ Основная часть недостающих макроэкономических предпосылок для эффективной рыночной экономики появилась в 1990 – начале 1991 г., еще до политического провозглашения независимости. В конце 1990 г. Законом о доходах и Законом о налоге на прибыль была введена простая, прозрачная и недискриминационная система прямых налогов. В

начале 1991 г. были подготовлены Закон о Банке Словении, Закон о банках и сберегательных кассах, Закон о валютной системе и Закон о реабилитации банков и сберегательных касс, которые вступили в силу одновременно с Декларацией о независимости в июне 1991 г.

* Условия торговли (англ.). – Примеч. ред.

** Резервный (англ.). – Примеч. ред.

¹⁴ Во второй раз угроза возникла в ноябре 2005 г., когда тогдашнее правительство приняло **«Рамочное постановление об экономических и социальных реформах, направленных на увеличение благосостояния в Словении»**. Реформами должны были стать *«процесс изменения основополагающих системных параметров»*, а также *«экономической и общественной парадигмы, действовавшей начиная с обретения независимости»*. Исходной точкой подъема должна была стать налоговая реформа с пресловутой тройной ставкой единого налога, которую бы сопровождала реформа социальной системы, системы здравоохранения и системы образования, уменьшение государственного сектора и приватизация в производственном секторе имущества, которое в результате первой приватизации непосредственно или опосредованно оставалось в собственности государства. Опасности, что реформаторский подвиг 2005 г. состоится, не было. Налоговую реформу с бессмысленной тройной ставкой единого налога еще до ее начала собственным высокомерием развалили ее же авторы, а добились профсоюзы. Стратегический совет и Комиссия по реформам быстро завершили поход за введение «настоящего» капитализма и исправления при социализме «искривленных» ценностей. Партийные объединения в интересах развития – какой-нибудь современный вариант Социалистического союза трудового народа Словении – всегда были всего лишь частью «цирка» рекламных кампаний.

¹⁵ Частная собственность рождает необходимость в рынке капитала, где собственники могут продавать и покупать имущество посредством ценных бумаг. Судя по уровню заинтересованности в колебаниях курса акций, события на рынке капитала являются даже преобладающей и наиболее значимой частью экономической деятельности в Словении. Рынок капитала должен был бы выполнять две важные функции: на нем сосредоточивались бы средства для инвестиций и проверялась бы успешность управления. То, что в сборе средств для инвестиций (так же как и в других системах) он не важен, – это известно; более 70 % денежных средств, которые предприятиями направ-

ляются на инвестиции, происходит из их собственной амортизации и отложенной прибыли, в оставшейся же части преобладают банковские кредиты. А потому рынку капитала особо нечего делать в плане проверки успешности и смены неуспешных администраций отдельных обществ, хотя у нас он используется как инструмент для замены хороших или плохих администраций на «наши» администрации. Решение проблем при помощи «капиталистических» отношений происходит во много раз жестче, чем решение тех же проблем происходило бы при помощи «самоуправленческих» отношений.

¹⁶ В ноябре 1997 г., считающегося временем окончания формальной приватизации, было приватизировано 1127 предприятий, 70 предприятий осталось в государственной собственности, а 82 были ликвидированы. Лишь 32 общества обошлись без участия работников в приватизации, в 455 участие работников в собственности было неосновной, а в 795 – основной формой.

¹⁷ Хотя нельзя не заметить эффект глобализации и мирового экономического кризиса в современных процессах, происходящих в словенской экономике, банкротство многих предприятий показывает, что частные собственники и управляющие их имуществом менеджеры могут быть хуже от «несобственников» и «красных» директоров, или что частная собственность может быть гораздо менее эффективна, чем общественная, или коллективная.

¹⁸ Экономическая успешность государств обычно оценивается при помощи нескольких постоянных индикаторов: экономический рост, безработица, инфляция, внешнее и внутреннее равновесие и реже критерии социальной сплоченности.

¹⁹ Причинами сокращения валового внутреннего продукта стали переходный период и распад Югославии с потерей югославского рынка (который составлял целых 58 % от «иностранного» рынка в общем – настоящего и югославского). Эффект от перехода и эффект от распада невозможно размежевать, поскольку многие виды продукции именно из-за развала государства стали продуктом «исключительно социалистического производства». Таковыми были, например, грузовики «ТАМ», за одну ночь превратившиеся в товар, который был никому не нужен; два их крупных покупателя – Югославская народная армия и Советский Союз – развалились, а третий покупатель – арабские страны после американской «Бури в пустыне» в Ираке оказались в кризисе. Когда 8 октября 1991 г., с введением собственной валюты, Слове-

ния стала национальной экономикой, многие из еще в то время государственных предприятий, имевших продукцию, которую можно было продать, быстро переориентировались на рынки развитых стран. Наибольшие заслуги в быстрой переориентации принадлежат тогдашним «красным директорам». Многие из них на предприятиях, которыми они руководили, прожили целую жизнь; даже их организовывали или из маленьких и незначительных превратили в крупные и успешные. Самих себя они еще не воспринимали как «работодателей», а рабочие предприятий еще не стали для них «рабочей силой».

²⁰ Утверждений о том, что и реструктуризация словенской экономики в этот период из-за поступательности была медленной, и развитие было ошибочным, эмпирически невозможно подтвердить. Как раз наоборот: спустя пятнадцать лет экономическая и социальная структура стала еще больше похожа на экономические и социальные структуры малых скандинавских стран – членов ЕС, чем на структуры новых его членов. Это и без «великих» реформ дает довольно большие возможности для развития – больше, чем есть у экономик иных новых членов ЕС, что прекрасно показывает простая диаграмма степени занятости населения (являющейся основной целью Лиссабонской стратегии) на горизонтальной и степени риска бедности – на вертикальной оси. Словения по степени занятости и степени социальной сплоченности попадает в так называемый «скандинавский квадрат» (наряду со скандинавскими государствами в него входят также Австрия и Кипр).

²¹ Она окончательно потеряла большинство рычагов макроэкономической политики, что определяется прежде всего политикой управления совокупным спросом. Ведь Словения потеряла все атрибуты национальной экономики: право на «печатание» денег, право на формирование экономической системы, право направлять потоки товаров, услуг и капитала через государственные границы, – у нее осталось лишь весьма ограниченное право на «сбор налогов».

²² До «ускоренной приватизации», являвшейся составляющей частью как раз неудачной реформы 2005 г., казалось, что при помощи концентрации собственности частных собственников заменят собственники обществ, т.е. собственники, которые будут заниматься хозяйствованием, а не посредническими сделками. Выкуп предприятий собственным руководством также поначалу обнадеживал: мол, тем самым получим настоящих собственников обществ, подобных «боскаролам» и «акраповичам», самостоя-

тельно создавшим предприятия. Возможно, многие даже намеревались стать длительными собственниками, но финансовый кризис застал их врасплох. Посредством залога переоцененных акций они превратились в собственников имущества, и они сами или же банки через заложенные акции начали на все четыре стороны распродавать предприятия, их части, товарные марки и территории.

²³ Доля иностранных банков в государствах «старой» Европы равна приблизительно 24 % (если исключить Великобританию и Люксембург, то лишь 19 %). Кроме того, она гораздо ниже, чем доля иностранных обществ в иных экономических сферах. Доля иностранных банков в «новой» Европе превышает 75 % и значительно выше доли иностранных обществ в иных сферах.

²⁴ Нынешний мировой и словенский кризис представляет собой кризис избыточного предложения; корни этого – в длящемся десятилетии создания избыточных производственных мощностей; за избыточным предложением в течение нескольких последних лет тянулся и совокупный спрос вместе с займами, «финансовым погружением» и надуванием разнообразных имущественных «пузырей». Кризису нет дела до специфической величины добавленной стоимости на душу населения или гибкости рынка труда; он ничуть не меньше, по сравнению со Словенией, и в технологически наиболее развитых, открытых экономиках, до недавнего прошлого вызывавших восхищение. Движение макроэкономических составляющих государств ЕС подтверждает, что глубина кризиса в отдельно взятой экономике наряду с его «глобальным финансовым погружением», определяется открытостью; чем больше она открыта, тем больше и сокращение производства, чем гибче у нее рынок труда, тем выше безработица. Лучшая ситуация в больших, более закрытых и самодостаточных экономиках, которые благодаря большой доле государственного сектора в ВВП и большим социальным трансфертам могут создать достаточный внутренний спрос и достаточное количество рабочих мест; меньше всего безработица затронула государства с жестко регулируемым рынком труда. Экономия путем сокращения социальных прав, «лишних» учителей, воспитательниц и государственных чиновников, которые прекратили бы «создавать работу», может лишь углубить кризис, ведь таким образом еще более снижается внутренний спрос, при этом не гарантируется спрос внешний. По крайней мере, в какой-то момент кажется, что для объяснения ситуации и поиска путей выхода из кризиса

возможно использовать лишь «экономике депрессии» (P. Krigman, 2009), требующую немедленного освобождения от кредитов и активизации совокупного спроса. Однако освобождение от кредитов возможно лишь с непосредственным (частичная национализация с докапитализацией) или посредственным (благодаря принятию государством на себя долговых обязательств и его депозитам) входом государства в банковскую систему. Активизации совокупного спроса точно так же можно достичь лишь увеличением государственного и/или субсидированием частного потребления. Неизбежным последствием такого освобождения от кредитов без увеличения частных сбережений и создания спроса является увеличение бюджетного дисбаланса и рост государственного долга.

²⁵ Государственный долг в 2009 г. значительно вырос из-за принятия государством на себя обязательств посредством облигаций и государственных депозитов в банках, что позволило последним уменьшить их задолженность за рубежом.

²⁶ Хотя из-за нетто отрицательных инвестиций в размере 35,5 % ВВП Словения входит в число членов ЕС27 с наименьшей задолженностью и является вообще «новым» членом с наименьшей задолженностью (из числа вступивших в ЕС с 2004 по 2007 г.), однако значительна доля банков в отрицательных инвестициях и исключительно высока доля предприятий, обремененных банковскими кредитами, что парализует экономическую активность.

²⁷ Ею Европейская комиссия «надстраивает» две лиссабонские стратегии: «оригинальную» (2000) и «обновленную» (2005). Первая была призвана создать из ЕС до 2010 г. общество знаний и наиболее эффективную мировую экономику, вторая – обеспечить экономический рост и занятость населения. Первая закончилась уклонением от цели, вторая – экономическим кризисом. Обе и не активизировали, и не воспрепятствовали ходу событий, приведших к нему. Совсем наоборот. Хотя Европейская комиссия трактует нынешний кризис так, будто речь идет о непредсказуемом стихийном бедствии, свою одержимость либерализацией, дерегуляцией и приватизацией она поддержала развитием событий, которое должно было закончиться так, как и закончилось. Комиссия просмотрела то, что рабочие места, которые она теряет из-за увольнений на производстве, невозможно компенсировать рабочими местами в сфере услуг, что деятельность с высокой добавленной стоимостью из-за перемещения в государства с низкой зарплатой превращается в деятельность с низкой добавленной стоимостью и что посредством «общества знаний», большей приспособляемостью рынка труда, финансовыми продуктами и приватизацией государственных услуг невозможно конкурировать с гораздо более недобросовестными, с социальной точки зрения, обществами.

Перевод Ю. Созиной

© Текст: Йозе Менцингер
© Перевод: Юлия Созина

МИФ 'ВЕЛИКОГО СКАЧКА' И РЕАЛЬНОСТЬ ПРИСТРОЕК

Игорь ГРДИНА

Словенская философия исторического прошлого и настоящего вскрывается посредством долгой вереницы более или менее глубокомысленных аналитических исследований, головоломно сложных диагнозов и прекрасно звучащих программ, однако неопровержимые выводы, которые придавали бы этим свидетельствам интенсивной интеллектуально-эмоциональной одержимости или активности более глубокое значение и провидческий смысл, были (есть) весьма редки. Индивидуальные и коллективные рефлексии о себе так часто оставались на уровне создания впечатления идеализма и доказательства принципиальности — если не просто догматизма. Идея, не проросшая в жизненную ситуацию, своим наибольшим достоинством и критерием весомости считает не пригодность к употреблению, а, напротив, — прямолинейность.

Жители страны на солнечной стороне Альп, которая еще с известных лишь по археологическим раскопкам времен являясь перекрестком великих цивилизационных путей, соединяющих

средиземноморский, восточно-альпийские и дунайско-паннонские земли, никогда особенно не чувствовали необходимости в ясной дефиниции своей принадлежности к европейскому Северу или Югу. Между тем определение согласно собственным меркам и потребностям из-за агрессивности и силы влияний со стороны для них зачастую даже и не допускалось, но — с другой стороны — необходимо также признать, что это жителей по большей части не особенно интересовало. Они действительно наслаждались возможностью того, что они есть и будут либо самой южной страной Севера, либо самой северной страной Юга. И точно так же (по крайней мере декларативно) им нравилось, что они могли идентифицировать себя как крайний восток европейского Запада или как западный край азиатского Востока.

Маятники времени и истории непрестанно придвигали словенцев поближе к различным пограничным или порубежным положениям. На земле Словении постоянно что-то начиналось и заканчивалось — от пресловутых хаотичных и потому практически неукротимых Балкан через метеорологически реальную Центральную Европу до бесчисленных убежищ строящегося, но все-таки отодвинутого в вечное будущее коммунизма. Для сравнительно малочисленного народа на подверженной всем ветрам местности, где встречаются как благотворные течения оживляющего вдохновения, так и бури, порождаемые ссылающимся на необходимость давлением со всех четырех сторон небосвода, это — вполне типичная судьба. Иной возможностью, естественно, могла бы стать постоянная фиксация взгляда в одну сторону, однако это предопределило бы словенцам судьбу бастиона или авангарда различных общностных или регионых идентичностей (православия, католицизма и т.д.). Такую стратегию выживания, оказавшись на одном из перепутьев истории, выбрали сербы и хорваты.

Когда прямо перед началом Второй мировой войны не только в Словении, но и за ее пределами уважаемый философ Франце Вебер размышлял о положении и роли своих земляков в современном мире, он пришел к заключению, что не особо впечатляющие по численности группировки играют в мире по большей части приспособленческую роль. Как правило, вокруг себя они не излучают никаких значительных инициатив, однако те инициативы, которые приходят к малым наро-

дам извне, они воспринимают творчески и развивают их дальше. Часто они даже синтезируют их — что нигде больше невозможно. В этом смысле маленькое/малое никак не может быть синонимом для незначительного или неважного — и тем более для временного. Вебер был уверен, что количественно слабые сообщества все свои физические и духовные силы должны мобилизовать лишь только для того, чтобы в ураганах времени оставаться перспективными для будущего развития; поэтому они просто не могут позволить себе роскоши «заснуть» в уюте обеспеченного будущего и его истин — что вполне может случиться с численно сильным народом, нацеленным в мир наступательно. Ошибки больших народов, как правило, кончаются политическими и цивилизационными катастрофами.

Хотя на Франце Вебера после Второй мировой войны — из-за его верности христианской идее — в СФРЮ было не рекомендовано ссылаться, его мудрость все-таки пережила времена насилия. Весомость его мысли парадоксально подтверждали даже те, кто заботился о том, чтобы она вообще исчезла с общественной сцены. У «титоизма», клеймо теории которому поставил главный словенский марксист ленинской закалки Эдвард Кардель, среди всех вариантов коммунизма был наиболее приспособляющийся характер. Он не был крайне оппортунистическим не только в своей международной политике, но и теоретически. Кажется примечательным и то, что Кардель перед Второй мировой войной в своей главной книге «Развитие словенского национального вопроса» положительно писал о бисмарковской динамичной смене точек зрения и о быстром освоении чужих идей. Характерно, что автор, который хотел предоставить своим землякам объяснение их исторического прошлого, а заодно и указать им путь в будущее, спрятался за оптимистическим псевдонимом Сперанс. Хотя в послевоенных переизданиях книги Карделя хвала немецкому «железному канцлеру» была опущена, это еще не значит, что писатель отверг или пересмотрел приспособленческую позицию Бисмарка и свою собственную. Характерно и то, что даже свое определение нации Кардель взял у Сталина — лишь немного приспособив ее под требования идеологической лаборатории Тито. В довоенном издании книги в этом месте, естественно, не могло быть и речи о какой-то «гомологизации».

Начиная приблизительно с 1950 года, в свой вариант коммунистической теории Кардель пытался втиснуть самые разные, в иных случаях совершенно несовместимые элементы, или традиции. В соответствии со своей ленинской отправной точкой он присягал на авангардную роль партии, а также концепцию единоначалия; у Троцкого Кардель перенял идею перманентной революции; от корпоративизма — сложную систему собраний, от анархизма — самоуправление, а от либерализма Маццини — концепцию объединенного труда. На закате жизни, акцентируя внимание на плюрализме социалистических интересов, он даже попытался заигрывать с социал-демократическими идеями. Своей эклектической позиции Кардель и его товарищи даже не особенно скрывали (кроме единственного случая — т.е. при защите концепции «революции, которая продолжается», ибо троцкистами они не хотели становиться ни при каких обстоятельствах). В конце концов изо дня в день они сталкивались с непреодолимыми трудностями, вызванными своим желанием опереться на совершенно различные источники. «Фанатичный оппортунизм», который консервативно мыслящий Бисмарк смог развить до уровня политической виртуозности, в революционной среде, присягающей на марксистско-ленинские догмы, был не в состоянии даже близко функционировать столь спасительно.

Кардель был даже «удостоен» высокой чести: Александр Исаевич Солженицын «В круге первом» цитировал этого «талмудиста» Тито (так его называли в «шарашке»). Однако из-за все большего противления жизненной реальности этим теоретическим вавилонским башням в конце концов охватила странная меланхолия. Перед смертью он даже вынужден был признать, что счастья человеку не могут дать ни политическая система, ни партия, но каждый человек может создать счастье сам для себя. От такой констатации революционера марксистско-ленинского типа, чей мандат на вхождение в историю происходит из стремлений народных масс, прямо-таки дух захватывает. Необозримое множество сброшенных в шахтерские шурфы и пропасти Краса трупов (в мае–июне 1945 г. расстались с жизнью более половины тогдашнего словенского населения) и бессчетные растоптанные судьбы, заслуга или вина за которые после победоносного окончания Второй мировой войны принадлежит

и Карделю, вот так просто утратили даже идеологическое обоснование. Они стали всего лишь печальным статистическим выражением борьбы за власть в эпоху «социализма а-ля Луи XIV» (так необычно и парадоксально определил в 1964 г. реальность своих современников поэт-авангардист Томаж Шаламун).

И после такого геноцида еще можно удивляться, что самоидентификация и самоинтерпретация словенцев впитали в себя идейно-понятийные поливалентности и протеизмы? В их собрании идей и образов, с одной стороны, и в ощутимой реальности — с другой, куда вообще могут проникнуть жадный до знаний взгляд и готовый к известиям слух, — можно обнаружить сосуществование очевидных следов самых разных идентичностей. И еще очевиднее у словенцев — желание того, чтобы те были, что видно и по их огромному интересу ко всему чужому. Последний, само собой разумеется, определяется как критерий ценности и обоснованности всего отечественного. (Нет, речь здесь идет вовсе не о страхе, характерном для провинциалов, которые больше всего боятся увидеть, *кто* они есть на самом деле!) Естественно, человек хочет эмпирически опробовать, что значит *быть в полной мере*, что такое — лишь *немного* и что — лишь *в представлении*. Нередко — а иногда это может быть и судьбоносно в отношении идентичности — он хочет узнать и как это: *быть совершенно*, что происходит в разреженном, нейтральном или даже смешанном состоянии.

Близость пограничья или порубежья отдельных цивилизационных «пучков» играла большую роль в неультимативности большого количества определений идентичности на словенских землях. На переходных или перекрестных территориях никто, даже самые рьяные приверженцы монументалистского мышления и жизненного монизма, не может питать иллюзий о единообразии человеческой судьбы. Осознание инаковости, которая всегда рядом, основывается на непосредственном опыте. Однако из этого отнюдь не всегда вытекает толерантность, тем не менее рождается постоянная потребность в ней. Характерно то, что в Словении ни одна — даже в определенный исторический период столь привлекательная, перспективная и влиятельная — идентичность, или направленность, никогда целиком не вытесняла иной, оказывавшейся ей совершенно противоположной. Даже те интерпретации ре-

альности, в определенный исторический период пожинавшие, насколько это вообще возможно, самые успешные плоды, довольно быстро сталкивались с реальностью, которая помещала их в постоянные координаты пространства и переломы времени. Так, католический политический лагерь, победивший на выборах 1938 г. с более чем тремя четвертями голосов (они получили целых 78,64 % голосов словенских избирателей), пережил в гражданском столкновении с коммунистами и их союзниками 1941–1945 гг. полное военное поражение. Он был не просто побежден, но и распался изнутри. А победители, несмотря на установление абсолютной власти, были настолько не уверены в себе, что в 1952 г. люблянского епископа Вовка во время пасторского визита в Ново-Место облили горючим и подожгли. Таких воинствующих антирелигиозных и антицерковных эксцессов, которые наверняка преднамеренно — для устрашения — вызывают ассоциации с гонениями на первохристиан во времена временами гонений на христиан Нерона, в Европе даже в период наибольшего расцвета нового, опиравшегося на мощь индустриальной технологии варварства было мало. Жестокость панически действующей власти совершенно не соотносилась с ее всеохватностью и неограниченностью.

Впоследствии новейшая история многое стирала со словенской земли, но абсолютно стереть всё ей не удалось. Если где-либо в другом месте часто бывало, что после годов затишья начиналась новая эра, то на солнечной стороне Альп, несмотря на официальные декларации и новые календари, жестокая современность никогда совершенно не застила прошлого. Окончания не означали полного конца, а начинания — действительного начала. Стало быть, чему удивиться, что, вероятно, нигде в Европе, кроме Словении, невозможно столь часто слышать одновременного апеллирования к правоте двух логически взаимоисключающих друг друга поговорок: «Встречают по одежке, а провожают по уму» и «По одежке протягивай ножки»? В других краях правота этих двух формул сменяется, как приливы и отливы на море, — это относится и к выравнивающим политическую стратегию изречениям: *Frangar, non flectar* (сломается, но не согнется) или *Flectar, non frangar* (согнется, но не ломается). В Словении действительны оба одновременно. И это (практически) для всего — хотя и не для каждого.

Очевидность пограничья и порубежья сама по себе заставляет постоянно заботиться о достижении равновесия, т.е. о будущем между крайностями, которое раньше или позже окажется хрупким и сомнительным. И вот еще что: в Словении, как правило, идентифицируют себя, свою жизнь как нечто совершенно чуждое. Теоретические мысли Франце Вебера о приспособленческом характере существования малых народов именно в такой идентификации получают довольно весомое подтверждение.

Вместе с тем сразу же следует сказать о том, что в Словении синтез противоположностей создается отнюдь не легко и совсем не гармонично. Явления на своей периферии в отдельных элементах зачастую более тугие, чем в центре. Влияния извне лишь редко полностью смешиваются и утрачивают свою самобытность. Чаще всего они сосуществуют друг с другом — несмотря на яростное негодование их догматичных защитников, вечно проклинаящих невнятность словенских обстоятельств. Отдельные личности хотели бы видеть себя в роли героического авангарда той или иной доктрины. Разумеется, радикализм — это постоянная жажда или искушение соперничающих друг с другом жителей тех краев, где сталкиваются идентичности. Однако эволюция, которая, кроме как на конкуренции, основывается еще и на симбиозе, тем не менее сильнее — если не всегда громогласнее, — чем острые размежевания. Переходность — более обещающая жизненная стратегия, нежели ограниченность. Поэтому не удивительно, что жизнь словенцев обрамлена композитными структурами. Таким образом, настоящее — как и прошлое, как и мысль о будущем — буквально наполнено ими.

Совсем недавно один из влиятельнейших словенских мыслителей Боштьян М. Зупанчич (характерным кажется то, что вопреки успешно практикуемой юридической — сначала в качестве профессора, затем — судьи профессии свои самые значительные интеллектуальные усилия он направляет на продвижение своего сплава психоаналитической и марксистской интерпретации человека и мира) объявил, что главной проблемой современности является застревание мужчин в предэдипальном периоде. Причины невзросления представителей собственного пола, которая со временем выражается в личностном дефиците облегчающего гедонизма — с одной сторо-

ны, и в уничтожающей зависти ко всем, а также лишь к потенциальным соперникам — с другой, автор находит даже в изменениях наследственного материала вида *homo sapiens* под влиянием сельскохозяйственных технологий современного периода. Но самой примечательной рекомендацией для выхода из проблемы представляется следующая: пусть «предэдипы» — если только смогут — перескочат сразу же в постэдипальный период, посредством чего фаза мучительного осознания самого себя может даже выпасть. Эдипово самоослепление как метафора явно слишком ужасно — и чересчур ультимативно истинно, — чтобы могло рассматриваться как необходимость для каждого. Но получил бы эдипов комплекс свое место в развитии древнего мифа, который был необыкновенно важен для всей европейской цивилизации, если его можно было бы избежать?

Фактически здесь речь идет об идее «великого скачка», довольно распространенной в Словении. Дело в том, что знакомство со многими мышленческими традициями, веющими со всех сторон, открывает путь не только к приспособляемости, но также и к жажде немедленной и абсолютной реализации. В этом смысле особо обольстительны мессианские универсалистские идеи, которые всегда объясняют все — хотя зачастую ничего больше. Характерно, что коммунистическая Югославия после конфронтации с Коминформбюро думала, что стала авангардом мира, направившегося в будущее под алым знаменем. Экономически и культурно отсталая страна, полагавшая, что благодаря собственному исключительному пониманию марксизма у нее есть системное преимущество перед всеми прочими государствами, нашла в этом свою мировую историческую миссию.

Характерно, что спор со Сталиным, Советским Союзом и их восточноевропейскими и дальневосточными союзниками в первой обширной официальной биографии маршала Тито описывался под высокопарным названием «Знамя социализма спасено». В судьбе и подвигах харизматичного лидера должна была быть отражена авангардная роль не меньше чем планетарного масштаба: Югославия, до сих пор являвшаяся лишь силой регионального балканского значения, вдруг за одну ночь перескочила через свою ограниченность и превратилась в единственный надежный оплот светлого будущего для всего человечества.

Увесистая книга за подписью Владимира Дедиера, предназначавшаяся как для отечественного, так и для иностранного книжного рынка (на немецкоязычной территории она появилась как «автобиографическая», а на англоязычной — как «автопортрет»), пыталась не только подчеркнуть и идеологизировать различия между Советским Союзом и Югославией, но одновременно и историзировать. 1948 год должен был стать не просто событием, но и кульминацией длительного процесса. И Сталин столь революционное рвение маршала Тито и его соратников (тем более после взрыва первых американских ядерных бомб ощущавший себя все более дискомфортно, поскольку белградское политбюро своими необдуманными выходками могло устроить нечто большее, чем просто региональный конфликт) интерпретировал как «отклонение “иудушки Тито” от московской коммунистической магистрали марксизма-ленинизма». За таким тяжелейшим диагнозом актуального положения, естественно, последовали соответствующие меры, приведшие к зловещему лязганью оружием.

И после этого есть ли что-то удивительное в том, что Югославия — а вместе с ней и Словения, как ее самая развитая часть — с таким рвением начала строить бомбоубежища? Самозащита идеологов великого прогресса, разумеется, требовала решений, за которые их не могли бы обвинить в нерешительности. В то время как в других местах постройки такого рода служили среди прочего и совершенно обычным целям (метро, гаражи), на вершинах и в ущельях западных Балкан, а также на окраинах Центральной Европы это было совершенно обособленным делом. То, что это зачастую — например, как строительство бункеров в Албании Ходжи¹ — маркировало городской пейзаж, излишне объяснять. Идея «великого скачка» в будущее требовала не только бдительности и непрерывных военных учений, но и оставила также характерные материальные следы.

Да и позднее многое происходило на подобный манер. Югославия, которая вместе со своим народом по окончании «холодной войны» перестала быть нужной, несмотря на усилия нескольких десятилетий и вопреки утверждению, что по отношению к будущему она является ближайшей точкой на земном шаре, — увы, не оказалась стабильным сообществом. Судьбоносными для нее стали не наличие многих центров или

развитие на перифериях различных культурно-цивилизационных сред, но изменения в более широком политическом контексте, за которым и в своем развитии она больше не поспевала. Внутренние объединяющие силы, корнями уходящие в собрание идей и образов прежних столетий (программа славянской взаимности, коммунизм), в новые — кибернетические — времена оказались слишком слабыми. Их возможности к эмансипации были уже исчерпаны, а вот к элиминации действительно истрачены не были никогда. Перед лицом прогнозируемых вызовов третьего тысячелетия они оказались беспомощны не только для побудительной, но даже наоборот — для исключительно адаптационной роли. Скачок в будущее, с большой помпой провозглашенный в то время, когда Тито сказал Сталину «НЕТ», оказался великой иллюзией. И окончился такой югославской трагедией, которую вряд ли можно было себе представить.

В период падения коммунизма Словения поздней весной и ранним летом 1991 года, получила независимость — после краткого столкновения с Югославской народной армией. Это был довольно сложный конфликт, результаты которого зависели как от оружия, так и от гражданской активности самых широких слоев населения. Прежний авангард «переделал» себя в элиту и установил для себя и по собственной мерке порядок, присягающий на алтаре свободного рынка. И поскольку, в противоположность сделанному, эта элита не хотела подтверждать мысли Джона Кеннета Гэлбрейта о том, что в капитализме «человек использует человека», в то время как в коммунизме дела обстоят «с точностью до наоборот», то постоянно говорили о необходимости брать пример с малоконфликтной политико-экономической действительности в Скандинавии. При помощи правосудия, которое в Словении всегда отличалось гостеприимно-ресторанным менталитетом — начиная с позднесредневековых ведовских процессов до устрашающих публичных и секретных разбирательств с «классовыми врагами», оно всегда услужливо предоставляло политическим властям то, что они заказывали, — удалось создать удивительную псевдоморфозу: новые имена скрыли старую реальность. В мире слов все возможно. И тотчас: всё задуманное будущее может начаться уже в современности.

Однако «великий скачок» по скандинавскому варианту через некоторое время оказался тем, что скрывалось внутри: прошлое стало значительной частью настоящего, а будущее попало туда, где оно и было — далеко впереди. Реальность была сильнее наименований, ей определенных. Словенская похожесть на другие посткоммунистические государства Центральной Европы в последние годы, отмеченные глубокой экономической депрессией, изо дня в день представляла все более очевидной, а расстояние, отделяющее ее от Скандинавии, еще более удалялось. Малая конфликтность сейчас менее реальна, чем когда-либо после провозглашения независимости. «Великий скачок» на сей раз в теории оказался фантазией, а на практике — провалом. И снова многое на этот раз преобразилось, едва ли изменившись.

В результате все еще мыслимо полагать, что на фоне уже упоминавшейся идеи о возможности скачка без эдипального в постэдипальный период происходит действительно что-то новое? Сам способ мышления, видящего возможность такого поведения, в словенской (югославской) истории еще не явил всей своей проблематичности?

Идея о том, что в любой ситуации действительно доминирующая теория не должна допускать отклонений со своего курса, что внутри ее рамок с благотворными последствиями возможно пропускать отдельные шаги, уже многократно открывала и демонстрировала свою иллюзорную природу. То, что теперь она вдруг просто окажется реалистичной, вряд ли возможно себе представить. Мысль о возможности скачка без эдипова комплекса еще более сюрреалистична в свете замечания, сделанного Боштьяном М. Зупанчиком, о том, что его родина, которую он сравнивает с хроническим бронхитом (по остроумию это напоминает парафраз знаменитого стиха Мицкевича о родном Литовском княжестве как синониме здоровья²), тяжело заболела из-за особо интенсивной формы завистливости. Однако злобное недовольство, вызванное несоответствием среднему уровню, не стоит объяснять исключительно с точки зрения психоанализа. После долгих десятилетий навязываемого всеми возможными способами эгалитаризма (что в коммунистической Югославии отразилось даже в позитивной оценке и поддержке коллективных и игнорировании неизбежно подчеркивающих личную специфику индивидуальных видов спорта) речь может

идти только о культурно-историческом явлении. Наверняка у симптомов, приписываемых предэдипальному периоду, могла быть гораздо менее загадочная причина, нежели это предполагает Боштьян М. Зупанчич. Завистливость — вообще не такое уж и «словенское дело», вопреки высказываниям тех, кто определяет ее как выраженное локальное — или даже национальное свойство.

При всем этом примечательно и нечто иное: так же как и коммунистам на границах Балкан и Центральной Европы отсталость их территории в свое время не мешала провозглашать свою величайшую прогрессивность в мировом историческом контексте, представителей психоаналитически-марксистского учения не беспокоит то, что словенские земли якобы накрепко забетонированы в предэдипальный период, когда они прорабатывают идеи о спасительности «великого скачка» вперед. Мысль о возможном освобождении от доставляющего боль осознания самого себя как несовершенства именно этим и является. В состоянии абсолютной ответственности без всяких комплексов люди должны вступить, не приложив для этого никаких собственных усилий. Однако возможность «великого скачка» сегодня не более реалистична, чем прежде: в контексте универсальной детерминированности с определенными образцами это — даже на первый взгляд — утопия. Впрочем, великие идеи должны быть связаны с чудом: если они могут гордиться лишь замечательными традициями, которые и привели к ним, то им недостает чего-то существенного. Будущее — вот то, ради чего люди загораются идеями. И их творцы об этом хорошо знают.

Можем предположить, что в Словении — в месте встреч — пересечение психоаналитического и марксистского направлений мысли в последние годы является необычайно популярным именно потому, что они, при помощи идеологии тотальной закономерности всей жизни, вселяют ощущение уверенности. Измученное кризисной шаткостью сознание хочет зацепиться хотя бы за правила, если уж не может за цели. При слиянии психоаналитических и марксистских постулатов, собственно, речь как раз и идет о попытке создания стандартной модели интерпретации человеческой реальности. А уж если с идеями и интерпретациями Зупанчича учесть заодно еще и те, которые с планетарным откликом продви-

гает, пожалуй, самый влиятельный философ-иллюстратор современного мира Славой Жижек, — то о таком комплексном подходе можно говорить уже как о моде. У последней же нет никакой другой цели, кроме той, чтобы люди следовали ей, и тем самым мода (пере)оформляет действительность, в которой те живут. Подобным, только более глобальным и коммерчески более успешным образом психоанализ так или иначе уже свыше полувека отличает виртуальную реальность Голливуда. Варианты концептуализации мира, которые мы видим на киноэкранах, точно так же порождают абсолютно определенный способ мышления. И не случайно теоретики «последней смены» в Словении так часто загружают себя работой по тематике симптомов представленного на экране образа жизни — и реальности. Показанная же реальность уже словно специально для их рассуждений устроена как должно...

Всеохватные объяснения, рождающиеся в психоаналитически-марксистских ретортах, благодаря обещанию сдернуть занавес с будущего в Словении кажутся интересными только потому, что необходимы всем. Производные представлений о причастности к необходимости в мире, где царствует неуверенность, стали важнее, чем даже вселение надежды. При этом особую роль играет употребление терминологически упорядоченного, но все-таки не слишком мудреного лексикона. (Именно последний несколько лет назад похоронил хайдеггерианскую конкуренцию промоутерам сплава психоанализа и марксизма: загадочный словарь «экзистенциалов» требовал от потенциальных пользователей слишком значительного напряжения мысли.) Профессиональный словарь является не только признаком осведомленности, он к тому же создает впечатление мастерства. Во времена, которые определяет *docta ignorantia*³, гораздо менее безобидной разновидностью, чем одноименные позднесредневековые теоретические предпосылки познания Николая Кузанского, что уже немало. Когда люди в своих ежедневных делах начнут учитывать вещи, о которых они знают лишь то, что ничего о них не знают, а также и те, про которые им вообще непонятно, что они их не знают? (о том, что необходимо соответственно вести себя, еще в 2001 году провозгласил американский министр обороны Дональд Генри Рамсфелд) — тогда любая тень надежды дорогого стоит.

Безуспешные «великие скачки» в истории явно отличаются Словению. Характерными для такого скачка являются фрагменты, мелочи и добавки — всевозможные приложения. Наверное, даже в землях, где в непосредственной близости теснятся глубокие и высокие пределы и острокопечные рубежи, не найти другого такого края, на который пристройки наложили бы столь важного отпечатка. В Любляне практически невозможно найти ни одного хоть отчасти представительского здания, которое не было бы самым очевидным образом, как говорится, грубо переделано. Президентский дворец, национальная Опера, драматический театр, галерея и музей, главное здание Академии наук и искусств, суд и даже средневековый замок над городом — все это пережило при перестройке, засвидетельствовавшие сомнительные триумфы над прошлым. Там, где задумывалась цельность, выступила фрагментарность. Таким образом, монументальные исторические здания XIX столетия и поразительные строения предшествующих веков были вынуждены отказать от презентации эпохи своего создания и ее представлений о прочности — они должны обращать внимание на более поздние времена, возносящиеся над минувшим, которое, впрочем, неспособны обогнать даже постройками. Великие скачки вперед, очевидно, вновь и вновь останавливались перед будущим, во имя которого они вообще предпринимались. При- и перестройки появлялись не ради смещения векторов со всех сторон небосклона, а ради желания абсолютного преодоления — уничтожения — минувшего, но сил для решительного шага из него не было. Собственно, именно это и заключается в ядре каждой идеи «великого скачка»: к будущему следует двигаться, но это вовсе не означает в определенный момент действительно войти в него. Представительские здания в Словении рассказывают весьма занимательную историю, которая позволяет, пожалуй, самое глубокое проникновение в историю, современность и менталитет.

От «великих скачков» остались — и не только на солнечной стороне Альп — лишь фрагменты. Будет ли в период психоаналитически-марксистской смеси, провозглашающей необходимость перехода из предэдипального периода в постэдипальный, что-либо иначе? Маловероятно. Без самоочищения в настоящем, способного видеть в моменты тяжелейших, пусть даже ослепляющих откровений, ничего нового не появится и не родится по-настоящему; всё по-прежнему остается в своих понятийно поливалентных протезах, обладающих, собственно, лишь видимостью той продуктивной приспособляемости, о которой накануне Второй мировой войны говорил Франце Вебер. И если мы посмотрим еще внимательнее, все это очень четко отражается в городском пейзаже: в последние годы Любляна — еще более чем пристройки и перестройки — отличается множеством строительных котлованов. Место фрагментарных свидетельств прежних «великих скачков» в период психоаналитически-марксистского сплава, вместо явлений застрявшего на их симптомах, заняло ничто, свидетельствующее об опьянении мечтами о будущем, к которому *следует двигаться*, но не *действительно войти* в него. Таким образом, идея всегда остается в самом начале, то есть погрязшей в более или менее глубокомысленных аналитических исследованиях, головоломно сложных диагнозах и прекрасно звучащих программах...

Примечания

¹ Энвер Ходжа — албанский политик, фактический руководитель НСР Албании в 1944–1985 гг. — *Примеч. пер.*

² Поэма Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» начинается словами: «Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie» — «Литва! О родина! Ты — как здоровье» (перевод В. Ф. Ходасевича). — *Примеч. пер.*

³ Ученое незнание (*лат.*). — *Примеч. пер.*

Перевод со словенского Ю.А. Созиной ■□■

© Текст: Игор Грдина
© Перевод: Юлия Созина

Маленький принц и история Словении

Давид КРАШОВЕЦ

У словенцев в отношении себя имеются два стойких убеждения: что они живут в маленькой стране и что у них есть своя история. Действительно, не так просто будет найти еще один такой народ, который располагал бы привилегией на расстоянии всего лишь полутора часов езды погрузиться в другую культуру, в каком бы направлении ни пришлось ехать, будь то Апеннинский полуостров, германоязычный Север, Венгерская равнина, Балканы или же Адриатика. Что же касается словенской истории, в ней есть что-то неловкое: здесь не было великих династий, с которыми можно было бы связать народную хронику. Неизменно берет свое импровизация — и так получает свое начало история, расцвеченная подробностями в рассказах дедов и бабушек, которые еще что-то помнят. Те же, кто потеряли память, повторяют исторические небылицы, фрустрации целых семей, чьи раны не могут зарубцеваться.

Спросите словенца об истории его страны: фразы, которые вы услышите, не будут иметь ничего общего с научными теориями всех сло-

венских институтов истории вместе взятых. Бесполезно искать книги по истории этой страны, в них нет ничего, кроме дат и имен.

Совсем недавно мне довелось встретить реставратора картин, который никак не мог найти изначальную модель одного очень поврежденного полотна. В Москве и Ленинграде, где он проходил стажировку в 1964–1965 гг., все звали его Маленьким принцем. Один из друзей привез ему эту картину из Кочевья, где наш Маленький принц с 1941 по 1945 г. помогал словенским партизанам. Участник движения Сопrotивления или партизанского — терминология не вполне ясна. Загляните в пару книг, посвященных истории Кочевья, из них вы узнаете много всего, но все, что вы услышите потом, не будет иметь ничего общего с тем, что вам довелось прочитать; вот он — неизменный шарм словенской истории. Вашим единственным впечатлением будет ощущение обманутости. Кто же вас одурачил? Историки? Этого мы не знаем, остается лишь смутное чувство, что даже историки введены в заблуждение чем-то, что оказывается выше их понимания.

* * *

Несколько лет назад, будучи всего лишь французом, который с трудом изъяснялся по-словенски, я колесил по Словении в поисках картин лотарингского художника Валентина Метцингера (1699–1759), сделавшего свою карьеру в Любляне. Согласно записям одного искусствоведа 1930-х гг., некоторые из его работ находились в районе Кочевья, с XIV в. населенного немцами. Во Франции этот регион известен тем, что здесь в полной безмятежности проживают несколько сотен медведей, некоторые из них были даже транспортированы в Пиренеи для обитания в обширных горных лесах Франции и Испании. Муссолини и Гитлер поделили территорию Словении между собой: Кочевье досталось итальянцам, а почти все автохтонные немцы были перемещены в Штирию, те же, кому повезло, оказались в Австрии. В Словении осталось очень мало их потомков, да и те давно говорят по-словенски. Среди них ныне не найдется даже двадцати человек, которые называли бы немецкий своим родным языком.

Я посетил музей, посвященный им, располагающий картами, планами и фотографиями. Директор с большим энтузиазмом провел для меня экскурсию и прокомментировал экспонаты. Правда, я не помню ни слова из того, о чем он мне рассказывал; лица на фотографиях, на которые я смотрел, были немцы, люди просто позировали — это не были моменты из их подлинной жизни, пойманные фотокамерой случайно. Из комментариев невозможно было понять, сожалеет ли директор о немцах или нет, жертвы ли они, есть ли для них еще место в коллективном сознании жителей новой Словении — или все-таки уже нет. Историческая рефлексия отсутствует, прошлое мило приукрашено, а за обилием слов равно ничего не стоит.

Молодая сотрудница музея вежливо слушала пояснения директора, такая же немая, как и исчезнувшие люди, запечатленные на снимках. После приветливого рукопожатия директора и названного мне имени дамы, которая могла бы помочь мне разыскать картины Метцингера, девушка проводила меня на парковку и сказала мне: «Вы знаете, директор — человек из другой эпохи, не слушайте его. Реальность далека от того, что он вам поведал, но каждый вправе иметь свое мнение». Это было в первый и последний раз, когда

персонал музея дал мне предписание забыть сказанное во имя исторической правды, замаскированной в этих стенах. А что думала она сама? Об этом я тоже никогда не узнал.

Случай весьма показателен: для серьезного разговора об этом эпизоде словенской истории необходимо прежде предъявить словенские претензии к немцам, вспоминая события с 1938 по 1940 год, а затем выразить угрызания совести по поводу того, что случилось с теми немцами, которые остались в Югославии в 1945 году, после Победы.

Вскоре на одной из ферм близлежащей деревни я нашел историка, которого искал, — скромную молодую женщину. Она удивилась и обрадовалась моему визиту. Дама эта вовсе не была официальным историком, просто довольно эрудированным любителем, интересовалась всем, что представляет собою ее родина, и искренне полагала, что все истории — подлинны. Мы отправились в церковь на поиски картины Метцингера «Святой Михаил». Но об этой барочной картине не было ни слуху ни духу, но моя коллега слышала, что когда немцы были вынуждены покинуть Словению, они погрузили на повозки все свои вещи, одежду, мебель, домашнюю птицу и сельскохозяйственный инвентарь. Единственное, чего они не могли взять с собой, — это были церковные алтари, слишком большие для транспортировки. Однако немцы вышли картины из рам и свернутыми рулонами погрузили их на обозы и в грузовики. Полотна сейчас должны находиться в Австрии или еще где-нибудь — вот все, что мне удалось выяснить. Что же касается картины «Святой Михаил», то она все еще находилась в верхней части главного алтаря. Однако это полотно не имело ничего общего с картиной XVIII века эпохи барокко, это была ужасная живопись, выполненная художником-дилетантом уже в XX веке. «Нет, это наверняка то, что вы ищете, прежний священник любил браться за кисть и отреставрировал несколько работ. Правда, следует признать, что у него была тяжелая рука, но это же все лучше, чем иметь в алтаре обветшалые картины». Я не знал, что и думать, впервые в жизни я видел картину, приведенную в полную негодность из самых лучших побуждений, если, конечно, под слоями краски действительно можно было отыскать шедевр XVIII века. Я невольно подумал о своем Маленьком принце: удалось бы ему спасти эту картину?

Вполне возможно, учитывая то, что он смог отреставрировать произведение Матевжа Лангуса (1792–1855), написанное на металле и серьезно пострадавшее в огне: в России он освоил уникальные технологии, благодаря которым можно было восстановить то, что даже казалось обреченным. Девятисотдневная блокада нанесла Ленинграду огромный урон, но советские реставраторы в своем нежелании отступить перед жестокостью Истории сумели сделать невозможное и возродить и картины, и разрушенный дворец в Павловске, и многое другое...

Я снова вернулся в Кочевье. Было еще довольно рано, и у меня оставалось время, чтобы нанести визит священнику и поспрашивать его о картинах, которые были эвакуированы во время Второй мировой войны. Он тоже очень обрадовался моему приходу: наконец-то появился кто-то, чтобы его выслушать. «Нет, — сказал он, — все это глупости, немцы не увозили с собой церковной утвари. Все было гораздо хуже: партизаны, начиная с 1945 г., разрушили около сотни церквей этого края (в действительности же здесь больше был виноват дождь, нежели бомбы). Коммунисты, люди без совести и чести, безбожники, осмелились посягнуть на самое святое. Если вам не удалось найти картину, это не потому, что она сейчас в Австрии, а потому, что церковь была осквернена».

И сегодня еще я теряюсь в догадках: почему те, кто покидал этот край, взяли с собой маленькую картину и не взяли всего остального, что имело гораздо большую ценность? Это было абсурдом. И почему партизаны вдруг решили отыгаться именно на «Святом Михаиле», не тронув в церкви ничего больше? Это было еще большим абсурдом. Где сейчас находится барочная картина, которая в 1930-е гг. еще была здесь? Молодая женщина собрала множество историй о своей родной деревне, но истории о картине Метцингера ей так никто и не рассказал.

Единственное, что остается, когда нет никаких объяснений, — это сваливать всё на Вторую мировую войну, поскольку никто еще не осмелился со всей серьезностью говорить о случившихся трагедиях; ведь это означало бы, что придется также говорить и об ответственности. А вот этого никто не хочет.

На прощание священник из Кочевья, славный человек, сумевший произвести на меня сильное

впечатление, подарил мне книгу обо всех разрушенных церквях. Он ничего не придумывал, печальная действительность выстраивала свою длинную цепь на протяжении многих страниц. Руины и пожары.

* * *

Май 1945-го подходят эшелоны, выгружают тысячи людей. Мужчины, женщины, дети. Беженцы из всех республик Югославии. Их увозят в глубь кочевского леса и расстреливают в пещерах и провалах. Всего только за два месяца при помощи пулеметов и гранат истреблены десятки тысяч людей. Расправа начинается в тот же самый день, когда в Любляне Тито произносит триумфальную речь об освобождении Югославии; в политическом календаре случайные совпадения бывают крайне редко... Несколько убийц вплоть до 1991 г. являлись национальными героями. В Любляне до сих пор все еще стоят их статуи. Жертвам же той «победоносной» бойни в кочевских лесах — памятника нет.

* * *

Я направляюсь в гости к Виктору Повше, Маленькому принцу из Целя, захватив с собой гравюры евангелические темы в исполнении Карло Дольче (1616–1686) и фотографии оригинала. Нет никаких сомнений, что «Христос» из Кочевья, которого Виктору предстояло отреставрировать, является копией флорентийской картины XVII века. Дольче писал очень медленно и впал в глубокую депрессию, когда увидел, как Лука Джордано (1634–1705) за пять часов делает то, на что ему, Дольче, требуется несколько месяцев. Виктора Повше мало занимает этот анекдот, самое главное — это увидеть оригинал, чтобы суметь реконструировать стертую руку. Истории про депрессию — это не для него: «Я люблю жизнь! Это самое великое чудо. Камни, земля, растения, мы сделаны из той же материи, только мы живые! Я люблю жизнь!» Я каждый раз вынужден напоминать себе его возраст, мне кажется чем-то невероятным, что ему уже 79 лет. «У меня была непростая жизнь, именно поэтому я такой маленький, еще ребенком я был вынужден тяжело трудиться, чтобы выжить. Мои братья ушли на фронт, а я должен был работать на ферме». С этим не поспоришь, для него ничего не может быть важнее самой жизни. Она лучится в его взгляде, да простят

мне избитость выражения, но это правда. Это не правда Истории, но правда этого человека. И всю свою жизнь он занимался тем, что возвращал жизнь прошлому; предпочитая отдавать приоритет произведениям, о которых говорили, будто их уже невозможно восстановить.

Виктор не реставратор, он не любит этого слова, он — «консерватор», тот, кто сохраняет. Он не «обновляет» произведения искусства, но устраняет наслоения времени, чтобы под ними заново открыть изначальное творение. В своей работе ему редко приходится поправлять разрушения (в таком случае он занимается реконструкцией, а не реставрацией), чаще всего Виктор должен удалять загрязнения и слои краски, которые были добавлены позднее. Историк, по сути дела, должен выполнять ту же работу: не добавлять интерпретации к уже существующим интерпретациям своих предшественников, но вернуться к истокам и отбросить все, что было додумано позже.

Виктор — художник, он рисует для себя; но жить благодаря одной живописи невозможно, уделу художника он вовсе не завидует. Художник — творящий Демидурт, который дает жизнь. Виктор Повше — «консерватор», тот, кто ее возрождает: если хорошенько подумать, то правота все-таки за ним.

В музейных кругах в России он и получил прозвище Маленький принц, ибо хотел всё знать. И русские никогда не говорили ему, что они лучшие, они просто хотели ему это показать: они доверяли ему свои секреты реставрации, а он не переставал забрасывать их вопросами, ибо хотел всё знать.

Он еще раз с энтузиазмом рассказывает мне об этом: гостиница «Пекин» на улице Горького (Тверская сегодня), затем гостиница «Центральная» рядом с Кремлем, а также высотка на Котельнической набережной. Целая квартира для него одного. В югославском посольстве он получал все, что хотел: продукты лучшего качества и коньяк — по тем временам удивительная роскошь, которой он щедро делится со своими русскими коллегами.

8 марта 1964 г. он вылетает из Словении, в Москве — минус 26, но радость светится на лицах прохожих, у женщинах в руках букеты цветов. В первый же день ему дают напутствия: «Вы молоды, вы должны наслаждаться жизнью, но

есть границы, за которые не следует заходить», — после чего: «Вы можете прогуливаться где хотите, днем и ночью, вы всегда будете в безопасности» (деликатный способ сообщить ему о том, что за ним будут следить). Но он так ни разу и не заметил своего «ангела-хранителя» в штатском.

Повше провел таким образом два года в Москве и Ленинграде, путешествовал по европейской части Советского Союза. После этого ему довелось пройти стажировку в Варшаве и Праге, где его тоже очень хорошо принимали и посвящали в тайны мастерства, ему посчастливилось освоить технологии, которые тогда еще были неизвестны в Югославии. В каждой из стран он проводил лекции, в которых объяснял то, чему смог научиться у своих иностранных коллег. Однако Маленьким принцем он был только в стенах Эрмитажа, и когда перед ним встает вопрос, как подойти к той или иной проблеме, то он вспоминает набережные Невы.

Так что же наш «Христос» из Кочевья? Кто его автор? Это точно не Карло Дольче. Может быть, его дочь Аньес († 1689)? Она известна тем, что сделала большое число копий с картин своего отца. Подражателей в любом случае было много, эти произведения были очень популярны. Небольшого формата, они в первую очередь предназначались для домашнего богослужения, не было ничего необычного в том, что Христос преломляет хлеб в одном из словенских домов. Необычно, однако, то, что у Христа были стерты рука и хлеб, который он держит: вместо них была написана рука, держащая гостию. Странно также и то, что Иисус Христос изображен в одиночестве, без своих учеников — апостолов. Виктор даже поначалу предположил, что полотно было разрезано. Однако если призадуматься, то этот «Христос», со своей ампутированной и плохо прописанной рукой в угоду ригористической догматике, по сути дела, является единственным уцелевшим в сложных перипетиях истории кочевских семей.

Я было подумал, что мы имеем дело с копией XIX века, но Виктор предпочитает быть формалистом: искусствоведы не знают, о чем говорят. Стиль и теории — это, конечно, хорошо, но у него свои методы: картина относится к XVI или XVII веку, об этом говорит анализ пигментных красителей и вяжущего материала. Краски твердые, как бетон, и речи не может быть о живописном письме XIX и даже XVIII века. Взятые пробы, ко-

торые были отправлены в Варшаву для проведения анализа, несколько недель спустя подтверждают вынесенный им вердикт. Владелец картины, втайне надеющийся на то, что у него в руках оказался Леонардо да Винчи или хотя бы один из его учеников, будет очень разочарован.

А я, конечно же, «в восхищении». В один из моментов, скептически хмыкая над апломбом Маленького принца, я был вынужден констатировать, что совсем мало знаю о технических составляющих живописи той или иной эпохи, впрочем, как и все мои коллеги, что бы они ни говорили. И мне хочется стать частью той энергии, которая движет этим человеком. Почему нужно приписывать картинам то, что знаем только мы, даже не спросив их сперва: *что же знают они?* Ведь именно из этих образов, дошедших до нас из прошлого, и происходит наше знание, это они — непосредственные свидетели, и, если мы однажды захотим хоть что-либо узнать, то должны будем присмотреться и прислушаться к ним с большей долей смиренности; перестать использовать их лишь в качестве иллюстрации к нашим собственным современным ментальным структурам.

* * *

Мы едем на Базу-20, нас трое. Мы хотим посетить это легендарное место, где в 1943 году сконцентрировались все партизанские интеллектуальные силы. Здесь, под кронами деревьев, были сооружены десятки деревянных хижин, в них партизаны писали свои политические программы, разрабатывали план борьбы с оккупантами, отдавшись пропагандистской и организационной работе в масштабе целой страны. Немцы так и не смогли найти эту базу (речь, конечно, идет о вермахте, о захватчиках и карателях СС, а не о тех немцах, которые несколько веков жили в этих местах).

Когда мы подъехали, на месте не было ни души. Парковочная площадка огромных размеров напомнила о прежнем паломничестве времен бывшей Югославии: вереницы автобусов со школьниками и членами синдикатов приезжали сюда на экскурсии. Ведь именно здесь зародился югославский социализм. Сегодня здесь нет никого. Герои или преступники? Кто жил в этих хижинах? Мы идем по лесу довольно долго, чтобы суметь проникнуть в ту атмосферу, в ко-

торой с 1943 по 1945 г. жили кочевские партизаны и подпольщики. Таблички вдоль тропинки указывают направления: «Бункер», «Больница Йериндол». Никакой информации о расстоянии. Погода пасмурная, постепенно начинает наплывать туман. Наконец мы подходим к хижинам, двери в некоторые из них открыты. Там можно видеть выцветшие от времени панно с информацией о партизанах, павших жертвами карателей, с фотографиями опустевших кочевских домов и близлежащих деревень. Мы заново переживаем воспоминания о разрушениях, произведенных немецкой армией, о руинах и пожарах. У Виктора всю жизнь проблемы со слухом, так как одна из мин разорвалась на расстоянии восьми метров от него.

Деревья — настоящие великаны, гигантские валуны врыты в землю, поэтому с самолетов люфтваффе невозможно было различить небольшие дома, надежно укрытые в каменных расщелинах. База-20 до сих пор потрясает своим величием, своей неземной красотой. Почва, пересекаемая разломами и полостями, не дает задерживаться воде, именно поэтому никто никогда не хотел жить в этом пышно растущем лесу, где невозможно отыскать источник воды. Лишь у немцев, насильно переселенных в эти края в XIV веке, не было выбора. Медведи находят здесь себе удобные берлоги для зимней спячки. В XIX веке, в связи с бурным развитием промышленности, возникла потребность в каменном угле, и кочевские немцы, которых тогда насчитывалось около двадцати восьми тысяч, наконец находят способ заработать немного денег. Некоторые из них даже стали богатыми, вокруг лесных шахт и заводов образовывались целые поселения, для облегчения транспортировки угля в город была проложена железная дорога. Но все же не следует забывать, насколько сложной была здесь жизнь, многие (в 1940-м — 12,5 тысяч) эмигрировали в поисках лучшей доли. А сегодня не осталось никого.

После посещения Базы-20 мы отправляемся на поиски Райхенау, заинтригованные этим названием. Бывшие немецкие деревни, которые мы должны были встретить на пути, сегодня полностью исчезли, не осталось даже груды камней, только имя на карте. Перед въездом в Райхенау мы увидели пасеку, обнесенную колючей проволокой с электрическим током — для защиты от

медвежьих посягательств. На одном доме приби-та табличка с указанием военных подвигов 1991 года. Из цветочных клумб выглядывают фигурки огородных гномов. Чуть дальше — два огромных ангара с современной сельскохозяйственной техникой. И ни души. От немецкого Райхенау, жизнь которого в течение нескольких веков была здесь ключом, не осталось и помину.

По краям дороги, где на каждом перекрестке приходится выбирать наугад правильное направление, время от времени появляются таблички с указанием братских могил, в которых покоятся сотни или тысячи тел, убитых партизанами, теми самыми партизанами из национальной югославской саги. Однако эта сага уже не пользуется спросом в современной Словении, впрочем, как и сами партизаны.

* * *

Мало кто из словенцев вам скажет, что партизаны вовсе не обязательно были коммунистами. Мало кто вам скажет, что большая часть партизан были простыми участниками движения Сопротивления, как, впрочем, и везде; но не так-то просто взять в руки оружие, это проявление мужества. Многие из них были верующими. Впоследствии коммунисты ассимилировали различные группы, реализовав своего рода государственный переворот, и присвоили себе их имена. Многие из партизан были антикоммунистами. Почему сегодняшние словенцы не знают об этом? К чему такая искусственно привитая амнезия? Самые молодые вообще мало что понимают, в 2013 г. в гимназиях существуют целые классы, где ни один ученик не в состоянии сказать, когда была Вторая мировая война, кто же с кем воевал и кто победил! Я нисколько не преувеличиваю, ибо сам имел возможность это проверить; когда я задал этот вопрос, одна девушка в одном из классов, колеблясь, все-таки рискнула нарушить молчание: «Вторая мировая война... А разве это не в 1918 году?»

Что же это за страна, где молодое поколение оставлено в полном неведении? Страна, в которой еще очень тяжело, слишком болезненно говорить об ответственности перед Историей. Взамен этому политики бросают друг другу обвинения либо в том, что они бывшие коммунисты, либо в том, что они католики-фундаменталисты, что, согласно локальной риторике, подразумевает

под собой клеймо коллаборациониста «Третьего рейха». Это карикатурно и безответственно. Как будто не было другой альтернативы: или же продолжать хранить память о тех, кто расстрелял 200 тысяч человек в мае и июне 1945-го, или поддерживать авторитет Церкви и тех консерваторов, которые подписали пакт с Гитлером, — но все это, безусловно, не имеет никакого смысла.

Разговаривая с людьми на данную тему, невольно узнаешь, что почти в каждой семье были участники движения Сопротивления, которые были верующими, но в то же время антикоммунистами. Многие просто помогали партизанам, не относя себя к ним, Те же люди, однако, делали свой выбор, отказывая в помощи другим группам. Кто теперь уважает память о них? Почему нужно всё свести к дуализму? Либо Добро, либо Зло? Или черное, или белое? Одни — хорошие, другие — плохие? Это вовсе не риторические вопросы, ибо двойственность, дуализм — это ложь, действительность же гораздо сложнее и богаче. История не может быть упрощена, тогда она очень быстро превращается в манипуляцию. В Словении в 1930-е гг. было сильное христианское движение, вдохновленное социалистическими идеями и выступавшее за большее равноправие между социальными классами. Несложно догадаться, что это движение заполнило многие партизанские ряды в Сопротивлении. Но сегодня ни одна политическая партия не желает считаться с исторической действительностью.

* * *

Примож Трубар (1508–1586) — первый словенец, переведший Библию на словенский язык и опубликовавший ее, считается официальным основателем словенской культуры. После 1945 года все знали Трубара-протестанта, который в XVI веке выступал против католической церкви. Это так — но это неправда! И до него были великие деятели культуры и науки, чьи имена гремели по всей Европе, среди них были дипломаты, открывшие миру Московию или же обучавшие словенскому языку императора Максимилиана Габсбурга (1459–1519); но в 1945-м им не повезло, их причислили ко вражескому стану католиков: Сигизмунд Герберштейн (1486–1566), Бернард Пергер (ок. 1440 — ок. 1501), Томаж Прелокар (1430–1496), Августин Пригл (ок. 1475–1535). Большинство университетских

преподавателей сегодня игнорируют этот факт. Образованный человек должен знать Достоевского и Сервантеса, но в Словении ты вправе не знать имена своих великих мужей.

Борьба коммунистической партии с церковью была просто-напросто перенесена на события XVI века: протестант Трубар против католической церкви; в действительности же в XVI веке лишь 10 % населения были протестантами, 10 % — католиками, а оставшиеся 80 % были просто верующими христианами, ибо ни одна религиозная институция не отвечала их духовным потребностям.

* * *

Каково же было это процентное соотношение в 1945 году? Вероятно, приблизительно таким же: большинство народа, как и всегда, не желает поддаваться никакой политизации. И этому огромному большинству, страдающему зимой от голода, было отказано в праве писать Историю. Мы никогда не узнаем, что довелось услышать и увидеть нашему Иисусу Христу из Кочевья во время войны, но хлеб, который он держит в руке, дабы преломить его с людьми, был обещанием лучшего мира.

Я не раз слушал рассказы пожилых людей о том, как партизаны, немцы или еще кто-нибудь (существовало много различных групп) приходили в деревни, чтобы найти там еду. Иногда им становилось жаль плачущих детей, и они уходили, ничего не взяв. Но в следующий раз они забирали всё. Именно эти воспоминания и обуславливают последующее восприятие истории, которое сопутствует человеку всю его оставшуюся жизнь. Так — слезами детей, и пишется «слезою ребенка» (по Достоевскому), История, но затем слёзы высыхают, а память исчезает...

Те, кто приходили в деревню за едой, — все не призраки в униформе, но в воспоминаниях пожилых людей у них всегда стандартные имена, данные им официальной историей; ведь помнить гораздо проще, если все сведено к дуализму... Призраки блуждают по лабиринтам Истории, и даже воспоминания живущих не приносят им долгожданного успокоения. Рассказы Виктора Повше, полные нюансов, наконец-то помогают мне понять эту словенскую Историю.

© Текст: Давид Краишовец
© Перевод: Александра Красовец

* * *

В 1980-е гг. группа молодых словенских художников восстает против манипуляции истории при помощи образов, они создают провокационные работы, в которых через абсурд показывают лживость официальной идеологии и в то же время конформизм людей, отказывающихся брать на себя ответственность перед прошлым. Движение Нового Словенского Искусства (Neue Slowenische Kunst, NSK) становится известно всему миру: каким бы ни было изображение, на которое вы смотрите, если за ним скрывается ложь, вы больше не имеете права это игнорировать. Каждый вынужденно поставлен перед лицом своей исторической сознательности. Нет ничего случайного в том, что NSK зародилось именно в Словении.

Виктор далек от подхода группы NSK, однако между ними есть нечто общее — это их увлеченность Россией и попытка найти в ее пространстве элементы, которые могли бы помочь в понимании своей собственной истории. При первой же возможности деятели NSK отправились в Москву, чтобы отдать дань русским художникам и открыть в 1992 г. свое арт-посольство на Ленинском проспекте.

* * *

Виктор посещает Россию, чтобы повидать своих старых друзей и их семьи. Он с энтузиазмом говорит о Павле Ивановиче Кострове (1905–1983), работавшем в Эрмитаже, Анании Бархшатовиче Бриндарове (1907–1983) из Русского музея и Викторе Васильевиче Филатове (1918–2009), своем московском коллеге. Все они возвращали жизнь прошлому, перед каждой картиной, статуей, иконой задаваясь вопросом: как вернуть былую яркость и правдивость без добавления красок, не утратив ни одной важной детали?

Недавно Виктор получил в подарок из Москвы несколько книг, он показывает мне второй том издания под названием «Реставрационные мастерские Марфо-Мариинской обители и Реставрационный центр имени И.Э. Грабаря» (2012). На одной из фотографий мы видим Виктора в кругу русских коллег (с. 106); он с гордостью замечает: «Здесь я, а вот они называли меня Маленьким принцем».

Перевела с французского
Александра Красовец

■□■

ЛЕВИТАН

роман, а может, и нет

Отрывки

Витомир ЗУПАН

Не знаю, был ли я когда-нибудь в жизни еще так обескуражен. Я никак не мог вспомнить ни одной формулировки. Лишь отдельные слова, отдельные фразы врезались в память — путанные и бессвязные. Почти всю ночь я пролежал не сомкнув глаз, пока в конце концов не сказал себе: сегодня ночью и утром меня не убьют, поскольку я им нужен для суда. И тут я провалился в какое-то странное забытие, подобное сну, — то я пробуждался, вспоминая какие-нибудь обвинения, то снова пытался успокоиться. Но и утром я не мог отыскать в себе ни искорки юмора — это меня по-настоящему озаботило. Разговаривать с Фриной! я не хотел. Выпил того «сливового чая», называемого кофе, и принялся ходить туда-сюда. Я пребывал в каком-то отупении, пока не представил себе местных богов, обсуждающих меня. Я лязгнул зубами. До сих пор я допускал мысль, что они ошибаются, что просто слишком торопятся, думая, будто я для них и вправду опасен, что спустили на меня свою полицейскую тяготицу, ибо им кажется, что я способен им навредить, что конь бьет хвостом по оводу, его кусающему, что я кажусь им негодяем и распутником, которого не за что жалеть. Но теперь мне стало ясно, что они сознательно лгут — макиавелли мелкого пошиба. Предательство родины! Шпионаж! И прежде всего обвиняемого следует морально обгадить — перед мещанами. Священников, врачей, художников — вообще людей, вызывающих у народа некое почтение, — следует прежде всего сексуально и морально опустить и обмазать дерьмом. (Этим средством воспользовался и Хрущев, когда в своей знаменитой речи обработал моральный облик Сталина. Этим занималась «святая» инквизиция. Это, в конце концов, практиковали либералы в борьбе против духовенства.) Я представлял себе, как боги рассказывают друг другу подробности, выявленные следствием об этом негодяе Левитане. Там, снаружи, незнакомые люди уже разносили сплетни, что я — сталинист. После Информбюро² это было ох как сильно. Мещане и обыватели, расслабившиеся от возможности насмеяться над Сталиным и русскими, с чистым сердцем приписали мне все плохое. Тем, кто пытался заступиться за меня, ведь я — талантливый писатель, намекнули, что они еще удивятся, когда узнают, кто я на самом деле. Шпион! Ну да, парень действительно знал несколько языков, поездил по свету, любил компанию иностранцев, сметливый чертяка — чужая душа потемки, кто разберет? Да еще садизм! Левитан — извращенец самого низкого пошиба. И убийства! У этого человека руки в крови!

Радио «Триест» от души расписало все переделки, в которых я поучаствовал, — эти болтуны из словенской передачи обдрочились. Радио «Будапешт» сообщило обо мне и еще об одном хорватском и одном сербском писателе, что мы, дескать, «страдаем в кровавых лагерях Тито». А радио «Париж» глубокомысленно объяснило, что я — сталинист и русофил, что даже, говорят, переиздал какое-то американское издание, публикуемое нашими переселенцами. В своем городе я никогда не был любимчиком, к этому я и не стремился. Мне было достаточно нескольких интеллигентных знакомых. Мои предки — из Горении, где, как говорят, «каждый дом зовется: “У хвастуна”». К тому же у меня был ядовитый язык и быстрая рука (как у бывшего боксера) —

¹ Так герой назвал куклу из носового платка. (Прим. пер.)

² Подразумевается спор между Сталиным и Тито и исключение в 1948 г. Компартии Югославии из одноименной международной коммунистической организации (Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, 1947–1956). Поскольку некоторые югославские коммунисты поддерживали Сталина, начались аресты и ликвидация так называемых информбюровцев. В 1949 г. возник концентрационный лагерь «Голый остров». (Прим. пер.)

© Фото В. Яришенко. Аверс Кафедрального собора св. Николая в Любляне. Скульптор Мирсад Бегич. 1996 г.

я представлял потенциальную опасность законным супругам миловидных жен. Да еще я пил — а пьяный я становлюсь назойливым и задиристым, поскольку меня подмывает от переизбытка сексуальной силы.

Гнев на богов был первым шагом к улучшению душевного состояния. <...>

Тогда я был исхудавшим и без сил, и мне казалось совершенной глупостью то, что меня заковывают. Конечно, в то время я уже так продвинулся в своем обучении, что у меня были свои каналы для тайной передачи писем и рукописей из застенков. Я не доверял старому методу выбрасывания писем с адресом и просьбой уважаемому нашедшему отнести его на почту и наклеить марку, как делали некоторые — в каждом транспорте. Если подумать, тюремные администрации владели всеми известными методами нелегальной переписки еще со времени оккупации, разумеется, надо было выдумать новые. Если ты получал из дома грецкие орехи, тебе их кололи — нет ли в каком-нибудь письма (спасибо!). Дело в том, что грецкий орех прекрасно открывается по краешку — надо только вынуть ядрышко и засунуть листочек на его место, а потом обе половинки ореха аккуратно склеить. Нам вскрывали консервы. Досматривали сигареты, протыкали жир, резали хлеб и колбасу. И это была прекрасная возможность для какой-нибудь «легендарной личности» вытрясти сигареты в жир, спички в мармелад, а сахар — в сардины в масле. <...>

Впрочем, мы остановились на нелегальной переписке с внешним миром. Здесь я изобрел ряд новых возможностей. Но при описании я должен быть аккуратен, чтобы оно не сослужило службу тюремным администрациям, многого не знаящим. Дело в том, что этот сектор является самой важной арестантской деятельностью, неограниченным контактом со свободой. Практической пользы от этой переписки почти нет, но трудно описать, как поднимает дух заключенному тайно прибывшее письмо, в котором сообщается, что и посланное им самим письмецо достигло своей цели. Действительно, я подробно описал все методы полиции и тюремной администрации, способ проведения обысков и судебных процессов, все муки, которые я испытал, и даже приложил какое-то свое завещание. Все это в полной сохранности оказалось на воле. Я просил, чтобы это сохранили в недоступном месте — и опубликовали только, если я сгину в этих стенах. (И клоп запахнет смертью.) Потом я тайно передавал на волю целые книги рукописей, прекрасно переплетенных в тюремной переплетной мастерской, — не хочется хвалиться, сколько их было.

Однако я могу рассказать, что на меня в течение всего времени, кроме последнего года, распространялся полный запрет на карандаши и бумагу. Но в арестантской школе я успешно продвигался вперед и мог преодолевать многие напасти. По большей части у меня было по два канала связи с внешним миром, так что одним я мог контролировать другой. Для книг я иногда открывал совершенно новый канал. Поскольку писателей, вероятно, будут арестовывать (по крайней мере, в отдельные периоды) вплоть до таких изменений в человеческой природе, которые пока невозможно предположить, я весьма неохотно раскрываю, как я переправил из ареста одновременно две книги, толщиной от 12 до 15 миллиметров, высотой около 12 сантиметров и шириной 8–10 см, обе в отличном переплете из ткани рваных арестантских рубашек: одну — в темно-красном, винного цвета, другую — в темно-синем. В обеих книжках стихов было больше, чем у всего Гомера, таким мелким почерком были написаны те мудрые мысли, которые позже в результате какого-то предательства конфисковали, но потом мне их вернули, когда выпустили, и теперь книжки отдыхают среди других на полке над моей постелью. Когда раз в год я беру их в руки и пытаюсь читать, то вскоре закрываю и откладываю в сторону. Будто бы их писал совершенно чужой мне человек! При всей лени (по сравнению с тем временем) и преданности достижениям цивилизации (по сравнению с богатством того периода) мною овладевает легкая ностальгия по тому человеку, который когда-то в застенках был уверен, что держит на ладони серебряного дельфина из вселенной, и этот дельфин, запряженный в колесницу его снов, доставит его ко всем целям. Не доставит! Да еще и этот рассказ будет квалифицирован как порнография. Мир не созрел для правды. Наслаждаться все не прочь, а учиться — лишь закомплексованные таланты.

Прежде всего я должен рассказать, что обе книги я пронес через тщательный личный досмотр, когда на мне были только арестантские штаны, куртка, рубашка, трусы, башмаки и «онучи» в них. Что при этом выносе у меня все время на руках были стальные наручники. Что с меня глаз не сводили ни командир эскорта с револьвером за поясом, ни личный охранник с английским ручным пулеметом (Бреном), готовым к стрельбе. Что рядом со мной находился очень прилежный стукач, арестантский осведомитель. Что мне внушили под угрозой карцера, дескать, я не должен произносить ни словечка.

Это происходило довольно холодным снежным днем, я точно помню дату, потому что срифмовал ее по образцу одной известной английской песенки «Remember, remember the ninth of December!»³ — девятого декабря. Подготовка к операции длилась два месяца, интенсивно — последние три недели.

Но сначала я подхватил туберкулез. Мне кажется, я даже знаю, как заполучил его, хотя потом мне объясняли в администрации, что я уже прибыл с ним в тюрьму. Поскольку между этим выносом и чахоткой есть связь, я должен вернуться к Аврааму.

Я находился в одной из тех камер, где часто у кого-нибудь случается «особое свидание» или кому-то за что-то «закручивают гайки» и он должен покинуть камеру. В результате трое из нас полетели в подземный карцер рядом с тюремной пекарней с заколоченным окном. Карцер — это бетонная каморка без минимального оборудования, голая и вонючая, только параша стоит за дверью. В ней темно и ночью и днем, свет зажигается только при использовании параша и во время еды, которая не заслуживает того, чтобы так называться, — скудная и жидкая. Два на четыре метра — нас запихнули туда пятнадцать человек, так что мы, чтобы сесть на пол — стоять все время ведь невозможно, — должны были по очереди меняться.

Жарища, спертый воздух, запредельная усталость, изголодавшиеся люди. Рядом со мной были двое, плававшие кровью. Так нас продержали несколько недель.

Когда меня вели обратно в камеру, — не то чтобы про меня кто-то что-то вынюхал, я никогда не узнал, за что я оказался в подвале, — я еле волочился по ступенькам, у меня кружилась голова и подгибались колени.

Когда позже я плюнул кровью, то вспомнил тех несчастных в карцере. Все свидетельствовало о том, что заражения туберкулезом планируются. Ощутивший на себе прикосновение рук, крутящих в то время «мясорубку», я ничему бы не удивился. <...>

В красной книжечке было более шести тысяч строк, в синей — семь с половиной тысяч, значит, всего около четырнадцати тысяч строк — свидетельств этой битвы против смерти. Тысячи строк я знал наизусть из интермеццо, когда у меня не было карандаша и я должен был носить их с собой в своей памяти. Сейчас на пути «домой» эти стихи запели на совершенно иной лад: так, как зазвучат для людей где-то в будущем. Я освободился от всего того, что давило на меня, даже наручников на руках почти не чувствовал. Я стал подобен Орфею. Во мне все пело и играло, но не так, как будто композитор — это я; наоборот — это абсолютно чужой мне человек откуда-то из прошлого, а я стал его интерпретатором.

Полное отчуждение, в котором человек начинает чувствовать слабости и отличия своего творения. Сегодня, глядя на те стихотворения, я никак не пойму, достойны ли они прочтения или нет, знаю только то, что это кусочек какой-то жизни.

«Перед первой весенней грозой / в застенках заплакал юг — / и грозу сменил тихий вечер, / лишь филина слышится звук. / Говорит сосед мой недужный: / “Кого птица дрянная зовет? / Прожил я семь зим в этих стенах, / а весной меня черт возьмет. / Мне ружье бы сюда резное — / клюв заткнул ему быстро б я”. / С головой он ушел в одеяло, / лишь макушка глядит из тряпья».

«Прояснилось, фасад тюремный / смотрит льдисто, мёрзло на нас. / В кандалах мы ждем перед входом, / некий план отправляет нас в путь. / Через ближний сад по тропинке / идет женщина — кровь и плоть, / и качает бедрами. Будто / в прозрачной одежде она. / Все глаза каторжан устремились к ней. / Жгучий голос смертной тяги / и огонь, на льду вскипавший, / вождеенье смертоносно / в эске, до смерти уставшем».

«Мы приветствуем дух / каторжанина расстрелянного. / Зов вольных далей / был сильнее / всех запоров и стен, / заграждений, ружей, колючек. / Мы приветствуем дух / коллеги нашего без изъяна! / Его гордость / была сильнее, / чем нужда, нажим и угроза, / его храбрость / была ему светочем, / что указывал путь / сквозь тьму и ужас. / Он учил палачей уваженью / к свободному духу в плененном теле. / Почтим же память / поющего узника! / В несчастье пел он, / свистел, смеялся, / пусть камера, карцер / или транспорт — / силой души своей / делился с нами. / Поцелуем же сердце / безгрешное, детское / человека простого, / что всего не знал, но — / чувствовал всё!»

«Вспомни, тот, кто возьмет газеты, / Франции, ныне поющей, славу, / что прошло лишь четыре года / со времен, когда журналист получил бы пулю. / На Монмартре мельницы ныне открыты, / разрешены Ренуар и Утрилло, / Сартра уж без омерзенья помянешь / и скажешь смело: Париж мне по нраву! / Вспомни и то, что

³ «Помни, помни девятое декабря»! (англ.).

в тюрьме лежим мы, / те, что события опередили, — / связи имели с Рембо и Вийоном, / это агенты французские оба».

«Четверо мужчин ждут смерть-цыганку, / им чахотка похоть разжигала, / в диких снах их ловят на приманку, / кровь у них от страсти запылала. / Говорит первый: Мне бы лишь разик насадить бабу, / хоть трехгрошовую замарашку! / Второй добавляет: Какую угодно, хоть дрянь и жабу, / только б ей снять штаны и рубашку! Третий хрипит: Как бы мне кровушку не иссушило / от этих призраков и грязных снов! / Четвертый молчит. В нем животная сила — / в чем душа держится, / сам с собою тешится / вновь и вновь!»

«Летом всё весело, живо, / теплые дни — и сладко / увидеть уж смерть незлобивой. / В жаркие дни полумертво лежим мы, / смотрим, глаза закрывши, / картины, плывущие мимо. / Нас окатит истомой сладкой, / колья с пластинки до нас донесется / песня живая, с испанской загадкой. / В небо вздымается синий мост, / идем по нему, глаза закрывши. / Первыми — те, кто уже на погост».

«Воспользуйся болью, / как машина пользуется огнем! / Не бойся боли значений, / и кораблю ведь / огонь не страшен в собственном чреве! / Слово останется чистым, / когда всё исчезнет».

<...>

Арест — это реторта, при помощи которой можно изучать все периоды человеческой истории и вообще всю мудрость и глупость человечества.

Я вам сразу же расскажу, как я в тюрьме наблюдал «гибель Римской империи».

Гибель Римской империи мне напомнило явление, называемое в тюрьме «культурный сектор» и имеющее своей целью поднимать культурный уровень заключенных. Сюда входят театральные представления, демонстрация фильмов, лекции приглашенных преподавателей и заключенных, торжественные мероприятия, библиотека, концерты, выставки, обсуждения, курсы, шахматы, иногда и футбол, волейбол и настольный теннис, даже внутреннее радио с передачами для заключенных, то есть, короче говоря, — почти все разновидности подобной деятельности. Культурой руководит референт по культуре в администрации, а осуществляют специально для этого выбранные заключенные: их же — целый штаб с множеством сотрудников.

Самая оживленная, а также и многочисленная — театральная секция, имеющая собственное руководство. Та по согласованию с культурным референтом составляет программу театральных представлений и торжественных мероприятий на сцене в актовом зале — в бывшей капелле. Это помещение с высоким, более десяти метров, потолком, с галереями, бывшие хоры, и сценой, бывший алтарь. Говорят, когда-то наказывали пленных, которые не ходили по воскресеньям к мессе; теперь тебя могли наказать, если ты не хотел смотреть какое-нибудь представление. Однажды я получил два месяца запрета на передачи и почту, потому что, будучи в одиночке, не хотел идти на театральное представление. Потому что я на свободе не желал есть суп, мне его хотели влить через задницу.

Жалко ведь, если человек не хочет увидеть самые интересные постановки в стране. Ведь эсэсовца здесь играет настоящий эсэсовец, вора — настоящий вор, белогардиста⁴ — настоящий белогардист, только женщины не совсем настоящие, хотя по большей части это самые хорошенькие юноши, используемые всесторонне, в том числе и как женщины <...>

Культура — очень драгоценная и к тому же дорогая вещь. Чтобы покидать вечером камеру, нужно подкупить немало ступеней в культурной иерархии. Естественно, шефы обязательно являются и стукачами, осведомителями, шеф театра — одновременно и шеф стукачей. Так появляется неделимое сочетание культуры, доносов, пьянства и гомосексуализма. Однако высокие стандарты избаловывают людей, их охватывает надменность, вентили осторожности ослаблены. Начинаются раздоры среди иерархической верхушки; разжигаемые завистью и ревностью, они начинают драться друг с другом, и лучшее оружие — как ни крути — донос.

Так что однажды «культурный сектор» внезапно разлетелся, как от взрыва адской машины. Но перед этим можно было наблюдать «гибель Римской империи». Здесь тоже ударили варвары с севера — из администрации — и огнем и мечом разрушили самое организованное государство, золотой век культуры миновал. Несколько шефов оказались в корпусах, несколько — на транспорте. Начался варварский период уменьшения и сужения культурного сектора. И на крышу тюрьмы «культурные господа» загорать больше не ходили.

⁴ «Бела гарда» — во время Второй мировой войны словенская полиция, состоявшая из добровольцев и входившая в состав итальянской Милиции волонтеров антикоммунизма.

<...>

В то время я узнал, что надзиратели (а может, и администрация) называют меня «тигр» — и что я политическая чума, от которой надо оберегать других заключенных, чтобы я их не заразил.

Однажды вечером — спустя долгое время — я снова получил газету от чистильщиков. Надо посмотреть, что между тем случилось нового. (Некий арестант находился в одиночке, поскольку кричал: «Долой Сталина!» Он примерно вел себя и решил, что никогда больше не воспротивится властям. Его выпустили. Он не знал, что произошло за время его заключения, и перед тюрьмой счастливый закричал: «Да здравствует Сталин!» Его тут же снова арестовали.) На одном некрологе я замираю, кровь будто заледенела: умер друг, которого я особенно ценил, президент Академии наук и искусств.

Не прошло и четверти часа, как за мной пришел надзиратель. К начальству! Ох, это не означает ничего хорошего! Начальство, да еще вечером!

В кабинете комиссара сидел делегат Министерства внутренних дел республики, рядом с ним стоял комиссар, неплохой человек, рыжеволосый, практичный. (Как-то он сказал мне, когда допрашивал из-за каких-то высказываний, за которые на меня донесли: «Я не знаю, Левитан, почему вы не можете понять, где вы, хотя вы и образованный человек! Любой деревенщина лучше ориентируется, чем вы!») Делегат меня спросил:

— Как дела, Левитан?

Да так и так, скорее плохо.

— А как сообщение с домом? Пишете? Получаете письма?

Да уже некоторое время не получаю, поскольку в наказание у меня запрет на почту.

— Ага. Но нелегально что-то пишете домой?

Я же: нет, это невозможно.

— Посмотрите, Левитан, сейчас я вам докажу, какой вы неискренний человек! Смотрите мне в глаза и лжете!

Я: что не знаю, куда он метит.

— Не только письмеца, листочки — вы пересылаете даже книги, Левитан! — И бросил на стол несколько моих книжечек.

Я остолбенел, пот проступил у меня на лбу.

— Это ваше или нет?

Мое. Ведь повсюду я подписался полным именем.

Я попытался объяснить историческое право и даже обязанность писателей, находящихся в тюрьме, спасать свои произведения. Он спросил меня, с каких отношений я был с президентом Академии (и назвал фамилию).

Я его очень высоко ценил.

А знаю ли я, что он теперь лежит на катафалке?

Я читал, что он умер.

— Ну, — добавил он, — его сын тоже попробует эти стены. Вы увидите, скольким людям вы принесли несчастье. Здесь вы сможете с ними продолжить свои разговоры прямо с того места, где вы перед арестом оставились. (Позже я узнал, что в спецхране Академии после смерти президента среди инкунабул нашли и мои книжечки. Кто-то из Академии счел своим долгом известить об этом полицию.)

А не рассказать ли мне, как я переслал целые книги?

Я: что готов разговаривать только о своем будущем, а не о прошлом.

При этом комиссар громко рассмеялся, прямо согнулся от смеха.

Делегат недовольно посмотрел на него. Я еще сам с радостью обо всем расскажу, если захочу когда-нибудь выбраться из этих стен.

— У вас отберут все, Левитан, кроме лечения. Идите!

Я уходил будто в обмороке — неожиданно те стихи больше не пели; они тоже вновь оказались в рабстве и, вероятно, обречены на уничтожение. (Тогда мне даже не снилось, что при освобождении мне вернут и эти книжечки, и практически все записи из тюрьмы, кроме тех из первой одиночки, найденных во время обыска, и рукописей, которые неизвестно-известно куда исчезли при обыске дома. Но тогда, во время моего освобождения, было уже совсем другое время, и то, что я сидел в тюрьме, было настоящим анахронизмом. И вместе с тем тогда за меня говорило нечто, что было действительно уникальным на всем Востоке.)

В то время, конечно же, все прошения, которые против моей воли посылали друзья и родственники ради снижения наказания по болезни, были категорично отклонены. И ветер, который веял около «тигра» в его клетке, был адски холодным и ядовитым. Один человек тогда мог погубить сто человек, но сто человек не могли спасти одного.

Постоянный жар испепелял меня, водянистая еда способствовала болезни, нехватка свежего воздуха при тяжелом легочном заболевании подтачивала сопротивляемость, издевательства разедали нервы.

Из опыта старых арестантов известно, что первый год тюрьмы «интересен», второй — «полезен», третий вредит здоровью, четвертый — мучителен, а пятый — критичен. Начиная с пятого года и дальше («первые пять лет мучительные») есть два пути: или отупение, привыкание, снижение душевных и физических жизненных процессов до минимума — или же быстрое разрушение тела за счет тоски и горя. В первом случае заключенный странно, но типично толстеет (не полнеет!) в области таза и вокруг глаз, а во втором — начинает худеть и движется навстречу гибели.

То, каким путем он будет выходить из кризиса, определяет соответствующее продолжение: или он становится все тупее и тупее, или же все больше и больше тает, как в оттепель. Первый толстеет при той же самой жидкой еде, поскольку больше так не нервничает. Второй даже при лучшей еде гибнет, поскольку его сжигает внутренний огонь. <...>

Бой против всех видов смерти — той, что рядом с тобой, и той, что в тебе! Гуманизм нас предал и даже осмелел тогда, когда мы все с людоедами во главе стали гуманистами, бывшие католические инквизиторы проповедуют гуманизм, экзистенциалисты публикуют необоснованные трактаты во имя гуманизма (Сартр: «L'existencialisme est un humanisme»⁵ ... не знаю, зачем — если перед нами ничто?), марксисты стали гуманистами (я не могу это увязать с «классовой враждой»). Индийцы ссылаются на древние философские труды, в которых они обосновали «первый» гуманизм; в заточении я встречал уголовников с отвратительными деликтами и осведомителей, выступавших за «человека». Конфуций — единственный, кто разделил людей на добрых, средних и абсолютно испорченных, но атакующий английский либерализм и борющийся марксизм подмыли основание у его окаменевшего учения. Думаю, придет время, когда опыт сорвет маску с лица всеобщего вербального гуманизма, который под лозунгом «хочешь войны — готовься к миру» прикрывает гнилость международных отношений. Мотивировать мораль гуманизмом — адски рискованно, бог со своими санкциями был более колоритен.

Мораль создают обстоятельства, однако на некоторые из них можно воздействовать, а на другие — нет, другие растут самовольно. Двойная мораль необходима в мире вражды. Согласно морали некоторых нетерпимых идеологий уничтожение противника — это героизм, однако согласно традиционному этосу, упорно сохраняющемуся в народе, тот же самый поступок — это убийство. Перед Нюрнбергским процессом сидели только высокие чины. И будем покойны, это был не первый и не последний пример такого рода.

Молодой политический заговорщик объяснял нам весьма остроумно: если украдешь индюка дома — это ерунда, если за границей магазин обворуешь и тебя поймали — это криминал, если нет — то это политический акт; политика, например, это когда мужика заставишь отдать тебе индюка «добровольно». Если любишь поэта Бодлера в неправильное время, становишься французским шпионом. Если до 1948 года отрицаешь Горького («Мать») как основу социалистического реализма, единственное спасение литературы, ты — агент Запада. Если хвалишь Сталина после 1948 года, ты — агент Востока. Все это называется диалектикой. Вера в человека, следовательно, также подвержена диалектике — что, вероятно, и для убежденных гуманистов античной и ренессансной закалки является очень острым вопросом.

С Богом! Арестанта гуманизм не спасет в битве против умирания по частям. Никакие красивые фразы не помогают ему вытащить свою шкуру из застенков, никакие великие идеи, никакие теории. Спасает его только битва на стороне жизни против всех форм смерти, этот природный дар витальности, спасающий и растения, и животных. В своем воображении он, конечно, может лелеять даже внешне совершенно бесполезные вещи, но даже тот, кто разводит моллюсков жемчужниц, одинаково заботится как о раковинах с жемчугом, так и о тех, что без него, — ведь через раковину не видно.

⁵ «Экзистенциализм — это гуманизм» (фр.).

Его спасает и сдача тяжелых экзаменов тюремной школы, где с первого школьного дня до тюремного диплома большее расстояние, чем от анальфabetизма до доктората. Все черные чувства уничтожаются: как страх, так и ярость, как вожделиние, так и печаль. Светлые чувства в соответствующих дозах помогают, если не становятся, разрастаясь до необъятности, убийственными. За чрезмерной надеждой следуют чрезмерное разочарование и отчаянье. Чрезмерная любовь сжигает. От переедания может лопнуть желудок. Чрезмерная радость вырождается в депрессию и возбуждает в окружающих зависть.

Если человеку природой не дано чувство меры, он может обрести его в заключении, иначе он никогда не окончит этого университета. Скольких застрелили при непродуманном побеге, потому что их обмануло жгучее желание свободы, запутав трезвый расчет. Умные арестантские тени очень плохо чувствуют себя в обществе истериков и героев. Внешне веселый заключенный вызывает сомнения как у сокамерников, так и у надзирателей (сокамерник думает: «Чертяка подписал сотрудничество, и они обещали его выпустить», — а надзиратель: «Получил весточку извне, может, даже готовится к побегу?»).

Вместе с тем спортсмены в заключении гибнут — но с толком используют свою спортивную натуру (если она у них есть) для вживания в возню тюремного мира (если вообще не планеты). Английские спортивные правила крайне просты, но очень эффективны для достойного поведения в тюрьме: 1) спортсмен не хвалится, 2) спортсмен не отступает, 3) не ищет оправданий провалу, 4) умеет спокойно проигрывать, 5) умеет спокойно побеждать, 6) играет честно, по правилам, 7) играет лучше, чем умеет, 8) наслаждается прелестью риска, 9) в сомнительных случаях оставляет преимущество сопернику, 10) ценит игру больше, чем результат. Думаю, что юношеское спортивное воспитание людям и их окружению принесло больше пользы, чем все «спасительные» идеи и верования вместе взятые. Спорт — это кроме всего прочего и повышение витальности. Пусть нас не беспокоит, что некоторые «спортсмены» вообще не спортсмены. Аристотель нас замечательно учит, что любая добродетель есть среднее между двумя крайностями, каждая из которых порок (у бережливости одна крайность — скупость, а другая — расточительство; храбрость находится между трусливостью и губительной дерзостью; так и витальность, если использовать Аристотеля, — между экстримом самоуничтожения, с одной стороны, и экстримом паразитизма — с другой). Любое бахвальство собственными достоинствами хуже, чем простые человеческие слабости.

<...>

«Иногда меня охватывает странное ощущение, что из собственного воображения я сотворил заменитель жизни. Возможен ли еще путь назад, в реальную жизнь? Сейчас я жажду писать прозу. С силой я должен укрощать дух, который по ночам помимо моей воли, без моего разрешения, сплетает будущие страницы, что может быть разрушительно для произведения — ведь более поздняя деталь может являться только копией изначальной, а любая копия — ерунда.

В нашем ремесле ценен лишь первый оригинал, рожденный точно так же, как человек: единожды, готовый к смерти, без возможности родиться заново».

«Хочу создать комедию “Антей Великий”, она уже долго у меня в набросках. В ней думаю изобразить отношение человека к власти, к государству. В этот труд я должен был бы вложить весь свой опыт такого рода, он совсем не мал, если подумать, что арест в этом мире — крупнейшая лаборатория, крупнейший информационный центр и самое беспощадное арт-ателье карикатур на человека и человеческие учреждения. Здесь собраны солдаты из-под всех флагов, сотрудники мировых полиций и агентур, разведслужб, здесь мы узнаем тайны, о которых внешний мир и не догадывается. Поэтому, наверно, я должен был спуститься в эту бездну. Здесь есть словенец, бывший полицаем в Токио, другой был членом моторизированной полиции в Ливерпуле, здесь есть переселенец из Австралии, другой приехал из Америки, здесь есть пленные из всех лагерей — русских, немецких, американских, французских, один даже был в японском плену, будучи американским солдатом. Здесь есть молодой парень, бывший немецким танкистом и при Дьеппе потерявший кисти обеих рук; ему сделали прекрасные протезы. А потом, после войны, он вернулся на родину, разочаровался и захотел обратно, но ему не дали разрешения на выезд. Он попытался нелегально пробраться через границу, но его перехватили. Он получил 15 лет — и у него отобрали протезы. Какая жизненная мораль! Целыми днями он поет, шутит и строит планы на будущее. Я смотрю на него с уважением, как на профессора ремесла жизни. Здесь мы узнаем закулисные бесчисленных событий, которых мы когда-то не понимали, истинное лицо бесчисленного множества людей, здесь мы видим нити, к которым привязаны некие фигуры, замешанные в публичных действиях. Здесь есть шофер

(осужденный за аварию в полном опьянении), возивший неких вельмож, а у шоферов хорошее зрение, слух на работу моторов и хорошая память. Здесь сидит коллега писателя, который с политических позиций напал на меня в газете — в защиту “моральной чистоты искусства” и социалистического реализма, — свидетель того, что оба они вместе за одним и тем же столом подписались под “преданным сотрудничеством” с немцами, чем выкупили себе свободу, когда были пойманы с рюкзаками на плечах по дороге в партизаны. И наконец, здесь со мной приверженцы всех режимов, которые я осызал в своей жизни».

«Я должен разбить собственную легенду, порвать призраки воображения, прекратить любое “историческое видение” и поставить вещи туда, где им место. В плоть и кровь: подлинность, ясность! Да, надо ожить, подняться из могилы: какая борьба мне еще предстоит! Хотя верно то, что остаться в призраках значит остаться вечно молодым, портрет Дориана Грея».

<...>

Той весной нас поразил дождь на дворе. После многих лет ощутить капли настоящего, свободного дождя на щеках и ладонях, это было восхитительно. Значит, природа еще жива. Сквозь толстые стены невозможно было протянуть руки, а здесь у нас никто не мог отобрать каплю дождя. Мы переглядывались и смеялись. Вдруг мы осознали, что на воле на самом деле еще идет дождь, что еще растут травы и деревья. Что еще где-то вышагивают настоящие, живые кони. Что ручьи и реки — это не только фантомы, созданные нашим воображением.

Возможно, благодаря этому дождю «информбюроевец» (а кто знает, был ли он им на самом деле?) доверил свою тайну о пережитом в лагерях для «восточных деликтов» на острове с дурной славой (сейчас, тогда имя «Гольий остров» было совсем еще неизвестно). Позже я узнал, что исключительно болезнь спасла меня от того, чтобы и я отправился туда; что, говорят, я уже был в списках на транспорт. (Возможно, нужно было бы сказать: мой дорогой, хороший туберкулез.)

Я знал арабскую басню про оленя, который смотрелся в воду и хвалился красотой своих рогов, но горевал из-за своих тонких ног. Пришли охотники, олень было сбежал, но запутался рогами в зарослях, и охотники убили его. То, из-за чего он горевал, спасло бы его, то, чем он хвалился, его погубило. Я горевал из-за туберкулеза — и он спас меня. То, чем я хвалился — чистые руки во время войны, — почти смогло меня погубить.

Признаюсь, что поначалу своему собеседнику я не мог поверить. Вспоминая, он дрожал и утверждал, что ему пригрозили смертью, если о происходящем на островах он промолвит хоть словечко. У него все начиналось так же, как вообще начиналось в те времена. Транспорт к причалу. Судно. На нем много вооруженных людей, раздраженных как шершни, яростная ругань и бей, руби, ломай... и в это время через палубу постепенно по двое, по четверо и бах! в дыру, отрытую для груза, и шлеп с нескольких метров на кучу людей. Говорят, некоторые из первых при падении сломали руки и ноги, ребра, разбили головы. Он упал уже на живую плоть и руки. «Шттиву»⁶ закрыли, и судно отчалило. При высадке тумачи, пинки, ругань, удары прикладами ружей. За этим последовало самое поразительное: толпа народа в странных одеждах на берегу, угрожающая вновь прибывшим кулаками и ревушая: «банда!» Тогда он сразу не понял, что это заключенные. Каждый вновь прибывший должен был пройти в лагерь сквозь строй, здесь в строю было около 150 или больше человек, и каждый ему отвечивал затрещину или пинок или плевал в него. (Если кто-то бил не по-настоящему, то сам шел сквозь строй.) Охранники остаются снаружи лагеря (бараков), но внутри новички попадают к самым страшным существам: заключенным, уже осознавшим свою вину и теперь измывающимся над теми, кто еще должен подчиниться.

Мне потребовалось много времени, чтобы начать ему верить. Позже он очень неудачно сбежал из больницы, его поймали, и больше я его никогда не видел.

<...>

Ну, Одиссею потребовалось двадцать лет, чтобы добраться до дома, успокоил я себя. Поэт Арион спасся с помощью дельфина, Архилох на судне, Вийон, вероятно, пешком, Делавинь в каменном мешке сгинул, Джакопо едва выпутался из сетей.

Однако от реальности и сознания невозможно убежать. Беги в зимнюю спячку и сыграй медведя в берлоге, замри, как лягушка в грязи, обмани самого себя, играй сквозь злые времена — всегда наступает момент вынужденной ясности, да, подлинного всевидения, всеощущения, всеведения: тогда человек расплавляется за то, что спал, сбегал, лгал самому себе.

⁶ Štiva — грузовой отсек корабля (*хорв.*).

Человек выходит ранним, полным жизни утром с дачи, где свои ощущения он намазал золотой пеной, и вдруг оборачивается: мир стоит перед ним, как окаменевший лес, теперь он видит все вещи, людей и мгновения — и самого себя — в безжалостной реальности, в истинной ценности тысячелетий, в подлинном цвете бренности.

В мае я отбыл с мертвого променада под охраной и среди коридоров и лестниц, между зарешеченными тюремными окнами, среди скромных пучков солнечного света, ниспадавшего на пол, передо мной предстало кристально-ясное, безжалостное мгновение: осознание того, где я и что со мной происходит.

В июне, когда я ранним утром слушал первое чириканье воробьев, когда еще солнце готовилось залить светом нагромождения домов, это мгновение неожиданно повторилось. Это мгновения, в которые человек стареет, а волосы его седеют, мгновения, убивающие ощущение молодости и наполненности жизнью. При взгляде на окаменевший в самых гротескных положениях мир пробуждается смех в глубине души человека, который слишком много видел. В этой ясности нет никакой печальной значительности, никакой натянутой важности, лишь одни смешные факты, один подле другого. Эта ясность — одна из последних тайн, хранимая для тех, кто принес с собой в мир ключ от нее. Мир, защищаясь от нее, огородил себя стенами незнания и рвения ради меньших целей. Здесь любое разъяснение тщетно, любое толкование бесплодно. Кто не видел, не поймет. Кто видел — все равно, говорит он или молчит.

Человек живет — то есть идет по какой-то дороге, тысячами веревочек и ниточек привязанный к какой-то среде, потом к какому-то миру (образование и воспитание как привычек, так законов), к какой-то планете, к какой-то вселенной — и не может ни на миг здесь остановиться, вплоть до перехода из органического мира в неорганический. У него есть тело, члены, эта рука, устройство которой и функции ты можешь узнать из медицинского учебника и из собственного опыта, у него есть детородный орган, мужской или женский, или иногда оба, кровотоки, нервы, чувства и мысль, инстинкт и сознание, воля и желание. И этим он должен наполнить свое время в некоей среде. Среда ставит ограничения, стены, табу, индивидуум пробивается через них или к ним приспособливается.

И потом говорят: этот человек — такой-то и такой-то. Заключенный номер тысяча пятьсот восемьдесят семь, например.

Где лестницы из лунного света, приставленные к звездам, для вознесения мысли? Где ясные небеса для душ спасенных, где облака перемешаны со светилами и на каждой звезде едет странствующий мыслитель всё выше в горние небеса? Где пылающие солнечные колеса, катящиеся в бесконечную синеву, где ждет счастье, последнее и высочайшее? Где самая высокая вершина Вознесения?

НА СВЯТУЮ СОФИЮ («мокрая Сонька» после «ледяных мужей» Панкратия, Серватия и Вонифатия): Человек у окна за железной решеткой не дышит. Он живет для того, чтоб его время длилось, живет в насмешку над мыслью о назначении человека и о смысле его пути. Где-то на островах в Северном море стоят в это утро — во славу Святой Софии — пингвины так просто, на берегу, под покровом дождя, уставившись в море без линии горизонта. Где-то в зарослях джунглей лежат мокрые тигры и лижут грязные лапы. Лошади на обширном лугу стоят, головы опустив, как вкопанные, и дождь струится у них по гривам. Лодки лежат у туманных причалов. Но, может, в Лас-Пальмасе зреют бананы жарким солнечным утром, не зная о нравственной старой Софии? Кто знает? Запоем этим утром во славу святой Софии и ее ледяных возлюбленных, и все плотские мысли, желанья, картины всех наслаждений — да сгинут. Пеплом посыплем мы грешные головы, песнь запоем, величавую, старой веры, восславим мы покровителей нашей земли.

Прежде всего защитим себя от равнодушия, того глубокого, истинного равнодушия, в котором нет места для вдохновения или мятежа. Защитим себя и от повторяющегося однообразия, уже убившего столько душ в застенках! *Idem non sit idem* — то же самое пусть не будет тем же самым, покуда внутри нас есть возможность любую вещь изменить по-своему!

<...>

За плечами у него были английская и немецкая школы агентов. Иногда проблемы с немцами, которые ему долго не доверяли. Чертовы проверки, особенно когда однажды даже англичане засомневались в его искренности. Интереснее рассказов были его рассуждения о человеке вообще.

— Уже ребенком тебя начинают бить и наказывать, следить за тобой и преследовать, допрашивать и выпытывать признания. Все это продолжается в школе, только теперь у тебя уже два господина: учитель и родители.

Все время учебы — это сплошное преследование. Потом приходит страх перед полицией. И обособленные насильники на улицах и в забегаловках. Так, уже опытным, человек попадает на войну, которая снова безжалостно впирается когтями в каждого. Всю жизнь только скрываешься, выдумываешь наиболее выгодную ложь, бежишь, притворяешься, выпутываешься, преследуешь, — вы об этом когда-нибудь задумывались? Сам не зная когда и как, человек учится собственной жизненной тактике и стратегии. Конечно, возможна еще и «болотная тактика»; как в болоте — встань другому на плечи, затолкай его в грязь и сам вылез из трясины. В конце концов, есть возможность бунта. Но бунтарь-одиночка должен потерпеть неудачу, потому что он — один против всех. Если же бунт объединится в движение, то уже тем самым отдаст себя на милость и немилость новому натиску — своему собственному, — которое попытается подчинить — по-иному, но и тут нельзя будет обойтись без тактики и стратегии, то есть лжи и притворства. И теперь — одни выбирают путь смиренного приспособления, другие — лукавого, одни противятся тайно, другие — открыто, но есть и такие, которые замечают, что школа жизни научила их такой тактичности (к которой у них есть особый талант), что они могут сделать это своей профессией. Такие становятся либо ловкими политиками, как Фуше, о котором вы, возможно, как раз сейчас читаете, а другие — шпионами, как превосходный Зорге. <...>

За окном лежала туманная беззвучная ночь.

Эту ночь надо пережить. Фрейд говорит, что (не знаю, сколько сотен тысяч лет назад, скажем) человек поднялся на задние ноги, показал гениталии, ранее скрытые, узнал стыд, потерял нюх и вместе с ним эротику зада, перешел на эротику лица и изуродовал свою природу. По Уэллсу, он также поднялся на задние ноги, но сделал — первое изобретение.

Эту ночь надо пережить.

Настает утро, и ночь перестает быть реальностью.

Переключка по именам, на склад, переодевание, ожидание во дворе. Речь неквалифицированного начальника тюрьмы.

На грузовик, по болотистой дороге в город. Серый холодный день. Какая-то форма ничто, необъяснимого хаоса перед рождением мира. Господь сказал: «Да будет свет!» Кант и Лаплас сказали: «Вертись!» А у меня стучало в висках, и в желудке было немного нехорошо. Воздух резал щеки. Из хаоса ты сложился в Якоба Левитана. Ты рассыпался в хаос. И теперь ты должен сложиться вновь, момент нового рождения приближается с безжалостной быстротой.

В такое мгновение никакой дом у дороги неинтересен, ни один прохожий, ни одно дерево, и даже если бы мы встретили стадо жирафов, то едва взглянули бы на него. Грузовик остановился за складом товарной станции. Только несколько железнодорожников стояли у вагонов, и большая фура с заглушенным мотором ждала погрузки. Мы выбрались — и разошлись на все четыре стороны. С коробками ЮНППА⁷ под мышками, с узлами через плечо, в золотых одежках, протертых долгими обысками, однажды серым днем.

Перед станцией я остановился и нехотя посмотрел назад — не было никого, кто шел бы за мной. Куда теперь?

Я стоял там и смотрел перед собой, не замечая прохожих. Я не родился заново. Я только снова возник — по Фрейду, по Уэллсу, по Якобу Левитану. Я поднялся на задние ноги, показал член всему миру, не чувствуя никакого стыда, потому что изуродовал свою природу, я проклял все свои изобретения.

«О путник, поведай всем гражданам Лакедемона: здесь мы в могиле лежим, честно исполнив свой долг».

Перевод со словенского Юлии Созиной, стихотворный перевод — Наталии Шведовой ■□■

© Текст: Витомил Зупан

© Перевод: Юлия Созина, Наталия Шведова

⁷ ЮНППА — UNRRA — сокр. англ. United Nations Relief and Rehabilitation Administration — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций.

Открытое письмо Богу

Макс КУБО*

Дорогой Бог!

Для начала скажу, что не совсем уверен в том, что ты существуешь. Ходят слухи, что верующих стало больше, чем было последние десять лет, или, может, к вере снова стали открыто обращаться. Говорят, много молодых посещают уроки Закона Божьего, я слышал: 60 процентов за пределами Любляны, и сам знаю немало таких, кто интересуется религией.

Меня воспитывали так, чтобы я не верил — не только в бога (Бога? — это ведь твое имя?), но и вообще ни во что, кроме, как я определил позднее, науки и научной методологии. Думаю, Бог, есть ты или нет, но теперь ты-то мне и нужен.

Папа из передовой интеллектуальной семьи и сам тоже интеллектуальный и передовой — больше первое, чем второе. А мама из простой набожной семьи, но в городе она соблазнилась жизнью прогрессивных интеллектуалов и прибилась к ним. И вырос я в окружении, которое сделало из меня именно это — интеллектуального передовика, передового интеллектуала. Бог, да хрен с ней, с этой интеллектуальностью и прогрессивностью! Я бы обратился к вере, да не могу. В какое же положение тебя ставит сознание того, что тебя воспитали так, что ты не можешь уверовать, а, Бог? Конечно, из тебя могут вырастить настоящего святошу, и именно из-за этого ты потом дашь дёру. Тоже ведь результат воспитания. Из тебя могут сделать ярого атеиста, да еще сверх того и агностика, а впоследствии ты станешь ревностным божьим сыном или дочкой. У меня такого счастья не было. Меня учили думать собственной головой, и когда я, в конце концов, начал, то быстро понял, что вся эта интеллектуальность и прогрессивность ни к чему, и теперь я со своей мыслящей головой в полной растерянности. Зачем мне мыслить, Бог, если я не верю!

Бог, я был маленьким интеллектуалом, способным ребенком, а такие не часто встречаются. Да ты и сам знаешь, что я не хвастаюсь. Просто рассказываю, как было. Я был настоящим маленьким ученым, весь в себе, чувствительный, болезненный и скрытный, с большими глубокими глазами. Бог, ты помнишь, как я ловил жуков, убивал их (гуманно — эфиром) и насаживал на булавки? Это была наука. У меня был красивый гербарий словенских цветов. Настоящий маленький ученый. Как сын основоположника югославского водолазного дела я погружался под воду уже в семь лет. Всё для науки. Правда, когда я выпал из лодки в Раковнишский пруд, меня вытащили за ноги как лягушку. Ты меня тогда хоть чуточку пожалел, а, Бог? Большим мухам, похожим на пчел, которых, будучи настоящим исследователем, я правильно распознавал, я надевал на шеи петли из ниток и запускал, как живые модели самолетов. Они поднимались вверх до десяти метров. Но выдерживали недолго. Всего несколько кругов. Потом тонкая шея рвалась, и надо было ловить новую муху. А это была уже далеко не наука, Бог. Родители не знали, чем я занимаюсь, но подобное строго запрещалось. Из-за веры, так, Бог? Ты знал об этих моих побочных занятиях? Разумеется, да. Я выяснял и то, как долго мухи могут оставаться под водой. Довольно долго.

Потом я попробовал еще много всякого. Я был прилежным, нежным и медлительным ребенком. С двоюродными сестрами мы исследовали свои маленькие половые органы и возбуждали их шершавыми листьями

© Фото В. Яршичико. Двери Кафедрального собора
в Любляне. Скульптор Тоби Демлар

* Kubo Maks. Odrpito pismo bogu // Čas kratke zgodbe. Antologija slovenske kratke zgodbe. Ljubljana, Beletrina, 1998.

кустарниковых растений. Эти растения мы, это я хорошо знаю, считали священными. Только мы знали про их тайну, только они — про нашу. Это была вера, Бог? С мальчиком, жившим через несколько домов, мы исследовали наши анальные отверстия. Этот мальчик теперь руководит одной из ведущих панк-групп. Знаешь его, Бог? За этими открытиями нас застукал мой интеллектуальный фазер и не очень понял, как на это реагировать. Он был смущен явно больше нас. Нарочито строгим тоном он велел нам одеться. Лидер панк-группы второпях надел штаны задом наперед.

Бог, что же такое вера?

Соседскому мальчику, чуть младше и существенно менее передовому, мы дали попробовать свою мочу, уверяя, что это вино. Он нам абсолютно поверил. Бог, и это тоже вера?

Курить мы начали еще в начальной школе. Я по одной таскал у своих предков импортные сигареты, случалось, мы покупали отечественные. Одни смолили на чердаках, другие в подвалах. И все вместе на улице. Конечно, нас накрыли и сдали родителям. Интеллектуальные передовые родители прочитали мне лекцию об основах здоровой жизни и тут же обратили меня в ярого противника курения. Снова я начал только в семнадцать лет. С тех пор курил все — от ста сортов сигарет, табака, опия до сушеных красных мухоморов (*Amanita muscaria*). И хотя я не курильщик-фанат, но отношусь к делу серьезно. Не хочется, не курю по несколько месяцев, а то и лет. Захожу — закуриваю. В курении я ищу упоение, и поэтому оно для меня как спасательный круг, за который можно ухватиться, чтобы не смыло в море житейское.

Бог, исповедуюсь тебе: я часто выделяюсь перед друзьями и знакомыми, или что-то в этом роде. Подозреваю, что иногда и перед самим собой — ведь так? Знаю, что все так делают и что это один из главных принципов общения. Но мне все равно хреново. Иногда у меня возникает большое желание показаться друзьям, которые меня хорошо (?) знают и ждут от меня определенного поведения, в совсем другом свете. Трудно все время быть одинаковым, трудно оправдывать чужие ожидания. Да и не получается. Неправду не уничтожишь еще большей неправдой. Или уничтожишь? Вечно мне эта двойственная логика не дает увидеть правду, или же и правду, и неправду одновременно. Тебя не напрягает двойственная логика, а, Бог? Смотри: Бог или есть, или его нет — без вариантов. Только или так, или не так. Все вообще или-или. Или связано, или не связано. Двойственная логика или правильная, или нет. Бог, попаду я в дурдом или нет?

Пока, правда, еще рановато. Ты-то сам как? Что подельваешь? Что ты хлопчешь для людей и вообще обо всем, — расскажи кому-нибудь другому. Мне ближе объяснение Курта Воннегута, что ты абсолютно безучастен и все тебе по хрену. Ясно, что не верю я в то, что ты какое-то всемогущее существо на небесах, тем более старец с длинной седой бородой. А вдруг ты энергия космоса или мозги вселенной, раз что-то свершаешь? И вообще, можно ли при тебе говорить о какой-то деятельности? Или же все начинания вместе с мыслями и всем этим духовным балластом — просто заблуждение, болезнь, абсцесс или экзема, плевок, пук в бесконечность?

Что же ты свершаешь, Бог, если тебя вообще нет?

Я ведь комплексовал, еще как. Может, и сейчас продолжаю, только теперь нет повода. Первый раз я трахнулся почти в двадцать. Со шляхой, продажной женщиной, которой секс был противен. От пережитого был слегка не в себе, так что друг, с которым мы вместе были в борделе, сказал потом, что выгляжу я хреново. Я не посмел ему признаться, что это мой первый раз, мое первое десантирование на поле казенной любви. Случаи-то предоставлялись и раньше, но я был слишком большим бздунном, чтобы их использовать. Однажды, уже после борделя, напившись в хлам, начал целовать и обнимать женщину, с которой мы сто лет были знакомы, а она пылко мне ответила и призналась потом, что ждала этого с момента нашей первой встречи. Я же был уверен, что она не обращает на меня внимания. Ну, скажи, разве женщины не странные! Разве весь мир вообще не с прибабахом!

Какое-то время я был хиппи, настоящим — с длинными волосами, бородой, в разноцветной одежде и фенечках. Ходил на дискотеки, концерты, вечеринки в кафешках, как их тогда называли — сейшены, на места постоянных тусовок перед НУКом^{*}, на Римце^{**}. Мы выпивали, покуривали, общались, играли, пели. Нас гоняли полицейские, как сейчас гоняют панков. Мы верили в любовь, в мирное сосуществование, в цветы и солнце. Мы правда верили, а, Бог?

* Здание Национальной и университетской библиотеки в центре Любляны (прим. пер.).

** Развалины римской стены в центре Любляны (прим. пер.).

А сейчас я не знаю, что такое любовь.

Мы путешествовали по миру. В Индию, Афганистан, который еще не был русским, в Марокко, Пакистан. Как-то я двигался автостопом в Пакистан и через всю Турцию ехал с иранцем, перегонявшим из Германии новый «Пежо-504». Тогда аятолла Хомейни был еще в Париже. И никто о нем не знал. Мой иранец ехал в группе из четырех пар машин, в которых в общей сложности было человек десять-двенадцать. Старых и молодых, мужчин и женщин. Очень приятные люди. Они мне давали всё: еду, питье, я с ними спал. Настоящие мусульмане. Знаешь, это те, кто зовет тебя Аллах. Где эти люди теперь? Может, знаешь?

Где-то посреди Турции этот мой иранец извлек на свет немного героина, и мы вдвоем его нюхнули через свернутую в трубочку долларовую купюру. (Правда! Зуб даю! Да ты и сам знаешь.) Улет был полный! Потом все остановились, все машины со всеми иранцами и со мной. Было обалденно. Может, и ты был рядом? Должен был быть — так было здорово — полный отпад! — не знаю, как тебе передать, меня и сейчас уносит. Место было открытое со всех сторон. Безлюдная турецкая глубинка, ты же ее знаешь. Только желтая трава и сухой колючий кустарник на равнине и на маленьких пригорках. Дорога шла из бесконечности в бесконечность, совершенно ровная, на ней были только мы, никакого движения, не знаю уж как, ведь это главная трасса на Иран и дальше, ты, что ли, держал за нас кулаки? Мы остановились на обочине. Вечерело. Рассредоточились, сложили сушняк, который нашли, в четыре кучки на краю шоссе чуть впереди от автомобилей. Потом все их подожгли. Хворост тут же занялся, и разгорелось высокое пламя. И мы через него прыгали один за другим. Потом возвращались назад и еще раз через все костры, пока они горели. Вот это было здорово, я тебе скажу! Может, они что-то праздновали, не знаю — на фарси не говорю, наверное, что-то религиозное, ты-то уж понимаешь. Я ощущал себя сильным, как никогда, и прыгал высоко и красиво, так что иранцы были в восхищении. Но лучше всего было то, что они не воспринимали все происходящее всерьез, а веселились как дети, а это бывает так редко, так, черт возьми, редко!

Когда костры догорели, мы разворошили угли и поехали дальше. В теплом, закрытом автомобиле эйфория быстро прошла, мне стало плохо. Чуть позже мы остановились у придорожного ресторанчика поесть. Все сидели за большим столом, Бог, было так здорово, мы были как одна большая семья, я был для них своим, еда и напитки уже стояли на столе, и тут меня скрутило. Мне нужно было выйти. Молча встал и, чувствуя за спиной удивленные взгляды, вышел на свежий воздух. Трижды сблевал. Мне все еще было нехорошо, но я понимал, что больше меня рвать не будет — нечем. Я вернулся в обеденный зал и сел за стол на свое место. Мой иранец, сидевший рядом, спросил, почему я выходил. Я ему рассказал. Мне казалось, все и так очевидно. А ему ничуть. То, что я сделал, было, согласно его (их) понятиям, грубым нарушением нравственных принципов. Я должен был сказать, куда и зачем иду, тогда все было бы в порядке. А так у них может сложиться впечатление, что мне что-то в них не понравилось, и поэтому я их покидаю. (Они и вправду это почувствовали? Впрочем, неважно.) Я столкнулся лицом к лицу с другой культурой, с чужими обычаями, не осознавая этого. Только тут до меня дошло, что эти люди мне совершенно чужды, хоть и одеты по-европейски, и ездят на французских машинах.

Но вся фишка в том, что на этом проблемы чужих не заканчиваются. Чужие, посторонние для меня и те, кто говорит со мной на одном языке, и даже те, кто живет со мной под одной крышей. Друзья и знакомые, родители и жена, и даже собственный сын. Может, в тебе я вижу единственного, кто мне не чужой? А, Бог?

Возьми, к примеру, хоть ту женщину, о которой я тебе уже рассказал. Знаешь, из-за меня она хотела покончить с собой. Думаю, на самом деле она вряд ли стремилась умереть, но вены себе перерезала, хотя и не бестрепетно, с оглядкой. Она позвонила мне и сказала: «Уже течет». Когда я к ней примчался, она сидела на корточках возле ванны в ванной комнате и каплю за каплей цедила кровь на белую эмаль. Еще несколько часов кровь не хотела останавливаться. Тогда я, наверное, впервые догадался, что существует великая связь между любовью/сексом и смертью. Но и сейчас этого не понимаю. А ты понимаешь? Уж больно, ёшкин кот, заковыристо.

Или возьми моих родителей. Вполне нормальные фрукты, но абсолютно меня не понимают. И я их тоже. Даже сейчас, когда мне уже столько лет, на голове вон плешь намечается, они всё еще уверены, что я их мальчик, которого надо воспитывать и предостерегать от глупостей, которому надо помогать материально и духовно. При этом они, как все родители, хотят оставаться хорошими друзьями. Но, слушай, и то и другое одновременно невозможно!

Ну, а моя жена? Она тоже по-своему чужая. Ей нравится быть моей рабыней, пятки мне лизать, быть покорной, но одновременно она хочет, чтобы я руководствовался ее бредовыми идеями. Мне кажется, что одно противоречит другому, а ей ничуть. Нет, женщин я не пойму никогда. У нее был любовник, из-за которого я повыкидывал все ее вещи в окно, теперь этот тип хочет ее убить. Опять любовь/секс и смерть? Жена говорит, что он ей противен и что она была с ним только из-за меня, — я тогда уламывал какую-то малолетку. А она в итоге пробыла с ним целое лето. Too much, too much*.

Сын — пока еще наименее постороннее мне существо, в своем детстве он просто другой, поэтому не так далек от меня. Но день ото дня он все больше походит на взрослого, и его отчужденность все заметнее.

Но больше всего я, вероятно, чужд самому себе. Что или кто я вообще? И могу я спрашивать самого себя? Недавно я прочитал у одного философа, что этот вопрос задают те, кто начинает углубляться в философские материи и, узнав побольше, обнаруживает, что подобные вопросы здесь во внимание не принимаются. Вот и свербит внутри. Этот вопрос я задаю уже лет пятьсот. И скажу тебе, не я один. У меня ощущение, что эти высокообразованные философы слепы, иначе они не могли бы двигаться вперед и строчили бы тебе письма. Бог, скажи, а сам ты-то знаешь, кто ты?

Представляешь, насколько я сам себе чужой? Не понимаю, зачем я вообще учился и почему потом, когда понял, что учиться не хочу, все равно продолжал и получил бумажку, на которой написано, что я инженер. Ура! Я инженер.

Что такое любовь, не знаю, говорил уже. Зная, что все кто ни попадя, о ней болтают и каждый понимает ее по-своему, я бы (может быть) надеялся (если разрешишь) полюбить только тебя. Но как, если я не знаю, существуешь ли ты.

Еще секс, это, конечно, охренительная вещь, ради него люди тотально притворяются, ругаются, едят друг друга поедом, треплют нервы и даже убивают. Хотя, конечно, кайф невероятный.

И вот мы дошли до смерти. О смерти сегодня еще речь не шла, правда? Ну, не шла, так пойдет, смерть — конец жизни, это естественно, каждый когда-нибудь умрет, здесь и спрашивать-то не о чем. А вот хрен! Вот тут-то и надо спросить! Я уверен, что мы все подряд боимся смерти и поэтому притворяемся, что выражение «все умирают» нормально. Ничего нормального. Это же апогей жизни (так ведь?). Я помню, как лет в семь или в десять я первый раз ужасно испугался смерти. И не мгновения, факта умирания, а той ужасной, безнадежной, нескончаемой бесконечности, когда меня больше не будет. Я живо себе представил, как все, кого знаю, будут жить дальше, а я нет. И знаешь, что показалось самым страшным: что меня больше не будет никогда! Родись я снова через 500 миллиардов лет, это еще как-то можно было принять, но ведь больше никогда, никогда, никогда! Я увидел, что жизнь однократна, как полет мухи-однодневки, как пук блохи. Это правда? Правда? Потом я перепробовал целую кучу своих и чужих теорий о том, что такое смерть, и мне кажется, что я ее ужасно боюсь. Бог, ты и есть смерть?

Вот так. Думаю, ты и правда единственный, кто может не быть мне чужим, и единственный, кто может показать мне, что такое смерть.

Бог, существуй, и я буду тебя любить!

С уважением,
Макс Кубо

Перевод Н. Стариковой

© Текст: Макс Кубо
© Перевод: Надежда Старикова

ЛИВЕР
ИНВЕБЬ

Мойца КУМЕРДЕЙ

Если бы знать заранее, я никогда бы не стал подписывать этого бланка. Но как спец по жизни — ведь биология — не что иное, как наука о жизни, — я мало занимался изучением возможности жизни после смерти — вообще как-то не поднималась рука на эту тему — разве что в веселой компании, чтобы подухариться, разумеется, — типа предсказаний. То, что интересовало меня, — это живой организм, что происходит с ним после прекращения деятельности жизненно важных функций, когда из-за червей начинается процесс разжижения телесной ткани, а по-простому — гниения, это всякому дураку понятно. Для этого ни ученым, ни специалистом быть не обязательно. Ну, а поскольку я не собирался переходить в разжиженное состояние, осознавая потенциальную непреходящую ценность живой материи, — я подписал дарственную на все, что после моей смерти останется ценного и может сгодиться, все остальное пусть слизнет язык крематорского пламени. После смерти, разумеется. Однако то, что происходит сейчас, жизнью не назовешь, да и смертью тоже. О том, что собою, по сути, представляет мое теперешнее состояние и что это значит, можно было написать потрясающую научную работу, за которую бы награды сыпались только так. Однако ж писать о чем-нибудь таком раньше было преждевременно, а теперь — слишком поздно, ведь мое теперешнее состояние настолько деликатно и радикально трансформировано, что я до сих пор как следует не разобрался, что со мной приключилось, и на данный момент по поводу всего случившегося имею исключительно одни лишь выстроенные гипотезы.

А было это так. Со своим научным, интерактивным, да и что греха таить, просто гениальным докладом о лечении рака путем перепрограммирования стволовых клеток я направлялся на международный симпозиум. По мере приближения мгновения, когда результаты моих исследований, которым я посвятил карьеру и жизнь, станут достоянием общественности, я был в высшей степени возбужден. Кроме меня, автора и открывателя, о моем открытии знали только еще два моих лаборанта, которые дали слово хранить молчание до предания огласке моей работы, один, ипохондрик, поклялся, что если об этом что-нибудь взболтнет, то пусть здоровые клетки в его организме начнут бешено делиться, а другой, член баптистской церкви, поклялся на Новом Завете в переплете из телячьей кожи.

В научном мире быстрота имеет чрезвычайно важное значение, поскольку, ввиду того, что у всех есть доступ к информации, а цепочки нейронов работают у всех одинаково, очень даже может случиться, что вот сделал работу до конца, получил результаты обработки опытов на лабораторных крысах и кроликах, а может, и на человеческих клетках, всего-то и делов останется, как только обобщить хранимые втайне результаты, а глянь, откуда ни возмись, является некто с подобными, если не в точности такими же результатами. И бац — осторожно надуваемый шарик в мгновение лопается, и вместе с ним канут в забвение годы, если не десятилетия изнуряющих экспериментов и опытов, бессонных ночей, следствием которых подорванная иммунная система,

* Слишком много, слишком много (англ.) (прим. пер.).

пошатнувшееся здоровье, не говоря уже о разладе в семье и личной жизни, которые в качестве неявного ущерба являются следствием абсолютной преданности науке. И твоя ошалевшая ученая голова уже было смиренно склонилась, дабы быть увенчанной ореолом за эпохальное для цивилизации открытие, как вдруг кто-то грубо отталкивает тебя локтем, жадно протягивая руку, у тебя на глазах выхватывает венчик, которые твой соперник напяливает себе на лоб. Так ты навсегда остаешься вторым или, иначе говоря, проигравшим, нулем, ничем, фамилия которого в лучшем случае появится набранная петитом. Каюсь, я был дико амбициозен, и карьера у меня всегда стояла на первом месте перед семьей и личной жизнью и всем остальным. Лично мне карьеризм вообще не кажется спорным, не в последнюю очередь такова диалектика между моей совершенной преданностью работе и так называемой запущенностью семьи, последней в финансовом отношении я обеспечил комфортную жизнь. Помимо этого, бесспорно также то, что без таких амбициозных мечтателей, каким являюсь я, мы бы и поныне передвигались не на машинах и самолетах, а прыжками с ветки на ветку, не говоря уже о том наслаждении, которое доставляют научные открытия и которое положила руку на сердце в сравнении с сексуальностью, по крайней мере, такое же сильное, а главное — пролонгированное.

Репетируя во время езды свое выступление перед воображаемыми корифеями мировой научной общности, я как-то не заметил, что морозящий дождь перешел в ливень, да и рефлекс убавить скорость на пугливой, в общем-то, дороге тоже не сработал. Ну, и тут же меня стало заносить то вправо, то влево, швыряя то туда, то сюда, потом помню только крутой поворот и ляг тормозов, когда картинка с монитора моей жизни пропала и изображение автоматически переключилось на другую программу. На этом новом канале появилась какая-то загогулина ДНК, крепко обвившаяся вокруг меня, несущаяся со мной по какому-то туннелю, через который меня гнало по генетическому серпантину среди огромных молекул белка и нуклеотидов, отступавших перед жирным красно-желтым вирусом. Я протискивался вперед мимо клеток, которые, чавкая, жадно занимались пищеварением, делились, некоторые из них дохли, до тех пор пока не увидел в конце этой метафизической трубы массу, где порядка десяти огромных клеток терлись друг о дружку. Ну, конечно, это морула! — осенило меня. Следуя этой логике, сдавленный в собственном генетическом удаве, я продолжал и дальше развивать эту мысль: в настоящий момент я пробиваюсь через бластулу, из которой превращусь в эмбрион, а он появится из пока еще огромного светящегося зародыша с красноватой точкой посерединке. Все мне стало совершенно ясно: я возвращаюсь туда, откуда пришел, ни к богу, ни к какому-то космическому свету или чему-то подобному, а через морулу в зиготу — в оплодотворенную яйцеклетку, которая ждет, чтобы соединиться со мной, а после этого зигота разделится на женскую и мужскую часть, и так моя жизнь закончится, а я попросту кончусь. Так вот выглядит эта посмертная метафизика у биологов, сокрушался я, — вместо ангелов, богов и ласкающего потустороннего света, мы, ученые биологи, отправляемся к едрене фене через матричную клеточную ткань. «Нормально, — подумал я, — нечего сказать». Пускай те, кто верит в Бога, причалят в посмертной географии в аду и на небесах или же на полустанке преходящего небытия ожидают возможного повторного воскрешения, пусть с другими произойдет реинкарнация в людей, в растения, в животных и минералы, а мы, биологи и все остальные, кто в самые страшные моменты не поддались искушению, на коленях не кланялись у Господа здоровья и жизни и не прикрывались в безысходном отчаянии недоступностью познания, мы телесно и духовно должны будем распастись на атомы и, таким образом, окончательно исчезнуть.

Но, к сожалению, все было не так-то просто. Лебединая песня моего мыслительного процесса по мере перехода через бластоз поутихла, а первопричина — все более отдаляться. Какая-то сила — сверхсила, а что же еще это было? — у самого входа в морулу в бластозе резко закружила и, теперь я это знаю, начертала и закрепила на уже дифференцированную линию клеток носителей информации эндодерма, из которых развиваются внутренние органы. Поскольку, рассуждая логически, какого черта бы я оказался в этой форме существования? В этом неопределенном временном состоянии мое путешествие закончилось и совсем потемнело — если я вообще могу говорить о темноте, поскольку темнота в целом — это образное определение нуля, и к тому же совершенного абсолютного нуля, в котором нет ничего, если уж пытаться определить эту фазу, не скажу экзистенции, но и не — неэкзистенции, должно быть, еще более неподходящим было бы определение внебытия, если выражаться несколько философски, поскольку у меня как раз выдалось время для подобного рода мыслительных упражнений, над которыми я раньше глумился и в глубине души презирал.

Никаких операций я не видел, никаких хирургов, которые бы склонились над моим мертвым телом и шарилы по нему скальпелями, прилаживая кому-нибудь пригодные части моей телесной материи. Следующее откры-

тие, точнее, осознание, — а все свидетельствовало в пользу того, что ничего больше, кроме самосознания, у меня и не осталось, — только обнаружил я это достаточно поздно. В промежутке должно было пройти дней десять, которые у меня просто выпали. Как-то вдруг, помню, я сообразил, что нахожусь в больнице, и некоторым образом в постели. *Где я?* — была первая мысль, которая сначала пришла в голову после вторичной активации моего сознания. Все указывало на то, что со мной приключилось несчастье, но одновременно и счастье, потому что я, очевидно, остался цел. То, что это не было такой уж удачей, я с ужасом обнаружил уже в следующий момент, произвольно ощупывая состояние своих конечностей. И вот тут-то меня по-настоящему разобрало. Только в этот момент я осознал, что мое ощущение пространства несколько изменилось, то, что окружало меня, было мне знакомо, но вот угол зрения, под которым я смотрю на вещи, какой-то не такой. Уж если я лежу на кровати, заключил я, то, открыв глаза, должен сначала увидеть стены и потолок. Но как бы не так, мой взгляд, может, более подходящим было бы слово *вид!* — искривился, подобно тому, как мне представляется, искривляется пространство в космосе. И, прежде чем я попытался подвинуть голову, ноги и руки, прямо возле меня раздался храп. Даже не рядом со мной, храп исходил откуда-то подозрительно близко, из чего я заключил, что в палате, конкретно на постели, я далеко не один. И как вскоре я понял, отныне так и будет. Свои руки и ноги я как-то еще чувствовал, но почему я не мог ими двигать, вскоре меня осенило — потому что ни рук, ни ног, не говоря уже о голове, у меня вообще нет. Жутко, но, по всей видимости, пройдет, подумал я, в конце концов, чего только человек не испытывает, а ничего из этого не является истиной, за исключением самого неврологического процесса, который, кто его знает, по какой причине, восприятие искривляет и уродует. Взять хотя бы меня, с тех пор как себя помню, клялся рассудком и всегда удивлялся лени и изменчивости тех, кого жизнь треплет, как море — утлый баркас, их охватывает состояние, которое больше всего похоже на психоз — нет, это в мои планы не входило, этого я, действительно, не ожидал. Такое ощущение у меня еще более окрепло, когда в палату вошла медсестра и направилась ко мне. Ну, не буквально ко мне, потом чего-то подвигала градусником и воткнула его куда-то вне моего поля зрения. *Кто я? Что я?* — тем не менее размышляя я глубоко внутри себя. *Размышляя, как что? Где это внутри себя? Откуда? В качестве кого я все это слушаю, думаю и наблюдаю?* — вцеплялся я в себя, не понимая, что эти вопросы и в будущем останутся без ответа. К чему эта моя мыслительная масса, а вместе с тем и я, моя индивидуальность крепится? Из какой материи явился ко мне бес и страх, потому что какая-то материя, черт побери, ведь должна же быть, ведь не дух же я или как? Для меня, ученого, чьи останки усекались до некоего научного феномена, это было уж точно слишком.

Сестра измерила температуру, о чем я заключил по электронному градуснику, не успела она поднести его к своему заостренному носу, как тут же в палату пришли с обходом. Наконец-то спасение, здесь мои ученые коллеги, которые пришли объяснить мне мое состояние и сказать, что со мной и что будет — ну, естественно, насколько вообще выражение «научный» применимо к клиникам, которые с годами обрастают ленивой рутинной практикой и наукой по большому счету чертовски мало интересуются.

Однако на обходе меня называли совершенно незнакомой мне фамилией и именем, а когда хирург принялся объяснять таинственному обладателю имени, что операция прошла успешно, и новая печень хорошо приживается в его теле, я сообразил, что нахожусь в месиве. А точнее, что после ДТП, выражаясь метафорически, осталось более или менее месиво, чему специалисты трансплантологи искренне обрадовались, вероятно, быстренько без промедления диагностировали смерть моего мозга, а тело еще поддерживали на аппаратах, освободив его от неповрежденных органов. Отслужившую же кашеобразную материю, по моей же дарственной, передали для кремации, и сейчас она, вероятно, достойным образом захоронена. Печень, по крайней мере, пересадили мужчине, в чьем теле в качестве его печени я теперь и нахожусь.

Живу, откуда мне знать, вроде бы ничего, однако — что это вообще за жизнь?! — стал я задаваться вопросами, когда спустя несколько дней мы с хозяином прибыли домой. Не буду говорить, что и до того, то есть во время своей настоящей жизни, будучи целиком в своем теле, я не прислушивался к рассказам хирургов о том, что после пересадки какого-нибудь органа, время от времени к ним обращаются пациенты и мнутя, мнутя, пока не выдавливают из себя вопроса: мол, что вы думаете, возможно, ли, чтобы в каком-нибудь донорском органе оставалась память донора, поскольку у них такое ощущение, будто бы с ними живет еще кто-то, что у них, например, изменился вкус, что футбол у них, когда-то страстных болельщиков, после операции оставляет непонятную холодность, или что им натирают ноги, что им хочется сесть за рояль и сыграть что-нибудь, хотя они и понятия не имеют о музыке? Нет, невозможно, сообразно теории, дает им ответ наука, и в той же фразе добавляет, пусть

радуется, что получил новый орган и связанную с этим новую жизнь, который, по сути, означает его второе рождение, и что если будут следовать всем врачебным рекомендациям, проживет хорошо и, если только повезет, немало. А что иное могут они сказать? У них никогда не было возможности пообщаться с интеллектом пересаженного органа, да и каким образом, ведь исходя из моего опыта, меня никто не слышит, хотя есть ощущение, что мои монологи не менее громогласны, чем когда я репетировал презентацию во время езды на машине, оставаясь наедине с самим собою.

Теперь я понимаю, что, подписав бумагу о дарении органов, я должен был оговорить условия для их получателя, потому как теперь эту свою карточку вместе в бумагой я могу записать себе в задницу! Мог бы, имей я задницу, а вот ее-то у меня и нет! Поскольку тот, в которого меня пересадили, мою печень, а вместе с тем и меня самого, для меня, для имевшегося у меня стиля жизни и моего мировоззрения — оно-то у меня еще осталось! — оскорбителен и совершенно неприемлем. Короче, меня пересадили к полному кретину, который с утра до вечера слоняется по квартире в шлепанцах, пялится в телевизор, порет всякую чушь, причем такую, что мой ученый разум с трудом ее переваривает. Когда он толкует по телефону о своем состоянии и методике трансплантации, мне хочется просто сбежать, поскольку он не имеет ни малейшего представления об основах биологии и элементарной медицины, научные термины вылетают из его уст, что кизяки из задницы осла! В такие моменты люди, в том числе такие, как я, — это свойственно человеку?! — начинают осознавать, какие же мы все разные, и как некоторые из нас ленятся шевелить мозгами. Квартира, в которой он сейчас живет вместе с женой, то есть мы живем вместе, далеко не скромная, и не жмутся они на еду, которую я, как его печень, вместе с угнетающими иммунную систему лекарствами очищаю. Так что он мог бы хоть сейчас, когда так сложилась ситуация, и после операции в его распоряжении двадцать четыре часа в сутки, что-нибудь прочесть. Но нет, дубина валяется на диване, а потом мы вместе тупо смотрим программы, о существовании которых я вообще не догадывался. Тип, все на то указывает, ударен и по части религии, или же по крайней мере, в вопросах веры расчетлив. Так он верит, что за все, что у него есть, он должен благодарить Бога, поэтому ежедневно мы смотрим религиозные программы, в которых маньяки с криком размахивают крестами и микрофонами. Он уверен, что Бог услышал его молитвы и своевременно достал ему новую печень. А ты вообще-то понимаешь, эгоист ты долбаный, иной раз думаю я, что твоё обращение *Господь всемогущий, дай, достань мне новую печень* имело скрытую убийную силу, которая гласила: *а поскольку, к сожалению, печень пока еще не научились выращивать, как какие-нибудь огурцы, я вместе с тем милостиво прошу тебя, Господи, пусть кто-нибудь умрет для того, чтобы я жил.* А что, если на самом деле существует кто-то вроде Бога, кто ежедневно выслушивает жалобщиков собственного производства и исполняет их желания, в таком случае этот тип и его Бог действительно убили меня! Маклаки треклятые!

Жена с непонятной всепонимающей жалостью слушала и ухаживала за ним, он воспринимал ее уход как само собой разумеющееся, тем не менее в ее самопожертвовании мне виделось, что где-то втайне она получала от этого удовольствие. Как мне удалось понять из его стенаний, причиной заболевания его печени был гепатит С, который он получил, по крайней мере так он объяснял Всевышнему, десять лет назад при переливании крови, чему жена, еще большая дура, чем он, даже верит, вместо того чтобы сесть за компьютер, задать поиск в гугле “донорство” и “гепатит С” и таким образом быстро вычислить, что в цивилизованных уголках нашей планеты с 1993 года донорская кровь проходит тестирование. Половых отношений у нас с ней нет, поэтому, оставаясь наедине, сидя на диване у телевизора, самоперепахиваемся, глядя на забавы толстозадого чернокожего, перескакивая на программу с крупными планами влагалища в поисках толстеного змееподобного члена, спящего промеж искусственных ланит.

Человек не выбирает себе родителей, а теперь мне известно — и тех, кому достаются их органы. Период жизни после успешной трансплантации при соблюдении режима врача может длиться долгие годы, и как только подумаю, что теперь мне суждено существовать в теле этого идиота, в этой тюрьме закрытого типа без какой бы то ни было возможности освобождения, не говоря уже о помиловании, и что — как все указывает, до самой его смерти или до следующей пересадки печени?! — придется слушать идиотские дебильные монологи, меня — естественно, образно говоря, — выворачивает наизнанку. На прогулки мы ходим редко, потому что он ленится, из квартиры почти не выходим, если же иногда выходим на балкон, курим, облокотившись на перила и наблюдая за подростками, которые во дворе в потных майках гоняют мяч. Черт возьми, пробило меня во время курения, и это я, который до этого никогда не курил: потому что несколько лет назад я презентовал свои половые клеточки, которые, очевидно, еще находятся в глубокой заморозке и, таким образом, думается, в целом неактивны. Так что

© Фото: Надежда Пилько. Предьямский замок

остаётся надежда, что появится кандидатка для искусственного оплодотворения, и мою сперму разморозят, и если мои гипотезы окажутся правильными, то может случиться, что место для моего сознания найдётся также в них, и таким образом я полностью переселюсь в них. За исключением, конечно, если я снова не поскользнусь, если со мной не случится новое странное чудачество и сознание автономно и суверенно не активируется в моей сперме, и таким образом мне придётся поддерживать с двумя источниками своего сознания внутренний диалог после смерти, или как? Понятия не имею... я вообще не знаю, что мне думать... потому что я помешаюсь... только не в голове, а откуда мне знать, в чем и как!!

Если эта гипотеза неверна, и мое сознание целиком, и индивидуальность и что там еще личной принадлежности, свелось к печени, тогда я могу рассчитывать еще на один вариант — установить каким-то образом связь с тем своим ничто телесной материи, по-научному погрузиться в себя на клеточном уровне и использовать собственные научные опыты — мне жуть как интересно, какая гиена-карьеристка их стырила и с ними сейчас похваляется на симпозиумах?! — в обратном направлении, так как это природа беззастенчиво творит ежедневно. Ведь как нужно здоровую многообещающую стволовую клетку накачать, чтобы она могла всю жизнь оставаться молодой, если только она готова в необозримом будущем делиться, и так ее запрограммировать, чтобы глупая корова путем мутаций превратилась в стволовую клетку рака, который наверняка этого типа прикончит. Но есть еще и другой вариант, я соображу, как действует механизм отторжения лекарств, угнетающих иммунную систему, в результате с типом случится тяжелейшее отравление, и это окончательно сведет его в могилу. Тут меня озарило — а ну как, если это еще не все, и моя форма жизни после смерти только одна из форм человеческого бытия и на самом деле существует еще что-то такое дебильное вроде кармы? Уж не означает ли это, что такими действиями — сначала самоубийство, потом последовательное убийство — я повлияю еще и на свою карму и таким образом совсем прикончу ее, и в следующей жизни, то есть форме жизни, материализуюсь в какой-нибудь человеческой ткани, из которой затем вырастет какое-нибудь влагалище, обладательница которого, например, с юных лет встанет на путь низкобюджетной проституции, а потом ежедневно будет пропускать через меня десятки гигиенически и с медицинской точки зрения безупречных членов, или же, например, я инкарнируюсь в слизистую оболочку ротовой полости какого-нибудь коррумпированного политика или слюнявого адвоката, которых я во времена своей прежней жизни на дух не воспринимал. Так, в состоянии крайнего отчаяния, только две мысли как-то еще способны вернуть веру в человечество: что физически я остался жив после катастрофы, мозговые травмы настолько серьезны, что в каком-нибудь психиатрическом отделении закрытого типа я прозябаю как комнатное растение, в то время как в глубине непораженного мозга протекают все мои мыслительные процессы, остаётся еще сценарий *B* — может быть, даже *E*, а может, и *G*... витальности и креативности у меня всегда было в избытке, — по которому я в настоящий момент нахожусь в глубокой коме, из нее когда-нибудь выйду и потом будет все более или менее в порядке.

Когда-то я смеялся над выражением, что надежда умирает последней. Нет, слыша такие заявления, я изничтожал умников — надежда умирает предпоследней, в самом конце, совсем последним после надежды умирает надеющийся. И теперь я вижу, что последняя фраза все-таки верна. Мне, формально мертвому и неформально представляющему массу рефлексирующей печени, единственно остаётся только еще надежда, поскольку все остальное, похоже, накрылось или же совершенно непригодно.

Откуда мне знать, как быть с этой жизнью и с этой смертью? Куда ни повернись, повсюду — притворство, понятно, что я уже ни на что не способен, ну и не в спячке же я, — на данный момент можно констатировать только одно: конца все нет и нет...

Перевод Татьяны Жаровой

© Текст: Мойца Кумердей
© Перевод: Татьяна Жарова

Тридцать лет

Андрей Блатник

Страшно от того, как меняется время, — размышляла она. Когда-то все пути были открыты, все еще было впереди, но потом всё проходит и наступает момент, когда больше нет выбора.

Страшно от того, как меняется мужчина, которого ты любила столько лет, — размышляла она. Когда-то его кожа была гладкой, как стекло, и теплой, как хлопок. Теперь она будто вспаханная земля и холодна, как лед.

Страшно от того, как меняется женщина, любившая столько лет, — размышляла она. Когда-то ее рука обнимала, теперь в ней — нож.

Перевод Юлии Созиной

© Текст: Андрей Блатник
© Перевод: Юлия Созиная

Любовь Красовская, Андрей Блатник, Любовь Кирилина,
Драго Байт, Александра Красовец, Елена Сагалович
(<http://institutperevoda.ru/static/225465136/51>)

Жар-птица

Старая женщина сидела в тени ветвистого каштана перед домом призрания «Солнечный закат». Солнечные лучи проникали сквозь шелестящие тихонько листья и плясали на ее серебристо-седых волосах, на старомодном летнем платье из шелка цвета старого золота с белым кружевным воротничком. Иногда какой-нибудь лучик пробегал и по броши, приколотой прямо над сердцем. Старинная брошь загоралась зеленым, голубым, красным, перламутровым, подобным радуге, сиянием драгоценных камней, украшающих расправленный хвост и тельце Жар-птицы. На голове у птицы был хоолок с тремя кисточками; в каждую были вправлены драгоценные камешки разных цветов. Еще у нее были красные глазки и острый клюв, тело птицы было усыпано мелкими прозрачными бриллиантами, а лапки, каждая с тремя коготками, каким-то образом заканчивали дугу овальной броши.

В каштанах щебетали живые птицы, из соседнего детского интерната доносился веселый шум и гам, за парком приглушенно гудела автострада, но старая женщина ничего этого не слышала, и ничто ей не мешало. Ее возраст приближался к ста десяти годам, и женщина жила в своем обособленном мире, состоящем из ярких, сменяющих друг друга мгновений реальности и тех видений, которые снились ей даже когда она бодрствовала.

Недвижима, она пристально наблюдала за игрой солнечного света в парке, и ее морщинистое лицо озарялось легкой улыбкой.

© Фото А. Ткачова-Редина.

Она сидела верхом в дамском седле на быстроногой кобылице, в бархатной темно-синей амазонке и в шляпке, в руках держала вожжи и стек. В то солнечное послеполуденное время по аллеям парка гарцевало еще несколько всадников. Мужчины почтительно кланялись ей, пожилые дамы улыбались и отвечали на ее приветствия, а она ехала гордо, не обращая внимания на движение вокруг себя.

Ее лошадь свернула на узкую лесную тропинку, поднимающуюся круто в гору. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь густую листву, ласкал лицо дамы. В лесу пахло мхом, грибами и влагой. На самом вершине холма, там, где перед готическим храмом, простиралась поляна, в нетерпении ожидал даму красивый всадник.

Они встретились под старым дубом на самом краю лесной опушки.

— Я жду тебя уже целую вечность, — сказал он, и солнце заблестело в его золотых кудрях.

— Уже целую вечность я иду к тебе, — ответила она и подала ему руку.

Он не сводил с любимой глаз.

— Я кое-что хочу подарить тебе, Люция, — промолвил он и протянул ей бархатную коробочку. — Пусть это всегда напоминает тебе обо мне.

Она приоткрыла коробочку и невольно ахнула: в бархатном гнездышке лежала прелестная брошь — Жар-птица в радужном сиянии изумрудов, рубинов и бриллиантов.

— Но... но я не могу это принять, — она вздохнула. — Это же слишком дорого...

— Люция, я уезжаю на фронт, и не знаю, увидимся ли мы еще когда-нибудь, — в его голосе зазвучали горькие нотки. — Эту брошь перед своей смертью отдала мне мама, и я хочу, чтобы она была у тебя. Жар-птица, как любовь, всегда вновь и вновь рождается из огня.

— Тогда я никогда не перестану тебя любить, — улыбнулась она и поцеловала юношу.

— Этого я и хочу, — сказал он и крепко обнял свою любимую.

— Мадам Люция! — окликнула медсестра. — Солнце заходит, становится прохладно. Вам нужно вернуться в комнату.

— Да, да, — отозвалась старая женщина. — Нужно вернуться в комнату.

Однако она не шевельнулась, все еще продолжая пристально вглядываться вдаль, и ее улыбка ничуть не изменилась.

Сестра в серебристом халате подошла и легонько положила руку ей на плечо. Теперь старая женщина взглянула на нее с долей презрения и недоверия. Ведь эта сестра наверняка была двойником: у нее были золотые завитые волосы, небесно-голубые глаза, красные щеки и губы, изогнутые в вечной улыбке. Как две капли воды она была похожа на других сестер в «Солнечном закате» — все они одинаково улыбались, все откликались на имя Биба, только на золотых карточках на груди у них были разные номера. Старой женщине они казались похожими на пластмассовых кукол, с которыми она играла в детстве, и иногда ей казалось, что они должны запищать, если нажать им на животик.

— Уже иду, Биба, — сказала она и начала медленно вставать.

Сестра помогла ей встать и потом поддерживала при ходьбе: старая женщина не хотела опираться на палку. Медленно они вошли в лифт, а когда поднимались вверх, женщина умышленно нажала своим острым локтем в живот Бибы, ожидая, не запищит ли эта кукла. Хотя лицо сестры на мгновение сморщилось в страдальческой гримасе, она не запищала. Даже если уколоть Бибу иглой, скорее всего, она не издала бы ни единого звука. Таковы были эти сестры: они переносили все что угодно, и ничто не могло их сконфузить.

В комнате сестры прислуживали старой женщине за ужином, а потом искупали и переодели ее. Это всегда было настоящим мучением для старой женщины, ведь она не могла спокойно выносить их прикосновений. Хотя их руки и были очень мягкими, у нее было ощущение, что в этом их автома-

тизме есть что-то чрезвычайно чуждое, опасное, холодное. Ей даже казалось, что Бибы с таким же равнодушием, с каким они купали ее, могли бы придушить ее, если бы им приказали.

После купания пришла парикмахерша, которая начала приводить в порядок и завивать ее волосы.

— Завтра вы должны быть красивой, мадам Люция, — сказала девушка.

— Это почему же, Биба? — спросила старая женщина.

— У вас же разговор с главным врачом. Вы ведь знаете.

— Ничего я не знаю, я никогда ничего не знаю. Не хочу я никакого разговора, — заворчала она.

Биба только улыбнулась и продолжала старательно трудиться над ее прической. Старая женщина едва дождалась, когда же наконец ее уложат в постель. Она отказалась от снотворного чая, музыки и очков.

— Я хочу свою брошь! — приказала она ночной сиделке.

— Я всегда боюсь, что ночью вы уколитесь этим странным украшением, — Биба покачала головой, но приколола Жар-птицу на ночную сорочку.

— Не беспокойся, — сказала старая женщина. — Выключи свет и оставь меня в покое.

Потом она закрыла глаза — и уже снова пустилась вскачь навстречу своему любимому.

Утром Бибы разбудили старую женщину, принесли завтрак и одели ее в серебристый антибактерицидный стерильный халат, которого она боялась, как черти — креста. Но сопротивление было бесполезным, ведь они настаивали, что к главному врачу она не может идти в своем старомодном платье. Потом они в ванной комнате автоматической зубной щеткой почистили ей зубы, уложили серебряные кудри, напудрили, наложили румяна и покрасили губы так, что теперь старая женщина сама себе казалась похожей на клоуна, а Бибы приплясывали вокруг нее и нахваливали, как молодо она выглядит для столетней женщины.

В конце концов, они удовлетворились этим маскарадом; две девушки взяли ее под руки и отвели к лифту, который поднял их на самый последний этаж «Солнечного заката».

Двери в приемную доктора Бобсона бесшумно отворились, и старая женщина вошла к нему — одна, без этих Биб, оставшихся в коридоре.

Доктор сидел за большим столом, на котором был только миниатюрный пульт управления и модель клонированного гена.

— Мое глубокое почтение, мадам Люция, — поприветствовал он ее мягким баритоном, вызывающим доверие. — Приятно видеть вас такой свежей и здоровой. Пожалуйста, садитесь.

Старая женщина хмыкнула презрительно и смерила доктора пронзительным взглядом стальных серых глаз. Его козья борода, узкие черные усы под приплюснутым носом и водянистые глаза были ей как будто знакомы. Осторожно, опершись на спинку, она медленно опустилась в кожаное кресло.

— Я хотел бы кое-что вам предложить, — продолжал он. — Это только предложение, и только от вас зависит, примете вы его или нет.

— Отсюда хороший вид, доктор, — задумчиво сказала старая женщина, глядя мимо него через стеклянную стену: за нею простирался город с башнями и куполами, а на горизонте под сводом синего неба вырисовывались заснеженные горные вершины.

— Мадам Люция, вы — человек из прошлого тысячелетия, — почти торжественно продолжал он. — По наследству вам достался исключительно крепкий и здоровый организм, полный жизненной энергии.

— Где уж там! — проворчала она. — Просто мне помогала Жар-птица.

На лбу доктора Бобсона появились морщины, он сдвинул брови, будто бы изо всех сил пытался понять сказанное.

— Что, простите?

— Ничего, ничего, я просто так сказала. Так о чем же вы хотели со мной поговорить?

— Вот о чем, мадам... Дело в том, что вы дожили... вам посчастливилось дождаться результатов небывалого научного прогресса, — доктор сделал паузу, чтобы попытаться определить, слушает ли его старушка вообще. — Сейчас наука может размножить еще действующие клетки у человека и остановить его старение. И вот я хотел предложить вам такую операцию.

— Стена позади вас стеклянная, или это у вас фотообои? — перебила его старая женщина.

— Да, стеклянная, — доктор опешил. — Так что вы ответите на мое предложение?

— А что вы мне предложили? — переспросила она.

— Обновление ваших клеток.

— Чтобы я стала своим собственным двойником?

— Вы правильно меня поняли, — облегченно выдохнул доктор и вынул из ящика стола какую-то бумагу. — Вам нужно только подписать это.

— Доктор, а мы с вами нигде раньше не встречались? — вдруг резко спросила она, пронзив его взглядом серо-стальных глаз.

— Нет, — уверенно ответил он. — Как правило, у меня не бывает личных контактов с живущими в «Солнечном закате».

Теперь старая женщина вспомнила: несколько лет назад она видела его в больнице, откуда ее направили в «Солнечный закат», она видела его в амбулатории, однажды он пришел в ее комнату, когда у нее были проблемы с пищеварением. Повсюду одни только доктора Бобсоны. Как и Бибы.

Доктор смотрел на пульт управления и молчал. Было тихо, очень тихо в его кабинете, покуда она снова не заговорила:

— Какой красивый вид снаружи. Я всегда хотела жить в комнате с видом на горы... Хм, так о чем же мы с вами вообще говорили?

— Вот видите, синьора Люция, — важно ответил он. — О чем? Как раз вы бы это знали, если бы подписали эту бумагу. Вы бы больше никогда и ничего не забывали.

— Я ничего больше не буду подписывать! — решительно заявила она. — А теперь я бы хотела уйти. Я хочу спать.

Доктор Бобсон нажал на кнопку, и двери открылись. Две Бибы вошли и помогли старой женщине встать.

— С Богом, мадам, — доктор попрощался и убрал бумагу. — С вами было очень приятно. Как скачок во времени — в прошлое.

— До свидания, доктор, еще где-нибудь встретимся, — на прощанье она улыбнулась ему.

А потом в лифте она очень серьезно стала повторять про себя, чтобы не забыть: «В следующий раз тебя больше не будут спрашивать. В следующий раз они тебя переделают».

Во время послеобеденного отдыха старая женщина улизнула от Биб, встала на коридорную движущуюся дорожку и заскользила к прачечной. Все время, что она медленно ехала по коридорам и переходам, она все повторяла и повторяла про себя: «В следующий раз тебя не будут больше спрашивать». При этой мысли ее обдавало холодом — ее клонируют, превратят в собственного двойника.

Перед прачечной она осторожно сошла с дорожки и тихонько вошла через автоматические двери внутрь. Среди кристаллических стиральных машин, в которых вертелось белье, она напрасно искала прачку.

— Кристина! — с надрывом закричала она, чтобы заглушить шум машин.

— О, мадам Люция! — отозвалась из угла златовласая девушка, укладывавшая там выстиранное белье в ящики, и поспешила навстречу женщине. — Я вас уже давно жду.

— Мне стало тяжело обманывать Биб, — сказала женщина. — Они повсюду следят за мной.

— Они действительно назойливы, — подтвердила девушка и посмотрела на Жар-птицу на груди женщины. — Ой, как горит! Можно, я ее посмотрю?

— Ты можешь ее даже отколоть и взять в руки.

— Правда, можно?

— Правда. Мои пальцы больше меня не слушаются.

Руки девушки дрожали, когда она осторожно отвинтила замок и освободила застежку. Потом она поднесла брошь к своим голубым глазам, которые засветились у нее так же, как и изумруды на Жар-птице. Старая женщина наблюдала за ней с довольной улыбкой. Уж что-что, а этот восторг Кристины доказывал, что она не двойник, она — подлинное человеческое существо, знающее цену красоте и чувствующее сверкание Жар-птицы.

— Не могу наглядеться на нее, — призналась прачка.

— Тогда оставь ее себе, — просто сказала старая женщина.

У девушки перехватило дыхание, она с изумлением посмотрела на женщину и некоторое время не могла ничего сказать. Потом она прошептала:

— Нет, не могу... Она слишком дорогая для меня.

— Ничего, для настоящего человека не слишком дорогая. Возьми ее! — повелительно сказала женщина. — Мне она больше не нужна.

Девушка хотела поцеловать ей руку, но женщина не позволила. Отвернулась и тихонько вышла из прачечной.

На следующее утро, когда птицы вновь защebetали в парке перед домом призрения «Солнечный закат», дежурная сестра Биба поняла, что старая женщина уже больше не проснется. Спокойно она позвала врача, заведующего отделением, который пришел угрюмый и невыспавшийся; он тоже определил, что женщина больше не дышит. Что-то бормоча в козью бородку, врач набрал в электронной книжке сообщение и отправил его руководству.

В базе данных центрального компьютера не было никаких сведений о близких, которым нужно было бы сообщить, что старая женщина скончалась. Поэтому они позвонили в крематорий в «Огнях». За телом приехали двойники и унесли его в прозрачном легкосгораемом гробу.

Прачка Кристина из ведомостей узнала, что старая женщина умерла, и сразу же отправилась в «Огни». Всю дорогу она проплакала, и двойники в крематории с удивлением смотрели на нее. Девушка едва успела попрощаться с нею, ибо старую женщину уже приготовили к кремации.

Кристина судорожно сжимала Жар-птицу в руках и сквозь пелену слез наблюдала, как плазменные лучи в одно мгновение превратили тело ее благодетельницы в прах.

И сквозь кристальную пелену слез Кристина вдруг увидела всадника, скачущего к ней под сень старого дерева.

— Я жду тебя уже целую вечность, — сказал он, и солнце заблестело в его золотых кудрях.

— Уже целую вечность я иду к тебе, — ответила она и продала ему руку.

Перевод Юлии Созиной

© Текст: Миха Ремец
© Перевод: Юлия Созинова

ДУХ

Миха МАЦЦИНИ

Есть утра, когда не могу удержаться и достаю фотографии своей дочки. Сын никогда мне не говорил, чтобы я их убрал, но после этого... мне казалось уместным. Я сложил их в выдвижной ящик рядом с постелью... Есть утра.

*

Два кофе налиты, молоко коричневеет. Я смотрю в коридор и вижу ее. На мгновенье. Лишь шаг, потом она исчезает. Сердце захлебывается, больно. Нельзя, чтобы сын видел, что... Молоко уже невозможно отделить от кофе.

*

Он берет чашку. Волосатые мужские пальцы, мой сын. Небритый, скребет костяшками по щетине. Отпивает глоток, адамово яблоко начинает плясать. Улыбнулся мне, и зубы заблестели. Ее улыбка. Отставляет чашку.

*

Субботнее утро. После развода выходные она проводила у меня, и по субботам мы вдвоем шли играть в футбол. Мне казалось странным, для девочек... Но я был благодарен. Она играла лучше меня, отдаваясь игре с удовольствием. Если бы я пропускал голы от кого-то другого, это распаяло бы мой боевой задор, но ее насмешки, вскрики и воодушевление смягчали меня. Сын играет тверже, по-настоящему, он заставляет меня выкладываться до последней капли пота. В одно и то же время, каждую субботу.

© Фото А. Ткачова-Рядко

ЛИТЕРАТУРА

*

Я хотел бы набраться смелости и как-нибудь прокрасться в его комнату, и я смотрел бы на него всю ночь. Так моя голова непроизвольно опускается — я осознаю это, поднимаю ее, всматриваюсь — и осознаю... Он должен знать, что в его лице я ищу ее черты, но не говорит ничего. Может, и у него не хватает смелости?

*

Этим утром особенно тяжело. Этим коридором она пришла, на этом стуле сидела. Из этой чашки пила. Четырнадцать лет. А потом... Ее больше нет. Некоторые субботние утра так тяжелы.

*

Сын намазывает рогалик маслом. Откладывает его, тянется за бутылочкой йогурта. Я знаю, что сама она не сможет сорвать защитный слой под крышечкой, и потому я бросаюсь ей на помощь. Пластмасса рвется, сын удивленно смотрит на мою протянутую руку. «Я бы тоже глоточек, — говорю. — Пожалуйста».

*

Я не знаю, как моя бывшая жена справляется с потерей — мы не общаемся. Сын говорит, что сначала ей было тяжело, но теперь уже все ОК. Как и у меня.

*

«Идем?» — спрашивает сын. Киваю и иду за мячом. Грязь сохлась в корку. Начинаю обстучивать костяшками пальцев, кожаная поверхность вибрирует, земля осыпается на пол и открывает краски. Сдуваю последние пылинки с блестящей поверхности.

*

Мы шагаем по коридору, и точно в том же месте — как всегда — я кладу ей руку на плечо. Сын прижимается ко мне. Я зажмуриваюсь и иду. Мужской запах, мышцы под моей ладонью. Дочка, моя доченька. За эти три шага вслепую я чувствую ее рядом с собой — это все, что я могу себе позволить...

(три года назад она пришла в мою комнату среди ночи, я зажег свет, и ее лицо отразило его, как гладь озера. Я больше так не могу, не могу, — сказала она. Мы говорили до утра. На следующий день она объяснилась с мамой, мы оба подписали бумаги. Она никогда не чувствовала себя девушкой. Мужчина, заключенный в чуждое тело. Она стала получать гормональные инъекции, доктора делали свое дело, она изменила имя, она стала сыном)

...потом я открываю глаза и возвращаюсь в реальность.

«Парень, — говорю я, — сегодня будет жесткая игра!» Я открываю дверь, трава блестит, наступает лето.

«Я тебя порву», — насмехается он.

Я громко смеюсь, когда отворяю калитку площадки.

«Ну-ну, посмотрим», — отзываюсь я и награждаю его кулаком в бок.

Он возвращает мне удар.

Трава стряхивает с себя росу и наконец распрямляется.

«Мужской бой?» — говорю я, как всегда говорил ей.

«Мужской», — отвечает низкий голос.

Бью по мячу и бегу.

Перевод Юлии Созиной

■□■

© Текст: Муха Маццини
© Перевод: Юлия Созина

СОБЛАЗНИТЕЛЬ

Драго ЯНЧАР*

Мой руководитель, с которым я год назад путешествовал на поезде по Германии, имел о своих отношениях со студентами, а точнее сказать, со студентками, странные, весьма сладострастные представления.¹

— У профессора есть право на «одстрел» одного экземпляра на каждом курсе, — сказал он и громко засмеялся. И добавил: — По крайней мере, на занятиях литературой, насчет естественнонаучных дисциплин не знаю.

Я спросил его, использовал ли он когда-нибудь это право? Хотя и знал ответ, об этом давно шушукались, просто не хотел создавать впечатление, что я, его ассистент, участвую в каких-то сплетнях. Наука есть наука, шушуканье — это шушуканье, а мой руководитель был блестящим ученым.

— Могу вам признаться, — сказал он, что как раз на прошлой неделе одну уложил. Очень глупая была девушка, прямо в кабинете её и оприходовал.

Я не спросил, ни которую из студенток, ни куда он ее «уложил»: на стол, на кресло или на ковер, поскольку знал, с какой радостью он бы мне все это описал. Я пожалел, что вообще спросил, не хотел конфиденциальности, еще меньше — быть в курсе его тайных склонностей. Но было поздно, настоящие соблазнительницы любят рассказывать о своих победах. Мировая литература существенно обеднела бы, исключи из нее рассказы известных прелестников.

Он наклонился ко мне и доверительно тронул за колено.

— Она дрожала от страсти, — сказал он. — Едва я коснулся ее коленки, задрожала.

Я убрал ногу и уставился в окно на мелькавшую там немецкую равнину, широкие поля с колокольней над разбросанными вдали деревнями.

Потом спросил, не кажется ли ему такой поступок небезопасным?

Об этом могли начать судачить открыто. Вероятно, я хотел обратить его внимание на то, что пересуды уже пошли и что ему надо быть предусмотрительнее. Очень глупо, если карьера такого прекрасного ученого закончится из-за глупого морального падения. Не вышло бы еще хуже - девушка могла обратиться в комиссию по этике, как мы в просторечии называли комиссию по борьбе со злоупотреблениями служебным положением деятелей образования и науки. В последнее время эта комиссия получила чертовски серьезные полномочия.

— Жить надо рискованно! — воскликнул он под стук колес. Глаза его лихорадочно сверкали. Если бы сейчас поезд с грохотом влетел в туннель, я бы подумал, что передо мной сидит не хорошо знакомый профессор с редкими волосами и красными пятнами на щеках, а какой-то роковой злодей. Но в Германии мало туннелей, а в той части, где мы ехали, вообще ни одного.

* Jančar Drago. Zapeljivec // Jančar Drago. Človek, ki je pogledal v tolmun. Ljubljana, Mladinska knjiga, 2004.

— Жить надо рискованно, как сказал автор «Тошноты»^{*} и многих других менее ценных произведений. И в этом он прав, — продолжал профессор горячо. — Риск способствует внутреннему возбуждению, а нет ничего лучше для физической близости. Общеизвестно, что женщину надо рассмешить, это уже полпути к успеху, это почти интимные отношения. Риск, возникающий при нарушении строгих запретов, даже этого не требует, никаких шуток, никаких особых разговоров, опасность сама по себе вызывает возбуждение. Представьте себе, дорогой коллега, мы со студенткой вдвоем в кабинете, из коридора слышны голоса... мгновенно замираешь от страха, дыхание перехватывает... ты покрываешься испариной, спина взмокла.

Он замолчал и некоторое время смотрел на меня.

— Как вы, коллега? — спросил он. — Что-то совсем побледили.

Возможно, я и правда был бледен, во всяком случае, чувствовал себя неважно — теперь ведь я был там, где быть не хотел, — посвящен в его тайны. Опасные и тошнотворные, не зря же он цитировал автора «Тошноты».

— Я понимаю, — продолжил он. — Вы морально меня осуждаете. Но ведь и вы когда-нибудь желали чего-то похожего. Потому вас и задело.

Я подумал, так ли это. Подумал, а действительно задело ли это меня, не знаю, я не моралист, я восхищаюсь эрудицией моего руководителя, но хотел бы, чтобы инцидент стал известен комиссии по этике.

— Ну, признайтесь, — сказал он и тронул меня за колено.

Мимо нашего купе проковылял официант с тележкой. Мы заказали пиво.

— Знаю, признаться нелегко, — сказал он.

Он тянул пиво, улыбался и смотрел мне прямо в глаза.

— Мне тоже сначала было нелегко. И я тоже трясся. Расскажу вам историю.

— Может, не сейчас, — замылся я, — давайте лучше о семинаре.

Мы ехали в университет города Т., где профессор собирался блеснуть своим анализом литературных ассоциаций, всех слушателей он приведет в восторг, всегда приводит. «Как получается, — думал я, — что такой подлец так ясно популярно мыслит?»

«Может быть, они связаны, — подумал я, — дерзость, непрестанное вождение и обольщение и обаяние теоретика и риторика, может, мне этого не хватает именно потому, что я не умею быть низким, подлым, если б умел, то научился быть возвышенным, грандиозным».

— Оставим семинар, — сказал он. — Ваша проблема, дорогой коллега, в том, что вы слишком много думаете. Не стоит быть таким умным. Лучше купите новый пиджак.

Я посмотрел на свой пиджак. Что с ним не так? Такой, как у него, светлый и клетчатый, я бы не надел. А уж в его-то возрасте, с его редкими волосами и красными пятнами на лице...

— С вашим пиджаком все в порядке, — сказал он. — Неправильно то, что вы не радуетесь красивым и возбуждающим вещам, которые есть в жизни. Я же в каждом городе, и это тоже страсть, знаете ли, на каждом семинаре, покупаю себе новый пиджак.

«И имеешь новую слушательницу, если, конечно, встанет, — подумал я злобно, — сдать бы тебя комиссии по этике».

Однако историю он все равно рассказал. Возможность не упустил. А я должен был слушать. В конце концов, это был мой руководитель. Меня бесила мысль, что я ему уступил. Что купе под стук вагонных колес заполняет его мягкий голос, его мерзкое бахвальство, а я слушаю все это и ничего не могу возразить. Самовосхваление было таковым, что рассказ он начал с самоуничижения. Он сказал, что впервые, когда почувствовал возбуждение от опасности, то буквально затрясся. Тогда он был ассистентом, как я сейчас, а его руководителем был старый скучный позитивист («вот бы мне такого», подумал я), и он терпеть не мог его элоквенции, так и сказал: *элоквенции*. В итоге тот послал его в Вену, чтобы провести там какое-то пыльное и скучное архивное исследование. В первый день в доме, где будущий профессор остановился, он познакомился с одной австрийской студенткой С. — у нее были светлые волосы, она была гибкой как лань, — он попробовал ее уложить ее в постель, но она была существенно — на десять лет — моложе, что само по себе не проблема, однако когда тебе меньше двадцати, все, кому больше тридцати, — Мафусаилы. И она не захотела. Хотя он смог многократно рассмешить ее, пару раз даже зазвать в свою комнату. Нет и нет. Потом с лукавой скромностью он сказал ей, что не только ассистент в университете, но и поэт. То есть один из тех, чьи пыльные рукописи здесь потом изучают. И, может, когда-нибудь

его прославленные вирши еще будут исследовать. Теперь надо было доказать, что он и правда поэт. Он начал оставлять ей в ящике стихи. Свои? Как же, стал бы он заниматься такой глупостью! Он их переписывал. Собственно, переводил на немецкий. Каких-то словенских поэтов, которых нашел в библиотеке, Косовела^{*}, Мурна^{**}, ни одна собака, тем более эта С., не могли знать, что это не его стихи. Он сказал, что как мог перевел их для нее.

Я расстроился. Как же он мог выдать стихи Косовела за свои?

— Но ведь это больше не были стихи Косовела, — сказал он, — готов признать, переводы были настолько слабыми, что оригиналы в них узнавались с трудом.

Девушка тоже не особо блистала интеллектом. Но была так прелестна венским летом в тишине библиотек в своих легких платьицах, гибкая, в белых носочках под коричневыми икрами. Стихи накапливались, на них уходило много времени, но главное — это работало. Работало медленно, но верно. *Когда темнеет в дубравах/ идут ко мне голоса/ как тихие тайные вздохи* - декламировала она ему как-то вечером Мурна в сносном немецком переводе, сказала, что он напоминает ей «Горные вершины» Гёте, но звучит более интимно, почти зловеще, это ты красиво написал. Мне кажется, теперь я лучше тебя знаю, вздохнула она в трубку, почти чувствую. Короче, плод созрел. Да и время пришло. Лето двигалось к концу, стипендия заканчивалась, дело надо было завершать.

Мой руководитель глубоко вздохнул. От волнения или от третьего немецкого пива глаза у него блеснули. Он уставился на перрон маленькой станции, на которой остановился поезд.

— В тот вечер я должен был быть у нее, — сказал он.

Но не пошел, был уверен, что девушка придет сама. На следующий день после обеда, когда он, не раздеваясь, прилег на кровать, позвонили. Ну, конечно, подумал он, и как раз вовремя. Встал и отпер дверь. Это и правда была С., а с ней какая-то светловолосая женщина, он сначала решил, что подруга, однако она была несколько старше и черты ее лица кого-то ему смутно напоминали. «Моя мама, — сказала С., — хотела бы с тобой познакомиться. Она прочитала твои стихи». Он почувствовал, как затряслись руки. Он себе всё представлял не так. Мама стояла в темном коридоре, серьезная и высокая, опасная и озабоченная. Он протянул ей свою вялую, мокрую, трясущуюся ладонь, и она крепко ее пожала. «Ваши стихи, — сказала она, — очень любопытны». Это было как удар молотком. Если бы она сказала что-то другое, он бы нашелся, но *любопытны*, так двусмысленно может выразиться только криминалист, вышедший на след преступника. Она хотела с ним поговорить. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, чего с ним никогда не случалось, почувствовал, что дрожат не только руки, но и все тело. Она не сказала, что хочет поговорить о его стихах, сказала, что хочет поговорить с ним, то есть предложит ему перестать соблазнять ее невинную дочь плохо переведенным плагиатом. А может, она славистка, подумал он, в Вене их хватает, там же старейшая славистическая кафедра в Европе. Она сообщит руководителю, чем тут занимается его ассистент. Он извинился: через десять минут у него важная встреча в университете по поводу стипендии, давайте увидимся позже. Перед тем как закрыть дверь, поймал удивленный взгляд двух пар одинаковых зеленых глаз. Потом ему часто снились эти зеленые глаза, уставившиеся на него четыре ока, одни глаза, без лиц, то одна пара над другой, то расположенные на одной горизонтальной линии, то из разных углов комнаты. И ему снова мерещилась высокая фигура матери, страшной славистки, стоявшей во мраке коридора. Она была Великим инквизитором, выносившим вердикт: таких надо сжигать на костре.

Поезд приближался к городу Т., цели нашей поездки. На столике приплясывал хоровод пустых бутылок из-под пива, было видно, что руководитель мой устал. Его было почти жаль. Из-за легкомысленного желания соблазнить он совершил тяжкое преступление, надругался над литературой, единственной дисциплиной, которой действительно владел, которая давала ему кусок хлеба и которую он, это надо признать, блестяще преподавал. Он оказался в тисках морали, дрожал от страха, во сне его преследовала инквизиция. Он так прелестно описал свою слабость, что я был почти готов все ему простить, даже эти кабинетные мерзости, происходившие на гуманитарном факультете. Но тут он продолжил:

— Видите, коллега, что бывает с человеком, если он лишний раз боится. Мама не была слависткой, и стихи ей действительно понравились, она просто не сумела найти умные слова, поэтому и сказала, что они любопытные. А может, не хотела при дочери говорить, что ее очаровал их автор, то есть я, переводчик. При всей своей строгости она была женщиной привлекательной. И через пару дней сама пришла ко мне. Это было опасно и возбуждающе, так как над нами, несколькими этажами выше, спала ее дочь.

* Сречко Косовел — выдающийся словенский поэт-экспрессионист (прим. пер.).

** Йосип Мурн — один из лириков словенского модерна рубежа XIX-XX вв. (прим. пер.).

* Ж.П. Сартр (прим. пер.)

© Фото А. Тязны-Рядно

© Текст: Драго Янчар
© Перевод: Надежда Старикова

Подробности были опущены — поезд подъезжал к станции.

На семинаре в университете города Т. профессор с блеском выступил с лекцией о литературных ассоциациях, которая несколько раз прерывалась аплодисментами. У слушательниц в аудитории светились глаза. «А ведь некрасив, — сказала одна, сидящая позади меня, но какое интеллектуальное обаяние!» «И ужасный пиджак», — добавила вторая, тут мне стало чуть легче, но недостаточно. Потому что в четыре утра я видел его воркующим, правда, не со слушательницей, а с рыжеволосой дежурной на рецепции. Он был в новом пиджаке винного цвета, купленном в городе Т. на гонорар от лекции. Она смеялась. Я его возненавидел.

Когда через несколько дней мы ехали в поезде домой, к нам подсади две девушки в коротких юбках, сильно нарумяненные, вероятно, официантки. Они беседовали об астрологии и пророчествах.

— Не хочу показаться навязчивым, — сказал мой руководитель навязчиво, — но линии на ладони и правда обозначают человеческую судьбу.

Но то, что мне показалось бесцеремонным, девушки сочли очень забавным.

— Ну, вы же не умеете гадать по руке, — сказала одна.

— Еще как умею! — воскликнул он.

И уже нежно держал ее руку в своей, медленно чертил ногтем по складкам ее ладони, говорил глубоким голосом, глаза девицы подернулись пеленой, взгляд стал отсутствующим, словно загипнотизированным. Я ушел из купе вагон-ресторан и почти до границы просидел там с книгой, в которой не мог различить ни одной буквы, только бумагу, кишашую муравьями-строчками. Просидел под гроыхание колёс и бултыхание теплого пива в желудке.

После этого путешествия от всех переживаний я еще некоторое время ходил по факультету сам не свой. Со все еще разбитым сердцем скребся в дверь профессорского кабинета. И вот когда однажды в полдень из-за двери раздался его глубокий голос: *Я сейчас занят, приходите позже*, — я решился. Я пошел в управление по борьбе со злоупотреблениями, которое мы называли комиссией по этике, и сдал его. Чиновник, стоявший в мрачном коридоре, был высок и светловолос. Когда свет упал ему на лицо, я увидел его зеленые глаза. «Хорошо, господин ассистент, что вы об этом заявили, — сказал он. — У нас уже много заявлений, но это станет последней каплей, переполнившей чашу терпения».

Ситуация была столь очевидна, что комиссию собрали немедленно и начали разбираться. После нескольких часов обсуждения согласно компетенциям управления, решение было принято. Мой руководитель был приговорен к публичному сожжению на тротуаре перед гуманитарным факультетом, аутодафе должно было свершиться этой же ночью, без задержки. Хотя время было полуночное и машин было мало, улицу перекрыли. Собрался личный состав факультета и несколько приподневидшихся празднующихся любопытных. «Сейчас его ведут из кабинета», — тихо шептались зрители, следившие за происходящим в полной тишине. Его привязали к столбу, и огонь постепенно охватил его красный пиджак, купленный в городе Т. Среди зрителей, которым пламя освещало лица, я увидел ту глупую девицу из его кабинета, о которой он мне рассказал в поезде. У нее был большой живот, она была беременна, хотя и не от него. Может быть, именно для того, чтобы доказать кому-то другому, что она по-настоящему чувствует, она подняла большое полено, подержала его над огнем, чтобы оно занялось, и потом положила его между ног горящего профессора, моего руководителя на кафедре литературы. Его редкие волосы упали на потный лоб, и он с удивлением посмотрел на нее. Словно хотел сказать: как была дурой, так и осталась. Как будто подумал: мог бы и по-латыни, да ты не поймешь, глупая. Поэтому скажу тебе по-словенски. И выговорил четко, так, что все мы его ясно услышали: «О, святая, невинная простота»^{*}. Эти слова, слова из моих снов, в латинском оригинале сразу же приписали кому-то другому, тому, кто такой же комиссией в Констанце был осужден на публичное сожжение. Сцена с профессором, польхающим на тротуаре перед гуманитарным факультетом, многих из присутствовавших сильно потрясла, но в этом-то и заключалась цель всего действия, в противном случае его вполне могли бы казнить по-другому в каком-нибудь потайном месте, в факультетском подвале или еще где.

Перевод Надежды Стариковой

■□■

* Латинское выражение «O sancta simplicitas!», которое приписывают чешскому просветителю Я.Гусу (1369–1415), приговоренному к сожжению как еретик. Он сказал это на костре, когда увидел, как женщина подбрасывает принесенный с собой хворост в его костер (прим. пер.).

ТРАКТИР

на улице Васе Мискина

Мая НОВАК

Впервые за 20 лет, а именно столько прошло после развода, Вики увидел фотографию отца в газете. Под фотографией была статья, в которой отец Вики разъяснял основы демократии, разоблачал очередной франкмасонско-сионистско-марксистский заговор против молодого демократического государства, включающего партию отца Вики, а также отстаивал денационализацию бывших церковных угодий и этнически чистую Словению. Высказался и о том, что плохого нужно сделать чужакам, и чем раньше, тем лучше. Вики боялся параноидных демократов. Многие годы те, кто раньше именовали себя демократами, заставляли всех пить желчь и вдыхать серные пары, а сейчас, без желчи и серы, не знали, как жить, и сами предлагали их повсюду. Если же при этом они выказали бóльшую умеренность, чем прежняя власть, то это было связано с эпохой (двадцатый век, сумерки), а не со сдерживающими природными факторами: в словесных раутах они усердно повиновались жаждущему кровопролития и мести Ветхому Завету и талионскому принципу Свода законов Хамурапи — у того, кто убивает твоего раба, ты имеешь право умертвить треть овец и всех бесплодных животных, такие дела. Несмотря на это, Вики ненавидел отца меньше, чем отчима. С отцом ему не нужно было жить.

Второй муж матери на вид не был дряхлым. В свои семьдесят, про которые он, однако, говорил, что ему до них еще восемь лет, он был как сосна, чопорно вышагивал по деревенским улицам, как испанский лорд, здоровался направо и налево, вытягивал спину в струнку и руки держал скрещенными на животе, ладони складывал веером одну на другую над яйцами и перекрещивал пальцы — Вики, унаследовавший от отца страсть к размышлениям о франкмасонах, иногда тихо спрашивал себя, что, возможно, речь идет не о тайном приветствии простого каменщика, а о сигнале, что он был бы рад, если бы его кто-то поприветствовал, отчим никогда не здоровался первым и даже обижался, если другие этого не делали. Но на вид он не был дряхлым. Всегда знал, когда голоден и когда ему не хватает свежего белья. В такие моменты он вспоминал, что женат. Отчим Вики не был главой партии. Тащил за собой семейную пенсию от первой жены и ничего не делал. Поэтому он много размышлял и часто при этом дремал. Как и кот матери. Как и Вики в своей инвалидной коляске. Вообще все в семье много размышляли, а мать Вики работала и получала пощечины, если отчиму казалось, что она не работает. Но Вики ненавидел отчима не за это.

Возможно, он бы так же ненавидел каждого мужчину, который встал бы между ним и матерью. Возможно, он бы так же ненавидел каждого, в ком бы видел второго отца, потому что ненавидел первого. Самому Вики не было понятно, почему он ненавидел отчима, но ненавидел очень сильно. Так как у него было много времени на размышления и так как проще всего ему было размышлять о политике, Вики казалось, что он ненавидит отчима из-за политики.

Здесь и только здесь нашло выход то, к чему он был готов, что все из-за дряхлости отчима, но в действительности не из-за нее. Если бы Вики понимал, из-за чего именно, он бы понял, почему отчим бьет мать — потому, что отец отчима бил слуг, и потому, что отчим потерял смысл ежедневного существования еще в школьные годы, а позже переходил от одной женщины к другой, от одной супруги — матери — и — сиделки к другой супруге — служанке — и — рабыне, с тем простым чемоданом взглядов и предрассудков, который ему удалось собрать до формального окончания пубертатного периода. И должен был бы уже задуматься. Но Вики

этого не понимал, помимо прочего ему было плевать на мать. Отчима он ненавидел по собственным причинам и врал себе, что ненавидит его из-за политических убеждений.

Отчим в школьные годы был Соколом (словенское спортивное общество), социалистом и членом общества словенско-сербской дружбы. Для Сокола в какой-то момент он стал слишком большим и неуклюжим, социализм он перерос, так как не сумел оценить его надуманных достоинств выше, чем бы их оценила какая-то другая система, ну а сербам он остался предан до самой смерти. В Словении 92-го года этого было достаточно для ненависти. Этого хватало и для того, чтобы отличаться от других. Поэтому свою благосклонность к сербам он выставил как флаг, и чем больше нападали на Сараево, тем выше он его поднимал. И Вики ненавидел его все сильнее.

Вики бы с удовольствием убил отчима, но не знал как. Отчим был метр восемьдесят ростом и, несмотря на года, до которых ему на словах оставалось еще восемь, был силен как бык. Так как он терпеть не мог масло, яйца и молоко, мать готовила для него отдельно — ей ведь не нужно было размышлять, у нее хватало времени на готовку, но она была в него влюблена, поэтому со временем начала есть то же, что и он (и как следствие готовила отдельно для Вики). Поэтому яд отпадал. Два трупа для Вики было бы слишком, да и было бы слишком очевидно, что их убило. Вики должен был придумать что-то другое. Он сидел в инвалидной коляске и упорно размышлял. Никакого другого занятия у него не было.

Немного раньше, прежде чем случилась улица Васе Мискина, Вики начал захаживать в деревенский трактир.

В трактире был низкий сводчатый потолок, почерневшие балки, камин, в котором запекали омболу (свиные медальоны) и ничего кроме омболы, окошки величиной с ладонь и грубо обтесанные скамьи у длинных не накрытых столов, на которых были выцарапаны карманными и чуть более крупными ножами даты исторически важных трахов с именами участников. Тут и там для лучшего понимания выгравированного была добавлена какая-то диаграмма или самокритично прибавлены небольшие линии, чтобы сообщить, сколько раз. Обычно их было пять. Трактир стоял — точнее, наполовину утонул в подвале дома трактирщика, где и должен стоять трактир, точнее, напротив церкви. Еще не вусмерть пьяный завсегдатай едва ли сможет потерять колокольню из виду, а потом, когда он ее найдет, остальные завсегдатаи услужливо развернут его на 180 градусов. Завсегдатаи, что правили трактиром, были молодыми, поджарыми, в синих рабочих комбинезонах, под которыми они ничего не носили, с волосатой грудью и голыми локтями, шумные, живые и редко в одиночку. Когда трактирщик изредка пользовался моментом, чтобы напомнить о неоплаченном счете, они лезли на рожон и избивали его, несмотря на то что их признали бы вменяемыми и могли бы наказать. Когда Вики впервые подъехал к дверям трактира, над ним сначала смеялись, ведь на каталке он не мог преодолеть порог и две ступеньки вверх, его оставили снаружи и прошли мимо, как будто он — пустое место. Во второй раз (когда с неба цвета индиго лился дождь и волосы Вики, терпеливо сидящего перед трактиром, прилипали ко лбу) его патетическое появление возбудило любопытство, если не сочувствие, они его спросили, кто он и чего хочет. Вики назвал свою фамилию. Фамилию отца, которая прозвучала как заклинание. У парней из завсегдатаев были свои виноградники, и поэтому бывшие церковные угодья их не волновали, но о том, как нужно изолировать несловенцев, они были того же мнения, что и отец Вики. Четверо подхватили Вики вместе с коляской (трюк, который был для него вполне осуществим, но протокол есть протокол) и понесли его вниз в подвал, где посадили на почетное место и налили ему вина. Вики сначала тактично молчал, согнувшись над своим стаканом, и слушал их. Только несколькими вечерами позднее, когда уже точно было понятно, кто на очереди в почетном карауле у коляски и кто будет ее переносить, они начали присматриваться к нему, вдруг да и сам что-нибудь скажет. Вики начал торговать отцовым пониманием демократии. При этом и пить начал, потому что от слов, которыми он торговал, у него болел желудок. Но ничего страшного: завсегдатаи добросовестно следили, чтобы его стакан был всегда полон. Слушали его с благоговением и восхищением. Они понимали, что, в отличие от них, он много размышляет и что особенно склонен к этому. Через две недели искалеченный Вики стал некоронованным королем отряда крепких подданных, которые ради него сделали бы все, что бы совершили при соответственном побуждении, пусть и просто из хулиганства.

Всё, только убить бы ради него не смогли. Как же смешно звучит, что завсегдатаи с доспехами из мышц, которых не постеснялся бы и носорог, добры и честны. Поэтому Вики, который после размышлений, длиной почти в тридцать лет, не мог быть глуп, даже если бы захотел, вообще не упоминал при них об убийстве.

И потом грохнуло.

Грохнуло тогда, когда люди стояли в очереди за хлебом. Убило почти всех, кроме человека с видеокамерой. Из-за технических недостатков видеокамеры запись была синяя, цвета индиго, и казалось, что все трупы одеты в синие рабочие комбинезоны. В трупах ничего не осталось. Вся их кровь разлилась рядом с ними на тротуаре. Она тонким слоем была размазана, будто слой темно-красного лака, и блестела, как свежий лак. Пять литров крови на каждого, размазаны слоем в миллиметр, растекаются дальше. У некоторых трупов не было видно, откуда появилась кровь. Просто сидели там, будто дремлют, странно опустошенные, бесхребетные, как дырявые воздушные шары. Другие трупы были слишком очевидно изрезаны. Из разорванных конечностей торчали светлые ткани, о которых невозможно было бы сказать, чем они были прежде: то ли мышцей, то ли костью, то ли кожей, и такого было много — а ведь ты и не знал, как до того момента кожа могла все это уместить и удерживать в себе. Некоторые раненые выглядели так, будто взорвались они, а не гранаты. Некоторые трупы кричали. Мать Вики перед телевизором тоже кричала. Закрывала себе глаза руками и немо кричала: «Перестаньте! Перестаньте!» Крик оглушающе отзывался в ее голове, но ничего не было слышно. И они не переставали. За каждым трупом был новый поворот, новый рывок с камерой, новый ужас. Улица Васе Мискина все не заканчивалась. Мать Вики сидела перед телевизором как прибитая, не могла встать и отойти, не могла перестать смотреть на экран сквозь пальцы. Такова природа голой силы: даже если что-то осуждаешь, ничего не можешь сделать. Зачарованно смотришь, чтобы не смотреть, еще и еще.

Матери Вики стало плохо.

Ей нужно было лечь, и мужчины остались без ужина. Отчим Вики не умел даже глазунью пожарить, а Вики не доставал до края плиты.

Отчим Вики зажег сигарету и сказал, что мусульмане бомбили свое для того, чтобы мир обратил на них внимание; вот такой извращенный, сказал он, исламский менталитет.

Вики посмотрел на него и тихо покивал.

Вики ждал, когда отчим проголодается.

Отчим Вики, конечно, проголодался и, так как тем вечером он не мог придумать, чего такого он не ест этой ночью, согласился с мыслью об омболе. Они пошли в трактир; высокий прямой старик толкал перед собой хрупкого, бледного парнишку в инвалидной коляске с высокой спинкой по темным, узким деревенским улицам. Небо было цвета индиго, и сияли вангоговские звезды.

Завсегдатаи в трактире сидели и ждали, тихие и мрачные. Они вливали в себя вино, но не сходили с ума, поэтому выпили больше, чем обычно. Время от времени кто-то из них грязно ругался и ударял кулаком по столу, чтобы прозвучало, как гром.

Они смотрели телевизор и резню на улице Васе Мискина.

Трактирщик отрезал два хороших куса свинины и положил на очаг, где они спокойно поджаривались и тихо капали на раскаленные углы. Тогда же он отложил нож, которым отрезал отбивные, на каменный край камин, и забыл о нем. Отчим Вики героически приступил к вину. Вики отправился на беглое приветствие к скамье. Беглым приветствием всё и ограничилось. Скамья не была настроена на размышление. От вина некоторые уже лишились дара речи. Вики оплатил им еще несколько литров.

Когда он снова пришвартовал коляску у стола, где они сидели с отчимом, ножа на краю камин уже не было.

Вики, принципиально не говоривший с отчимом, завязал разговор. Из тысячи тем в тот вечер важна была лишь одна.

«Одновременно они их», — сказал отчим.

«Откуда у хорватов ракетомет над Сараево?» — спросил Вики. Отчим презрительно фыркнул, будто хотел сказать, что в отношении хорват не действует ни одно алиби.

«Или их мусульмане», — сказал отчим Вики, и еще много подобного.

«Единственное решение боснийского вопроса заключается в убийстве всех мусульман», — сказал отчим Вики.

«Два миллиона человек?!» — засомневался Вики, о котором мы знаем, что ему и два трупа казалось слишком.

«А хотя бы, — прибил отчим. — Они испорчены до крайности. Только посмотри, что они делают на Ближнем Востоке».

Вики упомянул, что Сараево, очевидно, находится в Европе.

«Еще одна причина избавиться от мусульман», — по-мужски заключил отчим и залпом осушил стакан терана (сорт словенского вина).

Вики заказал и оплатил еще литр. «И еще партию вот для тех ребят», — сказал он трактирщику.

«Кто их домой потащит?» — спросил хозяин.

Вики улыбнулся.

Отчим в их разговоре не участвовал. Размышлял. Пил теран и размышлял о сербах и мусульманах, которые притесняют сербов, и был слеп и глух ко всему остальному. Глух к своему голосу, который с каждым стаканом становился все более резким и слышно его было чем дальше, тем лучше. Слеп к взглядам, которыми обменивались Вики и завсегдатаи.

«Сербы не бомбили улицу Васе Мискина», — закричал отчим Вики, настолько громко, что сам удивился. «Сербы — честные люди», — взвыл он, печально цепляясь за свою подростковую любовь и убеждения.

Скамья остекленевших глаз переглянулась, ибо им как-то неопределенно показалось, что они слышали что-то, чего не говорят в трактире.

Им не было полностью понятно, что они слышали. Их размышления не были умелыми и нуждались в корректировке большего профессионала, чем они сами.

«Вы слышите, что он говорит!» — звонким голосом закричал Вики и приподнялся на руках, опершись на колеса каталке. — Вы что, не слышите, что говорит этот пьянчуга? Этот пьянчуга оправдывает сербов!»

Скамья снова переглянулась. Хозяина осенило, что их, в конце концов, не придется нести домой, и нырнул за стойку. Парни все как один вскочили на ноги, полными бедрами опрокинули стол, за которым сидели, перепрыгнули через него и выросли перед отчимом Вики, выстроившись в безупречно ровную линию.

Удары посыпались на голову, лопатки, руки, спину, живот и яйца, которые он тщетно пытался защитить ладонями, сложенными веером в приветствии простых каменщиков.

Перед судом все один за другим отрицали, что кто-то из них принес нож в трактир. Те, кого осудили за участие в драке («Участвующий в драке, в которой кто-то погибает или кому-то нанесены тяжелые телесные повреждения, только за участие наказывается заключением от трех месяцев до пяти лет»), отрицали, что кто-то из них дал нож тому, кто им воспользовался; они также утверждали, что ни у кого из них не было с собой ножа. Тот, кого определили как виновного по 46-й статье уголовного кодекса («тот, кто отнимает жизнь у другого, осуждается минимум на 5 лет тюрьмы»), повторял, что кто-то сунул нож ему в руку. Снизу. Он почувствовал руку, которая всунула ему нож, где-то на уровне талии, будто кто-то дал ему нож из положения сидя; но будьте умнее, кто же сидит во время драки в трактире? Нож без сомнения принадлежал хозяину, но во время убийства хозяин стоял за стойкой, где пытался спасти посуду. Помимо этого бесспорно доказанного факта — факта, что отчим Вики из-за раны в животе истек кровью, прежде чем подоспел спасатель — никто, и Вики тоже, ничего конкретно не помнил. Всё произошло слишком быстро. Тот, кто был гипотетически виновен по 46-й статье, вообще не знал ничего наверняка, использовал ли он вообще нож, который, так сказать, свалился на него с неба; так как он хорошо знал себя, ему казалось вполне вероятным, что при таких обстоятельствах его осудили, и других могли бы осудить.

В связи с их опьянением и серьезностью провокации, которая привела к драке, в связи с тем и этим, завсегдатаев осудили на соразмерно короткие тюремные наказания. Мать Вики теперь в разводе и одновременно вдова, она рада, что ее тут и там царапает хотя бы кот. Вики сидит в инвалидной коляске и размышляет. Все соглашаются, что это он делает хорошо. Инициатива, которую подписали 500 деревенских жителей и в которой подписавшиеся предлагают улицу, на которой стоят церковь и трактир, переименовать в улицу Васе Мискина, его. Говорят также, что на следующих выборах мэра он выступит против кандидата, которого выдвинула партия его отца.

Перевод Евгения Шатко

■□■

Яни ВИРК

автор ищет автора

Когда я впервые прочитал рассказы Яни Вирка, я перьевой ручкой написал несколько вопросов на банкноте в 10 немецких марок:

1. Зрелый ли это мужчина, своеобразным способом ищущий свободу?
2. Молоденький ли это юноша (или даже девушка, которая пишет под псевдонимом), у которого некоторые проблемы с психикой и, возможно, необычная половая ориентация?
3. Основано ли его поведение (ее поведение) на сознательном выборе или же на инстинкте?
4. Возможно ли из текстов сделать вывод о действительном социальном происхождении и материальном положении автора?
5. После основательного прочтения этих коротких текстов будет ли возможно узнать автора среди шестидесяти покупателей в универмаге?

В тот вечер я шел с Б. в бар. Ее облегающая одежда подчеркивала сильные груди, между которыми едва хватало места для моего взгляда. Когда я заказывал напитки, официант привычным жестом погладил себе усы. С краю меню, предложенного им, было пятно от красного вина. Б. взяла из сумочки сигарету, вонзив в нее темно-синие накрашенные ногти. Я попытался отодвинуть свой стул немного дальше от стола и неприятно скрипнул по полу. Б. громко счастливо засмеялась и закрыла меню.

Б., когда пила вино, неприятно громко сглатывала. Ее дыхание до меня не доходило.

Когда она стряхивала пепел с сигареты, каждый ее легкий удар пальцем становился моим еще более сильным желанием обладать ею.

В ее квартире я никак не мог заснуть. Постель была сдвинута в угол, и гудение холодильника на кухне было слишком громким. Кошка спала у нее в ногах.

Когда я должен был уходить домой, я не нашел носки. В ванной Б. потребовалось слишком много времени. После той ночи я долго ее не видел. Хотя мы много раз разговаривали по телефону.

Чаще всего желанием становится то, что является причиной одиночества. И это ты осознаешь уже слишком поздно.

В те дни я довольно много времени посвятил прозе Яни Вирка. Я даже развил целую теорию о нем, которая звучит так:

Любое слово, появляющееся в его текстах, вырисовывает воображаемый контур его духовности и даже физиологии. При многократном разборе текстов штрихи и линии в духовности углубляются до неотъемлемых черт его образа, тех, что составляют физиологию, становятся подобными воску, из которого при благоприятном сочетании всех физических закономерностей когда-нибудь мог бы быть вылеплен сам автор. Сюжетные линии рассказов и их конец подчеркивают авторскую веру, которая является третьим необходимым элементом наряду с уже ранее упомянутыми духовностью и физиологией. Только вера делает возможным довольно реалистичное переплетение духовности и физиологии, что остаются потенциалом для авторского вторичного проявления, в распоряжении которого, по крайней мере, потенциально, вневременные отношения.

Это короткое размышление об авторе мне помогло в том, что на оборотной стороне банкноты в 10 немецких марок я ответил на пять вопросов, написанных на лицевой стороне:

1. Вполне возможно, что автор зрелый человек, по крайней мере, теоретически возможно, что ему удалось в своей краткой прозе спроецировать потенциал, при помощи которого когда-нибудь он сможет проявиться в ином образе. Все указывает на то, что его способ поиска свободы не признает соглашательских ограничений, при помощи которых обычно решаются вопросы материи, души и бессмертия.
2. Конечно, вполне возможно, что автор молоденький юноша или девушка, которая пишет под псевдонимом. Вероятные психические расстройства и необычные (индивидуальные) половые наклонности говорят только в пользу трансформации, вбирающей в себя его самую глубокую (изначальную) субстанцию.
3. Сознательный выбор в произведениях этого автора необъяснимым образом переплетается с энергией инстинкта.
4. Социальное происхождение и материальное положение не важны для определения основных характеристик автора.
5. Автора можно было бы узнать среди шестидесяти покупателей в универмаге лишь по индивидуальной реакции в случае природного катаклизма.

Спустя несколько месяцев я встретился с Б. Она пригласила меня к себе домой. Постель стояла посреди комнаты. Кошка под подоконником играла с мячиком, сделанным из моего носка. Картина на стене была повернута к стене. Б. сняла юбку, нижнее белье и улеглась на середину кровати. Кошка вскочила на подоконник. На мгновение я услышал рокот моторов самолетов. Я улегся к Б. и начал гладить ее по бедрам. Она зажала меня между ног и стала сжимать коленями. Я поцеловал ее в губы и сунул голову в ее рот. Целиком влез в него, стек к ее грудям, а потом в мозг. Где-то в сторонке ждала своего устранения отмершая мозговая клеточка. Я вошел в нее и нашел там новый, совершенно новый мир.

Перевод Юлии Созиной

Примечание

* Из сборника «Прыжок» (Люблина, 1987, с. 52-54)

ЭДВАРД КОЦБЕК

Липицианы

В газете статья:
липицианы
снялись в историческом фильме.
По радио говорят:
миллионер приобрел лошадей
липицианской породы.
Благородные кони
вели себя смиренно
при перелете Атлантики.
Учебник гласит: липицианеры
послушны, пригодны для выездки,
их родина – карст,
у них красивый аллюр,
пружинная поступь,
они смышленны
и до упрямыства верны.

И все же, сынок,
этим нежным созданиям
тесен любой шаблон:
прекрасны они в свете дня –
черные жеребята,
и прекрасны во мраке ночи –
белые кобылицы.
Всего же прекрасней они
на грани ночи и дня –
черно-белые шутники,
паяцы ее величества
словенской истории.

Где-то в чести корова, а где-то – дракон,
где-то – крылатые львы,
черепахи и единороги,
птица-феникс или двуглавый орел,
но наше животное – лучшее:
не подвело на аренах сражений и цирков,
на нем разъезжали принцессы
и дароносицы;
венский монарх беседовал
с дипломатами – по-французски,
с актрисами – по-итальянски,
с мужичьем говорил по-немецки,
а с лошадками – по-словенски.

Помни, дитя: историю нашей земли
от природы не отделить,
и то, чем живет душа, –

у разных народов – свое.
Ты ведь знаешь, что мы –
страна состязаний и гонок.
Понимаешь, зачем эти белые кони,
покинув Ноев ковчег,
примчались в наш чистый мир,
стали нашей святыней,
вошли в легенду истории,
отчего нам тревожат грядущее,
наш мятущийся дух принимают в седло
и уносят на поиски
обетованной земли.

Я по-прежнему всадник, сынок,
и мой конь черно-бел,
с ним один я,
как вождь бедуинов,
я всю жизнь на коне,
на коне я молюсь и воюю,
на коне вижу сны
и умру на коне,
мне открылись все наши пророчества,
когда я скакал
на таинственном этом животном,
и эта песнь родилась
на чуткой его спине.

Ничего нет туманней,
чем внятная речь,
и реальней всего тот стих,
что для разума непостижим,
ковыляют герои под солнцем,
мудрецы гундосят во мраке,
а шуты, обращаясь в поэтов,
шпорят крылатых пегасов
через пропасти нашей древней земли,
и лихие словенские кони
бьют копытом, все так же лишая сна
короля Матьяжа.

Кто ни разу в седле не бывал –
пусть не медлит, пора и ему
укротить своего скакуна,
усидеть в узорном седле,
и поймать самый правильный ритм,
и впустую не тратить слов.
Потому что они, наши кони,
из дальних краев прискакав,
готовы умчаться вдаль.
На мотор полагаться нельзя,

СЛОВЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

слонам нужно много еды,
а путь наш неблизок,
пешком его не одолеть.

ТОНЕ ПАВЧЕК

Земле

О, земля моих дедов и прадедов,
благословенная,
в непогоду бредущая в город, за мною —
ступив на порог,
на паркет, с непривычки неловкая,
постепенно ты,
отдышавшись, снимаешь обувку,
разматываешь платок,

и садишься за стол, как хозяйка; обводишь
взглядом
картины на стенах и, котомку свою развязав,
вынимаешь гостинцы — из погребца да из
сада,
и заводишь повествование о делах

древних или недавних, и от слов твоих
пахнет в доме
черносливом, и унавоженной пашней, и
дымом,
и вечностью. Будь же, родная, судьбой
хранима:
мать и жена, несметно богатая и неприметно-
скромная,

ты приносишь украдкой мне в грохот и гам
полевые цветы,
и я снова ребенок, и пасу облака, и в глазах у
меня
колоски, кукурузы початки в зное летнего
дня —
и ты.

Песнь о Шпанчковой Ане

Это песнь о Шпанчковой Ане,
о маме моей,
батрачке, с любовью к ней,
никогда не евшей досыта,
мечтавшей о пяди земли.
Песнь о пути в небеса.

Феи, сойдясь у ее колыбели,
горестей, лиха не пожалели:

голода на весь век ей дали,
чтоб душу и тело терзал ей.

Руки ей расцвели мозолями,
в грудь посадили птицу пугливую
и пустили за хлебом да за любовью
в эту жизнь, на праздник ее тоскливый.

На чужих подворьях, не разгибаясь,
хлопотала с рассвета и до заката
и вот ускользает — в светлую память
о тех, кто любил эту землю когда-то.

Лишь только пришел ее час,
она узелок собрала
и тихо покинула нас,
и в прошлое побрела.

Чтоб остаться — в лесу и в поле,
с маргаритками, с соснами, с нами.
Как хозяйка. Со всей любовью.
Как песнь о Шпанчковой Ане.

Любовь

Мне мил этот маленький мир,
земля меж горами и морем,
что окинешь взглядом одним:
всплеск надежды и много горя.

Мне дорог этот порог,
за которым разверста могила.
Как свое божество, как скудный оброк,
мать нас к нему положила.

Чтоб нам вырасти, выжить и повидать
белый день и чернеющий лес,
чтоб пройти через муку, и радость, и страсть,
и терзать себя попусту, без

причины. Мне люб этот свет,
столь жестокий и беспощадный.
Он — как привязь моя и крест,
и источник всех испытаний.

И путь, куда б он ни вел —
в пропасть иль песню без дна.
И словенская странная боль —
любовь на все времена.

КАЕТАН КОВИЧ

Старик

На солнцепеке, прислонясь к стене,
он ловит в воздухе паучьи сети
осенних дней — лес будто бы в огне,
в тоске об уходящем лете.

Падет листва, и он дождется дней,
когда прикроет землю первый иней,
и помутится вдруг ручей,
и вечер станет синий-синий.

Сидит на солнцепеке, от людей
вдали и вспоминает то и это,
и ждет, покуда ясен день,
конца судьбы и лета.

Огородник

Он ветеран войны. В аренду взят им
Клочок земли, где все растет, что надо:
Морковь, картошка, лук, фасоль и мята —
И польза есть, и для души отрада.

И то же у соседей: как когда-то,
Здесь мощные машины не нужны —
Все сделают мотыга и лопата.
Кусочек заповедной старины...

Он, потрудясь, присядет у ограды,
Неспешно вскроет баночку пивка
И будет любоваться... И пока

По пищеводу катится прохлада —
Припомнятся ему поля без края,
И рожь, и незабудки в них мелькают...

СВЕТЛАНА МАКАРОВИЧ

Кувшин

Как узнать, на что сгодится?
Гладят руки круглый бок —
для студеной ли водицы,
иль пойдет под молоток?
Шла девица по воду,
обнимала крепко.
Цветики по ободу,
отблески по веткам.
Уронила на дорогу —

вмиг вода ушла в песок.
Было мало, стало много,
черепок да черепок.
Погляди-же, сколько нас!
Народились — сразу в пляс!
Не жалея-ка нас, хозяйка,
всю семейку сосчитай-ка!
Я дала тебе свободу —
расплодили мелкоту,
Солнце вылакало воду.
В горле сушь — немоготу!
Черепок за черепком
хрусть да хрясь под каблуком.
Всяк осколочек хорош,
а кувшина не вернешь...

Удар

Только что сломано. Только что смято.
Крови не видно пока. Не вздохнуть.
Не улеглись еще эха раскаты.
Боли поток устремляется в грудь.
Всё — пустота, ненасытная яма.
Замер весь мир, молчалив и далек.
Нет и тебя. Ты пока — безмянный
плоти ушибленной жалкий кусок.

Скоро почувствуешь там, за глазами,
легкий укол, а затем — поворот
острого лезвия; скоро узнаешь:
ты — этот крик, что наружу течет.
Стянутся, сложатся вместе осколки:
кто, где, за что, почему — все поймешь.
Ярость звериная в теле плеснётся.
Встанешь, ответный удар нанесешь.

ТОНЕ КУНТНЕР

Эти яблоки

Эти яблоки пахнут домом
и теми далекими днями,
когда мы сюда приезжали,
вместе их собирали
и весело пели.
Пахнут давними вечерами,
когда мы их клали под пресс,
а потом уже, поздней ночью
разливали по бочкам
их сладкий сок.

Пахнут той щедрой, богатой осенью,
той щедрой жизнью.

Так пахнут они, эти яблоки.
Так пахнет дом.

Этот мед

Этот мед собирали
пчелы с цветов,
когда цветы так маняще благоухали,
и солнце ласково согревало
нас на наших холмах
и все ликовало –
вокруг и в сердцах.

И были они, наши пчелы, как не от мира сего –
вокруг не видели ничего,
лишь собирали мед.

Быть может, теперь они
где-то в иных мирах,

а мы, что ни год,
лечим их медом болячки свои
в холодных краях
в унылые дни.

Этот хлеб

Этот хлеб никогда не казался мне
вкусным – ни в поле на борозде,
ни в густой луговой траве,
ни за столом в отчем доме,
хоть я, вечно голодный,
не наедался им вволю.

Этот хлеб не казался мне вкусным –
замешенный так старательно,
испеченный с такой любовью,
принесенный мне в поле матерью,
этот хлеб никогда не казался столь вкусным,
как, черствый, сухой,
пропахший травой и землей,
напомнивший мне в стороне чужой
о родном, еще целом, доме.

Этот шнапс

Этот шнапс натекал по каплям.

Натекал он по каплям ночами,
когда спали и видели сны

селяне,
убаюканные мечтами,
и в округе вроде бы тихо,
но нет тишины –
такой
тревожный покой.
и тот, кто ему внимал,
мучительно собирал
силы для нового дня...

О, как я отца презирал,
когда он казался мне слабым и странным!
Уж лучше б он бросил меня,
отрекся бы от меня!

Я понял, что был слишком строг,
когда он сказал: «Сынок,
возьми этот шнапс в дорогу –
он утоляет боль и заживляет раны».

Нашел

Вот и нашел я это село.
Дом на отшибе еле сыскал,
только хозяина в нем не застал –
не повезло:

Люди сказали – уехал давно,
спешно, внезапно, не попрощался...

А я-то старался –
привез ему столько приветов,
напитанных кровью чужбины –
от дочери, внука и сына...

И все это – без ответа.

Они разрастаются в сердце моем
терновником колким, липучим рпьем...

И никто в целом мире уже не возьмет
на плечи свои этот гнет.

Яблоня

Что мне философские искания? –
С неба солнце льет свое сияние!

Льет, чтоб напились мои цветы,
льет, чтоб налились мои плоды.

А лучи его и греют, и смеются.
Ох, все ниже под плодами ветви гнутся!

Осыпаются листья

Осыпаются листья.
На юг улетают птицы.

Яблоки на ветвях –
пусть немного дозреют.

День все короче. Ах,
как мало осталось времени.

Жить нужно скорее.

МЕТА КУШАР

Ты думаешь,
что я в обход небесных законов и земного
уложения
все жажду своего?
Погрей еще чуть-чуть мое запястье.
Пишу я книгу.
Взбиваю масло. Стынет крем кофейный.
Пакую чемодан. Лечу в Нью-Йорк.

Я больше не скажу тех самых слов!
Здесь нежность обитает, и такая,
что трудно верить и переносить.
Различия все так же по наследству
передаются. Ждут дела на толстых полках.
Сквозь солнце в Кракове звенит капель.

Ссыпают лилии в самшит воспоминанья.
дымится кофе с молоком.
Еще немного эстрагона в тесто,
немного слов возвышенных под камень,
еще страницу-две на дно небес.

МИЛАН ЕСИХ

Нет больше пса, забавной животины...
А как умел служить за горсть костей!
Ворчал, расположившись у камина,
или скакал и веселил гостей,

скуля, как это делают щенята.
И нет в живых хозяина, увы,

что в шутку звал его аристократом
и с ним беседовал на «вы».

Подвал разверст – весь дом он поглотил.
аркады, колоннада – всё в руинах.
Лоза иссушена, и дуб подгнил.
Оборван род, бесславно сгинул.

Всё в прошлом. Ночь, мороз стоит.
Слух одинокий путник напряжет –
как будто следом кто, сопя, спешит?
Нет, померещилось... Снег, снег идет.

В осенних травах – запах давних дней,
как будто я, ребенок, чернослив
с краюхой хлеба матери моей
несу на пашню, робок и пуглив.

Колотится сердечко от волнения,
глаза находят горизонта нить,
отмеченную предзакатной тенью.
Идти ль мне дальше – не могу решить:

там пугало – кол, тряпки, пук соломы –
живет в полях, ему тревожит слух
стрельба былых боев – раскаты грома;

бывает, птица птиц свой крепкий клюв
ему вонзит в нутро... Там больше нет
сравнений, памяти минувших лет...

Ноябрь беспощаден и неистов –
не позавидуешь тому, кто бродит
в обновке по демисезонной моде,
во тьме, под шорох облетевших листьев.

Но этот час для празднества пригоден:
сидишь в дому, ногам тепло и сухо,
жена и теща дружно суетятся,
звенят бокалы, вина в них искрятся,

гусь на столе исходит пряным духом,
и льется песня, и вокруг резвятся
детишки – а на землю ночь спустилась,

и ты, отдавшись ей на гнев и милость,
бредешь искать тот дом, скитаться,
и находить, и снова удаляться.

Уж виноград поспел, и день, лентясь,
все раньше на покой уходит. Осень,
Бредешь по бездорожью, месишь грязь,
и чувствуешь: тебя к одной из сосен

влечет повеситься. Не торопись.
Послушай, как над кручей каменистой
павлиний крик, взвывающийся ввысь
из-за огады, посмотри, как листья

в гигантском слаломе скользят к земле,
и маленькая тучка над деревней
спешит догнать сестер, чтоб сбросить бремя

под ноги надвигающейся мгле...
Постой хоть миг, замри хоть на чуть-чуть...
Помедли, отдышись и снова — в путь!

Задумчивы и с виду одиноки,
великолепно сложены —
широкобедры, в талии стройны, —
ухожены и яснооки,

украшены кораллом и смарагдом,
особы некие средь нас гуляют:
лениво нас окидывая взглядом,
в нутро нам, как рентгеном, проникают:

тот, кто спешил, замрет на месте вдруг;
усталый вновь возьмется за работу;
самоубийца, для петли назначив сук,
раздумает сводить с собою счеты;

дитя уткнется в мамкины колени,
она его к себе прижмет;
а постовой разинет рот —
и проморгает массу нарушений.

Миссионерки — их какой-то бог
послал в сей мир поддерживать баланс.
Они шагают, не скрывая ног,
и этим околдовывают нас.

БОРИС А. НОВАК

Сюжет*(хвостатый сонет)*

Он был дитя, и весь мир расстился пред
ним.

Ярко сияли гирлянды огней с небосвода,
звездные реки катили молочные воды,
музыка сфер наполняла звучаньем своим.

Только не в радость была ему эта игра.
(Что с него взять — егоза, непоседа,
ребенок!)
взял и надул — золотой, серебристый,
зеленый —
три небывалых, огромных блестящих шара.

Но тосковал он по речи. Взрастил дерева.
Птиц начертал, распростершихся в
солнечном свете.
Пенью внимая, пытался расслышать слова

и, продолжая свои беспокойные игры,
вылепил серн и дельфинов, жирафов и
тигров,
только все так же грустил о каком-то сюжете.

И сотворил человека.

НА ЮГО-ВОСТОК ОТ БОЛИ*(небольшая баллада)*

Как страшна и нестерпима
сила памяти живого:
точит тишину незримо,
просит знака или слова
у свидетеля немого —
но пристанище сырое
беспощадно и сурово:
мертвых не лишай покоя!

Молчаливы и ранимы,
в снах, как в сказочных оковах,
служат почвой для полыни,
недоступны для былого.
Взгляд глазниц, пустых и строгих,
на юго-восток от боли,
от скорбей и от тревоги.
Мертвых не лишай покоя!

Обрати свой взор к долинам,
птицам, снам, ночам безмолвным.
Стань себе отцом и сыном.
Кто рассудит — много ль злого
умысла в могильных травах,
в алых маках, полных крови?
Слов не расточай неправых,
мертвых не лишай покоя!

Облака на миг застынут,
небо манит глубиною.
Боль утраты. Ложь поминок.
Мертвых не лишай покоя!

Интерьер

Загадочен характер повседневных
вещей: мы их порой не замечаем.
Они для нас привычней нашей тени.
Но кто кому предмет и кто хозяин?

Ботинки на ногах немногословны
(кто служит верою и правдой, тих).
Но стоит выставить на полку их —
кричат, зияя пропастью бездонной.

Кладу очки на стол — куда глядят?
Куда без них направлен мой туманный,
тоскующий потусторонний взгляд?

Проснусь — в шкафу раскрытом вижу вдруг
штаны без ног моих, пиджак без рук.
Живут отдельно от меня. Как странно.

АНДРЕЙ РОЗМАН-РОЗА

Happy Days Are Here Again

Когда истории поток
размыл восточноевропейский блок,
Европа сразу же засуетилась
и, так сказать, объединилась.

Всяк оптимист уразумел —
осталось НАТО не у дел:
нет у Советов алчных интересов —
не нужно и противовеса.

Балканам же нейдет и не спится:
ведь порох есть еще в пороховницах!
вернем былую славу! — и тогда
вновь разгорелась старая вражда.

И вновь несчастные друг друга убивали,
торговцы смертью торговали,
цивилизация от страха обомлела,
паниковала, цепенела.

В Европе хаос и упадок.
Тогда, чтоб навести порядок,
как голубь мира, добрый и крылатый,
опять явился ей блок НАТО.

Но это был рекламный трюк, игра,
в которую всерьез поверит только детвора —
Европа, мол, способна выступать
как целое, и даже не хромать

на глиняных ногах. И, будто по заказу,
в Америке затем произошел теракт.
Общественность пришла в себя не сразу —
а роль ООН уже присвоил пакт.

И снова в мире распря и бардак.
Happy days are here again. Вот так.

БАРБАРА КОРУН

Начало

В тиши есть всё.
Но только слово
Все раскрыто.

МИКЛАВЖ КОМЕЛЬ

Вырвался вздох у меня,
затаенный
для смертного часа.

Перевод Жанна Перковской

■□■

© Перевод: Жанна Перковская

ПРОКЛЯТЫЕ КУРИЛЬЩИКИ

Светлана МАКАРОВИЧ

Prekleti kadilci

Kako bi bil naš svet prijeten,
kako bi nam bilo lepo,
kako drugače bi živeli,
ko bi kadilcev ne bilo.

Kako svobodno bi zajeli
globoko v pljuča čisti zrak,
če ne bi več sveta zastrupljal
ta ubijalski gnus - tobak.

Blaginja bi se razcvetela
in mir in sreča vsepovsod
in v bratski se objem bi združil
trpinčeni človeški rod.

Zato pobijmo vse kadilce,
morilce, lopove, smrdljivce,
te puhajoče svinjske rilce,
ki uničujejo nam živce!

Kaj gledaš, deček, me debelo?
Kadilec sem, izmeček, smet,
življenje mi bo izpuhtelo
s strupenim dimom cigaret;

zastrupljam zrak, ljudi in sebe,
zaradi mene ptice mro -
a ker sem lopov, se mi jebe,
kar je, kar b'lo je in kar bo.

Проклятые курильщики

О, если б только мы могли
курильщиков вонючий сброд
навек смести с лица земли –
сколь счастлив стал бы наш народ!

Дышал бы каждый чем хотел,
когда б повержен был наш враг,
растлитель душ, убийца тел –
коварный, мерзостный табак!

Тогда б настала благодать,
и мир, и счастье, и покой;
спешил бы брата брат обнять –
о, как воспрял бы род людской!

Так перебьем, объединясь,
курильщиков, отребье, мразь,
свиные рыла – не дадим им
нам докучать угарным дымом!

Ну что уставился, малец?
Да, я курильщик. Я подлец.
И жизнь моя пуста и тщетна.
Бычок. Окурочка сигаретный.

Привык я все вокруг травить –
пусть гибнут люди, звери, птицы...
Я негодай. Мне положить
на все, что с нами приключится.

Земля, эта зеленовато-голубая жемчужина Вселенной, – планета прямо-таки превосходная. Когда нас росистым утром пробуждает ото сна столь приятный уху птичий щебет, а вокруг кустятся и благоухают декоративные растения с похвальным намерением порадовать нам глаз и сердце, украсить наш рабочий день, из растроганных наших сердец сами собой вырываются вопли восторга: дескать, жизнь – это чудесный дар, мир прекрасен, все мы друг другу братья и сестры, и тому подобное. Конечно же, мы друг в друге души не чаем, и с чего бы нам друг друга не обожать, и чем дальше, тем сильнее мы возлюбим друг друга – нужно лишь немного потерпеть, пусть, наконец, на этом свете возобладает мир. В конце концов, он, то есть мир во всем мире, – есть самое горячее чаяние наших чад – они так искренне твердят нам об этом вновь и вновь, стоит только доброй тетеньке спросить, чего бы им хотелось получить к Рождеству или к Новому году. Во всяком случае, мне еще ни разу в жизни не доводилось услышать иного пожелания, кроме как «пусть Дедушка Мороз принесет мир всем людям на планете» или «чтобы не было войны». А значит, будущность готовит нашим миролюбивым деткам в светлом третьем тысячелетии огроомную корзину дивных даров. И кое-что из этого уже можно хорошо разглядеть сквозь дырки в этой корзине. Например:

Не будет войн, люди придут к согласию и примирению, мир будет полон любви, хлеба хватит на всех, а голод, мор, жажда, насилие – все это станет лишь печальной памятью о прошлом. Добрые дядечки политики, отцы наши родные, сообразят, что пришла пора действовать на благо человечества. И это человечество своими здоровыми, сильными легкими будет глубоко вбирать свежий воздух, пить кристально чистую воду

из безупречно-прозрачных криниц, рек и озер этой голубой планеты. Там и сям будут раздаваться веселые песни, поэты будут славословить совершенство бытия, и, как уже было сказано, исчезнет всяческое насилие, а прежде всего не станет и курильщиков.

Хотя, возможно, все будет несколько иначе. Быть может, люди продолжат взаимное истребление, будут смертно биться друг с другом во имя Христа и Аллаха, или по причине различного цвета кожи, или вести бои из-за ослиной тени; каждый клан постарается опередить другой по численности армии, и, хотя все официальные рожки озаботятся рождаемостью, людей будет все больше и больше, а места все меньше, и потому потребуются больше войн и трупов. То, чего не погубят войны, одолеют новые, окрепшие, устойчивые к антибиотикам вирусы и бактерии, которые проредят человеческие скопления, не тронутые радиоактивностью; растительность завянет, звери околеют, мир будет загажен до предела – но останется неизблемым одно: курильщиков в нем не будет.

Сквозь щели корзины с дарами грядущее толком не рассмотреть, но тем не менее:

Быть может, войн и в самом деле не будет, и на планете воцарится мир. О бойнях, жажде, голоде и море не останется и воспоминаний. Воздух снова очистится, растительность пустится в буйный рост, звери будут беспрепятственно плодиться и размножаться, – короче, планета вновь станет голубой жемчужиной Вселенной, а мир опять будет беспредельно прекрасен. И, разумеется, курильщиков в нем уже не будет.

Равно как и некурящих.

Но пока что мы еще здесь. Как те, так и эти. Одним из нас другие, то есть курильщики, вонючки, вредители и вообще виновники всего, сильно действуют на нервы, да и нас, курильщиков, те, иные, тоже раздражают

все больше. Тем более что наша мораль полностью расшатана. И мы уже по причине собственной злонамеренности не стремимся умирать столь часто и скоростно, как приличествовало бы по их представлениям о справедливости. Гуманные белые халаты, которые сами — в большинстве случаев сразу после свадьбы — бросили курить, антитабачные общества и ассоциации талдычат, что Господь приберет нас в момент, и изумление их просто неопределимо, если рак легких уносит жизнь кого-то из убежденных противников табака... Ага! Значит, человек помер вследствие пассивного курения! Безвинно! Наверняка его безызынный организм регулярно отравлялся кем-то из нас, пребывавших в непосредственной близости...

То, что мы, табачники, чума, проклятие и зло рода человеческого, уже давным-давно и неопровержимо доказано, и любое возражение — не что иное, как подлая провокация. Ведь курильщиков совсем не заботит, что их ядовитые выдохи сгущаются над городами и образуют липкий смог. Их не волнуют черные маслянистые пятна смолы, извергнутой из прокуренных легких, расплазавшиеся по всей площади побережья нашего синего-синего моря. Гибнут морские птицы, вымирают киты, черепахи кончают жизнь самоубийством; дымовые кольца сгущаются в зловещие тучи, из которых моросят губительные кислотные дожди... А они спокойно выдувают в небо струи табачного дыма и тем самым высверливают в нем пагубные озоновые дыры. Курильщики — это беспардонная сволочь. Стоит только посмотреть на толпы больных в убогих больничных халатах и стоптанных больничных шлепанцах, что сбиваются в стаи у входа в Клинический центр и затаиваются своими смердящими сигаретами на пронизывающем зимнем ветру. Они нарочно выползают из своих больничных коек и ковыляют вниз с самых верхних этажей, чтобы подразнить некурящих прохожих и заразить их дурным примером. Да, они кашляют все сильнее, и так им и надо, но ведь умирают отнюдь не столь быстро, как можно было бы ожидать и желать.

Курильщик способен на автобусной остановке в присутствии живых челове-

ских существ спокойно присесть на скамью и закурить сигарету. И его не смутят даже свирепые взоры соседей — здоровых, сознательных, лишенных дурных привычек. Он выдувает дым в неоскверненный воздух павильона, где находятся — подумать только! — и дети, и даже беременные женщины. Уже это само по себе кошмар, но ведь злодеяние ширится. Ядовитые выбросы беспрепятственно проникают в живот беременной и всасываются плодом, который, беззащитная жертва, также обретает зависимость и рождается латентным курильщиком. Он будет вопить до тех пор, пока ему не сунут в ротик соску, форма которой напомнит ему сигарету.

Вспомнимся в ужасающие рентгеновские снимки легких — таких же, как наши! Можно без труда представить себе, как они медленно, лениво, мучительно сокращаются, когда по их альвеолам струятся пузырящиеся смолистые потоки. А вот легкие некурящего — нежные, розоватые, красотища неопределимая, по ним, подскакивая и лопаясь, несутся прозрачные пузырьки чистого воздуха. Ну не радость ли, не загляденье? Да, мы знаем — здесь нужно испытать шок, это наша моральная обязанность, но отчего же мы не потрясены до глубины души, отчего не осознаем: мои легкие — не только мои, они общие? Мои легкие — это собственность моей родины, моего народа и тех, кто выступает от его имени. А если придется давать отпор внешнему врагу? Как я буду это делать, если у меня такие легкие, что любой подъем вызывает кашель и одышку?

Почему мы не потрясены, хотя бы настолько, чтобы с отвращением выбросить едва початую пачку сигарет и заречься навсегда? Что с нами? Что с нашей волей, с уважением к неприкосновенности жизни, которая до сей поры не вызывала сомнений у современного человека? Почему не роняем слезу, когда любимый спортсмен бодро клянется с телеэкрана, что больше никогда, ну никогдашеньки не закурит? Неет... Сухие, выжженные, тусклые глаза курильщика не оросятся слезой даже у могилы, когда безутешный родственник покойника вдруг скажет: «Непостижимо... Он же сигареты в рот не брал!» А обличающие картинки, которые

наши отпрыски рисуют в детском саду? Те самые, на которых мы изображены черными чудовищами, изрыгающими черные клубы дыма, от которых солнышку тошно? Неужто у нас в груди камень, а не сердце?

Да. Камень. Только так можно объяснить все это. Никотин — это наркотик, да будет вам известно. И, как любой наркотик, никотин разрушает личность курильщика, душит в нем социальное чувство, приводит к душевной глухоте, подтачивает мораль, иссушает сердце и вообще ведет к оскотиниванию. Зависимость от сигарет, и это уже доказано многочисленными психологами и психиатрами, а также докторами социологии и прочими хортикультуристами, существенным образом не отличается от героиновой зависимости, пристрастия к метиловому спирту и каннибализма, и, таким образом, курильщик медленно, но верно превращается в личность преступного склада.

Давайте же закурим последнюю — как мы это уже не раз делали, и обратим свой взор на себя.

Нам уже говорилось, и не единожды, что каждый вздох курильщика может стать последним. И вот, изрыгнув с утра кошмарный сгусток мокроты, мы потом своими насквозь прогнившими легкими дышим тем же воздухом, что и карапузы в детском саду, который отстоит от нас не далее чем на шесть километров. От нашего дыхания вянут цветочки, блекнет трава, замолкают осипшие птички, помрачается красно солнышко, занавешенное густым дымом...

Но... Курильщик ответит в лучшем случае циничной фразой и хриплым хохотком. Где уж курильщику как следует взглянуть в свое нутро. Ну что ж, тогда обратимся хотя бы к истории нашего мира, к стародавним временам. Может, хоть это на нас подействует. Давайте же перенесемся через несколько временных поясов и попытаемся представить начало всего, когда ничего еще не было.

Итак, сначала не было ничего, потом Богу показалось, что если ничего нет, то это ни на что не похоже, и Он сотворил небо и землю. Надежные источники свидетельствуют о том, что посмотрел Он и увидел, что

это хорошо, а значит, никаких неуместных замечаний это не вызывает.

И вот, значит, сотворил Он свет и тьму, после чего узрел, что свет — это хорошо, и отделил его от тьмы. Так получился день, а поскольку ночью было темно, то Он создал два больших источника света, которые перемещались по небу, и, увидев Он, понимаешь, что это хорошо — то, что Он сделал. Однако на тот момент все еще почти ничего не было, и только Дух Божий носился над водами. И в это время стряслась одна существенная неприятность, а именно: некоему ангелу взбрело в голову, что он богоравен, и он восстал против Бога, то есть обратился в черного сатану. Ну, и поскольку земля уже была создана, Бог-создатель запихал его поглубже к центру новой планеты, и с тех пор сатана, или черт, пребывает там в геенне огненной и помышляет об отмщении, как, впрочем, и любая оппозиция. И соратники его, мятежные ангелы, тоже почернели и превратились в чертей. Они и ныне беснуются там внизу. Бог-творец же создал целую неделю, каждый день что-то новое, и так возник мир. А черт в подземелье бил хвостом, подогревал в себе обиду и ненависть, долбил рогами в горные породы, да так, что вся земля дрожала, крушились горы, и реки выходили из берегов. Но Бог-творец был настолько увлечен, создавая флору и фауну, что ему и дела не было до козней дьявола. И вот в самый последний день, когда Он лепил из глины человека, этот непрестанный дьявольский дебош все-таки вывел Бога из себя, и Он, несмотря на то, что, как правило, ошибок не допускал, вдруг как-то рассеялся и приделал Адаму одно лишнее ребро. И только Он по завершении всей работы еще раз глянул на все содеянное и хотел сказать, что это хорошо, как вдруг заметил, что Адама при ходьбе как-то странно заносит в сторону и что он заваливается вбок. Ну, а поскольку Бог был всеведущ, то сразу и понял, почему. И вот Он вынул у Адама одно ребро и быстренько сваял из него нечто убогое, что потом оказалось женщиной, еврейское название которой означает ущербного мужчину. Эта поделка должна была составлять Адаму компанию, подчиняться ему и молчать, пока ее ни о чем не спрашивают.

И вот Бог-творец водворил эту первую пару людей в райский сад, называемый Эдем. Здесь царил покой и блаженство, и лев ложился рядом с ягненком, и лиса состояла в дружбе с курицей. И вот на седьмой день Бог прилегал отдохнуть, это был как раз седьмой день, ему хотелось провести выходной так, чтобы его, Бога ради, никто не тревожил.

Обстановка в раю была райской, но злой дух не был бы злым духом, если бы не воспользовался тем, что Бога одолела дремота. Он тут же превратился в пеструю такую змейку и, пресмыкаясь, вполз в рай, где Адам безмятежно дрых, в то время как творение по имени Ева с любопытством озиралось по сторонам, поскольку было женщиной.

И тут Ева видит в кроне дерева познания такого яркого гада, а тот виляет-извивается по ветвям, а в пасти держит роскошное яблоко. Ну, продолжение всем известно. Однако же в некоторых апокрифах упоминается не яблоко, а некий продолговатый предмет, который якобы был в пасти у змея. Причем с одного конца этот предмет дымился. Как бы то ни было, Ева предалась греху первая и втравила в него Адама. И тут является разъяренный херувим с огненным мечом и сталкивает сначала бесстыжего змея в адскую пропасть, а затем выгоняет человеческую парочку из рая. Конечно, Адам попытался выкрутиться, вопя: «это она мне дала, это женщина виновата!» — но... не помогло. И были они изгнаны в долину слез, и пришлось им и их потомкам делать все в поте лица своего. Из тех же источников следует, что с тех пор в раю повсюду развешаны таблички с перечеркнутой сигаретой и надписи: «У нас не курят!», а на вратах рая имеется вывеска о том, что курильщикам и собакам вход воспрещен.

Сатана, разумеется, пришел в полный восторг. Он злорадно хохотал, и на поверхность земли пробивались все новые и новые вулканы и сероводородные источники, из которых с веселым шипением вырывался ядовитый пар. Кроткие доселе динозавры, плеврозавры, бронхозавры и прочая ползучая тварь стали превращаться в грозных драконов, ибо они регулярно ходили подышать вулканическим дымом и сернистыми вы-

бросами, а потом всю эту гадость изрыгали с языками пламени на людей. Какое мнение сложилось с той поры у человечества о драконах, объяснять не надо. Вполне заслуженное.

Ведь дракон — это один из наиболее древних продуктов зависимости от курения. Совершенно асоциальное существо, наглое и не обладающее культурой чувств. Мало того, что эти гады морили едким дымом всяких там зайчиков-зверюшек, так нет, они все чаще набрасывались на юных дев человеческих, одурманивали их своим дыханием, а потом с наслаждением поедали. Уже и тогда среди людей выискивались герои, которые и сами были не прочь заполучить ту или иную красоту, и вот добирался такой молодец с палицей до драконовой пещеры. И случалось порой так, что дохнет на него дракон дурманом раз, дохнет другой да третий, а потом стоит этот герой и ждет-пождет четвертого, пятого раза, и уж не помнит, почто пришел. И как бы горько ни рыдала девица в драконовом логове, но дракон огнедышал, молодец ловил кайф, а история знай себе шла вперед.

Но и девы в те времена тоже разные бывали. Так, например, те, которых дракон не употребил, все же чувствовали себя опозоренными и, прижав к своей девичьей груди четки, подаренные матерью, бросались в пропасть. Но был и целый ряд таких, к стыду которых следует признать, что им разные там драконовы штучки пришлось настолько по нраву — а в особенности его дыхание, — что жить без всего этого они уже не могли. Излишним будет упоминать о том, что святой Георгий один лишь только раз прибыл вовремя, чтобы отбить невинную царевну, перед самым «вот-вот», и то вопрос, а не запрочилась ли бы сама царевна впоследствии обратно, к дракону, потому что у святости есть одна отрицательная черта — если в ней пребывать слишком долго, то это становится утомительным.

К счастью, все эти перепончатые чудища продержались не так уж и долго. Они были достигнуты неминуемой судьбой курильщиков — их изрубили на мелкие кусочки. Атмосфера очистилась, большинство вулканов худо-бедно угомонилось, а у девушек с годами

прибывало ума, они становились верными женами, матерями и тещами, при этом последние утоляли свои порочные желания, и в особенности желание почесать язык, жуя корешки аира.

Но не надо думать, что при всем при этом дьявол там, в аду, сладко спал-почивал. К нему тоже относится известная поговорка про вороватого кота, от которого прячь подальше кринку, особенно когда он дремлет. И вот эта скотина, смежив вежды, тем временем раздумывала, как бы сгрести весь мир под свою сатанинскую власть. И придумал. На этот раз он выбрал для эксперимента часть света, населенную языческими племенами, и там заронил семена чертова зелья. Как и любая сатанинская трава, этот вид замечательно прижился и быстро ширился. И поскольку язычники, как это водится, в особенности восприимчивы ко всему дурному, они начали это зелье жевать, готовить из него дурманное варево, жечь его и всасывать в себя через тростинки его дым.

Затем, где-то в конце пятнадцатого века, некий честолюбец по имени Колумб поплыл через моря-океаны открывать Америку. Открывал он ее, значит, открывал, как вдруг плюхнулся прямо в самую гущу индейских туземцев, и что же он видит? Сидят они себе и выдувают какие-то сизые облачка из таких тонюсеньких трубочек. А поскольку юноши по своему характеру весьма сходны с представителями собачьей породы терьер, которые суют свою морду в любое постороннее им дело, то и Колумб не смог удержаться от того, чтобы и самому не попробовать этот пресловутый табак. В том-то и была его беда, равно как и горе многих последующих поколений. Потому что его последователи, которым он хвалился своим новым открытием, тоже не смогли устоять перед табаком. Они все чаще посещали Американский континент с благим намерением осчастливить несчастных дикарей плодами высокоразвитой европейской цивилизации, а именно шнапсом и светом истинной веры, попутно направо и налево рубя хозяевам головы и вывозя их серебро, золото и самоцветы. А если твердолобые индейцы противились крещению или полагали, что такая штука может даваться даром,

то они жестоко ошибались. В данном случае белым завоевателям пришлось втолковывать им, что бесплатных благословений не бывает, и плату они при этом взимали по своему произволу. Ведь дикари слишком медленно приходили к пониманию того, что серебро и золото способны лишь создавать проблемы и причинять зло, поскольку они самому дьяволу дают власть над бессмертной душой человеческой. Но язычники порой бывают невероятно упрямы и себе на уме, и плевать они хотели на миссионерские обещания райской жизни после кончины. Случалось им и весьма неучтиво снимать скальпы с голов отдельных миссионеров, и это вместо того чтобы примириться с тем фактом, что богач и есть тот самый верблюд, который лезет сквозь игольное ушко в царство небесное. Все это уже не было ни на что похоже, и у большинства индейских недоумков до сей поры нет четкого представления о верблюдах; некоторые из них и сегодня связывают это понятие с надписью «Camel» на сигаретной пачке.

Одним словом, сатана довольно потирал руки и раскатисто хохотал каждый раз при виде очередного полощущегося на ветру скальпа бледнолицего. Однако же и он вскоре хорошенько получил по мордасам от тех же самых доблестных европейцев, которые всю эту языческую гадость, всех этих непристойных золотых идолов, да еще колечки, колье и другие примитивные побрякушки, увешанные рубинами и аметистами, сапфирами и смарагдами, наконец-то поместили в надежное и надлежащее место, а именно — в сокровищницу самого папы римского, где они пребывают и поныне, аминь.

Ну а поскольку, как об этом уже упоминалось, этой отъявленной индейской шушере не было свойственно ни малейшее чувство благодарности к белым благодетелям, равно как и желание проявить элементарное радушие и уступить им свою территорию, то слово вновь взяли сабли, ножи и мушкетеры. Таким образом, именем Божиим пришлось пролить немного крови, чтобы одержало победу благое дело христианства, которое помогло собрать индейцев в безопасном месте, в этих прекрасных и гостеприимных резер-

вациях, где они проживают и по сей день, и забот не знают, и в ус себе не дуют.

Но сатана, разумеется, никогда не унимается — на то он и сатана. Под оглушительный набат колоколов на звонницах соборов, возведенных на фундаментах бывших языческих храмов, сей благословенный дым возносится из кадил ввысь — однако это совсем не тот дым, не услаждает он обоняния дьявола, и тот когтями затыкает себе остроконечные уши и твердит: «Ну, погодите, голубчики, уж вы у меня дождетесь...» И голубчики дождались.

Дело в том, что голубчики и сами вдыхали тот злополучный табачный дым, что курился из индейских трубок мира... или совсем наоборот. Таким образом, вначале было отчасти пассивное, отчасти активное курение. Так, некий сеньор Гарсиа Гомес Гонсалес де Толедо, устав подбирать те крохи, которые представляли собою клады инков, майя и ацтеков, где-то там в Мексике забрел во дворец великого вождя Монтесумы. Монтесуму не случайно изображают в виде змеи-убийцы, которая колдовски обросла перьями, с тем чтобы выдать себя за голубя мира. Хитрый Монтесума, страстный курильщик, раскидал по всему дворцу едва начатые пачки сигарет, подле которых руке навстречу тянулись золотые зажигалки, инкрустированные драгоценностями, а дорогостоящих пепельниц вокруг было и не счесть. И не удивительно, что доверчивый юноша Гарсиа Гомес Гонсалес де Толедо вскоре беззаветно предался этой привычке. Он-то думал: а что в этом такого?.. Устрашающих белых халатов тогда еще и в помине не было, равно как ни обществ противников курения, ни различных клубов по отваживанию от дури, а до этого самого закона, который подкаблучниками всего мира был столь молниеносно принят, было еще ой как далеко. Итак, Гарсиа Гомес Гонсалес де Толедо радостно курил, вдыхал, обонял, жевал и хлебал ядовитое табачное зелье, и когда его белые друзья гостили у него во дворце этого злокозненного Монтесумы, то мерзкое пристрастие овладевало и ими. В конце концов зелье было занесено в Европу, и некоторые несознательные люди стали его сажать, растить

и множить. К тому же вдруг появились слухи, будто бы табак лечит множество болезней.

Кстати сказать, легковверный Гарсиа Гомес Гонсалес де Толедо весьма трагическим образом и сам стал жертвой табака. Как раз в тот момент, когда он склонил свою кудрявую голову к зажигалке, от которой прикуривал, эх, последнюю сигарету в своей жизни, вдруг раздалось: вжжжик! Это подлый Монтесума отрубил ему кучерявую башку, старательно упаковал ее и еще тепленькую послал в Европу по адресу невесты Гомеса — Исабель де Соуза. Вскрыв обертку и обнаружив голову милого, да еще с сигаретой в зубах, девушка издала душераздирающий вопль и упала в обморок. Когда ей распустили корсет и дали понюхать солей, она присмотрелась и увидела, что сигарета вправлена в мундштук из чистого золота и украшена топазами. Лишь это дало ей сил пережить шок, но радости она больше никогда в жизни не познала.

С тех пор табачный дым стал коптить европейский воздух, белые шторы, вязаные салфеточки и розовые легкие ни в чем не повинного населения. И тогда на придворном балу появилась графиня, которую звали Эдельтрауде Руффе. Весь вечер прогустила она в углу залы, нервно обмахиваясь веером из страусиных перьев, потому что никто не хотел идти с ней танцевать: все ее лицо, шея и грудь были покрыты преотвратными лишаями. Те, кто знал ее поближе, утверждали, что такими же лишаями она пошла везде-везде. И этот косметический дефект доставлял бедной Эдельтрауде массу страданий, кроме того, ее мучил невыносимый зуд по всему телу, и она весь день напролет чесалась специальным скребком. Понятно, что женихи не очень-то стремились просить ее руки.

Она же долго дождалась того, кто мог бы оценить ее внутреннюю красоту, потом отчаялась и решила уйти в монастырь святой Куммернис. Там, в монастыре святой Куммернис, было возрадовались, поскольку мать-настоятельница понимала, что девушка сия вольется к ним со своим нешуточным приданым. Но именно в то самое весеннее утро, когда Эдельтрауде собиралась вверить свое девичество жениху небесному, нечи-

стый в своем подземном логове приоткрыл один глаз.

Он направил к Эдельтрауде Руффе своего посланника, хитроумного кривоногого чертяку, облаченного в лекарский халат. Тот нашептал ей на ухо, что недуг ее не есть неизлечим. Эдельтрауде отстранила от уха кружевную белую вуальку и прислушалась. Просто нужно три раза в день омываться табачной кашицей, шептал ей злой дух, и кожа за неделю станет чистой и гладкой, что твоя роза. При этом якобы полагается каждый раз произнести: «do ut des»¹, трижды сплунуть через правое плечо и добавить: «do ut facies»². Эдельтрауде унеслась в свои покои и стала лечиться так, как ей было подсказано. При этом бедняжка, разумеется, без задней мысли проговаривала сии кошмарные слова, тем самым вручая свою душу дьяволу. Она и впрямь весьма скоро исцелилась и засверкала во всей своей графской красе, при этом совсем забыв о своем обете монастырю святой Куммернис. К ней теперь сватались самые красивые и богатые женихи, и в конце концов она вышла замуж за видного из себя военачальника. И была у нее целая куча дочек, одна другой краше, и кожа у них была просто загляденье, потому что мамаша с детства ополаскивала им личики табачной жижей. Излишне упоминать о том, что вся семейка этого воеводы курила как заведенная, так что слуги едва успевали опорожнять пепельницы. Вследствие этой более чем странной истории графские потомки чуть ли не все состояние выложили за индальгенции, чтобы вызволить родные души из чистилища, а один из отдаленных отпрысков жив и по сей день и возглавляет весьма продвинутое общество борцов с курением; за всю свою жизнь он ни разу не попробовал сигареты, однако унаследовал от своей прапрапрабабки тот неотвязный лишай. Но разве это помеха — он-то понимает, что о человеке судят по его внутренней красоте. Кроме того, он и сам женат на особе, которую вряд ли стоит при свете дня выпускать на люди.

Но если бы только Эдельтрауде Руффе! Таких псевдоисцелений сатана подстроил по Европе целую кучу. Некий Йиндра из

Смрдовлиц, что в Чехии, лавочник по роду занятий, выращивавший репу, иначе именуемую брюква, чудесным образом излечился от заикания, употребляя табачную настойку, и с тех пор на базаре громко и внятно воспевал свою брюкву. Люди ее старательно скупали, Йиндра быстро разбогател, четверо его сыновей смогли выучиться и стать врачами. Все четверо успешно лечили народ вытяжками из сока табачных листьев, а один из них особо прославился тем, что в качестве средства от заложенности носа выдувал в лицо человеку целую горсть нюхательного табаку. Очнувшись, пациент еще целый месяц с легкостью сморкался в щепоть или в рукав, а также громко чихал прямо в лицо своим ближним, за что те его любили еще крепче. Старик Йиндра со всем своим семейством тоже прожил жизнь завязанного курильщика, внося свою лепту в загрязнение окружающей среды, свидетельством чего могут служить закопченные фасады домов той эпохи.

Табачная чума неумолимо разрасталась. Ни с того ни с сего в середине шестнадцатого века некоему английскому сэру Ралефу втемяшилось в голову отправиться в Северную Америку и там основать первую английскую колонию. Сказано — сделано, поехал он, и колонию основал, и назвал ее в честь своей королевы Елизаветы, которую с целью сокрытия ее сомнительных шашней прозвали «королевой-девственницей». Сэру Уолтеру сия дева, видимо, так запала в сердце, что с тех самых пор этот край прозывается Вирджинией; табаку там посадили немерено и, конечно же, припахали к обработке широко раскинувшихся табачных плантаций привезенных издалека негритянских рабынь, с которыми обращались примерно так же, как противники табака хотели бы обращаться с нами, курильщиками. Но, как уже говорилось, девы еще со времен драконов были всякие, и одной из таких была как раз королева Елизавета-Вирджиния. Она совсем не стеснялась сунуть себе в рот чертову сигарку и презрительно выпустить прямо в лицо сэру Уолтеру в самом буквальном смысле королевское облачко дыма. И, как свирепо ни щипала ее за локоть приближенная фрейлина леди Гризельда, результатом

было всего лишь то, что королева немедля ввела в моду платья с широкими рукавами на плотной подкладке, так что придворной даме ущипнуть ее уже было не за что. Бедняжка стала хиреть и таять, и виною тому были не только непробиваемые рукава королевы, но и то пассивное курение, которому Гризельда непрерывно подвергалась, находясь рядом; короче говоря, неким серым утром леди, хрипло кашляя, отдала концы на заре своей семидесятой весны. Исторические документы утверждают, что бесчувственная королева на похоронах своей фрейлины не пролила ни слезинки и при этом нон-стоп курила, а после загасила окурков о Гризельдин надгробный камень.

За всеми этими бесстыдствами уже довольно долго наблюдал со стороны зловещий зритель, помечая в своем блокнотике то, что ему могло бы пригодиться в дальнейшем, когда взбалмошную Елизавету приберет к себе черт, а он займет королевский трон. Этот тайный недоброжелатель был не кто иной, как принц Яков, действительно унаследовавший трон в начале семнадцатого века. Уже на церемонию коронации принес он кондуит Елизаветинных грехов и в первое утро своего владычества издал строгий закон, запрещающий потреблять табак в какой бы то ни было форме. Из дворца сразу же исчезли все пепельницы, а на каждом столбе, столбике, на воротах и дверях, на окнах и бойницах им были собственноручно расклеены флаеры с перечеркнутой сигаретой и надписью: «У нас не курят».

Он решил также написать книгу, и она была написана. А поскольку он был королем, то ее тут же издали и снабдили самыми хвалебными рецензиями. И вот что пишет доблестный король Яков Первый:

«Курение — это привычка, мерзкая глазу, невыносимая обонянию, вредная для желудка, опасная для мозга и легких; черный, смрадный табачный дым — не что иное, как исчадие адовой пропасти». А поскольку наиболее ретивые противники женского племени искони прикрываются собственной о нем заботой, то и он выразил обеспокоенность тем, чтобы сей гнусной привычке не поддались слабые женщины — они, как известно,

гораздо восприимчивее ко всякой дряни. А ведь это может повлечь за собой самые скверные для них последствия, ибо «кому же захочется взять в жены столь дурно пахнущую женщину».

Но книга его была далеко не самым страшным наказанием. Яков ввел все мыслимые и немыслимые санкции. У курильщиков перво-наперво отбирали имущество, затем некоторые из них навсегда выдворялись за пределы страны, а остальных заточали в тюрьмы, пороли, четверговали, кроили из их спин ремни, резали им носы, усекали головы — одним словом, для борцов с курением настали золотые времена. Умы всей Европы стали подвергать курильщиков истовым гонениям. В Германии некий прославленный ученый муж написал, что эти несчастные «разводят у себя во рту и в гортани очаг, на котором воскуряют фимиам дьяволу», а в Швейцарии и вовсе решили, что перед лицом Божьим курение сигар есть такой же грех, что и прелюбодеяние — и это задолго до приключения Моника Левински.

Время барочного расцвета принесло новые цветы зла. Немало прилежных студентов наивно полагают, что великий Мольер был гением; на самом же деле это был совершенно отъявленный тип, и не только потому, что не гнушался таким недостойным делом, каким был и по сю пору остается театр. Самым вопиющим был тот факт, что Мольер курил все, что ему подворачивалось под руку, — трубки, сигарки, самокрутки, жевал омерзительные табачные катышки и оплевывал вонючим жмыхом все вокруг себя — да так, что порой летело и на дамские кринолины. Он нюхал табак и чихал собеседнику прямо в глаза! К тому же он написал аморальнейшую пьесу «Дон Жуан», где возмездие настигает главного негодяя лишь на исходе целого вечера разврата, и то потому, что мертвый Командор восстал из гроба, разбуженный отвратной табачной вонью. Он восстал и даже, более того, ожил в той степени, кою странно ожидать от покойника, если только он не был всю свою жизнь убежденным противником курения. И тогда он сцапал Дон Жуана и закинул ему в глотку тот самый косяк, отчего герой и

задохнулся, сиречь был низвергнут в черную дыру преисподней — есть от чего воспрянуть публике при этой сцене! И не надо думать, что его подручный, эта сволочь Сганарель, был сколько-нибудь лучше! Уже в первой картине первого действия этой гнусной пьесы Сганарель — ха, держа табакерку в руке, выдает: «Что бы ни говорил Аристотель, да и вся философия с ним заодно, ничто в мире не сравнится с табаком! Табак — это страсть всех порядочных людей, — утверждает этот мерзавец, — а кто живёт без табака, тот, право, жить не достоин. Табак не только дает отраду человеческим мозгам и прочищает их, он наставляет души на путь добродетели и приучает к порядочности. И если уж кто нюхает табак, — продолжает свой треп Сганарель, — с какой предупредительностью он угощает им и с каким радушием предлагает его направо и налево! Тут даже не ждешь, пока тебя попросят, ты сам спешишь навстречу чужому желанию, — вот каким порядочным и добродетельным становится всякий, кто нюхает табак!» А какие камни он бросает в огород стоической доньи Эльвиры, которая докучает его хозяину просьбами избавиться от табачной зависимости: дескать, от ее приезда в этот город будет мало проку, и лучше бы ей было не двигаться с места!

А клубок истории все катился и катился, по пути разматываясь. С момента введения табачной монополии гонения на курильщиков с поразительной быстротой улеглись, и беспокойство за них — тоже. Конечно, безграничное презрение, которое некурящие не скрывают от дымящей швали и ныне, осталось, но привычка рубить головы и четверговать сошла на нет. Многие об этом сожалеют, но старых добрых времен так сразу не возродить... Хотя... как знать.

Но уже и в те времена не обошлось без досужих добрых душ, которые пытались спасти людей от табачной напасти. Ясно — какой хозяйке приятно обнаружить окурков, запеченным в штруделе или засунутым под подушку. Кроме того, табак был отнюдь не дешев, и на добытые нечеловеческим трудом деньги можно было купить что-либо гораздо более полезное — например, новую ленточку на чепец или, скажем, щипцы

для завивки. Сначала дамы пытались разобрататься по-хорошему — ведь и курильщику рублишь голову только раз, после чего ты уже вдова. Посему они слушались советов разных знахарей и ведуний, утверждавших, что если подмешать в табак измельченные волосы, ногти и сушеный птичий помет, то результат гарантирован. Курильщикам добавляли в суп толченых слизней, семена паслена, тараканов, малафейку и тому подобные панацеи, но ничто не помогало — дымилы продолжали дымить и осквернять окружающую среду. Тогда родилась песенка, впоследствии ставшая шлягером и таковым остающаяся. Она проста: «А может, хватит?» В первом варианте она звучит так: «А может, хватит столько курить?», а во втором — «А может, хватит курить?» Исполняется порою тихо и нежно, возвышаясь местами до оглушительного визга. Однако в двадцатые годы двадцатого века, несмотря на все противодействие, началось именно то, чего так боялся заботливый монарх Яков Первый, а именно: массово стали курить женщины.

Первая волна этого ужаса захлестнула мир на рубеже веков, одновременно с нашествием своевольных суфражисток, которые, прикрываясь борьбой против нищеты рабочих окраин, просачивались во все поры жизни общества. Не вынимая из клюва сигарки, они чирикали о неких неслыханных правах, которые якобы полагаются их «слабому полу». Мотались с дурацкими плакатами, раздавали бесстыдные листовки и гоняли на велосипедах, отринув при этом корсеты и накрахмаленные нижние юбки. Женские добродетели стали истаявать, как снег на солнце. Ни с того ни с сего женщин вдруг начало возмущать, если их кто вдруг изнасилует или даст им в глаз, пусть даже в воспитательных целях. Женская скромность и милая застенчивость погрязли в разврате — женщины вздумали даже учиться наравне с мужчинами, разглагольствовать о своих избирательных правах, что раздражало мужчин все сильнее. Когда же эти профурсетки среди бела дня стали появляться в общественных местах в брюках, терпению мужчин, дорожащих честью своих жен и дочерей, настал предел. В святом гневе они спихивали негод-

ниц с тротуара, вlepляли им пощечины, плевали в лицо и могли дать локтем под дых — в полной уверенности, что так этим мерзавкам и надо, чего те и добивались. Однако должного действия все это не возымело. На свет народилось новое поколение дерзких девиц, которые, справедливости ради скажем, хотя и далеко не все курили, но обладали целым набором иных противных качеств, свойственных курильщикам. Некурящие, они, однако же, не махали рукой перед носом, когда в их присутствии курил кто-то другой. Совсем наоборот: они не брезговали целоваться с курильщиками, если не сказать больше. И даже не заводили известную песенку — «А может, хватит?» — по крайней мере до свадьбы. Юные сумасбродки наряжались в короткие юбки и платица-размахайки и так коротко стриглись, что были похожи на задиристых мальчишек, причем так же себя и вели. Совершенно не стыдясь, под ритмы чарльстона, вихляли на танцах своими тощими попками, а их плоские торсы ну никак не сулили, что эти будущие супруги с доблестью проявят себя в деле деторождения и грудного вскармливания. Печально и то, что почти неизменным атрибутом их гардероба стал папиросный мундштук. Торговля мундштуками процветала, ибо новоиспеченные ветреницы завели обычай дарить друг другу дорогие мундштуки из янтаря в серебряной филигранной оправе. Общество в полном составе задыхалось в сигаретном дыму, клубы которого вились из разных трубок, козых ножек, сигар и сигарилл. Все больше народу курило, и если бы оставались в силе строгие законы короля Якова, палачам пришлось бы вкалывать денно и ночно, и то вряд ли успелось бы всех обезглавить, даже с помощью гильотины. Служители культа — и те не устояли перед пагубой, ну, может быть, за исключением монахинь; рассказывали даже о священнике, который ужасно спешил поскорее закончить проповедь, ибо непрестанно помышлял о затылке, и, провозглашая «*ite missa ist*»³, одной ногой стоял в ризнице, а в другой руке уже держал зажженную сигарету.

Тем временем в недрах земли сатана ликовал, и сердце его пело. С его легкой руки в мире плодились публичные дома — в горо-

дах и весях, в селах и поселках. В притонах много пили и курили, о прочем умолчим. Да, и деревушки с гераньками на окнах не обошла эта чума, с той лишь разницей, что тут в основном происходила мена в скирдах и на сеновалах — женский пол оказывал услуги за корзину груш или ведро посевной картошки. Неудивительно, что сгорело столько сеновалов и сараев, амбаров и стогов — ведь непристойности всегда сопровождаются курением, особенно когда после сделанного дела истомленная парочка решает выкурить по одной, и тлеющий окурочок сам собой выпадает из безвольных пальцев.

Грязные делишки блудниц вообще всегда были тесно связаны с курением; разумеется, и с потреблением спиртного, однако всегда считалось, да и в наши дни продолжают думать так же, что пьянство — куда как безобиднее. Известно ведь, что именно курильщики, обуянные никотином, разрушают свои семьи и зверски измываются над своими слабосильными женами и детьми, и только очень храбрая теща способна завести то самое: «А может, хватит?» Курильщик рассказывает скабрёзные анекдоты, бьет посуду, матерится, пускает на ветер деньги своих родных, прожигает ковры и мягкую мебель, запугивает детей, хлопает дверью и изменяет жене. И это не удивительно, потому что в этом нашествии зла мало кому дано распознать дьявола, который в двадцатом веке уже вполне свободно появлялся на земле, зачастую в обличье густо накрашенной грудастой шлюхи, которая стоит себе на тротуаре в своей куцей юбке и подмигивает семьянину: огонька, мол, не найдется? Стали распадаться семьи. Известны случаи, когда муж на ночь глядя отпросился у жены в ларек за сигаретами, и только его и видели. Известны также случаи, когда видные чиновники, наврав жене, что у них завал работы, на самом деле валялись где-то там с какой-нибудь курильщицей. Женщины в брюках уже давно привыкли безбоязненно показываться на улице и даже в церкви, закуривали в общественных местах, при этом курили даже беременные и кормящие матери, и у них рождались анемичные, низкорослые, скукоженные дети, которые потом не могли

угнаться за своими здоровыми сверстниками ни на уроке математики, ни на занятии по физкультуре. Курили популярные актрисы, становясь от этого все уродливее. Злобный взор Тед Бейр разоблачал в ней курильщицу; Марлен Дитрих, с ее низким голосом и в мужском костюме, вызывала у приличных людей серьезные подозрения — уж не мужик ли это; Цара Леандер — отталкивающе длинные ресницы и никотиновый блеск в опущенных глазах — хрипела свои поганые шлагеры типа «*Da nehm' ich meine kleine Zigarette*», и все они густо красили губы, чтобы скрыть характерную мертвенную никотиновую синеву и загубленную, иссушенную кожу, которая от прикосновения готова растрескаться, как сухарь.

Деятельность сатаны обрела размах. Бог там, наверху, был уже сильно в летах, устал и уже не мог с ним совладать, а посему адской твари было раздолье. Первая мировая война — дело рук дьявола, хотя бы потому, что производство и потребление сигарет в тот период сильно выросло. Солдаты курили как оголтелые, нехорошие женщины, которые следовали за ними, не упуская случая заняться своим грязным ремеслом, — разумеется, тоже. Солдаты меняли на сигареты последний кусок «черняшки», последнюю портянку, обручальное кольцо. Курение стало всеобщей модой, особенно после войны, и нет ничего странного в том, что мир продержался недолго — да и какой это был, собственно, мир? Под невыносимый грохот джаза, в душливых клубах сигаретного дыма вызревали семена следующей мировой войны, в период которой табакокурение превратилось в культ. По всей планете курили, коптели небо. Курили русскую махорку, азиатские и турецкие трубки и кальяны, китайские ли-чанкунки, скандинавские линдстромовки и, естественно, самую разнообразную северо- и южноамериканскую дрянь. Параллельно росло число автомобилей, а вместе с ними и аварийность, потому что шоферы курили за рулем и, одурманенные никотином, сносили фонари и углы зданий. После войны люди все чаще путешествовали автобусами, в которых нещадно курили как водитель, так и пассажиры, и аварии, когда

шофер «по неизвестным причинам» вдруг сворачивал вбок, были нередки. Курили машинисты на паровозах и пассажиры в вагонах, где жалкие таблички типа «купе для некурящих» призваны были хоть как-то ограничить никотиновую экспансию. Естественно, поезда довольно часто сходили с рельсов. Ритуальные бюро процветали, как никогда прежде, кладбища разрастались, люди курили на похоронах и на поминках, курили при прочтении завещаний, на встречах, заседаниях, в учительских, в кулуарах, в больницах, поликлиниках и приемных покоях. Семьи трещали по швам, разврат стал явлением повсеместным, распадались счастливые браки и от непотушенной сигареты вспыхивали лесные пожары. Сатана торжествовал, Бог был погружен в дрему. Его ангель-осведомители сами предавались грешной забаве, а их серебристо-белое оперение желтело, серело, они становились все рассеянее и забывчивее и не доносили в небесную канцелярию даже десятой доли того, о чем надлежало донести; ангель-хранители курильщиков тоже выпускали сигаретный дым за спиной своих подопечных, а их золотые кудри стремительно осыпались, очи тускнели, губы истончались и приобретали синюшный оттенок — в общем, облик ангела-хранителя с вылезшими перьями, желтыми пальцами, потрескавшимися обкусанными ногтями и лысым черепом, в заляпанном вонючем облачении, стал картиной привычной. Немало хранителей подпало под сатанинскую власть, и они по всему миру вытворяли такое, о чем и говорить-то неловко; достаточно сказать, что в этом всеобщем разврате и неслыханно грязных похождениях они далеко превзошли своих сверстников-людей.

Однако нельзя утверждать, что все эти ужасающие эксцессы были скрыты от ока Божьего, ведь не весь же штат ангельской разведслужбы поддался дьявольскому воздействию, ведь кто-то же рапортовал Богу о таких вещах, что Ему просто не верилось. Наконец око Божье засверкало в праведном гневе, едва не разнеся на куски тот треугольник, в который оно было вправлено. И — гляди-ка! — затрубили фанфары: «Горе тебе, род человеческий, ежели ты не преоб-

разишься!» И — ишь ты! — не заставили себя долго ждать землетрясения да наводнения, и великий огонь прошел по земле, и уже близилось новое тысячелетие, возвещая конец сатанинской власти над родом человеческим. «С болью и скорбью поражу Я тебя, ничтожное племя!» — гремел повелитель ангельских сонмов, вспомнивший, что некогда он именовался Иегова, бог ревности и мести, с которым держи ухо востро, особенно если ты дьявол.

Сатана заподозрил неладное и притих. А человеческий род спокойно продолжал забавляться. Курильщики все так же курили, заполняя больницы и пробивая брешь в больничном бюджете. Вследствие потребления никотина образовалась такая гора трупов, что закапывать их было уже некуда, тогда их стали массово сжигать, так что дымили теперь еще и крематории. Металлические урны с пеплом усопших зарывали в прелестные маленькие ямки, но, несмотря на это, жертв становилось все больше и больше. Население росло-таки, несмотря на серьезную обеспокоенность падением рождаемости. Ангелов-хранителей на всех не хватало. Те, что во времена хищии, презрев свое ангельское происхождение, обкумаренные, помогали лукавому гробить здоровье землян, уже давным-давно обратились в космические помои, вместе с мешками, образовавшимися у них под глазами; выжившие стали кинорежиссерами, поэтами и тому подобной прощайшей шелупонью, как в физическом, так и в духовном смысле.

Итак, дети человеческие низвергались в пропасть, утопали в реках, вышедших из берегов, заживо горели в самолетах, причем лишь из-за того, что один из придурков во время полета вздумал покурить в туалете. А так как курильщики беспечно игрались еще и с атомной энергией, то вскоре радиоактивным излучением была заражена вся планета, причем в такой степени, что это можно было бы с некоторым преувеличением сравнить с табачными выхлопами отдельных субъектов, всех вместе взятых. Курильщик за рулем стал воплощением смерти на колесах, ведь безьянного курящего шофера, одурманенного никотином, не заботит, сколько тысяч

беспомощных, истекающих кровью жертв он оставляет за собой на асфальте. Ангелы-хранители — они ведь не в силах размножаться так быстро, как диктуют потребности, а те, кто уже несет свою миссию, слишком поглощены тем, чтобы хоть как-то защитить некурящую публику от дьявольского отродья. Хотелось бы, чтобы к каждому ребенку был приставлен хранитель, но пацанята, которые тянут ручонки к папироске, воспитаны в духе прямооты и чистосердечия, а посему бездумно обзывают своих ангелов никчемной пернатой дичью, а когда один особо сердобольный ангел попытался крылом своим выбить из руки семилетнего мальчонки сигарету, тут же за это и поплатился: малец выдрал из него целый клочок перьев и на масленицу изготовил себе индейский карнавальный костюм.

Примерно то же происходит и с заботливыми родителями. Толпы добрейших психологов и горы современной педагогической литературы убедили взрослых в том, что дитя, недополучившее любви в раннем возрасте, обретает травму на всю жизнь. То есть если ребенок не будет уверен в собственной ценности, то рано или поздно захочет компенсироваться, даже если для этого придется поколотить мамочку. Поэтому ему уже сейчас нужно давать все, что он пожелает. Что родители и делают, поднося своему чаду все блага на тарелочке с голубой каемочкой.

Разнообразные добрые феи, Николы-угодники и Дедушки Морозы наконец-то сообразили, что пора шагать в ногу со временем, — и с каждым годом наваливают на себя все более увесистые мешки с подарками. Но что делать, если в этих мешках нет ни мотоцикла «Ямаха», ни чека на миллион, ни пакетика героина — не говоря уже о пачке сигарет! А ребенку грозит душевная травма. Он грустно чахнет над дорогими игрушками, в то время как родители упрекают себя в том, что не уделили малютке должного внимания, ибо не смогли в достаточной мере продемонстрировать ему, насколько он им дорог. Есть, конечно, и такие болваны, недостойные быть родителями, которые запрещают своему бедняжке то и это, рискуя тем самым затормозить его эмоциональное развитие.

Чаще всего такое поведение наблюдается в среде заядлых курильщиков, и вряд ли это странно, ведь никотин в такой степени лишил их человеческого облика, что они строго-настрого запрещают своему ребеночку прикасаться к сигаретам, вместо того чтобы самим «завязать» с этой чудовищной привычкой. При этом им невдомек, что, изрекая такой категоричный тезис, как «сигареты — не для детей», они уже этим наносят незаживающую рану неокрепшей детской психике. Откуда им знать, что из поля зрения ребенка всенепременно следует убрать то, что может ему повредить — даже холодное оружие, или там бутылку виски, или, например, порнографические картинки — не то что сигареты! Поэтому единственно правильный шаг — это ввести запрет на рекламу табачных изделий. Хорошо бы, если бы наши детки вообще не знали о существовании сигарет, чтобы те не попадались им на глаза, чтобы ребятишки и ведать не ведали, что с ними вообще делают. Ведь тупорылым родителям-курильщикам не понять, что детей надо слушаться и удовлетворять все их требования. И ведь это так просто — чего ребенок не видит, того он и не просит, а значит, долой сигареты! Курильщик просто обязан бросить курить и прибегнуть к утешению шоколадкой, леденцами или семечками. И милости просим их, упитанных и здоровых, переступить порог Нового года, года без сигарет, чистого, непорочного и счастливого.

Да. Легко сказать. Но там-то, в преисподней, черт коварно лыбит свою мохнатую морду. И мы, слабые, робкие, слишком морально неустойчивые для того, чтобы выйти из-под его власти, знаем, почему он осклабился. Он ухмыляется каждый раз, когда мы склоняемся к зажигалке, как тот несчастный сеньор Гарсиа Гомес Гонсалес де Толедо, — словно склоняем главу пред властителем зла. О, как часто он ухмыляется, нечисть поганая, и эта ухмылка не предвещает человечеству ничего хорошего. Конечно, он ликует и когда видит, что кто-то напился «в хлам», ведь ему известно, что мы, люди, не соображаем, что алкоголизм не столь безобиден, как нам кажется, потому что именно в нетрезвом состоянии риск того, что ты по-

тянешься за сигаретой, существенно возрастает. Вот почему организации, выступающие против курения, не испытывают особого восторга при виде пристрастия человека к алкоголю, более того — порой они даже рекомендуют воздерживаться!

Всем нам знаком особый тип некурящего человека. Выпьет такой рюмку-другую — и ползет в чужой портсигар, лежащий на столе, даже если в нем есть всего одна сигарета. Прикурит, сделает затяжку, покрутит головой и тут же загасит эту самую сигарету — типа, «не идет что-то». Тогда-то и проявляется подлая натура курильщика. Вместо того чтобы порадоваться и похвалить человека, мы его браним. Вообще, для нас, курильщиков, это довольно характерно — обругать того, кто не желает нам ничего дурного. Не подумав, накинуться на свою собственную жертву, поддавшуюся на адов искус твоего открытого портсигара, который ты, выйдя позвонить, оставил на виду. Приходишь, намереваешься закурить — ан коробок-то пуст. И вместо того, чтобы воспользоваться удобным случаем и навсегда бросить курить, ты срываешь зло на этом несчастном эпизодическом курильщике. Вместо того чтобы сказать ему: какое счастье, что ты можешь обойтись без этого. Нет, ты призываешь его определиться, курит он в конце концов или нет, и пусть тогда купит свои, покуда не разберется. Впрочем, такие сцены разыгрываются лишь тогда, когда алкогольный дурман на миг помрачает сознание оступившегося и его способность к здравому рассуждению.

А вот вам пример госпожи Клофедр. Тут уж лукавому не до ухмылок. Эта дама пока что жива, здорова и довольна собой, если не считать ряда небольших мимолетных проблем, которые время от времени портят ей настроение.

Дело в том, что госпожа Клофедр имеет обыкновение внимательно читать все, что пишут в газетах. Увы, какое-то время назад она тоже курила и с некоторой обеспокоенностью читала материалы о вреде табака, о разновидностях рака дыхательных и прочих органов, вызываемых никотином, вникала в статистику, каждый раз зарекаясь меньше курить, и подруги ее, забежавшие к ней на

бридж или на кофе, мыслили аналогично, а именно — надо бросать, но все оставалось на своих местах, разве что иногда они баловались чем-нибудь ментоловым, дамским: дескать, это не так вредно и очищает дыхательные пути.

И вдруг госпожа Клофедр читает в авторитетном дамском журнале «Фрау им Шпигель»: курение выходит из моды, дорогие дамы! Дорогие дамы вмиг посерьезнели и задумались. А что, если это действительно так? И следующую сигарету прикурили, признаться, слегка нервничая. Но это было только начало. Потом они прочли в «Мари Луиз»: курят лишь представители низших социальных слоев. Дамы впали в панику. Такие статьи попадались все чаще, они были все резче, все непримиримее, пока наконец окончательную ясность не внесли анкетирование и подсчет. Сомнений больше не могло быть. Человек, который «при деле», не курит. Особенно дама — если только она не хочет, чтобы ее отнесли к низшему сословию. Госпожа Сильвия, как ее звали подруги, всерьез испугалась того, что вылезут на свет наконец некие подробности, связанные с ее происхождением: например, то, что матушка ее была вовсе не вдовой крупного промышленника или консультантом парижского модного салона «Эстель», а всего лишь скромной портнихой, которая в один прекрасный день тихо почилла на скамье в привокзальном парке.

Последней же каплей стал отчет одного частного статистического бюро на первой странице глянцевого журнала «Ди Розе», который затем был перепечатан и взят в рамочку местным «Фрауциммером», и вот что в нем было.

Курят преимущественно негры, мулаты, азиаты, евреи, цыгане — да и то самые нищие из них. Курят портовые грузчики, дальнотойщики, уборщицы, гомосексуалисты и проститутки. Die Noblesse raucht nicht⁴! Успешный бизнесмен в хорошо подбранном галстуке, с элегантно портфельчиком и чистыми ногтями табак не курит. Ну, может быть, пожевывает, когда никто не видит. Видные политики не курят. Мэры, столоначальники? Нет. Кардинал? Папа

римский? Aber Bitte⁵!!! Это оскорбление чувств верующих! Само собой, и творческие работники, чего-то уже достигшие, не курят, ибо им слишком часто приходится в целях саморекламы дышать нужным людям и их супругам прямо в лицо. А если кто посмеет дышать зловонным табачным перегаром в лицо своему будущему спонсору, авторитетному критику, держателю галереи, издателю бестселлеров — так с ним уже все ясно...

Нет, одним словом сказать, курение — это passé. Итак. Наши дамы совершили краткий и эффектный обряд, увенчав его распитием ликера и вишневыми пирожными, а именно — сообща повыбрасывали все оставшиеся у них сигареты и зажигалки, кроме тех, которые были не настолько дешевы, чтобы их нельзя было оставить на память, — все равно о чем. Госпожа Сильвия, разумеется, сохранила хрустальные и высокохудожественные пепельницы, чтобы помещать в них кольца, кулоны, монетки, шпильки и разрозненные сережки. А уж если эти дамы появлялись там, где курят, то тут же забивали все пепельницы яблочными огрызками, абрикосовыми косточками и конфетными фантиками, потому что с момента принятия сего драматического решения им приходилось то и дело что-то жевать.

Платья стали им тесны. Эх, зачем я постирала эту юбку — она так села! — сокрушалась фрау Клофедр, пыхтя и краснея при попытке застегнуть молнию. Какое-то время дамы еще пытались ободрить друг дружку, часто промеж них звучало слово *vollschlank*⁶, потом они стали ходить на фитнес, мухлевать при подсчете калорий, обжираться желатином, добытым из морских водорослей. Массажиста госпожи Сильвии через месяц изнурительной работы хватил удар — но ведь это оттого, что он иногда покуривал.

Довольно вовремя один популярный журнал, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, осчастливил дам блестящей колонкой «Dick ist schön». И все же госпожа Клофедр стала захаживать к психотерапевту. С ней стали происходить странные вещи. Каждый раз, становясь на весы, она будто бы слышит, как кто-то исподтишка, но непередаваемо злобно хихикает у нее за спиной. Бедная женщи-

на думает, что у нее пошаливают нервишки. Предупредительный доктор прописывает ей всевозможные таблетки и капли, на которые она подсаживается, а бесчисленные экстрасенсы и прочие личности, наделенные сверхъестественным даром, со всех расстояний посылают ей позитивные импульсы, космические магнитные излучения, налагают на нее руки и ноги... Дама регулярно посещает курсы различной степени восточности, где ей очищают какие-то там чакры, она распевает чудодейственные мантры, чантры и тантры, открывает для себя силу реинкарнации, носит на голом теле амулеты с заклинаниями, выкладывает у себя на груди, на лбу и в пупке кристаллы яшмы, агата, карнеола, проводит сеансы медитации над пирамидами из бирюзы... И все понапрасну. Зло-радный издевательский хохоток тут как тут, стоит ей увидеть себя в зеркале или витрине, а в последнее время она слышит его каждый раз, переступая порог кондитерской... Все это несомненно и совершенно непостижимо.

Непостижимо, разумеется, для того, кто сбрасывает со счетов силу адского духа. Его лукавству нет предела, за это ведь его и прозвали лукавым. Он-то своих развлечений не упустит. Тем более что ему хорошо известно: именно моду легче всего изменить, вывернув наизнанку то, что еще вчера казалось единственно достойным. Дьявол никогда и никуда не спешит. Пока мода не обернется вспять, он будет себе спокойненько манипулировать другими пороками, которыми, увы, так изобилует и новое тысячелетие. Он не станет мараться ни о движение сторонников мира, ни о восстановителей исторической памяти, ему плевать как на побирушек, так и на вегетарианцев. Он прекрасно проведет время, дыша запахом крови, слушая канонаду и вопли ужаса, созерцая голод, нехватку питьевой воды, СПИД — что там есть еще хорошенького в этом наземном Божьем мире? Но особую радость ему доставляют мы. Никотиновые наркоманы. Отбросы цивилизации. Мы, морально разложившиеся твари, которые не нашли в себе сил воспротивиться ему, невзирая на все предостережения и упреки филантропов. Вопреки строгому закону о борьбе с курением — единственному

воспринимаемому всерьез наиболее разумной частью человечества.

И еще. Мы никогда не прочь прислушаться к его лицемерным советам и даже принимаем их как руководство к действию. Сатана умеет запудрить людям мозги такими словечками, как «свобода выбора», «равноправие» и даже «демократия», это он водит рукой человека, который под табличкой «У нас не курят» выводит: «Ваши проблемы». А особо милы ему мерзости, творящиеся в аэропортах.

В аэропортах не курят, не курят, не курят. Даже если ты летел десять часов и более — ведь в самолете и уборная представляет собой священный анклав некурящих, — по прибытии на курильщика наваливаются пестрящие повсюду таблички с перечеркнутой сигаретой и извещения о том, что курить в пределах здания аэропорта запрещено. Можно прикинуться дуриком, подойти к справочному бюро и спросить: а где у вас тут можно покурить? Ответом будет: нигде, причем голос будет настолько пропитан ненавистью, что в волосах у тебя затрещат электрические искры. Ну, а если особо повезет, тебе укажут на четыре креслица где-нибудь в самом темном углу зала ожидания. Разумеется, свободных среди них не окажется, пепельница будет забита окурками, пол немыт. Но это единственный закуток во всем аэропорту, где тебя встретят приветливые лица, где люди дают друг другу прикурить, и тотчас же заводится беседа, если ты не против. Режиссером таких спектаклей значится дьявол, и в этом он поднаторел.

Кое-где можно наткнуться на тесные, неухоженные каморки, предназначенные специально для курильщиков. Пассажиры, которые не курят, и те, что с курением борются, презрительно зыркают на нас через маленькие окошки и тут же отворачиваются, но именно там, внутри, черт плетет сети новой солидарности, которая возникает между этими дымящими людьми — пассажирами, пилотами и стюардессами. И роняет в нас семя сомнения — кто же к кому наконец относится «не по-людски» — «мы» к «ним» или «они» к «нам»? А что может быть отраднее для черта, нежели посеять промеж людей

распрю? И здесь это семя розни проклевывается как минимум столь же скоро, как между теми, кто отличается друг от друга цветом кожи, вероисповеданием или принадлежностью к определенной политической партии.

Глянь-ка, воон там некий хам демонстративно прикурил прямо под гневным взором дежурного, и тот ему, разумеется, тут же сделает внушение. Но этот разбойник сечет, за что. За то, что проделал он это в одиночку. Посему он решает прогуляться — вдруг удастся найти еще кого, кто судорожно пытается перехватить пару затяжек в запрещенном месте, и вот он спешит подойти, прикуривает... Тут же подсказывает третий, пятый, десятый. Вся стайка с облегчением смолит каждый свою отраву, нахально стряхивая пепел в банку из-под пива или кока-колы, и проходит немало времени, покуда страж порядка не наберется смелости, чтобы небрежно указать им на запрещающий знак, после чего удаляется. Иногда это сходит с рук, но не всегда. Если в дело вмешивается рьяная тетка с тонкими, как бритва, губами, то бой проигран, в то время как черт нашептывает нам, что проиграть сражение — еще не значит проиграть войну. Не сдавайтесь, сделайте еще попытку — подзуживает адово семя, и мы, народец отпетый или заблудший, киваем. И делаем еще одну попытку. В кафе, в вестибюле, в театральном фойе, на остановке. Сознывая, что находимся в общественном месте, где любому, кроме нас, позволительно распространять вонь любого происхождения. Вонь прокисшего пота из немытых подмышек. Вонь нестиранных носков. Вонь чесночного или лукового перегара из пасти некурящего. Втихаря выпущенных газов. Дешевых духов. Всю ту вонь, которая большинством из нас переносится с трудом, но мы кротко терпим ее, потому что нет закона против вонь. Нет закона, который обязывал бы человека мыться, лечить гнилые зубы, не напиваться до блевоты и не дышать перегаром в лицо другим. В общественном месте, где цивилизованные люди, казалось бы, должны доставлять друг другу минимум неудобств. И не только запахами. Безусловно, никто не станет курить в больничной палате, в детском саду или школьном

коридоре, но пусть и там никто, простудившись, не кашляет и не чихает на народ иначе как через платок.

Мы не посещаем квартиры, где живут некурящие, — для многих это святая земля. Мы ходим лишь к тем радушным некурящим, в гостях у которых мы с удовольствием воздержимся от курения только потому, что нам здесь дадут пепельницу и предложат закурить, поскольку знают, что это есть слагаемое гостеприимства. Любезность за любезность, предупредительность за предупредительность, а значит, и наглость за наглость и оскорбление за оскорбление.

Ведь и нам, проклятым курильщикам, есть на что пожаловаться. Не каждому по душе навязчивая музыка, раздающаяся из автобусных динамиков только потому, что от нее фанатеет шофер. И не все те, кто живет возле церкви, тащатся от тех децибел, которые выпускают колокола в определенный дневной или ранний утренний час. И мы, проклятые курильщики, при любой погоде изгоняемые на панель, или к дымоходу, или под мост, можем находиться не в самом лучшем расположении духа, и эта трепотня про отравление окружающей среды и здоровья наших близких и дальних по причине нашей никотиновой зависимости у нас уже тоже сидит в печенках.

Однако — пусть негодование останется уделом противников курения. Им оно гораздо нужнее. Им нужен кто-то, кого можно было бы на полном законном основании клеймить и презирать, особенно сейчас, когда расизм в загоне. А мы себе прибежище найдем. В конце концов, возле каждого дымохода есть такие маааленькие площадки, да и вокруг фабричных труб имеются вполне удобные приступочки. Всего-то и делов — изобрести удобный складной козырек с тремя большими клапанами, который можно было бы установить на голове в ливень или пургу.

Но это еще не все. Сатана — он своего не упустит. Не так давно где-то в районе Соломоновых островов забил огромный фонтан лавы с морского дна — и образовался новый остров. Так проведем же на нем остаток своих и без того урезанных, загубленных нико-

тином жизнью, ведь оттуда до самого жерла пекла ведет кратчайший путь, похожий на санный спуск. Ведь на этом острове нет аэропорта, да и зачем он ему? Пролетая над ним, мы закурим, а экипаж сразу же вышвырнет нас вон, и уже там мы совершим мягкую посадку прямо в объятия сатаны — на Острове проклятых курильщиков. Ну как — собираем, что ли, чемоданы?

Примечания

¹ Даю, чтобы ты дал (лат.)

² Даю, чтобы ты сделал (лат.)

³ Идите с миром (лат.)

⁴ Благородные господа не курят (нем.)

⁵ Уж увольте! (нем.)

⁶ Склонный к полноте (нем.)

© Текст: Светлана Макарович
© Перевод: Жанна Перковская

Nekoč nekdo, na smrt obsojen,
ker nekadilca je ubil,
izrekel je poslednjo željo,
da bi še eno pokadil.

Pa so mu rekli vrli rablji:
– Kaj, cigareto? Rajši ne,
veš, nikotin škoduje zdravlju,
daj, bodi mož — premagaj se.

Pomisli, da se uničuješ,
raje na zdrav način umri,
s kajenjem tudi nam škoduješ,
ker dihaš isti zrak kot mi.

Veš, zdravje prva je vrednota,
tobačni dim je pa strupen,
a mi ti hočemo le dobro,
vsak človek nam je dragocen!

No, pa so gavge zaškripale
pa so ga spravile s sveta.
Umrl je s kletvijo na ustih -
in spet je eden manj, haha.

Один приговоренный к смерти —
он некурящего убил —
возле петли на эшафоте
цигарку дать ему просил.

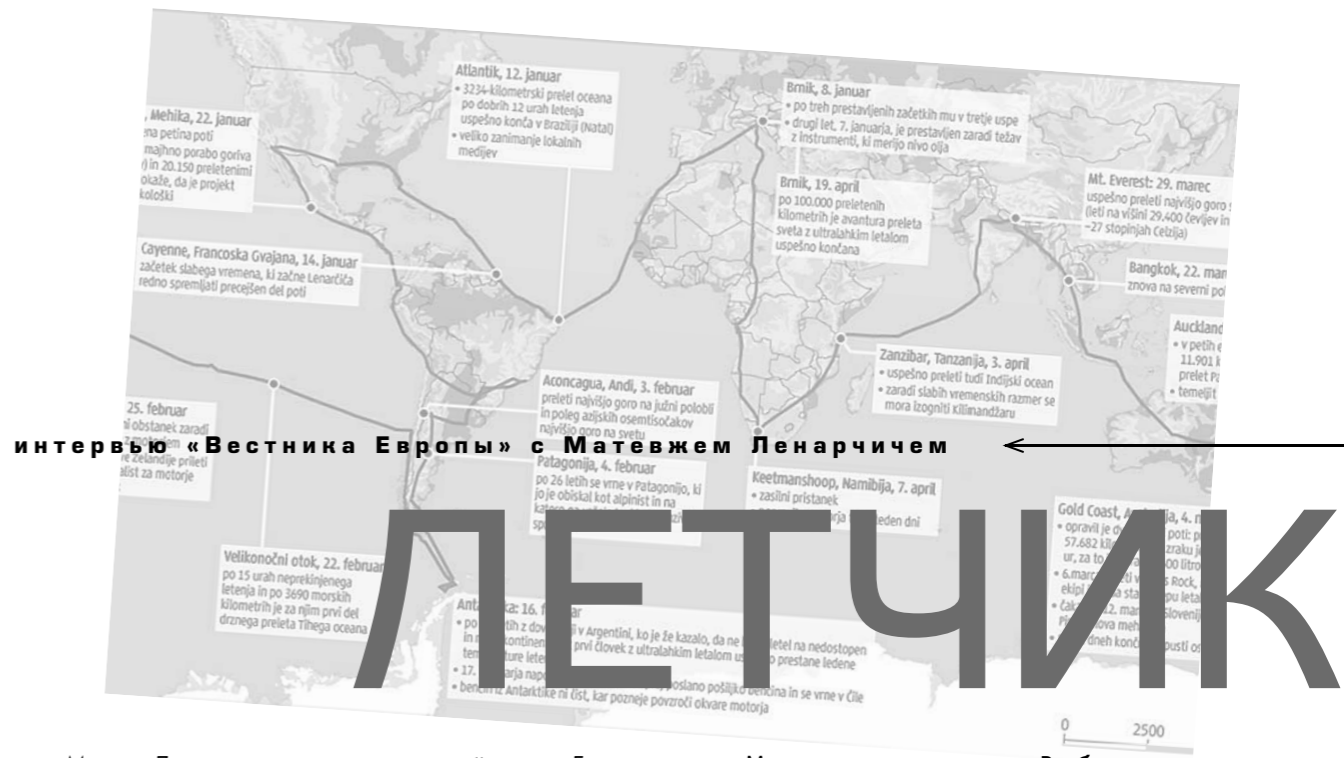
Но палачи ему сказали:
– Что? Сигарету? Вот чудной!
Она ж съедает годы жизни!
Крепись, дружок. Владей собой.

Ты сам себе вредишь, дружище.
Помри здоровым, это грех —
среду нам портить дымом лишним,
ведь воздух — он один на всех.

Что драгоценнее здоровья?
А дым табачный — сущий яд.
Мы о тебе, дружок, печемся.
Нам каждый человек — что клад.

И вот веревка горло сжала.
И вот уже бедняги нет.
Увы, с проклятьем умирал он,
Зато стал чище этот свет.

Перевод Жанны Перковской ■□■

интервью «Вестника Европы» с Матевжем Ленарчичем

ЛЕТЧИК

Матевж Ленарчич — человек, известный в мире. Биолог, эколог, летчик, альпинист-экстремал, фотограф-журналист, автор книг и фотовыставок, совершил на сверхлегком самолете несколько одиночных кругосветных авиационных путешествий. В книге «Вокруг Единого мира» он сдержанно, но с глубокой внутренней эмоциональностью пишет о своих полетах из Словении через Беларусь и всю Россию до Чукотки, через Берингов пролив на Аляску, проложил маршрут через Канаду, Гренландию, Исландию... В этих его долгих перелетах он размышлял об «этом прекрасном и яростном мире». «Вестнику Европы» Матевж Ленарчич рассказал о своих новых осуществленных экспедициях и проектах. Последние годы он летает на уникальном сверхлегком (290 кг!) одномоторном словенском самолете Иво Боскарола, владельца и директора компании «Pipistrel». Мы беседовали с ним в кабинете словенского посла в Москве Ады Филип-Сливник, устроившей эту встречу накануне презентации русского издания его книги (в переводе Жанны Перковской).

Карта полетов Матевжа Ленарчича

— Десять лет назад у Вас был северный кругосветный перелет через Россию, США в Канаду. Восемь лет назад Вы совершили полет через Украину, Монголию, Казахстан, Россию, США, Канаду, Исландию в Европу. А что было потом? Матевж Ленарчич: Потом было разное. Я летал и делал фотокниги в Словении, летал и снимал над Европейскими Альпами, над Северной Африкой, участвовал в съемках экологических фильмов.

— Матевж, мы слышали, что Вы были номинированы в Словении на звание «Человек 2012 года». За что? — В 2012 году в содружестве с «Pipistrel Slovenia» я совершил Южный кругосветный перелет, довольно уникальный по сложности и протяженности. Он начался 8 января, а закончился 19 апреля 2012 года. Проект включал: одного биолога, по совместительству пилота, один самолет (весом 290 кг), шесть пересечений экватора, 80 тысяч километров, 7 континентов, 3 океана, 120 национальных парков, одну Антарктиду, один Эверест... — Эверест?! Вы сказали — Эверест? Должно быть, Вы облетали его рядом, ведь такой самолет не поднимается столь высоко... — Нет, я пролетел именно над Эверестом, мой самолет Virus-SW914 мог подняться до десяти километров.

Матевж дарит мне карту своего перелета. — Африка, через Атлантику — в Бразилию... потом завернул в Мексику (в прошлый раз не удалось попасть: не пустили)... Центральная Америка, Чили... полет в Антарктиду, возвращение и перелет через необъятный Тихий океан. Остров Пасхи, острова Кука (однажды пришлось провести 16 часов в полете в «неблагоприятных погодных условиях»). Потом — Новая Зеландия, Австралия, которую изрядно облетел, добравшись до центра... Потом Индонезия, Малайзия, Таиланд, Непал, незабываемый полет над Гималаями, — и опять же Эверест (Джомолунгма).

Новейший самолет Virus-SW914 Иво Боскарола и «Pipistrel», на котором я летал в этот раз, позволяет подниматься на 10 тысяч метров... Потом я спустился к югу, через Индию и Индийский океан перелетел в Африку, облетел ее всю, вплоть до ЮАР, и через Сахару вернулся домой...

Кого сегодня удивишь полетами, когда летают все! Но полеты на скорлупке, которая легче хорошей газонокосилки, мотыльке, подверженном всем возмущениям воздушного океана, — это совсем другое дело...

Сайт его перелета был открыт все это время, интернет-аудитория следила (больше миллиона посетителей его сайта) за полетом в реальном масштабе времени. На его микросамолете был прибор, благодаря которому, войдя на сайт полета, можно было узнать, где сейчас летит Матевж, на какой высоте, с какой скоростью и в каких условиях... Для него, биолога-эколога, и для конструкторов было важно подчеркнуть, что VIRUS-«Зеленый», экологический, почти чистый экоплан. Его двигатель столь экономичен, что позволяет пролететь 4 тысячи километров на одной заправке. Он летел со средней скоростью 160 км/час, порою скорость опускалась и до восьмидесяти, и Матевж часами мог любоваться окружающим миром.

— У Вас в полетах случалось множество экстремальных ситуаций, когда разум подсказывал, что нужно остановиться, вернуться. И что Вы тогда делали?

Такие случаи бывали... Просто нужно очень доверять своей машине, ее мотору — ну и своему мотору, своему организму. Надо знать машину и свой организм, уметь управлять их возможностями, и доверять им. И даже в трудных случаях я все-таки продолжаю полет, хотя подозреваю, что принял неверное решение. Но что-то подсказывает мне, что между тучами найдется просвет, или что самолет сможет поднырнуть под грозовую фронт, или что горючего хватит, чтобы долететь туда, где можно сесть... Те, кто играют в такие игры, верят в свою судьбу... Но ничто не сравнится с этим состоянием долгого полета над планетой, полного растворения в мире...

— Вы религиозны?

Ленарчич чуть улыбается (такие вопросы в Европе задавать не принято).

— В церковь я не хожу... Я верю во что-то над нами... Верю в судьбу. Но не верю в церковь как ин-

ститут, если Вы спрашиваете именно об этом. Чудо происходит, когда дотягиваешь до аэродрома.

— А китов в прошлогоднем полете Вы видели? Вы писали в своей книге, что когда подлетали к Гренландии, мечтали увидеть китов, но море было сокрыто туманом...

— Нет, китов и на сей раз увидеть не довелось.

— А рыб в океане?

— Когда ты за штурвалом, работы довольно много: связь, метео, топливо, мотор... Так что не до рыб. Главная тревога всегда одна — погода, грозовой фронт. Над Бразилией сошлись три грозовых фронта, вот где было стрёмно... Там только дважды в году складывается так, что есть шанс пролететь, но не всегда. Над Таити летел без всякой видимости, к тому же испортился прибор. Пришлось узнавать погоду впереди по спутниковому телефону — звонил друзьям в Словению, а они узнавали погоду по Интернету. В Австралии самолет стал вибрировать, с трудом долетел, случилась поломка. Пришлось сидеть, ждать бригаду специалистов. Над Эверестом были очень сильные ветры, лететь трудно. Над Намибией отказала турбина, пришлось садиться, подвернулся брошенный аэродром... На земле, в Словении, помогала команда друзей, и вообще множество людей по всему миру. Когда летишь в такую экспедицию, ты один только в самолете, но в проекте ты вовсе не один... А в полете над океаном или над горами доверяешь только мотору.

Я рассказываю ему про летчика Громова, который совершил первый перелет из Москвы в Америку (генералом Мих.Мих. Громовым мне доводилось встречаться). Ленарчич внимательно слушает. Рассказываю про Камчатку, над которой он летал, про Памир, над которым он не летал. Прихожу домой, смотрю его сайт, его фотографии, его ролики. Матевж сидит в шортах в своей тесной стеклянной скорлупке над горами и что-то ищет в компьютере. Я завидую этому человеку. И желаю ему удачи, как и тысячи посетителей его сайта: www.orldgreenflight.com ewingforever.com

В апреле нынешнего года Матевж Ленарчич совершил новый экстремальный полет через Норвегию и Северный полюс в Канаду, оттуда через Атлантику — в Европу.

В.Я.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

полеты вокруг земного шара

Матевж ЛЕНАРЧИЧ

© Фото: aerovizija Матевж Ленарчич у своего самолета. Калимантан

Когда я активно занимался скалолазанием, мне часто приходилось слышать от тех, кто этого не делал: «И зачем тебе это надо?» Я много размышлял над этим вопросом, пытался найти какой-то романтический ответ, чтобы сгладить весьма банальные мотивы, вроде стремления что-то доказать себе и другим, избавиться от комплексов, добиться исполнения мечты. Но и теперь, когда я побывал на многих вершинах, мне трудно ответить однозначно, что доставляет большее удовольствие — красота заката, которую можно наблюдать с уединенной вершины, или то, что я одолел столь сложный маршрут. Разумеется, душа человека не так проста, да и кто скажет, что она такое вообще, поэтому нельзя одним коротким ответом расставить все по местам. И все-таки из вороха изобретенных мною фраз с претензией на патетику или остроумие я бы предпочел следующую: «Я хожу в горы, потому что они есть!»

К моменту окончания средней школы в моей жизни произошло событие, которое, собственно, и сориентировало мою жизнь на дальнейшее направление. Мне предложили поехать в экспедицию на Гренландию. Не каждому юнцу выпадает такая удача. Рассказы покорителей Севера, знакомые мне в ту пору по книгам, обрели осязаемость. Все это меня настолько увлекло, что я тут же и думать забыл о школе, в которой дети из всех сил готовятся вступить во взрослую жизнь, отделившись от всех школьных дел и событий, юношеских любовей и привязанностей — все это в одночасье отодвинулось на задний план. «Будет еще время, — думал я, — а вот экспедиция на полярный остров в Северном Ледовитом океане бывает не каждый год, да и не всех в нее берут». Через месяц я вернулся назад, повзрослевший, и даже с небольшой, мягкой бородкой. Перед глазами так и стояла картина: перебарывая усталость и сон, преодолеывая голод, упряжка людей тащит за собой санки по мерзлым, необжитым пространствам Арктики. Привез я и гербарий арктической растительности — впоследствии я подарил его Датскому биологическому институту. Еще до отбытия на Гренландию я решил выучиться на биолога. Однако за четыре года учебы мне стало ясно, что природа от этого ближе не становится. Скучные лекции, бесконечные лабораторные опыты и теоретические дискуссии меня отвращали. Я понял, что утрачиваю связь с миром. Ведь можно знать назубок все породы деревьев, но при этом не видеть леса. А что может быть лучше, чем просто побродить по лесу, ни о чем не думая! Голоса леса пробирались в мое нутро сами собой, я слышал стон древних стволов, шелест листьев, треск сухих ветвей под неловким копытом оленя. Вот это и есть лес, то целое, которое доступно лишь людям с открытым сердцем. И совсем не важно, что за соки текут по древесным капиллярам, сколько детенышей приносит хорек, а уж тем более бессмысленна охота на бабочек и разных прочих тварей. Научный подход к лесу — это аналитика, и в поисках аргументов ученые готовы даже убивать. У меня рука не поднималась лишить жизни лягушку только для того, чтобы убедиться воочию: и после усекования головы по нервам все еще проходят сигналы. Я начал понимать, что мое отношение к природе никогда не станет научным, и обратился к фотографии. Совсем другое дело! На удачной фотографии лес прямо-таки излучает все то, за что мы называем его лесом. Здесь и сумрак, и свежесть, и тишь, и тайна. И какая разница, как называется по-латыни какой-нибудь кустик или травинка!

Чем больше я летал, тем сильнее становилась моя одержимость. Обычно после полета в условиях болтанки я выбирался из кабины, радуясь, что удалось остаться целым и невредимым, но уже на следующий день опять хотелось взглянуть на аэродром с высоты птичьего полета. Вид посадочной полосы на вираже перед посадкой завораживал. Это как вечное возвращение домой. Примерно то же самое я чувствовал, возвращаясь из длительной экспедиции, но теперь это происходило каждый день.

То, что способно прервать твою жизнь, ее и продлевает. Ведь время — это производная скорости, пути и интенсивности осознания. Нелегко это — осознать собственную жизнь, хоть нас всю жизнь и учили, что именно сознание отличает человека от животного. То, что каждый миг драгоценен, начинаешь понимать, лишь осознав, что мгновения уходят безвозвратно. Понять это нам помогает тяжелая болезнь, смерть близких или риск. Поэтому для разных людей, для различных видов фауны время течет с разной скоростью, и трудно даже предположить, чем оказался бы один день нашей жизни бабочке-однодневке. Несколько часов яркой, насыщенной жизни могут перевесить целый век медленного умирания.

Люди изобрели летательный аппарат целое столетие назад, устремившись в третье измерение — перебор гравитации. Однако в наши дни, в двадцать первом веке, через несколько лет после окончания холодной войны, полет на миниатюрном самолете, мощность которого едва достигает ста лошадиных сил — это нечто из ряда вон выходящее. Да, было время, когда приборы были еще весьма несовершенны, когда летали «на глазок», притом на самолетах более крупных, оснащенных более мощными двигателями. Аэронавигация была делом сложным, теперь же нам помогает система GPS: летчик в любой момент знает, где он и куда держит курс. Прогнозов погоды или не было вовсе, или их точность была весьма сомнительна. Хотя и по сей день невозможно составить точный прогноз для каждого уголка планеты, но понять, что делается в атмосфере, уже гораздо легче. В прежние времена кругосветный перелет был национальным проектом, за которым стояли государство, масса специалистов и уйма денег. Сегодня это скорее спортивное достижение, дело энтузиаста-

одиночки или горстки таких же, как и он, фанатиков. Раньше были несовершенные средства связи, сейчас они гораздо лучше, однако есть еще места, куда они не добрались. Остаются еще белые пятна, и, случись авария над такой территорией, вряд ли тебя спасут, даже если тебе удастся уцелеть при жесткой посадке.

Мы воспринимаем мир статичным, даже зная, что он то и дело меняется. Помещаем человека в центр событий, создавая иллюзию того, что он-то и есть покоритель Вселенной. Однако технологии, овладевая которыми, мы бросаемся из крайности в крайность, все же не позволяют нам разительным образом менять условия жизни как на Земле, так и в космосе. Даже вся ядерная энергия, накопленная в мире в виде оружия, высвободившись, не способна сместить космические орбиты. Для гипотетического жителя Луны это было бы как комариный укус. А люди полагают, что именно они — пуп мироздания. Устраивают между собой побоища за власть и богатство, даже не замечая, что все вместе несутся на жалком осколке Вселенной навстречу неминуемой гибели. Не осознают, что главный их враг — не сосед и не волк из темного леса, а время, истинный масштаб которого им пока неизвестен. Люди все еще цепляются за формулу, где время увязывается со скоростью и пройденным отрезком пути, живут по ней. Творят, созидают, выдумывают, пробуют, торопятся, хватают, тащат, а спроси их: зачем? — ответа нет. Ну, построили, возвели, получилось, — а видно ли это с Луны? Или с других планет? В угаре потребительства мы не даем себе отчета в том, что это суета сует, и все, что останется на планете Земля, уже давно отражено в наскальных рисунках или похоронено вместе с цивилизациями, которые тоже считали себя центром Вселенной. Все материальное разрушается. Не устоит даже самая мощная плотина, рухнет самая современная башня, и время сотрет все следы жизнедеятельности существа, которое было уверено в том, что ему под силу остановить время. Некие недоумки то и дело предлагают нам перечень всего того, чего стоит добиваться в жизни. Кто-то прочтет и поверит, но течение жизни подхватит его и унесет с собой. Каждое новое поколение ищет аргументы в свою пользу, где уж нам верить опыту стариков! Временами в самой гуще алчущих слышится тонкий голосок, и тут же замирает, затертый двуногим зверьем. «Возлюбите друг друга!» — и тут же все заглушает скрип и лязг магазинных тележек.

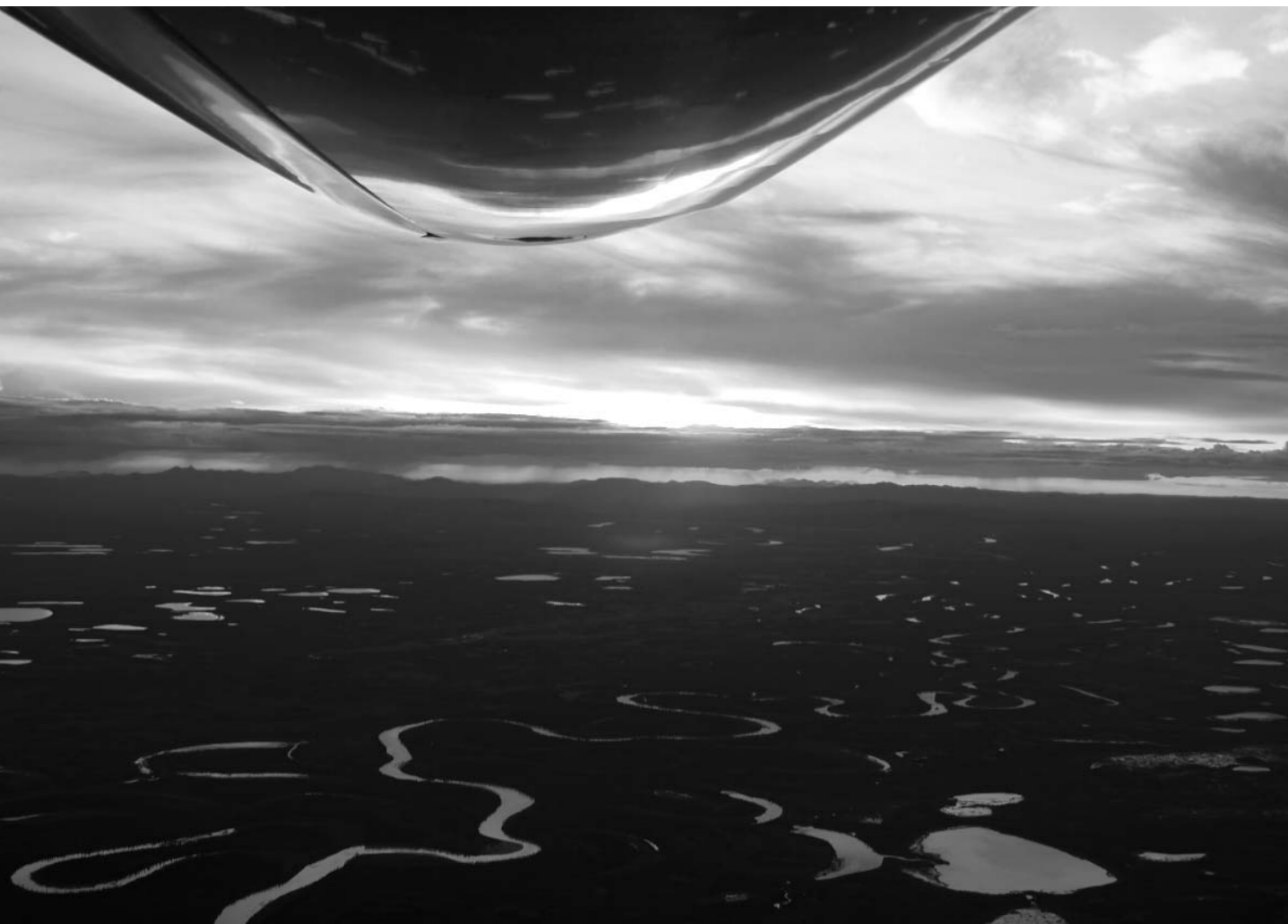
Жить и в самом деле интересно. Все мы радуемся, когда кто-то рождается, все мы боимся смерти. Но никто не знает, откуда мы, почему и для чего живем. Нас впустили в этот мир, а зачем — известно лишь Богу. На протяжении нескольких лет мы кое-как управляемся с отпущенным нам временем и затем уходим, так ничего и не поняв. Порой я чувствую себя игрушкой в чьих-то руках. Мне кажется, что кто-то неведомый руководит моей жизнью, как бы я сам ни старался поступать по своему усмотрению. Собственно, половина нашей жизни проходит в поисках места под солнцем, мы прилагаем массу усилий к тому, чтобы подчинить себе окружающий мир, сформировать свою личность. А вторая половина жизни уходит на осмысление первой.

Я уже в том возрасте, когда люди осознают, что все бренно, что главное в жизни — это время, которое ты посвятил кому-то и поэтому сам стал лучше. То, что создано руками человека, сколь бы прочным оно ни казалось, не вечно, и под твердой с виду оболочкой планеты Земля скрывается огромная энергия, которая в одночасье может уничтожить все, что стоит или движется по поверхности этой кожуры.

Меня всегда привлекали именно те края, где эта кожа тоньше, где из недр Земли вырываются вода и пар, где черные дыры дышат смертью, где человек чувствует себя, как на яичной скорлупке. Здесь все еще вырастают новые горы, разверзаются новые пропасти, замирает и вновь зарождается жизнь. Это мощь, которая, как по мановению веера, способна стереть и засыпать всех, кто в нее не верит. Вопрос времени.

Камчатка. Здесь происходят землетрясения, вырываются на свободу газы и кипяток, изрыгают земное содержимое вулканы, а жизнь вокруг увядает и зарождается вновь. Интересно то, что и в прошлом, и сейчас люди стремились обжить и такие территории. Энергия и свежая почва создавали ощущение того, что местность пригодна для жизни. Порой население истребляется природными катаклизмами, но приходят новые поколения, которые не верят истории. Инстинкт выживания, обживания и осмысления настолько силен, что даже вулканам не стряхнуть с себя всех, кто карабкается по их склонам.

Я был наслышан о многочисленных попытках моих предшественников вести переговоры с Россией и о тех сложностях, с которыми они сталкивались. Россия — огромная страна, она занимает почти по-

© Аэрофото Матвежа Ленарича. Север. Калтаганч

ловину северного полушария, и если совершать кругосветный перелет севернее экватора, то миновать ее не удастся. Кроме того, гораздо спокойнее лететь через воздушное пространство одного государства, где действуют единые законы. Вопрос лишь в том, как в него попасть. Большинство моих коллег облетало Россию с юга, через Ближний Восток, Индию и Индокитай и входило в нее в районе Хабаровска из Китая. Они летели над восточными окраинами России до Берингова пролива, откуда добирались до Аляски, чтобы меньше лететь над морем. Для небольших самолетов, которым приходится часто садиться, это единственный путь вокруг света. Все прочие варианты — для крупных лайнеров с гораздо большей дальностью полета. Я перечитал все воспоминания и записки летчиков, которые пересекали эту отдаленную территорию или хотя бы пытались ее пересечь. Выводы были примерно одинаковы: «Russia is a beautiful country, but avoid it at all costs, it is too complicated and needs too much money!»² Однако у меня в ушах звучало прежде всего слово «прекрасная». И потом, меня всегда привлекало то, что трудно или считается невозможным. Я уже привык головой пробивать стены. У всего есть свое начало, и рано или поздно русские впервые разрешат кому-то пересечь территорию России в одиночку на маленьком самолете, на небольшой высоте, в визуальных условиях.

В нашем обществе к предпринимательству отношение благосклонное: созидай, копи, достигай поставленных целей, будь оборотистее, богаче... Предприниматель создает добавленную стоимость, копит богатства. При этом он использует свое положение, эксплуатирует своих собратьев и природные ресурсы, а добавленная стоимость оседает в форме капитала на счетах наиболее продвинутых деятелей, способных влиять на политику и окружение. Все это напоминает огромную трубу, через которую где-то высоко-высоко выбрасывается в атмосферу дым от сожженной природы, жизненных принципов, морально-этических норм. Тяга столь мощная, что сгорает все, а дым, поднимающийся в небеса, клубится немим свидетельством того, как homo sapiens, создавая добавленную стоимость, изводит планету, на которой живет. Чем мы лучше динозавров, сожравших то, что составляло основу их выживания? И кому на пользу несметные сокровища горстки людей, которые просто-напросто лежат на счетах в банках, в то время как большая часть человечества борется

за выживание? Нет на земле более извращенного существа, ни одно животное не сколачивает состояний, ни один зверь, даже осваивая новый ареал обитания, не истребляет столько слабейших, как это делает человек. И он еще провозглашает себя венцом творения и божьим посланником, отстреливая себе подобных под прикрытием идеологии, политики, религии, а фактически влекомый жадой самоутверждения, стяжательства и власти!

Мощный интеллект homo sapiens, создавший технологии двадцать первого века, создал также систему и индивида, вынужденного приобретать и употреблять вещи, которые ему на самом деле совсем не нужны.

Наверное, Земля была круглой еще на заре авиации: тяга человека к открытиям, славе, жажда денег или просто тщеславие порождали замыслы кругосветных перелетов. В этом заключается какое-то символическое значение. Полет вокруг земного шара — это испытание на прочность и для самолета, и для летчика. Нельзя облететь мир, не перелетая океанов, высоких гор, бескрайних лесов и полярных пространств, где грань между удовольствием и гибелью крайне тонка.

Самолет — машина, выполняющая те же задачи, что и автомобиль. Он доставляет человека из одного места в другое. И если уж среди автолюбителей есть немало фанатиков, вымещающих свое чувство прекрасного на своей железной лошадке, то среди авиаторов еще больше тех, кто свое сокровище боготворит. Им мало обладать красивой вещью — здесь привязанность другого рода. Самолет для его хозяина — гораздо больше, чем самый роскошный автомобиль. Самолет — как любимая женщина: он может вознести тебя на головокружительную высоту неповторимых ощущений, туда, где материальный и духовный мир сливаются в единое целое, где нет ни верха, ни низа, а свет и тьма утрачивают свое первоначальное значение. Он уносит тебя туда, где никто не задается вопросами о смысле жизни, о том, зачем ты живешь, о ценности жизни. В состоянии, когда дух и тело едины, такие вопросы выглядят банальными, лишены смысла. И он же толкает тебя в пропасть, откуда не возвращаются. Тот, кого предали в минуту счастья, уже никогда не может оправиться от этого удара, и многих это направляет на путь к физической

гибели. Такое происходит и в любви, и в авиации. Грань между абсолютным счастьем и полным крахом эфемерна. Неожиданное завихрение, вызванное возмущением атмосферы, ломается крыло, и самолет по спирали несет того, кто его так любил, в безвозвратную бездну. Вот потому-то летчики так холят и лелеют свои машины — никому не хочется пережить измену в самый прекрасный момент. Как мужчина ловит каждое слово женщины, которую сжимает в объятиях, так и летчик осматривает каждую деталь своего самолета, чтобы наладить контакт, делающий отношения предсказуемыми. Удар тем сильнее, чем прекраснее миг, в который это происходит.

Долгие годы я искал ответы на «вечные» вопросы — что для меня главное в жизни, какие ценности определяют мое мировоззрение, где я и куда держу путь, а прежде всего — зачем я вообще куда-то стремлюсь.

Те ценности, которые мне пытались привить, не дали всходов. Национальное самосознание у меня весьма слабое. Я никогда не мог и не хотел судить о людях по их национальной принадлежности. Но меня всегда интересовало, как они реагируют на встающие перед ними проблемы, как ведут себя в беде и насколько способны понять беды других. Зачем мы стараемся все втиснуть в какие-то воображаемые географические, этнические или политические рамки, предназначенные лишь для поддержания порядка внутри них? Чем, интересно, человек, которому довелось родиться за холмом, в иной долине или на другом конце света, так сильно отличается от меня? Невзирая на разделяющее нас расстояние, разные языки, культуру, в недрах которой мы сформировались, у нас есть внутренняя суть, и она, хотим мы этого или нет, примерно одинакова. Мы все любим хорошо поесть, выпить, пообщаться, все хотим любить и быть любимыми нас, жаждем, чтобы нас признали, и хотим добиться желаемого самым простым и безболезненным способом. Мы все хотим для себя счастья. Мою национальность определяют люди, которые любят и уважают себя, свое окружение, воздух, которым дышат, и воду, которую пьют. Это люди, которые видят в соседе свое отражение, в животных, бегающих на воле, — своих друзей, а в солнечном закате — всю полноту момента, который, собственно, и есть жизнь.

Меня никогда не привлекали идеологии, сулящие лучшую жизнь всем. Что является показателем хорошей жизни — слава поп-звезды мирового масштаба

или грязное, унылое существование кочевника, пасущего яков в горах Тибета? Можно ли нащупать грань, за которой начинается «лучшая жизнь»? Все идеологии хотят осчастливить людей, не осознавая того, что у каждого имеется собственная модель счастья. Давным-давно ответ на эти вопросы незаметно укоренился в моем сознании. Нужно было отрешиться от быта, чтобы картинка обрела яркость, и с годами она становилась все четче. И сегодня я вижу на ней родных мне людей, которых я в очередной раз покидаю. На этот раз я достаточно зрел, чтобы увидеть в них свое отражение, отдать себе отчет в чувствах, которые растут геометрически по мере удаления. Наверное, полет вокруг света — это символическое путешествие к абсолютному счастью. Дорога, уводящая от близких, приведет обратно. Чем дальше остается точка старта, тем ближе к ней становлюсь я. Каждый долгий день разлуки будет приближать меня к семье. Когда я вернусь, начало и конец будут состыкованы.

Значит, мое бегство от семьи — это одновременно и возвращение.

Утро свежо и солнечно, но в районе аэродрома проносится сильная гроза. Особых причин для беспокойства нет, тем более что в Якутске условия для посадки никудашные — вокруг бушуют пожары. Говорят, общая площадь участков, охваченных огнем, равна площади всей Европы. Районы эти труднодоступны, поэтому с огнем не борются. Пожары угасают только осенью, после обильных дождей. Летние грозы огню ничем. Даю пространное интервью местной газете, а там временем и погода приходит в норму.

Летим на Маган, это город, расположенный не так далеко от Якутска, — там видимость лучше.

Перегруженный самолет чувствует себя не лучшим образом на ухабистой грунтовой полосе. Пропеллер едва не цепляет землю, поэтому я веду машину медленно, огибая крупные камни и рытвины, возникшие во время последней грозы. Однако, несмотря на вес, жару и извилистый путь, взлет проходит на редкость быстро и гладко. Видимость плохая. В горячем воздухе постепенно поднимаемся над ленивой Леной. На высоте тысяча восемьсот метров поверхность земли застлана дымом, который натянуло с пожарищ. Словно плывешь в молоке. Опять приходится корпеть над приборами, чтобы соблюсти горизонтальное положение и примерный курс. Где кончается дым и начинается небо — почти не разобрать, голубизна неба плавно переходит в белесую дымку. К тому же «моло-

ко» словно вскипает. Наверное, приближаемся к эпицентру пожаров. Жара и вес самолета не позволяют подняться выше трех километров. Порой мне кажется, что самолет дает крен. Приборы показывают, что все идет как надо, но ощущения такие, что хочется вмешаться.

Входим в зону, где возможна встреча с другим бортом, поэтому я принимаю решение снизиться. При этом я надеюсь, что землю мы увидим раньше, чем врежемся в нее. На высоте одной тысячи метров над уровнем моря вроде бы начинаю что-то различать. Там, где расстилаются густые леса, все тонет в дыму, но над болотистыми прогалинами контраст есть, можно разглядеть даже озерцо. Спускаемся еще немного.

Местность, действительно, холмистая, видимость по горизонтали ноль, так что опасность врезаться в невидимое препятствие велика. Приближаемся к линии пожаров. Валит густой дым, его сносит на юго-запад. Тут и там в воздух взмывают языки пламени, снопы искр. В кабине душно, сильно пахнет гарью. Лететь напрямик через огненный барьер опасно — кто знает, на сколько километров распространился огонь. Беру курс на север, потому что клубы дыма идут на юг. Летим вдоль огненно-дымной полосы, пытаюсь нащупать «брод». Но и на севере возникает преграда. Похоже, мы в ловушке. Нарезаем круги над озером, чтобы перевести дух и подумать. Эх, остановиться бы, сказать: «с меня хватит!» и направиться к ближайшей заправке за пивом! Назад не повернуть — не хватит топлива, путь на север закрыт пожаром, на юге валит густой дым. Единственное спасение — это река Лена, но она далеко на юго-востоке. Если ее найти, можно будет, летя низко над водой, пробиться через огненное кольцо. Но и в направлении Лены путь тоже преграждают пожары. Пока кружим, скорость падает до минимума, это опасно.

Огонь полыхает уже с трех сторон. Мы сами влетели в эту ловушку. Надо вернуться обратно. Хотя

бы для того, чтобы нащупать путь на юг и найти реку Лену.

Проходит час. Сквозь дым замечаю внизу извилистую линию. Говорю себе: наверное, показалось. Разочароваться мне совсем не хочется. Но линия принимает очертания речного берега. С облегчением устремляюсь к воде. На высоте пятидесяти метров над водой ничего не разглядеть — гладь реки монотонна, глазу зацепиться не за что. Держусь ближе к берегу, следую его абрису. Условия для посадки плохие, но альтернативы практически нет. До аэродрома остается сто километров. Нас предупреждают, что впереди будут линии электропередач, а перед Якутском еще и мост. Потом связь пропадает...

Единственное, что связывает нас с реально-

стью, — это маленький гироскоп, показывающий ориентацию нашего самолета, да еще GPS. Мы летим на юг, снова пересекаем Лену, на этот раз вслепую. Я решаюсь на посадку при первой же возможности. Внизу расстилается обширный луг с высоким травостоем. Пролетаю над ним раз, другой, третий — на расстоянии нескольких метров от земли. Сможем ли приземлиться? С южной стороны луг переходит в лес, посередине возвышается дерево. Беру правее дерева и направляю самолет вниз. Я нервничаю, земля приближается с головокружительной скоростью. Не надо бы так быстро. Поддаю газу, задираю нос, и мы опять взмываем в воздух, чтобы сделать новый заход. Теперь лучше. И все же колеса справляются с неровным грунтом не сразу. Самолет скачет, я замечаю впереди большую яму. Попадешь в нее — кранты. Но другого пути нет, и вот мы уже в ней. Самолет прогибается, стучается крылом о грунт, но остается на ходу. Тормозим в считанных метрах от дерева.

Сидим в высокой траве, меня бьет дрожь. Я поворачиваю ключ и на полном газу пытаюсь выбраться из ямы. Пропеллер ударяется о грунт, но самолет уже выкатывается наверх. Подгоняю его под дерево. В кабине миллионы комаров, снаружи еще противнее.

Самолет Матвея Лемарича. Фото из книги

Жара, влажность, задымленность. Солнца не видно — оно затянуто пеленой дыма. Несмотря на жару, я надеваю куртку, нахлобучиваю капюшон. Самолет цел, пропеллер тоже — слава Богу, почва здесь мягкая. Немного разболтано шасси, но это ерунда. Нам повезло, нам дьявольски повезло! Мы на земле, окрестности оставляют желать лучшего, но мы живы, и самолет цел. Остается выждать, пока ветер переменится и видимость улучшится, и можно продолжать путь.

Днем становится еще более дымно и жарко, чем вчера, — о том, чтобы взлететь, нечего и думать. Я меряю шагами луг и отмечаю каждую сколько-нибудь ощутимую яму, чтобы выбрать маршрут поровнее. Идеальной линии не получается. К тому же рельеф здесь непростой. Восточная часть лужайки расположена выше и оканчивается болотцем, в которое мы плюхнемся, если возникнут проблемы при взлете. Самолет мы, увы, потеряем, но сами, скорее всего, останемся живы. К западу местность идет под уклон, но там лужайка смыкается с лесом. Взлетать в этом направлении было бы легче: разогнаться сможем быстрее. Однако, если взлет не заладится, пиши пропало.

Латаю дыры, ровняю кочки. Меряю шагами длину будущей взлетной полосы — короткая! Ширины тоже не хватает: слева и справа много крупных неровностей. Застоявшийся воздух насыщен водяными парами. Воняет гарью. Дышать тяжело. Мы приземлились не так далеко от русла Лены, можно сказать, в ее пойме. Когда наступает весеннее половодье, растительность скрывается под водой. А когда вода сходит, то для местного гнуса открывается великолепный питомник. Да и вообще — для многих видов флоры и фауны здесь настоящий рай.

Местные говорят, что эпицентр пожара находится недалеко от их деревни и что огонь может добраться и до нас, если ветер переменится.

Собираем хворост в близлежащем лесу, разводим большой костер — только так можно защититься от насекомых. Жара невероятная, но это лучше, чем сонмы изголодавшихся кровососов.

Я пытаюсь отрешиться от бедственной ситуации, в которой мы оказались, и посмотреть на окружающий мир иным взглядом. Неподалеку в дыму виднеется размытый силуэт «Голубой молнии». «Ах ты, моя красавица, моя бедняжка», — думаю я. На крыльях сохнет наша одежда, под крылом примостилась маленькая палатка. Ночь тиха и печальна, по земле стелется дым.

Вновь промеряю шагами луг. Высокая трава вся в росе, и я сам уже мокрый по колено. Трава усиливает трение и замедлит взлет. Ветер дует не совсем туда, куда надо. Трудно определиться с направлением разбега. Пожалуй, лучше в гору, при попутном ветре. Если не получится, остается хоть какой-то шанс выжить. Беру палку, втыкаю ее в землю, чтобы обозначить точку отрыва — если здесь не взлетим, придется тормозить. И вот мы уже в кабине, самолет ориентирован по линии воображаемой взлетной полосы. Еще раз продумываю все мелочи, вспоминаю, где какая яма, отыскиваю взглядом воткнутый шест. Звук мотора мне нравится, он успокаивает, но в воздухе словно разлито напряжение. Хочется верить в «Голубую молнию», которая унесла нас уже так далеко от дома, но в то же время беспокоит неровный рельеф — как бы не зацепиться пропеллером. Что ж, положусь на судьбу, которая уже столько раз позволяла мне вернуться отовсюду, где бы я ни был, что статистика давно не на моей стороне.

...Скорость мала, но ехать прямо получается. Трясет уже меньше — сказывается подъемная сила крыла. Но мы все еще на земле. Отметка уже давно осталась позади, но отступать я передумал. Сейчас или никогда. Я верю в свои силы и в то, что «Молния» не подведет.

Впереди жуткие рытвины, уж они-то нас доконают! Рывком поднимаю самолет в воздух, несмотря на то, что еще толком не разогнались. Когда колеса отрываются от почвы, выравниваю нос и жду, когда же мы обретем спасительную скорость, чтобы начался нормальный набор высоты. Прочесываем брюхом по верхушкам крон и, наконец, перед глазами открывается величественная Лена, окутанная дымом, как вуалью. Летим! В кабине ор. Мы издаем истошные вопли, получая колоссальную разрядку. Ухмыляясь от уха до уха, оглядываемся в поисках нашей лужайки. С высоты лужок кажется не больше футбольного поля, а мы вот-вот сядем неподалеку от поселка, в котором переждем неблагоприятные метеоусловия Якутска.

На следующий день видимость нормализуется, и мы берем курс на Якутск. Как приятно лететь! Внизу все еще бушуют пожары, но ветер прижимает дым к земле. Хорошо видна линия электропередач, протянутая через Лену. Если бы мы продолжали полет в дыму, он мог бы закончиться плачевно.

Мы летим над тайгой и тундрой, тут и там курятся отдельные очаги пожаров. Огромные заплатки гари вкраплены в ярко-зеленый ковер, на котором рассыпаны голубые пятнышки озер. Чем ближе к Джугджуру, тем хуже метеоусловия. Уже на высоте тысяча восемьсот метров, прямо под облаками, температура приближается к нулю. Под нами горы, их высота примерно две тысячи метров, поэтому приходится лететь в облаках, а значит, начнется обледенение. Это довольно опасно. Можно, конечно, разведать, как в горах на самом деле и, если что, вернуться, но тогда у нас не будет горючего на завтра. Выше трех тысяч метров нам не взять, остается только поменять планы и сесть у деревушки Усть-Мая. Грунтовая полоса, протянувшаяся вдоль берега реки Алдан, больше похожа на проселочную дорогу, но длины ее хватает для того, чтобы нормально сесть. На земле тоже стыло и безрадостно. Дует резкий ветер, швыряя нам в лицо мелкий дождь. Хорошо, что сели, иначе бы точно набрали льда. Андрею довольно непросто договориться с Москвой — там изменение плана встречают в штыки, хотя оно вызвано объективными причинами.

Деревушка теснится на террасе, которую создала река. Здесь сходятся русла Майи и Алдана. Деревянные домики, баньки, несколько обелисков времен второй мировой войны. Людей на пыльной улице мало. На покосившихся заборах красуются антифашистские лозунги. Плотность пропагандистской символики, характерной для тоталитарного режима, которым была отравлена, по меньшей мере, жизнь двух поколений, невероятна: на каждом шагу пятиконечные звезды, серп и молот. И рядом — величественные реки, тайга, равнина, белые облака, уплывающие на восток. Гуляю по берегу, мысли грустные, но вместе с тем приятно, что я все еще цел и невредим. Поднимаюсь на кручу, которая возвышается над Алданом, сажусь на скалу, ветер ерошит успевшие отрасти волосы, а я смотрю, как по реке снуют небольшие грузовые суда. Вот, уставясь в безмятежную гладь, расстилающуюся впереди, стоит капитан на своем мостике. О чем он думает? Мы с ним — выходцы из двух различных миров, но его настроение мне близко. То самое спокойствие духа, когда забываешь о проблемах, ничто тебя не беспокоит, не волнуется — просто существуешь. Когда в этих краях тепло, дороги превращаются в болота, зарастают мхом, и на машине далеко не уедешь. А реки зимой покрываются ровным двухметровым слоем льда, и по ним можно спокойно ездить.

Надеюсь на то, что завтра погода наладится и верхушки сопков выглянут из облаков — только при таком условии нам разрешат продолжать полет. Ночь чиста и прекрасна. До звезд — рукой подать. Воздух словно заряжен кислородом. Мне не спится.

ветер сносит ненастье к западу, где все уже забито тяжелыми темными тучами. Восток выглядит приветливее. Прогноз обнадеживает, поэтому быстро завершаем приготовления, несмотря на то, что временами моросит дождь. До поселка Чайбуха летим над волнистым пейзажем — внизу расстилаются мхи и лишайники. После попутного ветра двадцать километров в час врезаемся в воздушную массу, которая встречает нас скоростью сорок пять километров в час. При таком ветре за день до Анадыря не долететь. Да и погода идет вразрез с прогнозом. Облака спускаются, то и дело начинаются сильные ливни, которые приходится обходить, потому что облака в районе ливня висят прямо у земли. Так мы совершенно неожиданно для себя оказываемся посреди атмосферного фронта. В горах мощные завихрения, и это тем более неприятно, что мы находимся над самым хребтом. Наконец, удается рассмотреть море. Пенжинская губа. Сильный дождь так и сбивает нас книзу. Видим пенные буруны, прибой тербит пустынный берег. Ничто не выдает присутствия человека. В сером слое облаков замечаем прогалину, которая может коротким путем провести нас через горный массив. Я в нерешительности: вдруг это ловушка? Взглядываю на Андрея. Ни тени страха — он мне доверяет. Рискнем! Постепенно набираем высоту, принаравливаясь к склону, над которым летим. Видимость небольшая, от силы два километра, временами и того меньше. Ищем лазейки там, где ветер хоть немного раздувает белые хлопья. Назад дороги нет — просветы закрываются так же быстро, как и появляются. Летим на авось, в плену у враждебного мира. Дождит по-прежнему. Пытаемся следовать течению рек — там, где это возможно. Андрей сидит тихо, лицо напряжено. От улыбки не осталось и следа. Делать ему нечего — уже несколько часов, как связь с диспетчером утрачена. Если обзор окончательно закроется, это будет беда. Наверх, в облака, — нельзя: уже и тут температура ниже нуля. Обрастем коркой льда, и прости-прощай. Любой ценой нужно пробиться в северном направлении.

А внизу расстилается поразительное многоцветье. Оттенки тундры так обманчиво-притягательны!

Горные склоны покрыты толстым ковром мхов и лишайников самой разнообразной гаммы.

Летим уже пять часов, практически не зная, куда. Время работает не на нас. Минуты тянутся, как часы, и мы словно стареем со скоростью света. Прошлое исчезает в клочьях низких дождевых облаков, будущего нет. Различимы только прибрежные склоны, иногда мы оказываемся слишком близко от них. Надо жить настоящим, только им. Это проще и безопаснее всего. Если Бог на нашей стороне, мы спасемся, но если запас удачи уже исчерпан, то надо быть готовыми к тому, что нашим последним приютом станут мягкие зеленые подушки лишайников.

Впереди забрезжило, далеко на северо-западе возникла тонкая светлая полоса. Она утолщается, и мы уже не сомневаемся — она есть! Впереди хорошая погода! Мы выкарабкались! Тут уже и ветер приходит нам на помощь. Если он не переменится, бензина хватит до самого Анадыря.

Вода, кругом вода. Реки, озера, болота. Упадём здесь — никто не найдет. И быть нам сохранными заживо всяким гнусом. Солнце сзади. Внизу не видно ни тропинки, ни избы, ни малейшего признака того, что эта местность обитаема.

Когда смотришь на облака с земли, они кажутся плотными, комковатыми, и трудно даже представить себе, что состоят они в основном из влажного воздуха. Да, у облака есть границы, они четко видны, но как его потрогать, как ухватить? С ним можно только слиться, оно может затянуть внутрь, лишит зрительных ощущений. И ты словно оказываешься в мире незрячих. Сколько появляется ощущений, которые раньше оставались неосознанными! Когда стоишь на твердой земле, притяжение помогает нашим рецепторам сориентироваться в пространстве, даже с закрытыми глазами. Но в воздухе, когда воздействию гравитации подвержена только задница, оказывающая давление на кресло, вслепую долго не протянешь. Ибо задница будет с одинаковой силой давить на кресло, летишь ли ты прямо или делаешь наклонный вираж. И тогда ориентация теряется, уже неважно, где верх и где низ, а «налево» или «направо» может означать «прямо» или «назад». Паришь в стихии, которая не была предназначена тебе эволюцией. Это мир без границ, и только тут начинаешь понимать, что границы, рамки и правила нужны, чтобы выжить. Ничем не ограниченная свобода — это идеал, к которому можно стремиться всю жизнь, но он все время ускользает.

И не потому, что он совершенно недостижим, нет. Мы подсознательно боимся этой свободы, ведь это — вечность, из которой нет возврата.

Лечу над облаками, купая колеса в белой пене. Неслышное скольжение по бурному морю. Белизна волнуется, облака всплывают и тонут. Крылья касаются их краев, взрезают их, растворяясь в белом тумане. Пропадает крыло, стирается линия горизонта, на стеклах оседают капельки росы. На приборной доске нахожу взглядом кружок гироскопа. Его сердцевина — маховички, с огромной скоростью вращающиеся под определенным углом. Накопленная инерция позволяет им создавать искусственный горизонт, на котором видно, каково положение самолета в пространстве и куда он летит. И вот, несмотря на все мое стремление к неограниченной свободе, к которой я, находясь здесь, в облаке, близок как никогда, моя физическая оболочка все же хочет остаться в материальном мире и готова опять мириться с границами и ограничениями, лишающими нас счастья. Соприкосновение с абсолютной свободой — это как вспышка счастья, которая оставляет за собой неизгладимый след.

Впереди светлеет, белизна сменяется голубоватой дымкой, которая становится все ярче, пока перед глазами не вырастает четкая линия горизонта. Теперь во всем есть ясность: сверху небо, снизу земля, наверху душа, внизу материя. Правое ухо опять согрето солнцем, лучи которого золотят и правую руку. Удовольствие, испытываемое мною, неопишимо. Игра с абсолютной свободой и уход от нее приводят душу в состояние оргазма. А в голове рождаются сравнения: младенец, сделавший первый самостоятельный шаг, пугается той бесконечной свободы, которую сулит умение ходить, и тут же плюхается вниз, туда, где безопасно, где все знакомо. Человек, отбывший в заключении долгие годы и оказавшийся за воротами тюрьмы, вместо того, чтобы идти куда глаза глядят, стоит и озирается — не удрать ли обратно, за решетку.

Все эти ограничения, собственно, и делают нас счастливыми. Прекрасно, когда у тебя есть ребенок, во имя которого ты жертвуешь своей свободой. Забота о нем приятна, она наполняет отношения в семье новым смыслом. Ограничения материального мира нужны, чтобы не оторваться от почвы, радоваться событиям, происходящим вокруг. Если нет стесненности в средствах, если у нас их больше, чем надо, утрачиваются ориентиры. И тогда нужен гироскоп или компас, чтобы войти в берега. Так и живем, разрываясь между жадной неограниченной свободой и

материальными границами, внутри которых заключен смысл нашей жизни.

Таким образом, наша жизнь — это игра, правила которой не все понимают. Стремясь к свободе и материальной независимости, многие уже не осознают границ, и если после них что-то останется, — то лишь нарушенное равновесие.

Просыпаюсь, разбуженный солнцем. До Эдмонта сто пятьдесят километров. Седое утро, прогноз погоды в направлении Брандона, куда я должен лететь, отвратительный. Прямо над аэродромом бушует циклон. Сильный ветер, дождь. Может быть, к полудню погода нормализуется. Полет над высокогорьем был бы довольно однообразен, но массивные облака, генерирующие термодинамические процессы, вызывают болтанку. Внизу живет своей жизнью цивилизация, тянутся дороги, угодня, ухоженные леса, реки, деревни, города. В городе Регина на юге Саскечевана ветрено, но надо сесть, чтобы разведать, как обстоят дела с погодой в Манитобе. Скорость ветра пятьдесят километров в час, сажусь осторожно, не спеша.

Голод неимоверный — вот уже два дня росинки маковой во рту не было. Сначала поесть, потом все остальное. Лишь после огромного сэндвича я могу думать о чем-то еще. Итак, Брандон. Прогноз погоды не обнадеживает. Опять боковой ветер, дожди, облачность на высоте трехсот метров. Пожалуй, лучше пересидеть в Регине. Однако дежурный метеоролог говорит, что утром ожидается туман, а потом доберется и тот самый фронт, что гонится за мной от самого Уайтхорса. Принять решение непросто — погода пасмурная, через час сядет солнце, а лететь еще триста пятьдесят километров, это три часа. Значит, полет будет проходить по темноте в сложных метеоусловиях. Решаю, как обычно, произвести разведку: будет совсем плохо — вернусь. Диспетчер понимает, что я тороплюсь, и выпускает сразу. Атмосфера спокойна, почти не трясет. Сзади остается великолепная панорама прерии в лучах заходящего солнца. На границе Саскечевана и Манитобы, примерно на полпути, мне удается установить связь с Брандоном. Хорошо, что у них полоса с подсветкой. Облака впереди увенчаны розовой каймой — отблеском уходящего дня. Смеркается, дождя нет, похоже, к тому времени, как я доберусь до аэродрома, утихнет и ветер. Вечер просто сказочный, внизу горят мириады городских огней. Наконец, снижаюсь. Все спокойно. Как здорово, что синоптики иногда по-крупному ошибаются!

Город Виннипег простирается на южном берегу огромного одноименного озера. Крупные озера в летнее время создают пониженное давление и портят погоду: в южном направлении от города летом наблюдается засилье комаров, а небо, к моему неудовольствию, встречает меня дождевой завесой, кое-где сверкают молнии. Лечу над шоссе, ведущим в Кенору. Включаю местные частоты — надо же знать, что впереди, хотя, скорее всего, то же самое. Полеты в визуальных условиях нежелательны. Облака прижимают меня к темной глади озер и роскошных лесов. Красиво. Если бы не думать о сюрпризах, которые сулят надвигающиеся тучи, я бы вовсе наслаждался. «Нет, дружок, ты неисправим! — говорит во мне любитель удовольствий, — Оставь эти страхи и любуйся — посмотри, какая красота вокруг! Чему быть, того не миновать. Так что не дрейфь и наслаждайся, пока есть чем!»

Да, конечно, может быть, в этом и есть житейская мудрость — видеть красоту даже в опасности. И если ее было в твоей жизни достаточно, значит, ты жил не зря.

Как я стремился на север, как долго об этом мечтал! Для меня это земля обетованная. Баффинова земля — часть канадской провинции Нунавут. Несколько лет назад, когда я помышлял только о восхождениях, мне очень хотелось побывать на этих островах, но, к сожалению, не удалось. Горы здесь изобилуют ледяными наслоениями, крутыми обрывами, пропастями, гранитными вертикалями. Моя экспедиция на Гренландию определила все мои дальнейшие устремления: Север запал в душу, покорил ее. Наша команда была довольно разношерстной — малоопытные юнцы. Наш руководитель, Янез, относился к нам по-отечески покровительственно. Мы прибыли на теплоходе, который выгрузил нас на берегу незнакомого фьорда, загроможденного торосами, и уплыл. А мы остались — маленькие, жалкие, с солидным багажом и сомнениями в собственных силах. Сначала продирались через прибрежную трясиину, которая затем постепенно сменилась ледником, уходящим в глубь промерзлого острова. Вид низко нависших туч угнетал даже тех, кто не привык унывать. Никто из нас и понятия не имел о том, что нас ждет. Кое-что об этих горах, к которым нужно прокладывать путь через ледник, мы, конечно, знали, но это были отрывочные сведения, да и уверенности в том, что удастся дойти до цели, не

было. Все необходимое для выживания в этой суровой местности мы несли с собой. Рассчитывать приходилось до грамма, до калории. Запас провианта позволял продержаться месяц, и если не уложиться в этот срок, если теплоход задержится — дело плохо. Пешком до цивилизации не дойти. Надеяться можно лишь на собственные силы, да еще на датчанина, который пообещал забрать нас на том же месте через четыре недели. У нас были все основания для того, чтобы чувствовать себя неуютно. Но стоило двинуться вперед — и тоска прошла. Ее сменила жажда открытий. Мы рвались навстречу судьбе. Карабкались на самые крутые отроги, проникали в нехоженые полярные просторы и вскоре позабыли о том, что позади остался фьорд, связывавший нас с жизнью. Крутые подъемы требовали сил, и потребляемые калории не могли возместить затрат. На протяжении четырех недель мы неуклонно тощали. Длительные переходы через посеченные ветрами льды изнуряли, в свете луны и звезд мы тащили вперед санки с запасами, грудью налегая на ляжку и встречный ветер. Порой кто-нибудь вдруг исчезал из виду. На поверхности виднелся лишь провал в снежном покрове, а сам человек болтался на вожжах нашей упряжки где-то там, в безветренной пустоте. Дыра во льду открывала путь холодному дневному свету в темные бездны. Бывало, весь обдерешься, пока тебя втащат обратно, но сколько же было радости, когда все заканчивалось благополучно! Я помню заросшие лица, согбенные фигуры, упрямо ввинчивающиеся в буран. Прерывистое дыхание, сухой кашель — мы выглядели как доходяги, которым папиросный дым выел легкие. И при этом то и дело шутили. Юмор приговоренных к смерти, которым отсрочили исполнение приговора.

Я был тогда слишком юн, и это не могло не отразиться на всей моей дальнейшей жизни. Я обрел свой путь, осознал относительность всего и себя самого в том числе — бесценный опыт для человека, вступающего в жизнь. И поверил в себя, в силу духа, в то, что безвыходных ситуаций не бывает. А главное — понял, что в человеке таятся неисчерпаемые запасы энергии и духовных сил, которые приходят в действие, когда встает вопрос жизни и смерти.

Поэтому я уже предвкушаю перелет через Северную Атлантику, через горы, которыми мог восхищаться только на фотографиях, через высокогорье, на три тысячи метров уходящее ввысь, покрытое вечными льдами, между которыми бирюзовыми вкраплениями тут и там сверкают озера. Я перелечу горную цепь восточной Гренландии, в бескрайних белых про-

сторах которой двадцать пять лет назад оставил свои следы...

Но стоит мне лишь подумать о том, что все это прекрасное будущее находится в руках чиновника, просиживающего штаны в пыльном кабинете, как в душе моей вспыхивает пламя, мощи которого было бы достаточно, чтобы растопить все ледники мира.

Сегодня исполнился ровно год с того дня как я пришвартовал «Голубую молнию» на аэродроме Сен-Лазар в предместье Монреаля и пассажирским лайнером вернулся домой. Я был так огорчен и вместе с тем зол, что тут же стал планировать новый перелет.

«Все равно облечу мир, никто и ничто меня не остановит», — твержу я себе, сознавая, что результат больше зависит от счастливого стечения обстоятельств. А если счастливые случаи не пожелают соизволения, то ничего не выйдет, как ни желай.

Вот урок прошлогоднего путешествия — не спрашивай, просто лети. Мне довелось убедиться в том, что наш мир по-прежнему огромен, его населяют представители различных рас и культур. Привычки и обычаи тоже разные. Различаются языки, письмо, пища, но БЮРОКРАТИЯ у всех одинаковая. Живет себе припеваючи на казенных харчах.

Мне довелось узнать, что бюрократия создается людьми, отдельными личностями, волей случая оказавшимися на государственной службе. В изобилии предписаний, которые добираются до самых мелочей, предусматривая любой сценарий, теряется разумность. Есть сферы, где жизнь слишком непредсказуема, где нельзя все разложить по полочкам, построить по мерке, определить. Невозможно. Ведь приходится иметь дело с людьми, которые постоянно в поиске, они хотят, чтобы в мировой истории или просто в их жизни появилась новая страница. Именно такие непоседы сообщают импульс прогрессу. Но общественное устройство не дает им простора. Поэтому значительную часть времени им приходится тратить на битвы с ветряными мельницами, при этом энергия, которую можно было направить на развитие, поглощается машиной госаппарата.

Бюрократ, желающий подстраховаться, чтобы не вылететь из кресла, должен неукоснительно следовать букве закона. Все, что не регулируется законом, почти преступно. А если кто-то добивается того, чего в законе нет, от него отрешиваются или ставят запрет. В системе для него нет места. Разумеется, когда возникает новая проблема, она может быть по-

новому осмыслена. И даже вмещена в существующие рамки. Но завязный бюрократ все равно прицепится к букве. Он твердо будет стоять на своем и не отступит ни на шаг.

Чем больше анализируешь, определяешь, классифицируешь, тем меньше места для инакости. Но ведь именно она приводит к новому качеству. Это можно сравнить с эволюцией живых существ: выживают лишь те, кому удается приспособиться к новым условиям обитания.

Конституция, в которой слишком много статей, плоха, она порождает много несправедливости. Чем больше пунктов, тем больше проблем. И тем больше обделенных. Возможность посмотреть на явления со стороны утрачивается. За деревьями не видно леса.

Вот нам стало зябко в гостинице. Термометр на свежеекрашенной стене показывает двадцать градусов, а мы полеживаем на кожаном диване и смотрим телевизор. Чего это я в собственном доме буду трястись от холода? — думаем мы, хватаем пульт и устанавливаем двадцать пять. Пять градусов — вроде бы пустячок, но если то же самое сделает еще миллиард человек, это даст себя знать. Электростанции прибавят оборотов, тепличные газы взметнутся в атмосферу, а вокруг планеты нарастет еще один слой невидимой оболочки, которая задушит нас всех. Почему мы не помним о том, что наша планета уникальна, как и все, что на ней происходит? Мы заняты только собой и привыкли решать свои проблемы, не соображаясь с окружающим миром. Миром, от которого мы зависим.

Во всех сферах науки ведутся крупные исследования, это прорыв в неизведанное. В бюджет заложены огромные суммы на поиск самого дешевого способа получения водорода из воды или на подчинение генома. Накапливаются кипы ученых трудов, изучить которые от корки до корки уже невозможно. Жизнь обретает интердисциплинарность, в ней связаны все отрасли науки, разработанные человеком. Именно взаимосвязь физики, математики, биологии, экологии, географии и других наук позволяет нам выжить. Но мы вступаем в период, когда индивидууму не под силу овладеть всеми науками сразу. Нет такого мыслителя, который сосредоточил бы в своей голове все знания и повел за собой остальных. Вот и получается, что мы ведем себя, как первоклассники, запертые в классе без учителя. Племя, лишенное вожака.

У меня есть друзья, коллеги, знакомые, принадлежащие к гвардии бюрократов. При этом они авиаторы. И все равно их не убедишь в том, что проблему

можно удержать в рамках логики, если закрыть глаза на тот или иной ее аспект. Что тут докажешь, если бюрократический подход прочно укоренился в голове, мозги остекленели, а нервные волокна обросли целлюлозой? «Интересно знать, до чего мы докатимся, если не будем придерживаться норм?» — вот ответ, на который они способны в лучшем случае.

И все-таки я не унимаюсь: «Да, конечно, правила нужны, иначе нас захлестнет анархия. Но нужны и люди с критичным подходом к этим правилам, которые отваживаются поменять правило, если это диктуется временем или ситуацией».

А поскольку бюрократов, которые обладали бы широтой взглядов, раз-два и обчелся, то разумнее всего поискать обходной путь. И они даже не обидятся, скорее, обрадуются, что их избавили от мучительной дилеммы, когда совесть велит отступить от предписанных норм, а разум требует послушания.

Одни живут для того, чтобы сочинять законы, другие — чтобы следить за их исполнением. А я — для того, чтобы их нарушать. Это мое кредо. Хороший повар отступает от рецептуры, и в результате возникают новые блюда, новая гамма вкуса. Хороший лыжник освобождается от догм, складывавшихся десятилетиями, и вырабатывает собственный стиль прыжка с трамплина. Хороший археолог откапывает сокровища там, где о них никто и не подозревал. Хороший альпинист пренебрегает техникой безопасности и одолевает непроходимый маршрут.

У истоков прогресса всегда стоят одиночки, которые смеют дерзнуть, невзирая на догмы.

Пропеллер бодро мелет густой зимний воздух, через двенадцать минут я на высоте трех километров — уже здесь мотор работает всего на восемьдесят процентов мощности. Знакомый пейзаж размывается, и подо мной оказывается монотонный, почти ровный рельеф. Впечатление такое, словно смотришь спутниковую съемку. Воздух разрежен, надо прислушиваться к машине. Здесь, на высоте, я чувствую себя особенно уязвимым — как если бы сидел голый на крыше кабины: внизу расстилается бездна, и если падать, то это даже не моментальная смерть. «Sinus» вдруг перестает ощущаться как нечто компактное, надежное и прочное. Пустота затягивает, беспокоит. А вот атмосфера спокойна. Но самолетом на высоте управлять труднее: минимальная скорость увеличивается, максимальная, наоборот, уменьшается. Поэтому скоростной диапазон сужен, и это не-

безопасно. Если скорость будет настолько мала, что крыло утратит свою несущую способность, самолет войдет в штопор, откуда его уже не вывести. А если будет слишком велика, самолет рассыплется в воздухе. На шести тысячах метров подъем прекращаю, тем более что я уже не в состоянии внятно отрапортовать диспетчеру, где я и какие действия собираюсь предпринять. Язык заплетается, а диспетчер, наверное, думает, что я просто плохо владею терминологией. Как бы не потерять сознание. Холодно. Снаружи минус двадцать восемь. Пальцы на руках побелели, ногти синие. Мне нехорошо, кровь отлила от головы, от щек. Испытываю самолет в горизонтальном полете. Записываю курс, высоту и скорость IAS — сто пятьдесят в час, температура двадцать четыре ниже нуля. Фактическую скорость назвать не берусь. Нехватка кислорода может давать довольно приятные ощущения, эйфорию, вниз совсем не хочется. Торможу и снижаюсь со скоростью более одиннадцати метров в секунду — туда, где с кислородом побогаче.

В результате этого полета мне удалось сделать кое-какие выводы. Что касается меня, то без кислородной маски пятитысячную отметку преодолевать не стоит. А вот мой «Sinus» способен забраться и выше шести тысяч метров!

Вскоре после пересечения границы облака подо мной смыкаются в плотный ковер над предгорьями Алтая. Лечу словно в молоке, из которого справа торчат вершины гор. Перебираю все возможные частоты VHS и KV, но безуспешно. Меня интересует погода в монгольском Улэгэе, там предстоит посадка. Плохо если облака не разойдутся, ведь Улэгэй лежит между горами. Ни в одном справочнике схем Джеппсен я не нашел сведений о STAR³ и SID⁴ для данного аэродрома. А ведь обычно там обозначаются все высоты и направления движения, которые способны без риска вывести из-под облаков. Без этого попытка сесть в условиях, где нет видимости, — практически самоубийство. И вот, пожалуйста: в направлении Улэгэй из плотного белого моря так и вырастает цветная капуста! Лететь назад — не хватит бензина. Барнаул тоже очень далеко, к тому же он в России, туда мне не позволяет расписание полета. Черные мысли одолевают меня, несмотря на то, что небо надо мной голубое и на данный момент ничего плохого не происходит.

Ближайшее будущее туманно. Составляю план вынужденной посадки. Если грозных облаков не бу-

дет, можно открыть над аэродромом парашют, еще находясь за облаками. Пусть я разобью самолет и путешествие будет окончено, однако при этом больше шансов выжить, чем если лететь сквозь облачность наугад. Вот только — раскроется ли парашют? Ну, а если соберутся грозные облака, то и парашют не поможет — турбулентность просто сомнет его, и мы вместе с ним грохнемся в дебрях Монголии. Бегут часы, топливо иссякает, напряжение растет. Пора бы уже принять решение. И тут вдалеке обнаруживаю серое пятнышко на белом фоне. Наверное, тень, отбрасываемая обособленным облаком. Не хочется разочаровываться. Уж лучше слабая надежда, которая не оправдается, чем горячая вера, которую охладит только суровая действительность. Сколько раз я уже надеялся, что впереди зияет просвет, а это была всего лишь тень. Но сейчас над белым ковром одиночных облаков нет. Надо срочно искать возможность для снижения, тем более что теперь я лечу над долиной, где проходит дорога. Это единственная связь с монгольским аэродромом.

Через несколько минут ныряю в дыру, солнце исчезает из виду, крылья рвут туман в клочья, а внизу уже видна трасса. Пронесло... Пейзаж внизу хмурый, но просматривается перевал, по которому проходит граница с Россией. Теперь рельеф понизится. Качка есть, но мне гораздо спокойнее, чем там, за облаками. Завихрений почти не чувствую. Перелетаю последний гребень, обозначенный на моей карте, снижаюсь в направлении поселка на берегу реки, но аэродрома не вижу. Опускаюсь на широкую песчаную дорогу, она довольно круто уходит в гору. Посадка грубая, да и не годится такой грунт для маленьких колес. Ветер пытается снести меня в ближайшие кусты, но пропеллер вовремя замирает. Вдоль дороги метет песчаная поземка. Креплю самолет к железным прутьям, вбитым в песчаную почву. Воскресенье, посадка без разрешения. С частотами Джеппсен наврал. Но монголы отнеслись с пониманием...

Вчера, когда я швартовал самолет, вслед за мной приземлился четырехместный «Falcon» с турбинным двигателем. Из него вышел высокий пожилой мужчина, который сначала даже и не привлек моего внимания. Барственные особы, позволяющие носить за собой свои чемоданы, меня никогда не привлекали. Потом мы на одном и том же трансфере ехали в город, вместе ожидали в службе размещения гостиницы, но не перемолвились ни словом. Чувствовалась

какая-то взаимная неприязнь. Наверное, моя персона показалась ему недостойной внимания. Мы без слов разобрались по своим номерам.

«Sinus» стоит в ангаре, ребята уже разобрали приборную доску, и тут перед ангаром останавливается тот самый «Falcon». Вылезает из него вчерашний господин. Мы стоим перед ангаром и молчим. «Подожди немножко, сейчас закончу и займусь тобой!» — кричат ему из ангара. «Yeah», — отвечает господин недовольным тоном.

Нам ничего не остается, кроме как вступить в разговор. Оказывается, он врач, у него есть собственный фармацевтический завод, приносящий скажочную прибыль.

«Я тоже был когда-то молодым и рьяным, летать начал на Аляске как буш-пилот⁵. Много ходил в горы, потом все это бросил и подчинил свою жизнь карьере и прибыли. Денег у меня куры не клюют, но что толку. Женат я был дважды, но дети от обоих браков со мной даже не знают», — вдруг сообщает наш собеседник.

«Что касается меня, достатком похвастаться не могу: фотография — дело неприбыльное», — делюсь я, на что господин с удивлением спрашивает: «Как можно заниматься тем, что не приносит дохода, и при этом выглядеть довольным? Фоторемеслом действительно много не заработаешь». «А мне много и не надо», — отвечаю. Некоторое время мы молчим.

«Что ж, наверное, ты прав. Мне ведь на прожитие тоже немного надо», — наконец произносит он. Мне жаль, что я был столь невосдержан на язык. Ему уже много лет, он одинок, а тем, кто его окружает, нужны лишь его деньги. И только сейчас он понял, что в жизни есть вещи поважнее. «Мне уже многое поздно», — бормочет он.

Мы с ним сближаемся. Представители разных миров, сторонники различных убеждений, мы в этот момент чувствуем одно и то же. Всю свою жизнь человек грабастал, а теперь не знает, что с этим делать. Я вот себя очень хорошо чувствую в своей оболочке. С деньгами, правда, все время проблемы, редко когда их хватает хотя бы на один месяц беззаботной жизни, но моя жизнь наполнена содержанием, и ни на какие деньги я это не променяю. Никогда! В конце концов, у гробовой доски все равны, и рано или поздно каждый поймет, что в жизни главное.

Мы приходим в этот мир, обладая памятью предков. Чаще всего наши предтечи нам неизвестны, но

их частица живет и в нас. Мы не знаем, как они прожили свою жизнь, праведно или нет. Но можно попытаться открыть в себе прошлое, и тут на помощь приходят житейские испытания. Нужно исследовать собственную душу, не пропуская ни одного уголка, а это огромный труд. «Жизни без страданий не бывает, — объясняю я детям. — Пока все идет гладко, пока не думаешь о смерти, не оказываешься на грани эмоционального срыва, до сути, до духа предков не доберешься. Тот, кто живет скучно, без всплесков и потрясений, так же незаметно потом переселяется в мир иной, и никто, даже он сам, не может сказать, зачем он жил».

Если поразмыслить — мне все равно, когда это со мной случится. Время не имеет ценности, пока мы не заключаем его в собственные границы, не задаем ему тех рамок, которые определяют длину секунды, часа, дня или года. Для меня ценность жизни — в ее осознании. Не так часто переживаешь моменты, когда можно себе сказать: я есть! И эти моменты чаще всего связаны со страданием, самоотречением, страхом пустоты. Лишь когда перед глазами разверзается бездна, начинаешь ценить жизнь во всей ее полноте. Только в такие моменты и можно сказать: как хорошо, что я есть!

На подсознательном уровне все совсем по-другому. Мы цепляемся за жизнь всеми силами, всем существом. Лишь бы остаться в этом мире, удержаться подальше от края. Философия тут не поможет — страх смерти слишком силен, а скорбь о том, чего мы не успели, просто невыносима. Я еще могу поделиться опытом с другими, поэтому должен жить! Это и есть тот самый страх — уйти, не выяснив, зачем приходил. Он же и утешает: я знаю, что еще вернусь.

Долина Амура остается позади, тусклое солнце едва проникает сквозь тяжелую влагу. Постепенно взбираюсь на три тысячи метров. Внизу лишь тайга, которой покрыты все более-менее высокие сопки. Слева от меня крупные губчатые облака, они расположены к юго-западу относительно моего маршрута. Впереди пока чисто. Потом прорисовывается тонкая белая линия — сначала не знаешь, есть ли она на самом деле или только кажется, затем она становится все яснее и реальней. Может быть, это горы, вершины которых покрыты снегом? Но в глубине души я знаю, что значит эта линия, просто ищу более удобные для себя причины ее происхождения. Значит, прогноз сбывается. Через час я окажусь уже там, вблизи. Об-

лака вздымаются так высоко, что выбраться из-под них нельзя. Их нижняя кромка свинцова. Этот серый цвет создается пеленой дождя. Внезапно оказываюсь в зоне проливного дождя и сильной турбулентности. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и лечу, пока не становится видна земля. Затем беру курс на юго-запад, параллельно фронту, надеясь где-нибудь обнаружить брешь. Приходится уйти с безопасной высоты, потому что видимость наверху сильно ухудшается. Через час замечаю посреди серой стены узкую воронку. Долго думать не приходится, рациональные решения в таких случаях не самые правильные. Влетаю в образовавшийся коридор, хотя несколько не уверен, что так и надо. Мечусь между ливнями и электрическими разрядами, в то время как все пути позади меня закрываются. Чем дальше, тем больше мне кажется, что я лечу прямо в ловушку, из которой не выбраться. Давно мне не было так одиноко. Тонкий пластик, отделяющий меня от разбушевавшейся стихии, кажется еще тоньше. Порой ощущение такое, что сижу прямо под дождем. Кроме того, самолет из пластика более уязвим для молнии, чем металлический. Если молния попадает в самолет из металлического листа, то заряд распределяется, как в Фарадеевой клетке, а пластик этого эффекта не дает. Скорее всего, с таким запасом горючего в пластиковых баках мы просто взорвемся. Молнии сверкают слева и справа, но впереди все время чудом открываются просветы. Впереди горная цепь, поднимающаяся до моей теперешней высоты. Выше нельзя — частота гроз не позволяет лететь в облаках. Это равносильно самоубийству. Лучше оставаться поближе к горам в надежде, что долины не закроются. С картой в руках ищу возможные маршруты, отмечаю проблемные участки и надеюсь, что карта хоть сколько-нибудь точна.

Нервы как струна, болят уставшие всматриваться в туман глаза. Самолет омывается потоками воды. К счастью, достаточно тепло, обледенения не происходит.

То, что я делаю, — огромная глупость, и мне это хорошо известно. Однако все другие варианты хуже и глупее. Запасных аэродромов нет, о возвращении и думать нечего, а вынужденная посадка в этих сопках может стать последней. Поэтому — только вперед.

Минуты тянутся одна за другой, долгие, как часы. Кажется, впереди немного развиднелось. Где-то недалеко уже хорошая погода. Последнее препятствие — две грозы, между которыми можно нащупать узкий проход. Молнии вспыхивают тут и там, и мне

остается только молиться, чтобы не зацепило. Впереди, быть может, на расстоянии пятнадцати минут, брезжит мое спасение, которое пока что кажется невероятным. До вспышек рукой подать, я рискую быть сбитым молнией в любой момент. Потом начинается град, он барабанит по обшивке, а мне кажется, что полуметровые иглы вонзаются мне в нервы. Турбулентность отчаянная. И вдруг все стихает, видимость удовлетворительная, между облаками мелькают фрагменты голубого неба. Пропеллер странно вибрирует, боюсь, что град его хорошенько побил. Мимо пышных кучевых облаков взмываю в синее небо, на солнце, в воздух, вязкий как мед. Вот и опять я на правильном пути, на предписанной высоте, и тут откуда не возьмись на связи возникает диспетчер. Отвечаю ему как ни в чем не бывало, впереди еще семь часов полета. Беру курс на север, на Охотское море. Встречный ветер крепчает, и моя скорость неуклонно падает. Спускаюсь ниже — это ничего не дает. В штормовом море покачиваются айсберги, ветер снес их к берегу. Продолжаю лететь над морем, придерживаясь берега, — вдруг откажет мотор. Лечу спокойно, но медленно. Предыдущей ночью поспать не удалось совсем, и глаза начинают слипаться. Все, что есть вокруг, воспринимается через какую-то пленку — порой кажется, что грань между сознанием и подсознанием не очень ясна. Если самолет уходит с курса, значит, я на минуту отключился. Есть, конечно, автопилот, но работает он неважно, и я им не пользуюсь.

Подо мной сейчас должен быть город Охотск, но его закрывает непроницаемый туман, простирающийся от холодного океана далеко на континент. Плотный слой облаков тянется в направлении Магадана. Сегодня Бог меня бережет. Перед аэродромом облака расходятся, и я без труда сажусь на бетонную полосу аэродрома Сокол. Ветер холодный, порывистый. Позади одиннадцать часов, проведенных в воздухе.

...Продолжаю путь над прекрасной землей, населенной прежде индейскими племенами, у которых была своя культура, свой взгляд на мир, свое объяснение жизни, космоса и Бога. Теперь у них есть интернет, они заключены в резервации, сверху незаметные. Подо мной чередуются причудливые разноцветные скалы, нависающие над глубокими каньонами, в которых тонкими ленточками выются реки. Вдоль излучин растут деревья, кустарники, трава. Наверня-

ка в этих местах когда-то жили индейцы — ели, спали, радовались жизни, любви. Потом умирали. Как и мы.

Столетиями сохранявшиеся маршруты бизонов и диких лошадей сменились асфальтированными шоссе, по которым в летнее время путешествуют массы туристов. Они хотят за короткое время отпуска посмотреть на народ, который их предки почти истребили. Это почитание вымирающей, в том числе и по их вине, культуры, стремление приобрести хоть ее частицу напоминает церковную исповедь. И я не лучше. Лечу и загрязняю им живительный воздух. Ворвусь в их жизнь, словно дурной сон, даже не сознавая этого, нарушу их покой, вспыхнут завистью глаза юного индейца, который знает, что ему никогда в жизни не побывать там, наверху, на этом маленьком белом летательном аппарате, который стоит бешеные деньги. Сопряжение двух культур. Контакт людей, живущих богато и достойно, и тех, кто может такую жизнь лишь наблюдать со стороны, быть может, восхищаться ею, но никогда к ней так и не прикоснуться. И мы еще требуем от них терпимости, улыбок и довольства... Отметаю грустные мысли — двуличие нашего мира и его двойная мораль меня удручают. Горизонт передо мной затягивают высокие облака, и я опять погружаюсь в свои проблемы, страхи, надежды, опять несусь навстречу судьбе, ищу на свою задницу приключений и неопишимо доволен, если они находятся.

На Севере черта между жизнью и смертью так тонка — никому не под силу долго противостоять холоду, голоду и ветрам.

Я это очень хорошо сознаю, сидя в тесной кабине самолета, режущего вечерний арктический воздух над Гудзоновым проливом. Морозно, однако этот мир так красив, здесь такие роскошные виды, что я и не чувствую, как зябнут ноги. Тихий вечер, хорошая музыка в наушниках — и опять на глаза наворачиваются слезы. Эта идиллия может вмиг обернуться катастрофой, гибелью в ледяных волнах арктического моря. Контраст настолько велик, что иной взгляд на жизнь приходит сам собой. Какая мощь таится в этом осознании красоты и смерти! Быть может, именно это чувствуют безнадежно больные или осужденные пожизненно. С одной стороны, светлая энергия жизни, с другой, причем в тот же самый момент, — темное небытие, неизвестное нам состояние. Как бы то ни было, смысл нашей жизни в такие моменты проясняется, он почти уловим. Все, что трудно выразить словами, встает на свои места. Жизнь прекрасна. Каждый миг,

когда мы ее не осознаем, проскальзывает мимо. Вечерние краски приобретают оттенок позолоты. Наверху они сливаются с холодной синевой, внизу — с чернотой моря. Солнце, пробиваясь сквозь ковер облаков, оставляет на водной глади светлые блики.

Душа распахнута, все органы чувств нацелены на то, чтобы вбирать в себя прекрасное. Нет приглушенности ощущений, к которой мы так привыкли в повседневной жизни. Такое случается всего несколько раз в жизни и не со всеми. В этом я больше чем уверен. Это минуты, когда сам себе кажешься маленьким, ничтожным, космос всей своей тяжестью наваливается на твое сознание. Абсолютные стандарты, навязываемые нам «нормальной» жизнью, становятся относительными. Такие понятия как «больше» — «меньше», «лучше» — «хуже» стираются. Нет ни красоты, ни уродства, ни белого, ни черного цвета. Остается лишь простая радость жизни, независимо от ее проявлений.

Три часа дня. Глушу мотор. Юго-восточный ветер и термические процессы, происходящие в атмосфере, позволяют планировать. Без труда поднимаюсь на высоту тысяча двести. Жарко, болтает. В долине вижу аэродром с травяным полем. Отсюда я вылетел восемьдесят дней назад на восток, а теперь возвращаюсь с запада. Видимо, Земля и в самом деле круглая. Я летел вперед, а прилетел обратно, как бумеранг.

За те два месяца, которые я провел в путешествии, мир не очень изменился. Люди в различных частях света все еще бьются между собой, каждый день грузовики везут просроченную пищу из супермаркетов на свалку, в третьем мире по-прежнему умирают от голода, продолжают процветать двойные и даже тройные стандарты, неискоренима извращенная мораль тех, кто умеет обратить себе на пользу работу государственной машины. По-прежнему нас убеждают в необходимости приобрести новые вещи, продукты, которых нам и не надо, в то время как мы остаемся глухи к невыносимым условиям существования населения к югу от Сахары и обитателей различных гетто, рассыпанных по всему миру.

И все-таки что-то произошло. Изменился мой взгляд на мир. Я понял: нет ничего само собой разумеющегося, неисчерпаемого, вековечного. Мир превратился в шар, который можно поднять рукой и, взвесив его на ладони, поразмыслить о его судьбе. Есть на нем леса, горы, реки и моря, есть воздух, но всего этого становится все меньше. И они

© Аэрофото Матвежа Ленарчика. Гранд Каньон. США

в одночасье могут исчезнуть навсегда. Мне безумно жаль, что я не в силах втолковать тем, кто населяет нашу планету, что они уничтожают себя и свою среду обитания. Остается только с горечью следить за тем, как этот шар утрачивает свою внутреннюю энергию, сообщенную ему миллиардами крохотных существ. Ощущение такое, словно пытаешься защититься от гибели снежок, обхватив его ладонями. Форма снежка при этом не имеет значения. Круглый он или плоский — все равно растает.

Я сижу в своем самолете, всего лишь тысяча метров отделяет меня от цели, и только свист воздуха, обтекающего крылья, говорит мне о том, что я еще лечу. В сердце моем нет особого ликования. Через пару минут я окажусь внизу, у цели, к которой непременно стремится любой путь. Ни ощущения триумфа,

ни эйфории — в душе царит покой. Мир действительно круглый и такой хрупкий! Это так же ясно, как и то, что человек — венец творенья, но ведь и он не вечен.

Примечания

- ¹ Фрагменты из книги «Вокруг Единого мира»
- ² Англ. Россия — прекрасная страна, но всеми силами старайтесь обойти ее стороной — слишком сложно и дорого!
- ³ Англ. Standard Terminal Arrival Route — документированная схема движения самолета по приборам в районе аэродрома перед приземлением.
- ⁴ Англ. Standard Instrument Departure — утверждённая схема выхода самолета по приборам из района аэродрома после взлёта.
- ⁵ Пилоты, обеспечивающие сообщение в труднодоступных участках во внеаэродромных условиях. ■□■

© Текст: Матвеж Ленарчик

«НОВАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ» словенской литературы

Алойзия ЗУПАН СОСИЧ

Философский факультет Люблянского Университета, Словения

Современная словенская литература является сочетанием различных течений, направлений, групп, индивидуальностей и поэтик. Как особый период она определяется, начиная с 1945 г., однако наиболее явно оформилась после 1960 г., что связано с широким общественно-культурным контекстом. Этот период стал временем наибольшего развития словенской литературы.

Для систематического объяснения особенностей и нововведений литературы, возникшей в Словении после 1990 г. — литературы, которая расцвела после распада СФРЮ, в первую очередь необходимо обозначить точки соприкосновения со всем литературным периодом, называемым современной словенской литературой. Здесь придется вернуться в 1980-е годы. Важнейшие политические и культурные потрясения того времени обозначаются такими терминами, как постюгославская, посткоммунистическая литература переходного времени. В Югославии возрастало недовольство социалистической системой, усиливался экономический кризис, с каждым годом увеличивалось стремление к независимости некоторых народов Югославии из-за все возрастающих межнациональных несогласий и напряженности.

Стремление к национальной независимости не привело в Словении к таким кровавым результатам, как в других бывших югославских республиках (Хорватии, Боснии и Герцеговине), ибо война за независимость словенского государства продолжалась всего десять дней — с 27 июня до 7 июля 1991 г. Словенская война за независимость была восстанием словенской территориальной обороны против Югославской народной армии, которая агрессивно отозвалась на появление независимого государства. Республика Словения стала независимым государством 26 июня 1991 г. За этим последовали вполне логичные для нового государства события: вступление в НАТО (29 марта 2004 г.) и 1 мая того же года — в Европейский Союз. Не только борьба за независимость, но и смена политической власти, т.е. социальной системы, с социализма на капитализм в Словении не была столь уж насильственной. Разрыв с коммунизмом был мягким, не революционным, так как президентом нового Республики Словения стал бывший лидер коммунистической партии.

«Постюгославскую литературу», включающую словенскую литературу в период после распада СФРЮ, наиболее точно определяют выражения «посткоммунистическая литература», «литература,

созданная после обретения независимости», так как одновременно с обретением независимости и возникновением Республики Словения сменился также и политический строй — с коммунизма/социализма на капитализм. Историю нашего новообразованного государства сближает с остальными (славянскими) государствами, в которых в указанный период произошли подобные изменения, термин «переходная литература», включая ее в общие процессы перехода в контексте глобализации и европеизации. Эти процессы роковым образом влияют на развитие некоммерческой литературы, к которой относятся словенские лирика, эпос и драма. Художественная литература сейчас обычно выходит тиражом 500 экземпляров (для сравнения — в СФРЮ обычный тираж художественной литературы составлял 10 тыс. экземпляров); также ухудшилось финансовое положение авторов. Рыночные отношения требуют от издателей печатать хорошо продающиеся книги (например, поваренные книги, книги о путешествиях и различные руководства по личностному росту в стиле нью-эйдж), в то время как некоммерческая литература востребована гораздо меньше.

В социалистической Югославии государство широко финансировало издание оригинальной художественной литературы и ее переводов, стремясь сохранить лояльность по отношению к югославской полинациональной идентичности. В Республике Словения сложилась парадоксальная ситуация: новое государство больше не ощущает такой необходимости беспокоиться об издании книг в смысле укрепления (национальной или европейской) идентичности, оставляя эту сферу частным издателям, в центре внимания которых находятся личные, а не общие интересы. Глобализация искусства и связанная с нею секуляризация художественной литературы в словенской культурной политике характеризуются разочарованием; ее отмечают и другие славянские страны. Марко Юван [Juvan 2002: 411] обосновывает схожие симптомы инославянских литератур следующей гипотезой: современные политические изменения (посткоммунистический переходный период, распад международных государственных и политических образований, обретение национальной независимости), саморегулирование национальных культурно-художественных систем и тенденция адаптироваться к глобальной (западной) культуре оформили схожую литературную жизнь, отмеченную коммерциализацией и секуляриза-

цией литературы, исчезновением ее мифическо-идеологических коллективных ролей.

В период после обретения Словенией независимости словенская литература, с потерей идеологическо-коллективных ролей, лишилась приоритета, которое в прошлом — как это ни парадоксально — смогла сохранить даже в период самых тяжелых политических репрессий. Если в 1980-е гг.¹ литература еще сохраняла национально-утверждающую (а потому и субсидируемую государством) функцию, то в 1990-е гг. она постепенно начала приобретать личностную роль. После образования новой Словении государственная финансовая поддержка сократилась, но, к счастью, не исчезла совсем. Государственные субсидии, хоть и не такие крупные, как раньше, все еще существуют: политики вполне осознают, что без субсидий в такой маленькой стране с двухмиллионным населением «некоммерческая» художественная литература обречена.

Ослабление национально-утверждающей роли литературы является решающим фактором не только при ограничении государственных субсидий, но и при выборе тем и мотивов в литературе. С созданием нового государства было бы логично ожидать, что в литературе будут отражены «большие» проблемы — независимость, государственность, европеизация, — но их вытеснили центральные так называемые «малые» темы личностной проблематики. Самым необычным является то, что эти «большие» темы не появились как центральные даже в романе, наиболее обширной повествовательной форме, которая уже благодаря принадлежности к известному роду литературы подходит для описания социальной проблематики.

А если политические движения и социальные преобразования практически не отразились в современной словенской литературе, то какие же темы в ней вообще преобладают? Уже с конца 80-х гг. это темы «малых историй», выстраивающие не национальную, а личную идентичность, в рамках которой чаще всего проявляется половая идентичность: отчуждение, скука, неудовлетворенность, романтические недоразумения, вторжение общественности в частную жизнь и — как следствие — страх перед потерей индивидуальности, турбокапиталистическая травма, коммуникационные барьеры... Доминирование частной жизни над коллективизмом выдвигает на передний план тему любви, что влияет также на выбор рода и жанра: в жанре романа пре-

обладает любовный роман, большую часть поэзии в последнее время также составляют любовные и эротические стихотворения.

Интересна не только замена общественных тем личными, но и смена литературной иерархии: сегодня роман приобрел лидирующее место по важности и популярности, которое много лет занимала поэзия. Словенская поэзия до самых 90-х гг. XX века всегда находилась на вершине литературной иерархии, что определялось развитием словенской литературы. Явлением искусства в европейском масштабе она стала еще в эпоху романтизма благодаря поэту Франце Прешерну (1800–1849). С тех самых пор все важнейшие культурные, литературные и политические изменения прежде всего отражались в поэзии. Словенцы из-за высокого качества своей поэзии, ее популярности и большого числа поэтов называли себя «народом поэтов». Поэзия в Словении все еще играет важную роль, но внимание СМИ и симпатии читателей в настоящий момент перешли в основном к роману.

Если 1980-е годы в Словении были периодом рассказов, то 1990-е, несомненно, стали временем романа. Количество романов в сравнении с восьмидесятыми годами выросло почти втрое, так же вырос и интерес к ним. Важным фактором увеличения влияния современного словенского романа является «Кресник» [Zupan Sosič 2003: 54] — премия за лучший словенский роман, которую с 1991 г. присуждает газета «Дело» («Труд»). «Кресник» в самом деле способствует популярности словенского романа, ведь общественность знает всех пятерых номинантов, а большинство читателей читают премированные романы. Популярности романа, несомненно, способствовала и общая атмосфера глобализации, которая отдает предпочтение напряженному и динамичному развитию сюжета.

Хотя постюгославская, посткоммунистическая литература, созданная после обретения Словенией независимости, имеет те же черты переходного периода, как и литература большинства стран, недавно вступивших в ЕС, все же в своей литературной специфике она имеет ряд отличий. Из всех направлений важнейшим для современной словенской литературы является модернизм, поскольку именно систематическое вхождение модернизма в словенское литературное пространство означает начало современной словенской литературы; к тому же модернизм является ее постоянным спутником — он не ушел из современной словенской литературы даже в

конце века, когда та уже распрощалась и с постмодернизмом. Модернизм — литературное направление, связанное с экзистенциализмом; оно появилось в современной словенской литературе после 1960 г. и присутствует в ней до сих пор. Основная особенность модернизма — когнитивный релятивизм, тесно переплетенный с метафизическим нигилизмом, в котором расщепленная личность субъекта формируется в потоке сознания как процессе. Для словенского, как и для европейского модернизма, существенно субъективное отношение к реальности, поиск нового и оригинального и восполнение трансцендентального дефицита избытком ценности искусства, что на уровне текста проявляется отменой логики повествования и линейности, ослаблением хронологического и причинно-следственного принципов развития событий. Преобразованию однозначности в многозначность, помимо поэтики фрагмента и автореференциальности, также способствует умножение перспективы и рассказчика и отклонение от референтной функции к поэтической и эстетической.

Важнейшими представителями модернизма после 1990 г. являются авторы, которые и прежде создавали модернистскую литературу; из поэтов значимыми фигурами являются, например, Нико Графенауэр, Ифигения Загоричник и Дане Зайц, из прозаиков — Лойзе Ковачич, Флорьян Липуш, Руди Шелиго, Владимир Кавчич, Неделька Пирьевец, Нина Кокель и Владо Жабот, из драматургов — Эмил Филипчич и Петер Божич.

В середине 1970-х гг. модернизм сменился постмодернизмом, но не полностью; модернистские тексты появлялись одновременно с постмодернистскими, постоянно присутствовали также традиционные произведения, которые не представляется возможным отнести к указанным направлениям. Этот переход был специфическим для словенской литературы, так как с самого начала постмодернизм укоренился в поэзии и лишь постепенно проник в прозу и драматургию (в отличие от мировой литературы, где постмодернизм наиболее характерен для прозы). Но здесь постмодернизм не совсем затмил модернизм, сохраняющий в словенской литературе до сегодняшнего дня, даже после ухода постмодернизма. Большинство специалистов (как, например, Huyssen 1986, Hutcheon 1996, Джеймсон 1988) понимают постмодернизм как ответ на модернизм, его герметизм и критику массовой культуры.

В то время как модернизм все еще поддерживает убеждение, что действительность, хоть и без ме-

тафизической основы, присутствует в самом сознании и его психическом содержании, постмодернизм усиливает метафизический нигилизм², предупреждая, что между внутрилитературной и внелитературной действительностью нет никакой разницы.

От постмодернистского текста уклоняются как внутренняя, так и внешняя действительность, и у него остается только автореференция; отношение к действительности также меняется из-за иного понимания литературы. В то время как модернизм ценил в ней оригинальность, новизну, постмодернизм понимает художественный текст как диалог литературы с литературой, ткани различных текстов, в которых мы различаем цитаты, комментарии, аллюзии и пародии на уже сложившиеся литературные пласты. Главной темой литературы в постмодернизме становится сама литература; под действием центральных процессов — метафизики и интертекстуальности — границы между реальностью и вымыслом стираются.

При обсуждении постмодернизма помимо статуса истины / истинности нужно учитывать также введенный Джеймсоном [2001: 13] термин «новая неглубокость», который относится к формированию нового общества, известного как постиндустриальное, информационное общество, общество потребления, где решающим фактором является отказ от традиционного дихотомического разделения на высокую и низкую литературу, а тривиальность является важной особенностью постмодернистской литературы.

На современную словенскую литературу постмодернизм влиял значительно меньше, нежели модернизм. За короткий временной промежуток двадцать лет, который длился примерно с середины 70-х до середины 90-х лет прошлого века, было опубликовано несколько поэтических сборников и очень мало прозаических и драматических текстов (в частности, поэтические сборники Светланы Макарович, Иво Светины, Милана Есича, Бориса А. Новака и Милана Клеча; прозаические работы Андрея Блатника, Димитрия Рупела и Горана Глвичича; драмы Драго Янчара и Душана Йовановича). Заслугой словенского постмодернизма в большей мере, чем появление постмодернистских текстов, является введение новых литературных перспектив и процессов.

Литературные процессы, введенные постмодернизмом, все еще частично присутствуют в словенской литературе, хотя постмодернизм уже к концу девяностых годов прошлого века иссяк. По

исчезновению постмодернизма возник вопрос: как же называть литературу, созданную после постмодернизма? Использовать ли широкие социологические термины, например, «литература постмодерна» [Hassan 1987], и общие литературоведческие термины, как, например, «постпостмодернизм» [Эпштейн 1998], или пойти на риск и объединить новые тенденции под именем нового литературного направления? В Словении две эти тенденции объединились, и только дальнейшие исследования смогут подтвердить, какая из них является наиболее целесообразной.

Сосуществование различных явлений в словенском постмодерне успешнее всего можно охватить термином *литературный эклектизм*, который включает в себя жанровый, родовый, стилистический и формальный синкретизм.

При подробном рассмотрении литературного эклектизма можно прийти к выводу, что его костяк составляют традиционные процессы, а именно: привязка к традиционным родам литературы, жанрам и формам, формальные и стилистические приемы, трансформированные с помощью различных инноваций и изменений. Словенскую литературу можно также определить как «модифицированная традиционная литература»; наиболее устоявшимся является выражение «модифицированный традиционный роман».

После 1990 г. появился термин *новая эмоциональность*. Он охватывает общие черты текстов с точки зрения формирования личной идентичности и нового типа эмоциональности литературного субъекта в литературе. Субъект не принимает участие в вымышленной реальности ради того, чтобы указывать на определенные ошибки или формировать «большую историю», но судорожно стремится определить свою индивидуальность посредством удобочитаемой «малой истории», связанной с узнаваемыми жанровыми, стилистическими и формальными моделями.

Описание уже не общественной, а интимной проблематики отсылает к устоявшимся жанровым, стилистическим и формальным образцам и модифицирует их с точки зрения новой эмоциональности. *Новая эмоциональность* — это чувство особого сплина, можно сказать, постмодернистского сплина, опирающееся на традицию. Она отличается от постмодернистской эмоциональности, которая в своей уже почти барочной и научной перенасыщенности указывала на собственные источники

вдохновения, на своих «собеседников» в диалоге литературы с литературой. *Новая эмоциональность* предпочитает направлять иронию и пародию на внелитературные и внутрилитературные стереотипы, при этом не указывая на предмет.

Упразднение механизмов узнавания, отсылка исключает из литературы также впечатление сконструированности и смоделированных эмоциональных состояний, которое являлось наиболее очевидной особенностью постмодернистской эмоциональности.

Именно к отношениям полов, к любовной теме, при опоре на литературную традицию представляется возможным отнести возникновение новой эмоциональности, которая ставит многочисленные вопросы гендерных ролей, (не)гибкой идентичности и интимных затруднений. Таким образом, новая эмоциональность, рождается между новой серьезностью, юмористическо-ироническо-пародийной осознанностью и постмодернистским сплином — состоянием, которое наиболее ясно определяется пассивной скукой и онемением постмодернистского субъекта, замороженного современным гедонизмом.

Все эти особенности наводят нас на мысль о том, что после исчезновения постмодернизма в словенской литературе различные тенденции могли бы оформиться в новое литературное направление. На возможность возникновения нового литературного направления уже указывает социологический факт того, что отказ от какого-либо нового тренда или его упадок (например, постмодернизма) обычно означает неизбежное «рождение» нового тренда.

Гарри Поттер и Хосе Лопез (2006: 3–16) обосновывают эту диалектику необходимостью появления иного литературного направления, доказывая, что постмодернизм более не отвечает запросам сегодняшнего дня. Оба ученых указывают на то, что уже в период постмодернистского повествования появилась оппозиция его сложности, которая называется просто «реалистическое письмо», и предлагают в качестве оппозиции постмодернизму так называемый «критический реализм». Джеймсон (2007: 261–271) также отмечает присутствие реализма уже в постмодернизме, где находит реконструкцию различных историй или расширенное фабулирование, которое он называет «остатками реализма», приспособленными к массовой культуре. Мы разделяем мнение этих ученых, поскольку и в Слове-

нии наряду с постмодернистской литературой появлялись произведения традиционной литературы с реалистическими тенденциями. Традиционная литература была качественно и количественно сильнее постмодернистской литературы. Именно из-за этого в отношении словенского романа 1990–2010 гг. используется термин «модифицированный традиционный роман с чертами реализма».

Представители этого жанра — Берта Бойету, Алеш Чар, Мате Доленц, Франьо Франчич, Нейц Газвода, Полона Главан, Зоран Хочевар, Фери Лаиншек, Миха Маццини, Андрей Морович, Борис Пахор, Андрей Скубиц, Марко Сосич, Марьян Томшич, Сузана Тратник и Яни Вирк. Традиционный роман с чертами реализма написан по образцу реалистического романа, но его модель трансформируют различные (пост)модернистские преобразования.

Традиционность новейшего словенского романа основана на обобщенной истории, мотивированных отношениях между персонажами и узнаваемом хронотопе. Современный словенский роман является повествовательным в узком смысле слова — несмотря на временную лиризацию и эссеизацию, преобладающим процессом является повествование, структурированное в виде последовательности событий, которые на основе хронотопных и причинно-следственных отношений формируют историю. Повествовательность отделяют от традиционности три модификатора: жанровый синкретизм, обновленная роль рассказчика и большое количество диалогов.

Для того чтобы обстоятельно рассуждать о новом реалистическом направлении, необходимо доказать наличие общих характерных признаков у большей части текстов, понимаемых нами как реалистические, и прежде всего — определить реалистическую технику и реалистическое направление. Таким образом, вопрос о реализме — это вопрос о понимании реализма в широком или узком смысле.

Реализм в узком смысле, историческая концепция реализма, ограничивается реализмом как литературным направлением XIX в., которое получило продолжение в XX в. в виде психологического реализма, социального / социалистического реализма и неореализма. Напротив, реализм в широком, «надисторическом» смысле, трактует реализм не как направление, а как способ, метод или технику письма, создающую впечатление записи или отражения реальной жизни. Разумеется, реализм является не

непосредственным или простым воспроизведением реальности, а системой конвенций (Baldick 1996: 184), которые создают иллюзию реального мира за пределами текста с принципом вероятности, в то же время из-за признания реальных жизненных проблем отрицая идеализацию и эскапизм. Мы полагаем, что реалистические произведения появляются в каждую литературную эпоху, чего нельзя сказать о модернистских. В последние двадцать лет в Словении реалистическими являются произведения, которые мы выше обозначили как модифицированный традиционный роман с чертами реализма. Их общими чертами являются: преобладание реалистической техники, стремление к описанию убедительной реальности, отсутствие требования к проверяемой миметичности, а также принцип типизации и маркированности речи исходя из социальных, психологических и интеллектуальных особенностей персонажей. Указанные черты имели важное значение уже в некоторых ранних формах реализма, теперь к ним добавились новые особенности: влияние различных СМИ, высокая степень идеализации и гиперболоизации, требование к читаемости, связанное с эстетикой тождества, т.е. удовольствием при чтении уже известного, отсутствие проникновения эстетики в социальную сферу, игра с установленными жанровыми, стилистическими или повествовательными формами и принципами тривиальности, отсутствие единой эстетической или философской директивы, обращение от общественного к интимному и от общего к частному... Если дальнейший анализ покажет, что большая часть словенских романов последних двадцати лет в самом деле реалистична, потребуется найти для термина (реализм) подходящую приставку.

В выборе приставки для обозначения нового направления, возникшего после постмодернизма, мы согласны с Эпштейном (1998: 139–142), русским исследователем новейшей литературы, который особо выделяет приставку «транс-». По его представлению, явления и понятия новой эпохи, такие как истина, объективность, субъективность или сентиментальность, преобразуются в понятия с приставкой «транс-»: транс-истина, транс-объективность... Это понятия, которые включают элемент сравнения с чем-либо (с истиной, с объективностью...), знают о своей повторяемости — и хотят быть выраженными именно в форме повторения. Как бы парадоксально это ни казалось, именно через повторение все эти понятия снова приобретают подлинность «Транс-»

укрепляет непрерывность будущего и прошлого, выходя за рамки области отчуждения, иронии, пародии, чтобы обозначить свой статус возможного как может-быть-истина, может-быть-объективность.

Таким образом, для обозначения литературного направления современной словенской литературы мы предлагаем термин трансреализм, который должен иметь также общие содержательные или тематические структуры, так как идентифицируется не только с вышеприведенной реалистической техникой. Трансреализм уже самой приставкой указывает на свою тесную связь с предыдущими реалистическими направлениями, на то, что в своей повторяемости и синкретизме он обретает новые измерения, проникнутые обновленным положением литературного субъекта. В различных литературах он обозначается по-разному: в немецкой литературе установилось обозначение «новая субъективность», в русской — «новая искренность», в английской — «наднациональная субъективность», в словенской литературе мы назвали особое духовно-историческое и эмоциональное состояние постмодернистского субъекта «новой эмоциональностью»³. Мы понимаем ее как связь особого духовного сплина с проблемой идентичности в современной словенской прозе.

Субъект, литературный персонаж и/или рассказчик, участвуют в вымышленной реальности не для того, чтобы привлечь внимание к ошибкам общества (что было характерно, например, для реализма, неореализма, социального/социалистического реализма), но отчаянно стремятся обеспечить свою индивидуальность в читаемой истории, связанной с узнаваемыми жанровыми, стилистическими и другими повествовательными моделями. Интимная история является частью постмодернистского сплина, усталости и скуки постмодернистского субъекта, влюбленного в наивный гедонизм, и новых эмоциональных движений при поиске идентичности: (пере)оценка гендерных и национальных стереотипов при конструировании гибкой идентичности, создание юмористической, циничной или пародийной дистанции и отсутствие единой эстетической или философской директивы. Реалистический принцип типизации направлен, прежде всего, на своеобразие речи как миметическое средство характеристики; вследствие этого в современной словенской прозе значительно увеличилась доля диалогов. Таким образом, трансреализм содержит старые и новые особенности: в своей связи с универсальной реали-

стической техникой он утверждает установленные особенности, в то время как новая эмоциональность обновляет его с помощью современных перспектив и методов, при этом им приобретаются даже некоторые (пост)модернистские черты.

Трансреализм — как возможность общего наименования явлений, наблюдаемых в словенской литературе после 1990 года и объединенных термином «модифицированная традиционная литература» — представляет по сути своей преобладание реалистической техники, связанной с предшествующими направлениями европейского реализма, обновленное новой эмоциональностью, то есть чувством особого сплина, опирающегося на традицию. Она ставит многочисленные вопросы гендерных ролей, (не)гибкой идентичности и интимных затруднений и, таким образом, рождается между новой серьезностью, юмористическо-ироническо-пародийной осознанностью и состоянием пассивной скуки постмодернистского субъекта.

Перевод со словенского Марии Громовой

Литература

- Baldick, Chris, 1996: *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Eshelman, Raoul, 2001: Thematischer und performativer Minimalismus bei Eric Gaus und Pelevin, Viktor. In: Mirjam Goller, Georg Witte (red.): *Minimalismus zwischen Leere und Exzeß. Wiener Slavistischer Almanach*, Dunaj, zv. 51, 234–247.
- Epštejn, Mihail, 1998: *Postmodernizam*. Beograd: Zepter.
- Hassan, Ihab, 1987: *The Postmodern Turn. Essays in Postmodern Theory and Culture*. Ohio State University Press, Ohio.
- Hutcheon, Linda, 1996: *Poetika postmodernizma*. Novi Sad: Svetovi.
- Huyssen, Andreas, 1986: *After a Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism*. Bloomington: Indiana University Press.
- Jameson, Fredric, 2007: A Note on Literary Realism in Conclusion. Matthew Beaumont (ed.): *Adventures in Realism*. Oxford: Blackwell Publishing. 261–271.
- , 2001: *Postmodernizam*. Ljubljana: Društvo za teoretsko psihoanalizo.
- , 1988: *Postmodernizam ili kulturna logika kasnog kapitalizma*. V: *Postmoderna: Nova epoha ili zabluda*. Zagreb: Naprijed.
- Juvan, Marko, 2002: Iz slovanskih literatur na koncu 20. stoletja — uvodnik. *Slavistična revija* 4, 411.
- Lodge, David, 1988: *Načini modernog pisanja*. Zagreb: Globus in Stvarnost.
- , 2003: Roman na križpotju. *Sodobnost* 11–12, 1423–1435.
- Potter, Garry, López, Jose, 2006²: *After Postmodernism?* López, Jose (ed.): *After Postmodernism?* London, New York: Continuum, 3–16.

Repe, Božo, 2002: *Jutri je nov dan*. Slovenci in razpad Jugoslavije. Ljubljana: Modrijan.

Steiner, Georg, 2003: *Resnične prisotnosti*. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura (Zbirka Labirinti).

Travers, Martin, 1998: *An Introduction to Modern European Literature: From Romanticism to Postmodernism*. London: Macmillan Press.

Vattimo, Gianni, 1997: *Konec moderne*. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura (zbirka Labirinti).

Zupan Sosič, Alojzija, 2006: »Gender Identities in the Contemporary Slovene Novel«. <http://clwebjournal.lib.purdue.edu/clweb06-3/contents06-3.html>

-----, 2004: Identitet savremenog slovenskog romana. *Razlika/Différance. Časopis za kritiku i umjetnost teorije* 9, 33–45.

-----, 2006: *Robovi mreže, robovi jaza: Sodobni slovenski roman*. Maribor: Litera.

-----, 2006: »Sodobna slovenska proza.« *Svetovni dnevi slovenske literature*. Ur. Zupan Sosič, Alojzija; Nidorfer Šiškovič, Mojca. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 2006, 13–17.

-----, 2008: The Contemporary Slovene Novel. *Slovene Studies* 30, no.2, 155–170.

-----, 2003: *Zavetje zgodbe: Sodobni slovenski roman ob koncu stoletja*. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura (Zbirka Novi pristopi).

Примечания

¹ 1980-е годы были совершенно иными также и с точки зрения участия писателей в общественной жизни. В Словении именно писатели всегда наиболее остро реагировали на политические изменения или были их глашатаями. Таким образом, процесс обретения независимости связан с Обществом словенских писателей (DSP) и созданием журнала *Nova revija* (1982), хотя «словенская весна» была вызвана деятельностью и некоторых других подобных учреждений, а также новыми общественными движениями и журналом *Mladina*. 57-й выпуск журнала *Nova revija* в 1987 г. удивил «Тезисами словенской национальной программы», в которых авторы с различных позиций рассматривали вопросы организации словенского гражданского общества и политического государства в демократической республике. Обновленный вариант этого выпуска был представлен в 95-м выпуске журнала *Nova revija* (1990) с заголовком «Независимая Словения», который представил основу демократии с парламентскими выборами и территориальной независимости Словении.

² Мы согласны с Ваттимо [1997: 23] в том, что метафизический нигилизм в постмодернизме перешел в фазу, которую можно обозначить фразой Ницше «совершенный нигилизм»: это нигилизм, который осознал, что именно нигилизм является его единственной возможностью.

³ Новую эмоциональность мы трактуем в своей книге «Край сети, край эго. Современный словенский роман» (2006: 28–45) как общее определение романов последних пятнадцати лет и их движений личной идентичности, которые с точки зрения пост-постмодернистской эстетики могли бы быть также признаками нового направления. ■□■

© Текст: Алойзия Зупан Сосич

«Текучая современность» словенской драматургии

РАСПАД МИРА
ПО МЕРКЕ ЧЕЛОВЕКА

Криштоф Яцек КОЗАК

Человек рождается свободным,
но повсюду он в оковах.

Ж.-Ж. Руссо. «Об Общественном договоре,
или Принципы политического права»

Изначально драматургия считалась литературным жанром, цель которого, как позже скажет Шекспир, — держать зеркало перед природой. Но зеркало это было опосредованным, ибо авторов в большинстве случаев интересовала жизнь отдельных людей (еще Аристотеля, к примеру, занимал исключительно характер, а не поступки персонажа драмы, которые в XIX в. привлекут внимание Гегеля), и только через эти отдельные судьбы можно было догадаться о положении дел в обществе, в которое драматурги поместили своих героев. Так, например, только из личной трагедии Гамлета можно было узнать о том, что «неладно что-то в Датском королевстве». Античные трагедии (а также большая часть шекспировских, шиллеровских драм и пьес эпохи классицизма), действительно, всегда описывали отдельных героев и их судьбу, но эти герои были скроены по мерке общества, все они были либо монархи, либо знатные особы самого благородного рода: Эдип — властитель Фив, королем был также Агамемнон; Антигона, воспротивившаяся Креону, была дочерью Эдипа, Медея — внучка бога Гелиоса — убила королевского сына Ясона, и т.д. Таким образом, из трагедий Фиванского цикла можно почерпнуть то, что с крахом отдельного правителя или его рода заканчивала свое существование и конкретная общественная формация. Вот почему к большинству этих героев применимо высказывание Короля-Солнца «*l'état c'est moi* (государство — это я)»: судьба королей была как бы и судьбой их государств.

Сравнивая античные и классические трагедии с современными драмами, приходится, к сожалению, констатировать, что это малосопоставимые категории. Во-первых, изменились герои: теперь на сцену выходят представители всех общественных слоев. Но хотя их персональные судьбы — действительно только их собственные, идиосинкратические и прочувствованные, тем не менее невозможно полностью исключить оценку общественных отношений, которые вырисовываются на заднем плане, поскольку герои вынуждены жить в предложениях автором обстоятельствах. Современные герои становятся/остаются отдельными личностями, а из развития их

драматических судеб всегда можно понять, каково настоящее состояние в обществе и в мире: на основе судьбы миллеровского Вилли Ломана мы узнаем американское общество после Второй мировой войны, а, например, из драмы Равенхилла «*Shopping and Fucking*» — Великобританию конца XX века. В принципе же можно заключить, что, несмотря на все вышесказанное, отличие современной драматургии от античной в отражении социальных перспектив на самом деле не столь уж разительно, нежели кажется на первый взгляд. Если античные герои, так сказать, воплощали собою государства, то современные представляют собой сугубо *pars pro toto*, но они так же (если даже не более) информативны, как те — из прошлого. И на основе современных драматических (талантливых: — Прим. ред.) текстов также можно судить о состоянии современного мира, вернее — о современном распаде различных систем в целом. Словенские пьесы в этом плане не отстают от мировых, а возможно, даже входят в число наиболее ангажированных.

После Второй мировой войны словенская драматургия переживала весьма специфическое время, пыталась бороться с общественной системой более тем или иным опосредованным способом: прежде всего поэтической драмой и драмой абсурда, тогда как политические пьесы оставались в тени. Таким образом, понять, что за политический климат царил тогда в СФРЮ, можно было преимущественно на основе либо нарочито абсурдных (П. Божич, Д. Йованович, М. Есих, Э. Флисар, М. Зупанчич), либо поэтических (Д. Смоле, Д. Зайц, Г. Стрниша, В. Тауфер, И. Светина, Р. Шелиго, Б.А. Новак) пьес. Оба этих направления присутствуют в словенском театре и сегодня, тем не менее можно утверждать, что современная драматургия гораздо более открыто интересуется жизнью общества, откровенно бичует извращения современного мира, отображает страдания, причиняемые ими отдельным представителям общества, а в их лице — и в целом общественным группам, представителями которых те являются.

Словенский философ Младен Долар когда-то сказал, что когда-то известный 11-й тезис Маркса о Людвиге Фейербахе следует читать наоборот: дело заключается не в том, чтобы изменить мир, сначала нужно понять его. Именно в этом словенская драматургия проявляет себя вполне современно, поскольку удивительным образом гармонирует с современной мировой философской и социологической

мыслью, которая послужит нам опорой при экзегезе нынешних словенских пьес.

СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕКОВ

Симптоматичными для современного мира являются драматические тексты, представляющие индивидуумов и их смешные, нелепые либо трагические судьбы, возможные только сегодня. Эти пьесы, пусть без непосредственной критики современного общества, показывают страдания простого человека в этом жестоком и несправедливом мире действительно глубоко и актуально. Не называя открыто главных виновников, эти драмы рисуют отдельные человеческие судьбы вопреки постмодернистскому осознанию конца *grands récits* (метанарративов). С помощью миниатюр драматурги выписывают конкретные комментарии действительных ситуаций, которые во все времена являлись предметом театрального исследования.

В качестве одного из наиболее значительных авторов этого направления можно назвать Драгицу Поточняк. Она — одна из тех редких авторов, кто уделяет внимание двум исключительно современным темам: во-первых, распаду социалистической Югославии, сопровождавшемуся войнами, а во-вторых — маргиналам, обделенным¹.

И хотя голос Д. Поточняк был скорее «гласом вопиющего в пустыне», тем не менее она высказалась откровенно и осудила несправедливое отношение общества к стигматизированным людям «социально-го дна» или отдельным личностям с социальных окраин. В своих драмах Поточняк изображала военных беженцев («Алиса, Алиса», 1996), цыган («Kalea», 2000), умственно отсталых («Шум, который производят животные, невыносим», 2003), несчастных, но неординарных людей («Танец бабочек», 1994), женщин — жертв насилия («За наших дам», 2006). Эта драма в 2007 г. была отмечена премией Грума как лучшая словенская пьеса прошлого года). Одним словом, ее герои отнюдь не вписывались в благостные пластиковые картинки на телевизионных экранах.

Кризису личности, или, если быть точнее, кризису человеческих отношений уделяет внимание молодой драматург Симона Семенич в своих пьесах, также отмеченных премией Грума: «*5fantkov. si*» (2008, награда 2009 г.) и «*24 часа*» (2009, награда 2010 г.). В первой драме посредством различных электронных игр, в которые играют пять мальчиков, автор показывает отрешенность детей от мира

взрослых, в котором мы все живем. Во второй пьесе исследуются — так или иначе — пустые, ни к чему не ведущие отношения людей. В итоге герои оказываются лишенными не только друг друга, но прежде всего самих себя, т. е., по сути, лишены фундаментальной человеческой значимости. Единственная ценность, которая у них еще есть, — это стать либо потребителями в современной капиталистической системе, либо отверженными, заслуживающими консолидации *per negationem*, т. е. маргиналами, которых «благополучное» общество должно считать своими врагами.

НОМО SACER/ГОЛАЯ ЖИЗНЬ

Речь идет как раз о таком типе человеческого существования, которое в 1995 году потрясающе описал итальянский философ Джорджо Агамбен и, основываясь на специфическом институте римского права, назвал его *homo sacer*. Эта синтагма не означает «святости», а обращает внимание на объективизацию определенной группы людей. По словам Агамбена, *homo sacer* возник в процессе модернизма, который обесценил человека как такового, отнял у него его социальность, при этом единственное, что у него осталось ценного, — это его «голая жизнь», категория, «обитающая в биологическом теле всякого живого существа» (Agamben, 151). Так человек стал объектом, а не субъектом политики, как функции *полиса*. Святой человек — «святой и проклятый» одновременно (там же, 88). Это означает, что на самом деле он не относится ни к одной, ни к другой категории: он исключен как из сакрального мира, так и из профанного. Его общественная суть заключается в том, что он изъят из сферы действия человеческих правил, то есть не подчиняется обычным законам, регулирующим отношения между людьми. Поэтому, говорит Агамбен, его можно даже убить. Зажатый между двумя мирами, «святой человек» представляет собою существование «вне». Но именно благодаря этому его жизнь приобретает смысл в обществе, ибо прекращение его жизни — которая жертвоприношению не подлежит — становится основой политической конфигурации (ср. [Agamben 99]. Такой тип доната очищенной жизни Агамбен находит, например, в концентрационном лагере). Но подобные бесправные и «обнаженные» жизни можно найти и в современном обществе. Правда, цель у них иная: их смерть неожиданно консолидирует общество, объединяя его в чувстве отвращения к себе. Проблема,

которую Агамбен видит в современности, заключается в том, что границы обычных межчеловеческих социальных, а также этических категорий разрушены «до основания». Так, Агамбен ныне причисляет к группе отверженных беженцев: «нарушив преемственность, связывавшую человека и гражданина, связь рождения и национальности, беженцы обнажили иллюзию, лежащую в основании суверенитета современного типа. Вместе с беженцем, являющим собою этот разрыв между рождением и нацией, на политической сцене на какой-то миг вдруг оказывается “голая жизнь”, которая и есть его тайная, подлинная сущность» (там же, 142). Более чем очевидно, что в этой роли оказываются главным образом социальные парии, в числе которых сегодня находятся в основном обделенные слои — нелегальные иммигранты, «бомжи», нищие, просители убежища, беженцы, цыгане, душевнобольные и т. п.

Таким образом, эти драмы обнажают общественную перспективу, ибо через индивидуальные судьбы героев пьес в деталях вырисовывается картина общества и отношения в нем.

В этой группе, прежде всего вновь стоит отметить Д. Поточняк и ее драму «Алиса, Алиса» (1996), в которой автор со всей остротой выносит на суд публики драматический конфликт боснийской беженки Алисы. Алиса относится к группе «святых людей», и именно это почему-то дает людям основание совершать над нею дальнейшее насилие. Драма представляет собою, во-первых, бессильный протест Д. Поточняк против войны в бывшей Югославии, во-вторых — обличение общества, которое под личиной «милосердия» и «миротворчества» попросту издевается над этими несчастными, допуская еще и психологическое насилие. В конце концов, пред нами предстает удручающая картина психопатологии общества, которое, чтобы чувствовать себя увереннее, непременно должно издеваться над другими, унижая их человеческое достоинство.

Молодая девушка, по ассоциации с «Алисой из Страны чудес», являет собою центр всех этих чудовищных видений, а все более патологически жестокое поведение словенской мещанки раскрывает лживость и извращенность общества, которое допускает это. Поскольку Алиса не может дать отпор своей «спасительнице», попросту загоняющей ее в угол, она выбирает самоубийство — как единственный оставшийся ей выход. Беженка приносит себя в жертву на алтарь «нормальности» современного мира, сошедшего с ума. Осуждение бесчеловечного

и аморального общества вряд ли могло бы быть более жестким и открытым.

Драме «Упражнения по страху» Мёдерндорфера в 2012 году была присуждена премия Грума в номинации «Лучший словенский драматический текст прошлого года». Эта «Пьеса о нынешнем времени» (таков у нее подзаголовок) дает почувствовать целостность представленных отношений. Мир персонажей драмы, в соответствии с современными прогнозами (которые, например, сделал Пол Кругман²), разделен на два социальных слоя, поскольку третий, так называемый средний «образованный» класс, в соответствии с докладом Кругмана, опускается все ниже по социальной лестнице, все больше беднеет и практически исчезает. Об этом писал также и Наом Хомский в своей книге «Прибыль на людях». Поэтому, вероятно, не случайно Мёдерндорфер взял цитату из этой книги в качестве эпиграфа к другой своей драме — «Десять», речь о которой пойдет ниже.

Наиболее многочисленный — нижний слой (вслед за мировым протестным движением последних лет можно сказать, что речь идет о большей части известных 99%), с трудом балансирующий на пороге нищеты. Это люди, которые по тем или иным причинам (недостаточное образование, неуверенность в себе, пассивность, страх, «вписаться в предлагаемые обстоятельства» и т. п.) не смогли выбиться в число обеспеченных. В драме «Упражнения по страху» классовые противоречия в современном обществе символически показаны с точки зрения нижних социальных слоев: лишних рабочих, безработных уборщиц, зомбированных сотрудников, полностью зависимых от владельца/работодателя, выполняющих приказы «хозяина» в роли «шестеренок» в жесткой капиталистической системе и т. д. Больше всего поражает образ Шефики, матери двоих детей, работающей уборщицей в фирме и вдруг оказывающейся «технологическим излишком». Потеряв даже эту грязную работу, она не может прокормить своих детей, поэтому «прячется <...> от них, когда они плачут. Закрывается <...> в туалете, покуда они не заснут» (Möderndorfer: *Vaje iz tesnobe*, 20). Она приходит на фирму, где раньше работала, умоляет о помощи, но каждый раз ее прогоняют вон. Однажды Шефика признается, что больше не любит своих детей, ибо «трудно их любить, если не можешь накормить» (там же, 62). Но, оказывается, детей уже нет, она их убила. Потом Шефика покончила с собой. Хотя кто-то может возразить против подобной «чернухи» и экстремального представления отдельных жизней,

однако стоит отметить, что еще до Агамбена социологи предсказывали подобные судьбы. Один из них — Рене Жирар, в своей теории насилия, которая якобы является центростремительной силой сообщества, обосновал ритуальное жертвоприношение отдельных представителей этого сообщества. То есть речь идет о группе людей, которыми возможно, если даже не необходимо, пожертвовать для консолидации сообщества. Это «внешние или маргинальные индивидуумы, которые неспособны устанавливать или поддерживать общественные связи, связывающие других представителей общества. Статус чужих или врагов, рабское положение или просто старость не позволяет этим будущим жертвам полностью интегрироваться в общество» (перевод цитаты, цит. по [Bauman 2002, 245]). Именно эти люди, выпавшие из общественного механизма, становятся вдруг настоящим «лишними».

Все упомянутые драмы показывают отдельные судьбы людей, которые живут «жизнью, недостойной жизни» (Agamben 147). Но шокирует на самом деле не то, что такое существование возможно (история знает различные формы общественных отношений), а то, что такие судьбы существуют до сих пор в современном мире, который должен был бы стать, перефразируя слова философа Панглосса из «Кандида» Вольтера, «лучшим из миров», однако этот мир не только допускает, более того, он вновь и вновь «воспроизводит» таких отверженных. Людей, которым нет места в нашем потребительском счастье, а точнее — людей, которых наделяют функцией лишь тогда, когда они оказываются исключенными из «благополучного» общества. Последний вывод призывает к более широкому размышлению о современном мире, его развитии обществе и так называемых общечеловеческих ценностях.

«ТЕКУЧАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»

«Текучая современность» — это метафора, которой З. Бауман определил состояние современного мира. «Текучесть» призвана иллюстрировать непрерывность перемен, которые несут с собой ключевые черты эпохи: непостоянство, неуверенность, неопределенность и как следствие — страх. Прежде всего — относительно самого человеческого существования. Одноименная книга З. Баумана вышла в 2000 году и стала зловещим предсказанием не грядущего, а уже настоящего времени, ведь автор не оставляет нам ни одной иллюзии: время прошлого мира, мира «традиционной лояльности,

обычных прав и обязанностей» (Bauman 2002, 8) бесповоротно истекло, возврата к старому способу существования не будет. Единственное, что нам осталось, — как можно лучше приспособиться к новому состоянию. Современное же состояние бесцеремонно диктует и определяет неолиберальная экономика, посредством глобализации окончательно захватившая также и мировую политику, а свои закономерности, которые можно назвать «социальным дарвинизмом», распространила на все сегменты современного общества. Проще говоря, капитал не принимает во внимание человека, из-за этого оказываются под угрозой фундаментальные ценности общества. Изолированный индивид является более легкой «добычей» современного капитализма, нежели крепко сколоченная «корпоративная» группа. Функционирование жестокого современного мира направлено на изоляцию и одиночество человека, ибо тогда коллективные ценности, такие как, например, свобода, безопасность и доверие, становятся все более относительными и неважными.

Эти ценности потеряли свою абсолютную, длительную значимость и подчинились изменчивости и гибкости жизненных ситуаций. Поэтому и для отдельного человека больше нет никаких констант, а только изменения, и это проникло во все поры современного общества. Межчеловеческие связи потеряли прочность и заразились «распадом, ломкостью, хрупкостью, переходностью, мимолетностью» (Bauman 2002, 21). Поскольку непостоянство связей требует от человека постоянного изменения, под угрозой оказывается само человеческое бытие: вместо субъекта, как бы это назвал А. Бадью, получаем индивидуум, т. е. вместо идентитета — лишь идентификацию, да и то временную. Поэтому современные «сообщества <...> теперь лишь эфемерные артефакты сиюминутной игры индивидуальности, а не силы, которые выбирают и определяют идентитеты» (Bauman 2002, 31). Таким образом, основа безопасности человека и его жизни разрушена. Кризис, в котором оказались основные человеческие потребности, не только этический, но и онтологический, поскольку он коснулся каждого человека как личность, а не как представителя класса или какой-нибудь группы по интересам.

Если в «старом», прошлом мире человек мог реализоваться в рамках своего социального круга, гарантировавшего включенность в устойчивые общественные отношения, то цена сегодняшней невключенности — наша полная «свобода» и ответ-

ственность за себя (кажущаяся). Пока выхода не видно, ибо невозможна никакая революция или любая иная форма сопротивления (без оглядки на то, что говорит Стефан Эссель в своей книге «Indignez-vous!»), поскольку, как утверждает Бауман, «самые распространенные трудности индивидов сегодня не складываются» (Bauman 2002, 46). Общество избавилось от ответственности за индивида, а в его неудачах винит только его самого. Рецепт избавления вообще-то есть: пример «американского сна», в рамках которого у каждого из нас есть возможность добиться успеха, если сосредоточиться, чего-нибудь сильно захотеть и приложить максимальные усилия, но уравнение похоже на проблему прохождения верблюда сквозь игольное ушко. Большая часть из нас все равно останется с другой стороны...

Именно непереносимое желание, жажда успеха ныне является инструментом, с помощью которого современный неолиберализм посредством капиталистических механизмов контролирует современного человека. Современное общество «этический/политический дискурс из рамок “справедливого общества” переместило в рамки “прав человека”» (Bauman, там же 39).

Индивид убежден, что у него есть только права, которые принадлежат ему по праву, однако не спрашивает себя: а заслужил ли он их? Современное общество базируется на «постоянно ускользающем обещании беззаботной жизни» (Bauman, там же 93). Уверенные в том, что эти права должны у нас быть, мы становимся зависимыми от них и как следствие готовы сделать всё, даже поступиться какими-то другими, ранее отвоёванными правами, чтобы их сохранить. Так мы становимся лишь «расхожим материалом» современного капиталистического механизма.

КРУШЕНИЕ ЕВРОПЫ

Среди словенских драматургов одним из наиболее беспощадных критиков современного мира, несомненно, является М. Зупанчич с такими своими драмами, выходящими в свет с начала нового тысячелетия, как «Коридор» (2002; премия Грума 2003) и «Класс» (2005, премия Грума 2006). В этих двух ранних пьесах М. Зупанчич еще ограничивался конкретной культурной проблемой: в «Коридоре» речь идет о съемках реалити-шоу, а в «Классе» — о повышении квалификации служащего большой корпорации. Драматург выявляет, высвечивает человеческие недостатки: реалити-шоу ограничивает простран-

ство, в котором живут избранные герои, весь смысл их пребывания — соревнование между собой, из-за чего на первый план выходит самый низкий, недостойный человека инстинкт, обеспечивающий выживание сильнейшему, самому хитрому и бессовестному конкуренту. А принцип обучения в драме «Класс» ломает хребет служащему, который хочет добиться повышения и готов для этого пойти на всё, даже на (само)обесчеловечивание. В обеих пьесах речь идет о «новомодных реалиях современной, заимствованной из США жизни, которые приводят не только к распаду человеческих ценностей, но и к разложению, деградации человеческой сущности.

Но наиболее значимыми стали последние драмы М. Зупанчича, составляющие, по мнению некоторых теоретиков, своеобразную трилогию: «Реклама, секс и обжорство» (2008), «Shocking Shopping» (2010, премия Грума 2011) и «Крушение Европы» (2011), — трилогию, рисующую картину распада общественной системы. В этих трех пьесах Зупанчич расширяет проблему отдельного человека на общество в целом — с его утилитарностью и неолиберальной бессовестностью. Кажется, что общество и является центральным героем. «Реклама, секс и обжорство» — драма о взлете и падении современного бизнесмена, не гнушающегося никакими средствами для достижения цели. Как и в реальной жизни, в пьесе тоже обваливаются финансовые рынки, вчерашние победители становятся сегодняшними проигравшими, и зарвавшийся предприниматель Март вдруг теряет всё. Драматург позволяет себе всего два субъективных отстранения: в его пьесе финансист сам расплачивается за свои ошибки, тогда как реальный мир более милостив к ним; ранее же осмеянный предприниматель Тибор, финансовые запросы которого гораздо скромнее, использует кризис для своего роста, а свою «империю» строит постепенно. Так (вроде бы) плохие наказаны, а хорошие — награждены.

Совершенно иначе происходит в драме «Shocking Shopping», в которой охранник супермаркета убивает двух покупателей — клептомана, которого он подловил на мелкой краже, а затем свидетеля этого убийства, который на самом-то деле ничего не видел. Олигархичные структуры, пытающиеся прикрыть свои грязные дела, наказывают невинных. Но им-то «закон не писан», им всё сходит с рук. Пословица «Деньги правят миром» оказывается тут очень уместна. У кого есть деньги, тот владеет «правдой», какой бы искривленной и фальшивой

она ни была. Все это происходит в совершенно непрозрачном бюрократическом лабиринте, где левая рука не ведаёт, что творит правая, и ни один из тех, кто входит в этот лабиринт, никогда не находит выхода обратно.

В пьесе «*Shocking Shopping*» внимание М. Зупанчича фокусируется на власти, той самой, которую устанавливает над другими капитал, и тех злоупотреблениях, которые капитал позволяет себе по отношению к людям. Речь идет о контроле над людьми сверху, что, по мнению польского социолога Зигмунта Баумана, является существенным новшеством текущей издалека современности. У Зупанчича мы находим практически доведенную до абсурда ситуацию, которая могла бы произойти с любым из нас в любом торговом центре. «Святого человека» у Зупанчича напоминает главный герой — серый непримечательный человек, который выиграл главный приз супермаркета. Но чтобы получить приз, ему необходимо подписать гротескно большие горы документов — кому из нас не знаком мелкий шрифт, квадратик, которые нужно (или не нужно) зачеркнуть, чтобы стать членом избранного общества тех, за кем издалека следит неизвестный взгляд, отмеривая и анализируя каждый ваш шаг: вот тут-то и начинаются сложности, и герой становится невольным свидетелем убийства. Прямо за его спиной неуравновешенный охранник убивает попавшегося воришку. Этот несчастный маргинал в современном стерильном обществе не заслуживает особого внимания. Чтобы скрыть инцидент, руководство супермаркета пытается убедить покупателя, выигравшего главный приз, забыть обо всем случившемся. Героя загоняют в ловушку собственного решения, он становится жертвой логической природы языка. Руководство требует от него всё забыть, но он бормочет, что не может ничего забыть, ибо *ничего не видел!* Чисто техническая деталь и точность выражения стоили ему жизни: взбешенный охранник сворачивает ему шею. Человек Зупанчича на самом деле не человек, субъект, а лишь индивид без содержания, у которого лишь одна функция — олицетворять своим существом «пищу» для потребительского конвейера, но как только происходит конфликт, он оказывается ненужным, выброшен за борт...

Последняя драма Зупанчича называется многозначительно «Крушением Европы». «Европа» — это отель, на презентацию которого собираются «сливки» местного общества. Все они настолько хорошо знают друг друга, что их ничто не может удивить в по-

ведении других: всё это они уже видели и всё о других узнали. Всё сильнее пьянея, они играют свои обычные роли, куда среди этой «элиты» не появляется незнакомец — один из участников митинга протеста, которого поймал и привел в отель охранник. На протяжении всей драмы они присваивают его себе, как игрушку, затеяв с ним свои гнусные «игры», до тех пор пока его, когда он, в конце концов отчаявшись, пытается сбежать, не убивает охранник. Этот несчастный значит для гостей гораздо меньше, чем дичь на охоте, ведь это даже не почетный охотничий трофей, он обезчеловечен до предела — Зупанчич не наделяет его ни именем, ни индивидуальностью, не дает ему сказать ни слова — он интересен только, пока шевелится, периодически пытаясь сопротивляться жестоким «играм». То есть он интересен тем, что живой. Без сомнения, Незнакомца Зупанчича можно было бы отнести к наиболее агамбеновским фигурам в современной словенской драматургии.

Разложение этого общества ясно отражает «клуб богатых» в Европе; очевидна параллель с событиями, происходившими на континенте после кризиса 2008 года. Никто не безгрешен, любой, каким бы чистым он ни казался, имеет за спиной нечистое прошлое, у каждого есть свой «скелет в шкафу», и, как выясняется, никто из этих «избранных» не достигает даже минимальных этических стандартов. Полный декаданс. Характерно, что в этих своих драмах Зупанчич предсказывает только крах такого общества, не видит выхода и не предлагает решения ни для человека, ни для группы (класса), ни на уровне события или действия. Состояние мира таково, какое оно есть, говорит он нам, и уже ничего нельзя исправить.

Так же пессимистичен и В. Мёдерндорфер в вышеупомянутой драме «Упражнения по страху», в которой каждый протагонист воплощает, так сказать, свой класс.

Так же беспощаден к современным представителям капитала и Д. Янчар в драме «Легкая конница» (написана в 2003, премьера в Словении в 2008 году). Из всех драм только в «Легкой коннице» события разворачиваются именно в Словении, поэтому необходимо учитывать тогдашнюю двойственность словенского общества: с одной стороны, связанные с властями директора предприятий на глазах у всей страны хладнокровно, легально приватизируют всё. Происходит перераспределение некогда общего народного достояния, что, согласно политической экономии Маркса, можно назвать

«первичным накоплением капитала», которое ни в одном из постсоциалистических государств не было справедливым. Одновременно общество столкнулось с явлением глобализации, т. е. с наглым вторжением иностранных мастодонтских предприятий на ранее гораздо более защищенный локальный рынок. Итак, Янчар показывает мир, с одной стороны, привязанный к традиционным местным ценностям, а с другой — заигрывающий с открытым миром и его капиталистическими «благами».

Бауман в своей книге о глобализации предупреждает, что «неотъемлемой частью процессов глобализации является нарастающая пространственная сегрегация, отделение и отчуждение» (Bauman, 7), что порождает процесс «эрозии локальной традиционной целостности и сомнения в ней» (там же, 20).

Именно этот процесс крушения традиционных ценностей стал темой драмы Д. Янчара, противопоставляющей урбанистическому неолиберальному обществу идиллию словенской деревни. Контраст между ними тем разительнее, чем сильнее изображенная местная «Аркадия» ассоциируется со словенской буколической иконографией с холмами и барочными церквями на их вершинах. Разумеется, это воплощает безопасную родную среду, где жизнь всегда текла по накатанной колее, практически не меняясь веками. Контраст двух миров и воплощаемых ими ценностей и является основой центрального конфликта драмы: капиталист, тайкун нового времени Макс Глобоккар после своего неожиданного появления в деревенской церквушке хочет отказаться от своей прошлой алчной жизни. Макса определяют два качества: с одной стороны — глобализованное; он все еще — самый успешный предприниматель, самый богатый и влиятельный олигарх, от которого зависит всё вокруг и который в действительности рушит традиционное устройство мира. Лучше всего таких людей характеризуют слова Баумана: «Новая элита познала опыт взвешенной власти — невероятное и пугающее сочетание эфемерности и всемогущества, бестелесности и способности формировать действительность» (Bauman 1998, 26).

С другой же стороны, это качество очень локально: таков и Макс после преобразования. Ключевым его качеством становится стремление к деревне, вновь открывшей безопасность вековых традиций и ценностей. Причиной такой трансформации олигарха стали усталость от погони за деньгами, пресыщенность, скука, вызванная пустотой формы, ужас от собственной человеческой ничтожности. Ему хва-

тит всего этого, и хочется новой, невинной жизни.

Однако от него зависят слишком многие, поэтому все — и семья, и друзья — хотят, чтобы он вернулся назад. Причина одна: они привыкли, чтобы он и дальше заботился о них. Но Макс не сдаётся. При этом он слишком много знает обо всех, все они — у него в руках, хоть он больше и не один из них. Опять мы сталкиваемся с парадигматической ситуацией в современном обществе, это подтверждает Бауман, цитирующий мнение Мишеля Крозье, что «манипулирование неопределенностью представляет собой квинтэссенцию стремления к власти». Именно поэтому больше всего власти у тех, кто смог стать источником неопределенности других» (цит. по: Bauman 1998, 42). Так как его бывшие сотоварищи не могут смириться с тем, что он их контролирует, поэтому единственное, что им остается, — убить Макса. Они застрелили его в церкви в то время, когда он созерцал отреставрированную фреску.

Янчар разрешает конфликт моралистически — в итоге грешник все-таки наказан.

РАСПАД ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Насколько глубоко увязло в проблемах современное словенское общество — хотя Словения ничем не отличается от других стран Западного мира, — отдельные словенские драматурги решили показать прямо и совершенно откровенно. Серьезность кризиса системы отражают пьесы, рисующие полный упадок основных ценностей западной цивилизации, что происходит одновременно с концом западной фундаментальной религиозной системы — христианства.

Ценности всегда определяли общие «правила игры» любого сообщества и таким образом являлись его соединительной тканью. То, что сообщества должны действовать по правилам, осознавали уже с самого начала: помимо вавилонского Кодекса Хаммурапи (около XVIII в. до н. э.) еврейский моральный кодекс (Исх.20:2-17; также Втор.5:6-215), в отличие от ритуального (Исх.34:14-26), представляет собой один из первых списков общественных правил. Десять заповедей, которые, предписывая, позволяют; запрещая, освобождают; ставя условия и ограничения, создают условия для упорядоченного, гармоничного сосуществования людей. Эти фундаментальные ценности абсолютны (евреи и христиане верят, что на горе Синай, окутанной густым дымом и огнем, в шуме разбушевавшейся стихии, сам Бог продиктовал Моисею десять заповедей). И это зна-

чит, что они без каких-либо исключений действительны для всех, а их нарушение влечет тяжелые последствия, еще более серьезные для общества, нежели для индивида. Ведь нарушение хотя бы одной из заповедей подрывает основу гармонично устроенного сообщества.

Противопоставление современного мира идеалистическим христианским ценностям выявляет полный распад «общественного договора», ибо противостояние двух различных систем ценностей — современной и традиционной — обостряет понимание кризиса. Такое видение имеет двойной эффект, приговор современному состоянию общества звучит сильнее как раз благодаря представлению иного этического подхода, существующего вот уже два тысячелетия.

Несмотря на то, насколько сегодня, в реальной жизни присутствуют и учитываются христианские ценности, необходимо признать, что это единственная система, предлагающая относительно эффективную, по крайней мере обнадеживающую, организацию общественных отношений. Но, как известно, и эта система разлагается из-за автоматизации и коммерциализации общества. Сегодня мы без особых угрызений совести чтим нового «бога»: маммону (от этого предостерегает одна из десяти Божьих заповедей). И хотя можно было бы предположить, что мы имеем дело с цикличностью в человеческой цивилизации, широта сегодняшнего поклонения «золотому тельцу» не имеет аналогов в истории.

В словенской драматургии распаду христианских ценностей эксплицитно посвящены две драмы Янчара и одна — Мёдерндорфера. Первая из них — «Легкая конница» Янчара, о которой уже шла речь выше, — в основу центрального конфликта ставит символически расколотый надвое мир: городской, глобализованный, и деревенский, идиллический — выступающий носителем христианских ценностей, что автоматически предполагает эсхатологическую справедливость. Эта символика имеет особое значение для словенского общества, поскольку словенская деревня с эпохи Контрреформации как на физическом, так и на символическом уровне носит печать присутствия католической Церкви до такой степени, что связывает ее с самой сутью словенства. Янчар также представляет пространство церкви с отреставрированной фреской как некое убежище от вторжения «грешного» внешнего мира. Так в сакральном церковном символе складываются две идеальные платформы: субъективно это оазис мира,

уголок осознания, усердного созерцания и безопасности, а коллективно — основа символа вечной и неизменной справедливости. Поскольку христианство традиционно связано с сутью словенства, открывается еще одно измерение, которое определяет церковь, — это домашность. Именно противоположность урбанизированности, имеющей свойства космополитизма, домашность, традиция, деревня обеспечивают защиту и сохранение ценностей. Поэтому конверсия Макса происходит в обратном направлении: назад в тот мир, из которого он вышел, т. е. в руральность, а вместе с этим автоматически также несет возврат к этическим христианским ценностям. В качестве коронного доказательства метафизической основы пьесы в целом, помимо аллюзий на Бога-Творца, Янчар описывает символическую трансформацию фрески, на которой вместо трех коней, символизирующих трех волхвов на пути в Вифлеем, вдруг оказываются четыре всадника Апокалипсиса. Вряд ли текст пьесы мог бы быть более символическим и выразительным.

То, что выбор тематики христианских ценностей был не случаен, подтверждает и следующая драма Янчара — «Тихо тикают часы» (*Niha ura tiha*, 2008 год), состоящая из семи картин, персонажи в которых практически не связаны между собой. Объединяет их общая тематика — семь смертных грехов. В первой картине под названием «Невидимая пыль», посвященной греху сребролюбия (*avaritia*), описывается ужин у нувориша и выскочки-парвеню, у которого до сих пор «торчит солома из ботинок». Разговоры о деньгах и «финансовом инжиниринге» раскрывают карьеристские и пошлые души собравшегося сообщества. Следующая картина — «Ночная аптека» — говорит о похоти (*luxuria*): женщина под сильным принуждением описывает своему партнеру подробности вечера, когда она изменила ему. Третья — «Семерка» — показывает грех уныния (*acedia*) на примере пары: она пожилая актриса, он инвалид, вежливость которого перерастает в насилие над ней. «Поминки» — четвертая картина, тема которой — чревоугодие (*gula*). Скорбящие участники тризны сидят за столом и вспоминают покойника, но все очевиднее становится настоящая причина их присутствия — жратва, ведь ни о покойном, ни о ком-нибудь другом никто не может сказать ничего хорошего. Пятая картина, «Донос», показывает зависть (*invidia*). К «просветлению» героя ведет сам Люцифер, якобы несущий «свет». «Посетитель» — предпоследняя картина на тему гнева (*ira*). В четы-

ре часа утра пожилую пару будит незнакомец, который, как выясняется, оказывается живым трупом. Муж, виновный в его смерти, уже ничего не помнит. Несомненно, эта тема часто возникает в творчестве Янчара: расправы югославских «красных» партизан с ополченцами в Словении сразу после Второй мировой войны. Последняя, седьмая картина — «Маятник» — посвящена гордыне (*superbia*), тут конфликт между представительницей министерства культуры и мятежными деятелями искусства кончается тем, что они захватывают тело чиновницы и делают из него маятник в пространстве.

Отличительная черта этих «картин» Янчара в том, что он описывает конфликтные ситуации, в которых неясно, какая из сторон является носителем греха. Все зависит от точки зрения, ведь грех можно приписать как одной, так и другой стороне, что ставит под большой вопрос проблему недвусмысленной христианской экзегезы. Вывод закономерен: возможно ли утверждать, что в современном мире мы должны иметь дело с ясно разграниченными ценностными позициями или же можем просто ловить рыбу в мутной воде (пользоваться неразберихой в сфере этических вопросов)? В отличие от «Легкой конницы», где позиция протагониста была ясна, на сей раз Янчар поступает иначе, точнее. Мы все без исключения участвуем в создании современных Содомы и Гоморры.

ЗАПОВЕДИ НАОБОРОТ

В ряду драм на тему христианских ценностей стоит отметить совсем свежий текст, номинированный в 2012 г. на премию Грума, — удивительно комплексное произведение «Десять». В нем Мёдерндорфер обращается к еще одной общей теме эсхатологической экзегезы мира — к десяти заповедям, цитируя их из Второзакония — пятой книге Пятикнижия Моисея. Записанные таким образом заповеди звучат более комплексно, так как запреты обоснованы, определены возможные последствия их нарушения, при этом всегда имеется в виду наказание. Мёдерндорфер запутывает текст, здесь нет перехода от одной заповеди к другой, они предстают случайно; некоторые из них, по мнению автора, наиболее часто нарушаемые, в разных эпизодах повторяются по нескольку раз (заповедь «не укради», например, дважды, а «не убий» — даже трижды). Так создается особый драматургический изгиб, разбивающий монотонность и вводящий особую таксономическую напряженность.

Действующие лица — три пары: молодые, средних лет и пожилые супруги. Так в трех жизненных периодах воплощаются рядовые обыватели и возможные комбинации отношений между ними, создается целый веер отношений, иллюстрирующих динамику современного общества. Отдельные эпизоды связывает меж собою рамочный сюжет, который возникает отчуждающей красной нитью, свидетельствуя о смене персонажей. В основе драмы — конфликт поколений и, конечно, вечный вопрос: кто виноват?

Мёдерндорфер представляет основные заповеди Декалога: да не будет у тебя других богов пред лицом Моим; помни день субботний, чтобы святить его и т. д. Заповеди как литературная тема не являлись бы революционным новшеством, если бы не специфическая инновация Мёдерндорфера, перевертывающая всё с ног на голову. Разумеется, заповеди имеют свою парадигматическую форму, но тут интуитивное понимание положений и ценностей смещается. Например, четвертая заповедь говорит о том, что нужно почитать своих отца и мать. Следует ожидать, что речь пойдет о ребенке, который неправильно ведет себя, но оказывается, что проблема-то обратная: родители, в данном случае мать, эмоционально шантажирует и как следствие — насилует своих детей. Драма «Десять» представляет этический переворот, когда ожидаемое положение вещей переворачивается «с ног на голову» и предстает в своей противоположности. Ценности нынче совсем не такие, что были раньше: они распались и стали дурными привычками, так что теперь те, к кому они были обращены, нуждаются в защите. Ренессансная *scala naturae* (цель создания природы), или большая цепь жизни, якобы установленная божественной силой, тут полностью развалилась и тоже перевернулась с ног на голову. Текущая современность «размягчила» вечные правила, лишила их смысла, и из-за этого мир окончательно сошел с ума.

Мёдерндорфер заканчивает свою драму рамочной историей в картине, названной «и есть пустыня на свете». В финале в живых остается лишь Младенка (символизируя праматерь всего живого), отсчитывающая последние мгновения Старого Света, полностью осознавая это: «Я одна. Ева без Адама во всем мире. Во всей Вселенной» (65). Но как единственная выжившая она — метафора всех нас: в погоне за личной выгодой мы настолько отказались от общества, что полностью демонтировали его. Как индивиды мы потеряли то, к чему внешне так яростно стремились: ощущение удовлетворения и безопас-

ности. Мы достигли противоположного эффекта — остались одинокими и обворованными. Оказалось, что мы «мухи-однодневки». Это понимает и Младенка, когда произносит свой монолог:

Одна планета врезалась в другую, и наступил конец. Во сне. В фильме. В одно мгновение конец всего. Десять заповедей. <...> Конец всего. Не только человека. Всех людей. И смерть всех людей — реальное ничто. Нет никакого продолжения. Никакой морали. Никакого Бога, который бы заплакал. Никто во Вселенной не будет грустить о нас. Кто? Что? Существо? Бытие? Ничего. Страдание? Ничего. Ничего. А смысл? Суть? То, что останется. Если останется. Не останется. Что имеет смысл, если в конце тьма? И будет тьма. Вечная. Когда я досчитаю до десяти, наступит тьма.

Разложение современного общества, крушение ценностей, изоляция и одиночество человека — постоянные темы современной словенской драматургии. Современное общество и весь мир узурпировали силы капитала, чья цель — без угрызений совести разбогатеть за счет любого, у кого еще что-либо осталось. Поэтому необходимо было разбить органичность «твердой» современности, а людей разобщить и сделать одинокими. Люди органично более не принадлежат современному обществу. Не являются его составной частью, они лишь попутчики («члены», по определению Баумана [Bauman 1998, 41]). Мы состоим в обществе как добровольцы, а не как органичная его часть. Нам кажется, что мы можем выбирать — быть нам включенными или нет, но при этом все больше людей этой возможности уже не имеют. Это «изгои», «святые люди» Агамбена. И все больше становится тех, чье членство в «клубе» просрочено.

Современная словенская драматургия точно и верно отражает вступление человека в мир «текущей современности» Баумана. В этой современности разлагаются «силы, которые были способны сохранять вопрос порядка и системы в политической сфере» (Bauman 2002, 11). А у отдельных людей, которые являются объектом использования этой новой силы, земля уходит из-под ног, их охватывает страх, они хватаются за спасительную соломинку, которую протягивает хозяин, какой бы хрупкой она ни была.

При всем страстном желании, чтобы наши дела шли лучше, с возрастающим страхом мы тонем все глубже. Конец всех человеческих гарантий у вышеназванных драматургов выразителен и ясен.

В то же время становится ясно, что речь идет о черте, которую нельзя было даже проводить, а не то чтобы переступить. Но тут уместно задать вопрос: кого сегодня это еще волнует?

Так современную словенскую драматургию можно воспринимать как отчаянный крик о спасении, если оно еще возможно, адресованный современникам: чувствуем ли мы пустоту мнимых ценностей вокруг нас? Действительно ли мы на пути к веселому Апокалипсису? Сколько же времени нам осталось?

Библиография

- Agamben, Giorgio. *Homo sacer: suverena oblast in golo življenje*. Ljubljana: Študentska založba, 2004.
- Bauman, Zygmunt. *Globalization: the human consequences*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- — —. *Teškoča moderna*. Ljubljana: *cf., 2002 — русск. пер. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — Москва: Весь мир, 2004.
- Chomsky, Noam. *Profit pred ljudmi: neoliberalizem in globalna ureditev*. Ljubljana: Sanje, 2005. Русск. пер. «Прибыль на людях. Неoliberalизм и мировой порядок».
- Krugman, Paul. "Class Wars of 2012." *New York Times*, 29 november 2012.
- Möderndorfer, Vinko. "Vaje iz tesnobe." *Sodobnost* 76-7/8, julij/avgust 2012, 783-849.
- — —. *Deset (tipkopis)*. Ljubljana, 2012.
- Potočnjak, Dragica. *Drame*. Ljubljana: Knjižna zadruga, 2010.
- Semenič, Simona. *5.fantkov.si*. (машинопись). Ljubljana, 2008.
- — —. *24 ur* (машинопись). 2010.
- Zupančič, Matjaž. *Shocking shopping (tri drame)*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2012.

Примечания

¹ Следует упомянуть, что помимо Д. Поточняк югославскую трагедию творчески отобразили Душан Йованович своей «Балканской трилогией», полностью вышедшей в свет в 1997 г.: это «Загадки мужества» (1994), «Антигоны» (1996) и «Кто поет Сизифа» (1997), а также Борис А. Новак, написавший трагедию «Кассандра» (2001).

² "Class Wars of 2012", русск.: «Классовые войны 2012 года», опубликовано в *New York Times*, 29 ноября 2012).

Перевод Татьяны Филимоновой

Изобразительное в современном словенском пространстве

Петя ГРАФЕНАУЭР

Окончательный крах модернизма в Словении произошел в 1990-е гг. Как написал словенский философ Лев Крефт, выставка «Танк! Словенский исторический авангард», проходившая в Музее современного искусства, ознаменовала его конец. По мнению Крефта, модернизм возник в период Ренессанса, в конце XIX в. начался его упадок, а с появлением исторического авангарда он вышел из институциональных рамок и стал предметом внешнего анализа. Этот модернизм представляет эпоху и структуру, в рамках которой все важнейшие институты искусства возникли и включили в себя различные виды деятельности. Другое значение понятия модернизма – это явление, зародившееся в fin-de-siècle и развившееся в XX столетии. Такая трактовка рассматривает исторический модернизм как максимальный радиус действия модернизма, а также как рубеж, которого он не может преступить. «Так что в обоих значениях выставка “Словенский исторический авангард” стала событием, завершающим эпоху модернизма, и тем самым она знаменует, – писал Крефт, – постмодернистское явление».

Исчезновение искусства

Перелом в дискурсе политики и искусства в Словении в 1990-е гг. явился причиной того, что, как ранее и в более широком международном пространстве, изобразительное искусство вообще стало терять свое значение. Доминировавшая модернистская точка зрения трактовала искусство как продукцию, имеющую особую, метафизическую ценность, и такое восприятие было обусловлено идеологией буржуазного идеализма.

С конца 1980-х гг. в Словении начался процесс преобразования искусства. Стало появляться множество гетерогенных проектов, которые выходили за рамки галерей и переходили в социальное пространство, от объекта искусства к пространству, ситуации и условиям, исследовали изображения и медийные средства, игравшие все большую роль в новой системе, стремились к новым отношениям с общественностью и занимали критические, антагонистические и политические позиции. В 1990-е гг. происходила смена руководящих кадров и дискурса в ключевых институтах искусства. Некоторые из них стали поддерживать иные художественные средства, нежели те, которые были представлены до тех пор, и тем самым существенно способствовали преобразованию искусства. Особенно важную роль в этом процессе сыграла деятельность Галереи современного искусства в Любляне.

Искусство, которое мы сейчас проблемно характеризуем как «современное», в условиях доминировавшего модернизма спорадически возникало уже начиная с концептуальных практик в 1960-е гг., некоторые его ключевые моменты появились еще во времена исторического авангарда. Во второй половине 1990-х гг. это направление заняло доминирующее положение в дискурсе искусства и в важнейших институтах искусства. Помимо национальных и местных институтов, поддерживавших «современное искусство» (кроме Галереи современного искусства, это еще и галерея «Шкуц», Международный графический центр и т.д.), стали появляться новые (Центр современного искусства Сороса¹, галерея и центр «P74», галерея «Капелица», галерея «Алкатрац», «КИБЛА», «Фотон», «Ганес Пратт...»), и их открытие способствовало дальнейшим переменам. «Современное искусство» развивалось главным образом в рамках непрофильных выставочных и производительных условий и, за исключением Центра Сороса, прежде всего при помощи финансирования государства и городских общин, что является продуктивным примером, в зна-

чительной степени отличающимся от преобладающей на Западе системы.

Дигитализация изображения

Изобразительное искусство бурно реагировало на дигитализацию изображений, «пиксельные» изображения в 1990-е гг. изменили также абстрактную картину, считавшуюся «коньком» модерна. Многие авторы утверждали и продолжают утверждать, что в визуальном искусстве в конце XX столетия снова произошел перелом. Во вступлении к книге «Второй модерн» («Die Zweite Moderne») Генрих Клотц (Heinrich Klotz) отмечает, что большое количество изображений связано с медийными технологиями (Medientechnologie), и определяет Венецианскую биеннале 1995 г. как знаковое событие, показавшее увеличение воздействия средств массовой информации и медийных изображений на искусство. В то же время он указывает на его сходство с историческим авангардом двадцатого века, способствовавшим развитию технологий. «Точно так же, как в начале века к искусству притягивалось механическое производство, в конце века оно оказалось связанным с техниками дигитализации», — записал Клотц в 1996 г.

В Словении выставка «Ревизии. Картина 70+90», организованная в 2001 г. в Галерее «P74» Тадеем Погачаром и Таней Мастнак, впервые представила подборку произведений искусства, связанных с проблемами расширенного статуса визуальных средств и созданных с конца 60-х до конца 90-х годов XX в. Выставка показала существование другого направления изобразительного искусства, которое продолжало развиваться наряду с доминантным, поддерживавшимся во всем мире искусстве. По мнению Мастнак и Погачара, для произведений этого направления был характерен «расширенный статус визуальных средств, использование различных технологий и медийных средств (интермедийность) для выражения общественной реальности и концепции истории».

До предела и вперед

Обзорная выставка словенского искусства 1975–1985 гг. «До предела и вперед», прошедшая в 2003 г. в Галерее современного искусства, отчасти по-новому оценила, показала и институционализировала изобразительное искусство расширенного статуса визуальных средств, которое вновь стало развиваться с конца 1950-х гг. после упадка авангарда. Однако, если бы не деятельность поколения художников, которые с конца 90-х годов начали исполь-

зовать медийные изображения, почти ничего не зная о попытках своих старших коллег (хотя некоторые из последних были их преподавателями в люблянской Академии изобразительного искусства, но, за исключением Богослава Калаша и Бояна Горенеца, со временем перешли к другим способам художественного выражения), этот эпизод словенской истории искусства, по всей видимости, остался бы малоизвестным.

Картина — средство изобразительного искусства, которое сейчас нельзя рассматривать вне ее исторического контекста. Будучи мобильным объектом, она использовалась для раскрытия мира и идей (поэтому в ней всегда находила свое отражение идеология времени ее создания) и в то же время для представления общественности или частным лицам изображений. С появлением фотографии она перестала быть единственным средством, способным передать изображение мира, фотография могла сделать это быстрее, дешевле и, как казалось, более верно.

Словенское пространство, вероятно, из-за своей узости, затрудняющей одновременное развитие нескольких дискурсов изобразительного искусства (поскольку один из них обязательно является привилегированным), из-за специфики собственной истории и истории развития искусства, предоставляло изобразительному искусству весьма небольшие возможности. Главным образом оно развивалось по западному образцу и в стремлении принадлежать к западному миру искусства, и поэтому «чужое» «одомашнивалось» в рамках национального дискурса. В период политического и прежде всего экономического вступления в западноевропейско-американскую культурную парадигму, в словенском изобразительном искусстве произошел переворот. К тому же 1990-е годы своей конструкцией дискурса «современного искусства» открыли путь к новой интерпретации картины. Вместе с тем во второй половине 90-х сама продукция изобразительного искусства существенно изменилась, что опять-таки отразилось на возможности по-иному взглянуть на изобразительное искусство прошлых десятилетий.

Встреча эстетики и идеологии

Картина конца 90-х гг. являлась местом встречи эстетики с идеологией. Эта картина стоит на переходной грани между «проблемами изобразительного искусства», изображением и обществом, в котором предмет одновременно имеет рыночную, идеологическую, идейную, эстетическую и даже субверсивную ценность. Изобразительное искусство расширенного

статуса визуальных средств в 90-е гг. стало носителем доминантного дискурса в словенском национальном пространстве, что соответствует процессам, происходящим в мире западного искусства (он один определяет, что релевантно в искусстве, поскольку является собственником системы искусства, которую поддерживает своим капиталом). В то время, когда главные залы галерей были заняты картинами Бояна Горенеца, Мойцы Осойник, Жиги Карижа, Шаши Врабича, Миши Штрукеля и других авторов, картины, затрагивавшие сферы лирики, настроения, мистики, трансцендентальности, метафизики, экспрессии, а прежде всего те, которые по-прежнему исходили из «модернистских» предпосылок исследования средств изобразительного искусства, были оттеснены на задворки сферы искусства, хотя и нельзя утверждать, что такое изобразительное искусство полностью исчезло из выставочных помещений.

Расширенный статус визуальности

Однако живопись расширенного статуса визуальных средств не достигла того положения, которое занимала живопись модернизма, поскольку в тот период в словенском национальном пространстве претерпела изменения и сама роль живописи в рамках изобразительного искусства. Сегодня живопись в Словении, где модернизм продолжал играть большую роль до середины 80-х годов, является лишь одним из возможных средств искусства и делит пространства галерей с многочисленными проектами, реализованными другими средствами. Да и сами художники при написании картины или размышлении о ней часто прибегают к помощи иных методов.

С выходом на капиталистический рынок Словению захлестнули изображения: новые, как правило, коммерческие телевизионные каналы, поток рекламы, глянец журналы и т.д. Телевидение предлагает огромное количество информации и в то же время воздействует как заслон от реальности, отвращая нас от знаний. Оно играет роль средства от шока видения реальности и понимания ее. Экран — это щит от переживаний. Постмодернистский порядок, способствующий примату материального мира посредством изображений, является миром симуляции и подобия. Зарождается сомнение не в реальности объекта, а в истинности репрезентации — понять мир по-настоящему невозможно, ибо всеобщей картины не существует.

В нашей жизни появляются все более мощные компьютеры, которые, с одной стороны, помогают ху-

дожникам в создании и оформлении замыслов с помощью компьютерных программ, а с другой — внедряют Интернет как нескончаемый источник новых изображений. Дигитализация изображений подорвала веру в реализм фотографии. Сейчас мы можем обработать фотографию в «Photoshop» или в какой-либо другой подобной программе, так же как и картину. Поэтому дигитальные изображения отличаются от фотографий лишь постольку, поскольку последние отличаются от картин. Если фотография хотя бы по видимости связывала изображение с реальностью, дигитализация своими бесчисленными возможностями обработки данных показала, что объективность соотношения между изображением и реальностью является просто фикцией. Уже предыдущие поколения словенских художников рассматривали вопрос соотношения между абстракцией и фигуральностью, а в работах ряда мастеров, вышедших на сцену в 1990-е гг., окончательно изменился также способ восприятия самой картины. Постмедийная картина отвергла «классическую концептуализацию картины, основывавшуюся на идее о существовании непосредственной связи между картиной и субъективностью искусства как единственным посредником», — как писал Вайбель (Weibel).

После модернизма

Боян Горенец во второй половине 90-х гг. существенно изменил свой стиль живописи. Он стал использовать в картинах визуальный архив изображений, взятых из многочисленных средств массовой информации, классических произведений искусства и собственной визуальной памяти. Его работы исследуют возможности картины в наше время, когда изображение присутствует повсюду и изобразительное искусство является просто его экзотическим приютом. Хотя и кажется, что Горенец ставит перед собой лишь вопросы о смысле картины, одновременно он отвечает на них, ведь его живопись является также пространством рефлексии уже существующего изображения. Не менее, чем изображение, важна и поверхность картины, которая не одолевает зрелищного дисплея. Исследования текстур, различных нанесений геля, на которых автор посредством оттисков оформляет рельефные образцы, наружные и внутренние слои, наложения и стирания, являются характерными особенностями картин Горенеца. Для его произведений характерно также изображение, которое меняется в зависимости от ракурса взгляда и в один момент становится лишь пикселем — простым абстрактным виджетом, который уже через несколько шагов вдруг

становится узнаваемым объектом. Работы Зигмара Польке и Герхарда Рихтера, а также тексты Ханса Бельтинга являются обрамлением и сферой представления этих картин. Полотна Горенеца являются произведениями искусства поля обозрения, а не повествования, и сильно уклоняются от банальной метафоры, простой повествовательности и единой концепции.

Поколение художников, которым преподавал профессор Горенец в люблянской Академии изобразительного искусства и дизайна — Виктор Берник, Ксения Черче, Жига Кариж, Горазд Крнец, Арьян Прегл, Миша Штрукель и Сашо Врабич, — родилось в первой половине 1970-х гг. В своем творчестве они используют СМИ, поп-культуру и средства обработки информации: компьютер, музыку, фотографию, видеоизображения, кино и телеизображения, печать и книги, звук, дизайн, комиксы... Возможно, их картины можно было бы характеризовать как резкую реакцию на словенский модернизм, но для них модернизм всего лишь стиль, ставший историей, и они не обременены словенской традицией живописи. В большинстве же случаев словенская модернистская живопись их не интересует.

Несмотря на то что некоторые из вышеупомянутых художников берут мотивы из словенской живописной традиции, для них она является лишь одной из возможных подборок, предоставляемых окружающим миром. Не интересует их и разделение между словенским и зарубежным пространствами, поскольку мотивы и идеи они черпают в глобализованном мире европейско-американской культурной парадигмы.

Соединение несоединимого

Несмотря на то что их объединяют общие интересы, они знакомы друг с другом и даже дружат, следует подчеркнуть, что речь не идет о группе, а тем более о какой-либо общей программе их творчества. Поколение художников, родившихся в первой половине 1970-х гг. в разлагающейся «коммунистической» системе, росло на первых домашних видеках с цветным экраном, комиксах, американских фильмах и поп-музыке. Они не ощущали ни политического давления, ни нужды или же воспринимали их просто как пережиток, представлявший для молодого человека, скорее, интересный опыт, нежели серьезное давление.

Интерес к использованию многочисленных средств массовой информации проявляется в творчестве Горазда Крнеца, в картинах которого переплетаются графика, фотография и изображения, позаимствованные из различных медийных средств.

Подобную технику применяет американский художник Дэвид Салле (David Salle). Тем самым в его картинах реализуется фрагментарность, разноплановость поверхности слои, неясность и разнообразие изображений. Тот же метод Крнец использует и в своих видеоработах, поэтому его видео иногда кажутся изобразительным искусством, а картины сходны с видеоискусством.

В картинах Крнеца соединяются несоединимые изображения, которые художник показывает зрителю без дополнительных пояснений. Близки медийных средств, мотивы шедевров, интимные сексуальные сцены и личные моменты наносятся на металлическую поверхность деталями или цельными мотивами. Одно изображение перекрывает другое, они наносятся друг на друга, переплетаются и создают визуальную историю, цель которой — изучение современной визуальности при помощи медийных средств.

Отказ от самовыражения

Когда художники воспроизводят фотографии традиционными средствами, изображения теряют характер индекса. Несмотря на то что мотив картины узнаваем, мы знаем, что картина, вероятно, не отображает реальный мир, поскольку, по нашему убеждению, она была создана воображением художника. Жига Кариж в своем творчестве обыгрывает это убеждение и вынуждает зрителя увидеть «неистинную религиозность» картины, как ее описал английский теоретик Джон Бергер. Когда он срисовывает случайный момент американского фильма и предлагает его зрителю как оригинальное творение «гения художника», он вводит зрителя в заблуждение. Когда в какой-то момент тот узнает мотив картины и понимает, что он почерпнул из уже ранее созданного творения, картина вызывает у него вопросы об оригинале и копии, о значении и «художественности» работы. В творчестве Карижа отдельно взятая сцена фильма показывается в контексте элитного декора и тем самым требует нового прочтения. В рамках более широкой концептуальной основы картина расположена именно в том общественном пространстве, которое важно и является объектом общественного значения, и издавна тесно связано с созданием иллюстраций.

Для проектов Карижа характерно также исследование того, в какой степени сферы общества, политики, идеологии и экономики влияют на структуру и понимание иллюстрации. Инсталляция «Это так просто, и вот как мне это нравится» («It's so simple and that's the way I like it», 2005) является сценой-копией комна-

ты нью-йоркского собирателя иллюстраций. Сияющая поверхность показывает мнимую ауру оригинала, ставшего нечитабельным в мире поверхностной эстетизации и симуляций.

В 2007 г. Жига Кариж изменил имя и фамилию на Янез Янша и начал сотрудничать с двумя художниками. В рамках проекта и выставки «Триглав» (2007) художники вспомнили (или присвоили) проект групп «ОНО» и «Irwin», творческих объединений, являющихся основой построения новой истории искусства в Словении². Проект вызвал бурную реакцию в мире искусства и даже вне его границ.

Янез Янша, Янез Янша и Янез Янша отказываются от самовыражения. Может быть, они стараются вписаться в доминантную историю таким образом, чтобы повторить ее и выразить свою принадлежность к ней. А возможно, хотят простой репродукцией документального материала, уже отмеченного СМИ и «высокой» подписью, который является апроприацией уже существующего и в который вписан субъект, деконструировать эту историю и переместить ее в общественную сферу. Кажущаяся нерешительность, игра с маркерами-метками, которые постоянно меняются и не хотят закрепиться и занять окончательной позиции, но в то же время еще далеко не выхолощены, поскольку пробуждают сильные реакции чувств, — одна из характерных особенностей творчества Карижа.

Сетевые структуры Штрукеля

Миха Штрукель, обрабатывает цифровые изображения в циклах автопортретов, сцен Чернобыля и бомбардировок в Афганистане и Белграде. Он привнес в свои картины специфику пикселей, характеризующуюся увеличенным дигитальным изображением. Штрукель — единственный художник в этом поколении, уже с 1997 г. постоянно исследующий особенности переноса на картину дигитального изображения со всей спецификой его медийных средств. Однако в последние годы экранное художественное поле изменилось и в его картинах, прежде всего в серии «Сетевые структуры III». Здесь представлены сеть растров, художественная утилиты и одновременно симуляция пикселя дигитального изображения, а также связь со структурой мегаполисов, являющихся постоянным мотивом произведений искусства. Тематика его творчества меняется, из беспристрастного медийного изображения она все больше переходит в сферу личного, даже интимного взгляда на город с портретами знакомых и друзей. В последние годы для него характерны работы малых форматов, в которых художник с помощью

полупрозрачной основы, являющейся не холстом, а бумагой, создает глубину экранной картины/рисунка градацией различных оттенков серого цвета.

Энтузиаст Прегл и лейтенант Дред

Арьян Прегл в первых циклах своих картин и графики «Картины с ошибками» и «Графика с ошибками» занимался изменениями, возникавшими, когда он переносил кистью на холст созданное компьютером изображение. В этом цикле он из всех упомянутых художников ближе всего подходит к современному исследованию медийности картины. В более поздних циклах работ художник посвятил внимание прежде всего объединению мира высокой модернистской абстракции и мира массовой культуры. В цикле абстракций «Масло на Библию и нашего Тито» (2005–2006) он нанес масло на переплеты Библий и книг о Йосифе Броз Тито и связал актуальные политические противоречия с противоречиями социализма. Абстракция множество раз использовалась для завуалирования идеологий, но, прикрывая, тем самым разоблачала их. Серия «Одноцветная словенская абстракция — Урх 2000» была связана с историей монохромной картины и выказала критическую позицию по отношению к концепции автономности абстрактной картины. Когда художник названием серии предлагает нам концептуальные рамки, одноцветные холсты в колор фасада церкви в Урхе приобретают политическое значение. В 2007 г. Прегл начал размышлять об истории и о будущем при помощи видео и коллажа. В видеофильме «Изобразительное искусство будущего» он анализирует картину с помощью лейтенанта Дэйта (образа из научно-фантастической серии телевизионных фильмов «Звездный путь»). В произведении переплетаются художественная теория и научная фантастика, юмор и смертельная серьезность, фикция и действительность. Это попытка представить теорию как искусство, а зритель должен решить сам, что из представленного он сочтет важным и соответствующим действительности. В серии коллажей, на которых андроид Дэйт создает изображения, Прегл занимает позицию энтузиаста, изображающего мотивы популярного сериала, к которому он эмоционально привязан. Как и в прежних проектах, он и здесь показывает натянутые отношения между изобразительным искусством как общественной деятельностью и его культурологической функцией, базирующейся на упрощенных модернистских предпосылках, возникших на основе общественного контекста.

Уход в приватность

Ближе всего к поп-арту с его гладкими прорисованными поверхностями оказались первые циклы картин Сашо Врабича и Виктора Берника. Картины Врабича порой включают в себя элементы и упрощенную плоскостную прорисовку, которые можно сравнить с нью-йоркским поп-артом. Однако в них наличествуют и другие живописные методы, например, абстрактные поверхности, смешанные с популярными мотивами. Циклы произведений, в которых к картинам присоединяются разнообразные визуальные и звуковые медийные средства, часто объединены определенной концепцией, которую исследует Врабич. Начиная с 2003 г. это концепция личного, которую художник впервые представил на выставке «Приват» в Галерее «P74» в Любляне. «Этот переход я совершил в то время, когда мне казалось, что я делаю слишком много всего одновременно и не успеваю получать удовольствие от любимого дела в полном объеме... Уход в приватность был преднамеренным, им я хотел показать, что идеи авангарда оформляются дома, в четырех стенах, а не в галереях, что на самом деле побег в приватность является альтернативой современным взглядам, хотя и кажется довольно консервативным. Короче, писать черно-белые картины, играть на акустических инструментах и использовать свои голосовые связки — это некая альтернатива и активный комментарий к довольно пассивному поколению пользователей домашних компьютеров, которое тратит свою энергию на копирование CD-дисков, просмотр телевизионных программ и компьютерные игры», — говорит Врабич.

Картины показывают интимные истоки, но интимное спаяно с общественным и медийным, и уже поэтому само становится внешним. Циклом картин под названием «Виктор Берник, Янез Янша, Арьян Прегл, Сашо Врабич, 2007» (2007) Врабич заложил основы проекта, к участию в котором (написанию картин) он пригласил трех художников и сына Эрика и написанные произведения выставил как архив, в котором зритель мог передвигать картины и осматривать их со всех сторон. Фазы работы с помощью фотографий раскрываются на задней стороне холстов, и благодаря этому поднимаются вопросы о значении идейных предпосылок по отношению к поверхности. Этим названием, а также решением не подписываться под работой Врабич отказался от авторства проекта и разделил его между всеми участниками.

Медийное пространство Виктора Берника

Виктор Берник в первых циклах картин после окончания Академии использовал технику острого края, и краски гладко ложились на поверхность холста. Картины, созданные с 2003 по 2006 год, связаны прежде всего с вопросами изображения в урбанистическом пространстве. Эту тематику Берник продолжает развивать и в более поздних работах, хотя при этом проявляет все больший интерес к идеологическому, общественному и политическому конструированию изображения и к присущим субъекту ментальным картам изображений. В цикле произведений «Пространства урбанизма» (2005) художник преобразовал логотипы на оберточных пакетах в картины. Внимательное изучение картин раскрывает перед нами особенности, присущие этому медийному средству: помятости, сгибы, порванные куски и потертость краски на упаковочном пакете, а также полупрозрачность поливинила — все это создает художественную составляющую работы. Но художнику мало одной картины для переноса изображения урбанизма в залы галереи. Как и для реального урбанистического пространства, также и здесь важен элемент множественности и разнообразия подобного. В проекте «Медиа пейзаж» («Media Landscape», 2006) медийное пространство перекрывает реальное — трехмерный макет рельефной структуры Парижа составлен из журналов, а на него еще проецируется видео. Город становится картиной пространства, макетом, трехмерной картой Парижа, который уже больше не является тем Парижем, который мы посещали, а представляет собой Париж, переданный медийными средствами. Урбанистическое пространство превращается в плоский экран телевизора, в котором одно изображение все время сменяется другим.

Проект Берника «Соня Рейкел» (2007/8) трактует женскую промежуточность как произведение искусства. В каждом из макетов для раскрытия изображения нужно сотрудничество зрителя. Творение Берника все еще можно воспринимать как картину, но изображение в нем нестабильно. То оно экранное, то тактильное, оно исчезает и возникает вновь, место его пребывания непостоянно, оно меняется. Эта работа ставит зрителя лицом к лицу с нестабильностью жесткой основы изображения в современности и отсылается также к реальности вне рамок искусства.

Конфронтация с повседневностью

Цикл работ, выставленных Ксенией Черче в 2006 г., представил собой развитие и продолжение

поэтики, основание которой она положила еще в 2003 г. циклом «Hortus Coclusus». До недавних пор красота представляла угрозу, так как она связана с эстетизированным миром и дает возможность капиталу легче поглотить произведение искусства. Складывается впечатление, что Ксения Черче, как и некоторые художники до нее, нашла способ использовать в своих работах субверсивный потенциал красоты. Красота — это покрывало, элемент притяжения, передающий зрителю то, от чего иначе он бы, возможно, отвернулся.

Работы Ксении Черче представляют собой явление конфронтации с эстетизированной каждодневностью. Для несущей части картин она выбирает визуально и тактильно богатые материалы, которыми, поскольку они сами по себе включены в ритуал потребителя, нельзя пренебречь. Богатые ткани становятся основополагающими частями поля обозрения картины. Искусство посягает на уже созданный предмет, и этим художница завоевывает себе пространство самовыражения. Картина способна противостоять вторжению внешнего, подчинить его себе и, более того, сосуществовать с ним. Картины Ксении Черче в то же время раскрывают возможности взаимосвязи картины с другими медийными средствами, действиями и практиками, которые привнесли в мир искусства концептуальное искусство, лэнд-арт, боди-арт, видеоискусство и явления апроприации или присвоения предметов, представлений и содержания повседневной жизни.

Мир как поп-культура

Изобразительное искусство Берника, Черче, Карижа, Крнеца, Прегла, Штрукеля и Врабича, даже когда в нем рассматриваются проблемы истории, всегда связано и с современностью, поскольку художники показывают мир, в котором живут, посредством присущих ему изображений. Понимание искусства как особого вида креативности, основывающегося на иррациональном процессе и поэтому существенно отличающегося от всех других способов создания предметов, Кариж сознательно эксплуатирует, а Врабич развенчивает своим способом быстрого написания картин и полным отсутствием привязанности к созданному произведению.

Картины кажутся привлекательными, так как, на первый взгляд, привлекателен мир, окружающий художников. Художники понимают историческое различие между поп-культурой и высоким искусством, но для них это просто общественная конструкция. Мотивы черпаются из окружающего их мира, а он во

многом также является поп-культурой. «Эти предложения я использую потому, что они мне нужны и потому, что они мне нравятся», — говорил Уорхол (Warhol). Речь не идет о субъективном создании изображений, которые мне нравятся, объясняет Кариж. Искусство, по словам Врабича, более не является «элитарным, неприкосновенным, и его качества не определяются элитой ведущих критиков». Кариж говорит: «Главное отличие в том, что поп-культуру определяет массовое производство и вместе с ним — уничтожение оригинала, последний же определяет высокое искусство. <...> По-моему, различие между массовой и высокой культурой обуславливается вопросом прибыльности, они настолько похожи или различны, насколько прибыльны <...> больше не возникает желания уничтожить какую-либо из них, появился гибрид, относящийся и к искусству, и к поп-культуре. Цель этого гибрида — прибыль. Это верно для моды, музыки, фильма и для изобразительного искусства».

Стирание картины

Во второй половине первого десятилетия нового тысячелетия некоторые художники младшего поколения возвращаются к вопросам интимного, но эти художники понимают, что и интимное в картине всегда конструкция, и его непосредственная передача невозможна. Поэтому одновременно они изучают идеологию искусства, истории, политики и рынка, исследуют изображение, его путь сквозь различные медийные средства и его потенциал в изобразительном искусстве

В произведениях Нины Слейко личное и интимное с успехом соединяется с критическим отношением к миру искусства и буржуазному вкусу. В 2005 г. художница начала использовать в качестве материала для своих работ уже написанные картины. Еще в 1953 г. Роберт Раушенберг (Robert Rauschenberg) работал над рисунком, который вписывался бы в рамки «белой живописи», которой он занимался, и стал стирать свои холсты. И это был «стертый» период Раушенберга. Для апробирования техники стирания ему потребовалось произведение, признанное миром искусства. Он выбрал картину художника В. де Кунинга, которую высоко оценивал. Проект Нины Слейко имеет сходную основу. В обоих случаях идея важнее характерной манеры написания, но в произведениях художницы эта манера узнаваема. Нина Слейко добавляет туда, откуда Раушенберг убирал.

Если стирание Раушенберга, по словам самого художника, просто празднование, то картины, которые пишет Слейко, прежде всего отрицание, а затем создание красоты. Картина, которую она переписала, становится для нее красивой. Художница выражает свое личное отношение к понятию «красота» не только характерной манерой, но и решением «спасти» от обыденности то, что уже существует. Это решимость найти спасение. Цикл «Перекрытий» связан с любовью к прекрасному. Художница писала: «Я люблю красоту. Я люблю картины. Я люблю искусство. Я люблю мир, в котором мы можем бояться красоты. Я люблю играть в игру, будто бы я против некой невинности, будто я открыто выражаю свою любовь к красоте и к живописи».

Создав уже много «Перекрытий», Нина Слейко решила выдвинуть следующий лозунг. За картину Сланина «Петух» она отдала в художественной галерее 1800 евро и переписала картину. Этим поступком она вступила в сферу общества и торговли произведениями искусства. Слейко высказала свое отношение к канонической картине, импонирующей словенскому мелкобуржуазному вкусу, и заявила о собственной эстетической направленности. Однако эта ясно выраженная позиция означает не отказ от наслаждения процессом написания картин, а возвращение к картине. Общественное вписывается в картину и соединяется с интимным, личным отношением к картине, к красоте, к себе самой. Картины, новым автором которых стала Нина Слейко, — это не стертые картины, а произведения, в которые привнесено кое-что новое. Они по-прежнему остаются картинами, картинами с содержанием, идеей и характерными особенностями, красивыми и волнующими. Дерзость заявления художницы: «Красиво то, что я считаю красивым», — возвращает нас от деконструкции к обновленной вере в право субъекта на истину, на свой способ ее выражения.

Примечания

- ¹ Ныне «SCCA-Ljubljana».
- ² Представители «ОНО» («ОХО») говорили о вербовочавизуализации. Название группы составлено из двух понятий «око»+«ухо». Группа «Irwin» получила свое название по аналогии с одноименным часовым заводом в Чикаго. Для ее представителей был важен так называемый «ретропринцип» или «ретроавангард». — Примеч. ред.

Перевод со словенского Л.А. Кириллиной ■□■

© Текст: Петя Графенауэр
© Перевод: Л.А. Кирилина

Ада Филип-Сливник

Беседа с Адой Филип-Сливник — бывшим послом Республики Словения в России с 2009 по август 2013 г.

Корреспондент: Ваше превосходительство, поделитесь, под занавес Вашей долгой миссии в качестве посла в России, впечатлениями о стране пребывания...

Посол: Это не первая и не вторая моя московская история... Мой муж был журналист, корреспондент газеты «Борьба», его направили в Москву, я приехала с ним, тогда еще совсем молодая. Была осень 1982 года, мрачное время, последний год правления Брежнева. Муж привез меня в квартиру и признался, что еще не все рассказал мне о предстоящей жизни... Сказал, что мне еще придется познакомиться с тарананами. Я не знала, что это такое. Потом я быстро адаптировалась к московской жизни, стояла в очередях, заводила друзей. В общем, это были хорошие годы, хотя и трудные. Нам платили мало денег в валюте, «Березка» была для нас недоступна, так что мы жили как все москвичи того времени. Уровень жизни в Югославии тогда был значительно выше. У вас же во всем был дефицит.

Корр. Как вы думаете — с расширением Евросоюза будут ли развиваться какие-то новые интегральные проекты в бывшей Югославии — через Брюссель?

П.: Думаю, что нет, вряд ли. Хорватия вступила в ЕС, Сербия стоит на пороге, перед ними сейчас трудная задача — пройти весь этот путь интеграции... Евросоюз осуществляет экономически обусловленные проекты.

Корр. Но есть же большие инфраструктурные, транспортные проекты, например: реконструкция дорожной сети, скоростные железнодорожные маршруты...

П.: Да, конечно; это есть. Через Словению идет так называемый пятый транспортный коридор, Барселона — Киев, будет, конечно, вестись реконструкция железных дорог; но все это делается не как какие-то особые «постюгославские» проекты. Такой задачи просто никто не ставит. Каждая страна строит свои участки этих магистралей, все в этом заинтересованы.

РУССКИХ ПО-НАСТОЯЩЕМУ МОЖНО УЗНАТЬ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Корр.: Кстати, что Вы можете сказать о газопроводе «Южный поток», согласования по которому практически завершены. Словения в нем активно участвует. Насколько я понимаю, ЕС к этому относится без особенного энтузиазма, даже несколько напряженно...

П.: Может быть, и напряженно. Но позиция Евросоюза состоит в том, что, с одной стороны, Европа нуждается в газе, в расширении его поставок, и, с другой — в диверсификации этих поставок. В соответствии с третьей корзиной Европейской энергетической Хартии, Евросоюз озабочен тем, чтобы появлялись новые источники, но не желает допускать монополизма никаких партнеров, чтобы была прозрачная и разветвленная структура поставок и транспортировки газа.

Корр. Кстати, в России к этой «корзине» относятся довольно нервно.

П.: Тут, скорее, взаимное недопонимание, отчего и возникает напряженность. В конце концов, все хотят честных, понятных, стабильных торговых отношений, не обремененных никакими другими обстоятельствами. Мы покупаем газ — и ничего, в данном случае, кроме газа. Никаких других обязательств, это естественное желание Евросоюза. Чтобы были новые маршруты и новые поставщики газа. Европа не хочет быть зависимой; но я думаю, что какой-то компромисс будет достигнут. Уже три члена Евросоюза участвуют в этом проекте «Южный поток» — Болгария, Венгрия, Словения. Еще и Хорватия теперь член ЕС, но через нее газопровод не пойдет; туда планируется ответвление, как и в Австрию. Напрямую труба пойдет через Болгарию, Венгрию, Словению и дальше в Италию.

Корр. А что Вы думаете о нынешнем кризисе? Как, по-вашему, виден «свет в конце туннеля»?

П.: Я в принципе оптимистка; в конце концов, кризис когда-нибудь кончится. Но вот когда? Нас критикует Брюссель; нам необходимо провести какие-то трудные реформы, потому что их слишком долго не делали, откладывали на потом... У нас шел активный рост: либо на старых достижениях, либо на кредитах, но без структурных реформ. Теперь пришло их время. У нас еще осталось слишком много социализма. Образование, здравоохранение, все у нас было бесплатно; гарантирован ранний выход на пенсию. В девяностые годы многие ушли на пенсию, потому что для женщин пенсионный возраст у нас был 50 лет. Теперь же пенсионеров стало слишком много. Одна моя подруга уже 15 лет получает пенсию и, конечно, работает: продает косметику, хорошо зарабатывает. И таких вот работающих пенсионеров очень много. А пенсии у нас, по сравнению с русскими, высокие. Сколько ты платил в Пенсионный фонд, столько и получишь. Правда, есть проблема, с теми, кто работал в федеральных организациях (например дипломаты), с ними сложности, трудно собрать документы, получить из Белграда... Гарантии, оставшиеся от социализма, плюс гарантии, приобретенные со вступлением в ЕС, — это ведь должно было когда-то кончиться. От бизнеса, от политиков, от всего народа требуется больше трезвости и реалистичности. Реформы всегда — это политический процесс. Одни интересы, другие, иногда противоположные, их проводят различные партии. Сейчас столкнулось много интересов, и возник такой долгий политический кризис. Общество отчетливо разделилось почти пополам: левые и правые партии. То, что поддерживают одни, невыгодно другим. Левые требуют как можно больше государственной поддержки, правые — как можно меньше. К сожалению, возможно, все это время мы слишком прислушивались к нашим профсоюзам. Их требования часто не соответствовали экономическим

возможностям страны. Можно сказать, что профсоюз, в известном смысле, правили страной. Если делалось что-то не так, как они хотели, они угрожали вывести людей на улицы. И выводили. Помню, еще в девяностые годы на демонстрацию вышли старые революционерки, ветераны коммунистической партии, с требованием поднять пенсии. Была зима, и они митинговали в шубах. Это было смешно: у нас южная страна, шуба — не как в России — необходимый тип одежды, у нас шуба — признак очень состоятельных людей. Было очень смешно; акция произвела противоположный эффект. С тех пор пенсионеры старшего поколения больше не протестовали на улицах.

Корр.: *Что вы считаете самой успешной частью своей миссии посла в России?*

П.: Трудно сказать. Я думаю, человеческие отношения. Это я поставила бы на первое место. У нас появилось много друзей Словении, и не только в Москве. Завязались отношения с Подмосковьем и даже с футбольными командами. Малаховка, Чехов, Нострома, Налуга... Я во всех этих городах и поселках бывала. Филологов-словенистов объединяли, собирали, бизнесменов постоянно приглашали, они уже привыкли ходить в наше посольство. Все постепенно поняли, что посольство, оказывается, не только бюрократическое учреждение, оно может быть полезно и для контактов с русскими партнерами. Мы звали всех: приезжайте к нам.

Корр.: *Это очень хорошая формула: посольство должно быть полезно людям. Сколько я нуда ни ездил, в посольства никогда не обращался.*

П.: В посольствах никогда не были?! Понятное дело. Я тоже не ходила! Это обычно так и есть. Но мы хотели это изменить. Постепенно наши компании, типографии, турфирмы привыкли проводить здесь свои презентации. Особенно компании, которые здесь имеют своих представителей. И знаете: если посольство приглашает своих русских партнеров, тем тоже бывает интересно прийти, даже на высшем уровне.

Корр.: *А бывало так, что из этих встреч в посольстве возникал какой-то интересный проект?*

П.: Точно я не могу сказать, это не измеришь и не вставишь в отчет, но я знаю, что многие здесь начали свои знакомства, деловые контакты, и теперь хорошо работают. Это не какие-то грандиозные проекты; но я многих познакомила, даже они сами об этом забыли. То же и в культурной сфере — с издательствами, университетами, архивами, библиотеками. Например, с Библиотекой иностранной литературы, с госпожой

Екатериной Гениевой, мы осуществляем грандиозный проект «Библиотека словенской литературы». Уже вышло несколько книг наших прозаиков. А как это начиналось? К нам зашла госпожа Гениева, она собиралась в Рим. Я ее спросила: может быть, вы по дороге заедете к нам в Люблянью? Она поехала, познакомилась с множеством наших интеллектуалов. И уже через восемь месяцев в их издательстве «Рудомино» вышла первая книжка — представляете? Началось многолетнее сотрудничество. И книги эти очень тепло были встречены. А теперь издатели и в других странах начали интересоваться нашими писателями. Для того чтобы писатель из малой страны стал европейски известным, его должны перевести хотя бы на один великий европейский язык. Например, на русский. Так что знакомство с госпожой Гениевой было очень удачным.

Корр.: *И нас с Фондом Гайдара Екатерина Юрьевна увлекла Словенией, в прошлом году мы дважды посетили вашу страну, которую так любил наш друг Егор Гайдар. Вручали нашу Карамзинскую медаль «Вестника Европы» замечательному человеку Саше Славцу...*

П.: Да, его семья уже не первое поколение поддерживает Русскую часовню, поставленную русскими военнопленными в 1915 году на месте гибели их товарищей под лавиной, на перевале Вршич.

Корр.: *Мы были там. Это удивительное, с такой трогательной заботой сохраняемое место. И памятник русским солдатам, погибшим здесь. А вокруг горы, леса, снежные вершины, синее небо...*

П.: Эта часовня, восстановленная и реставрированная, стала символом словенско-русских братских отношений. Теперь там бывают самые высокие российские гости; русские туристы едут туда поклониться русским могилам, находящимся так далеко от родины. Каждый год в конце июля там собираются первые лица нашего государства — Президент, Премьер, Председатель парламента... И в этом году тоже.

Корр.: *И такое большое историческое дело долгие годы поддерживала одна семья бескорыстных словенских людей...*

П.: В вашей стране к Словении все относятся очень доброжелательно. В нашей — тепло относятся к России. Это самое главное. В несколько раз вырос поток туристов, деловые отношения становятся широкими, захватывают разные регионы. Я ведь много ездила по России, побывала во многих областях, помогала нашим и вашим бизнесменам. Через человеческие контакты, установившееся между людьми доверие, начинаются и большие дела.

Корр.: *Вернемся к Вашей жизни. А Ваша вторая командировка в Москву, — с какими чувствами Вы сюда возвращались?*

П.: Это был драматический для России 93-й год, у нас возникло новое словенское государство. Здесь впервые открывалось наше посольство. Мы с одной сотрудницей приехали сюда, занимались организационной работой, потом приехал первый посол... Я здесь тогда проработала полтора года. В девяносто шестом году я занималась открытием посольства в Словакии.

Корр.: *Уже как посол?*

П.: Нет, опять как организатор. Работала там шесть месяцев, опять вернулась. В 2007 году я стала первым послом Словении в Словакии. Я всю жизнь кручусь между Россией и Словакией. Братислава — красивый город, и близко... Иногда это плохо. Семья недалеко, легко можно махнуть домой на выходные. Но послу так нельзя, всегда надо спрашивать разрешения. Дипломатическая служба требует внутренней дисциплины, это входит в профессию. Хорошо, что родные могли ко мне приезжать. Отец из Наринтии приезжал на машине, там до Братиславы три часа езды. Друзья, сыновья...

Корр.: *А как у Вас шли дела с Россией?*

П.: Когда я приехала послом в Россию в 2009 году, это было время мирового спада. И торговый оборот падал каждый квартал. В начале 2010 года упал еще на несколько процентов, а потом понемногу начал восстанавливаться. В 2011-м он поднялся, а в 2012-м вырос на 18 процентов. Так что 2012 год был выше, чем 2008-й, который был рекордным. Наш экспорт в Россию был на 840 миллионов евро, а российский экспорт — около 600 млн. Это согласно нашей статистике; по вашей статистике больше, она в долларах, и лучше звучит. Во-вторых, наша статистика работает по старой югославской системе; услуги туда не входят. А ведь у нас много услуг: туризм, рестораны, отели, медицина. Строительство здесь и там; в нашу статистику не входят инвестиции. Я думаю, что если все учесть, мы приближаемся к товарообороту в два миллиарда долларов в год. Это совсем неплохо для страны с населением в два миллиона человек. Экономическое сотрудничество идет хорошо, несмотря на кризис в Европе и в Словении.

Корр.: *Вы покидаете Москву, здесь у Вас остается много друзей...*

П.: Настоящих друзей не бывает слишком много... Они всегда в твоём сердце. Я со своими сыновьями редко разговариваю по телефону, ну, раз в месяц.

Корр.: *А по «Скайпу» не общаетесь?*

П.: Нет, нет, нет! По «Скайпу» я не разговариваю. Это такая коварная вещь: а когда приходится встречаться, не о чем разговаривать. Когда не видишься полгода, год, как же приятно общаться, рассказывать, что произошло... Одно исключение: раз в неделю я должна позвонить маме, иначе она будет думать, что со мной не все в порядке. Друзья... Я сохранила связи с теми друзьями, которые были у меня в 93–94 годах. С теми, которые были у меня в 1980-е, не сохранила, потому что они разбежались по всему миру. В те годы у меня был здесь один приятель, он все мечтал: «Как бы я хотел поехать в Германию и прокатиться по их автобанам! Почему меня не выпускают?» Но потом в Германию уехала сестра его жены... Когда я вернулась сюда в девяностых годах, я их искала; у меня остался телефон его мамы, я позвонила ей. Она сказала: как, вы не знаете? Он погиб. В Германии разбился на машине. Он слишком быстро ехал. Но мечту свою реализовал. Контакты с друзьями девяностых остались и будут продолжаться. Так было и в Словакии. Но теперь мне нужно будет налаживать отношения с моими словенскими друзьями. Меня слишком долго не было.

Корр.: *Дипломаты часто — довольно одинокие люди, потому что когда они возвращаются домой через много лет, выясняется, что жизнь на родине прошла без них.*

П.: Да... Но остаются родные, друзья юности, коллеги — так что я не думаю, что одиночество — обязательная судьба дипломата. Когда выйду на пенсию, придется какое-то занятие, хобби себе искать.

Корр.: *У Вас нет хобби?*

П.: Нет.

Корр.: *Совсем никакого?*

П.: Совсем никакого. Придется искать. Может быть, в культурной сфере. В социально-культурной. Политика меня точно не интересует. Помогать кому-то, каким-то группам населения, нуждающимся в помощи. Я так живо могла себе представлять боль других людей. Я была не слишком реалистичным человеком, могла упасть в обморок от каких-то страшных рассказов — так сильно сопереживала чужой боли.

Корр.: *Скажите, Ада, какое все-таки у Вас общее ощущение от нынешней России?*

П.: Ох!.. В одном интервью меня об этом спрашивали. Я восхищалась Москвой, а корреспондент меня спросил: а вы выезжали из Москвы больше чем на сто километров? Да, выезжала. Я объехала чуть ли не всю

Россию. Конечно, Словения — она маленькая, развивается более равномерно, в старые времена тоже так было. У нас политика децентрализации, упор на роль местного самоуправления была во всей Югославии; и внутри республик так было. Так что у нас в маленьких деревнях часто много лучше жить, чем в городе. Инфраструктура, дороги, технология быта. Здесь, в России, все по-другому. Большие контрасты. Наверное, во всех странах так было: столица поднимала уровень, а потом и жители столицы стали требовать, чтобы улучшать дороги до их дач, чтобы и там были автозаправки, магазины и кафе... Я думаю, это будет следующий шаг. И он уже делается, этот шаг; Во многих местах, где я бывала, произошли огромные изменения, я могу сравнивать. Конечно, там, где остались одни старушки, где молодежи нет, трудно ожидать обновления. Но большинство населения, которому лет тридцать, уже и не знает, как было раньше. И та часть населения, которой тридцать–пятьдесят, может себе позволить гораздо больше, чем раньше. Но знаете что: всего ни у кого и нигде в мире нет.

Корр.: А что вы можете сказать об изменении отношения людей к религии — в Словении и здесь, в России?

П.: Здесь разница большая. Вы знаете, наши верующие католики не такие, как в Польше: там религия веками была оппозиционна власти, она объединяла народ. В Словении все иначе. В праздники, на Рождество особенно, церкви и соборы были полны людей, даже вокруг стояли. А теперь нет... Теперь уровень религиозности заметно и быстро снижается.

Корр.: Как я понимаю, у вас и влияние клерикальной католической партии тоже снизилось...

П.: Последние десять лет ее вообще практически больше нет. После нескольких крупных скандалов, связанных с ней, она так и не оправилась. У нас общество в целом не религиозно. Ну, может быть, процентов десять верующих людей... У нас религия считается каким-то сугубо частным делом. Два-три раза в год зайдут в храм. Ну, моя мама раза четыре. Это сейчас скорее воспринимается как традиция, уважение, дань памяти предков. Мои сыновья вообще посещают в храмы в других странах и смотрят на них как на памятники архитектуры. Это — часть культуры, часть образования, которые ты подсознательно впитываешь в себя. Ты живешь по нормам, которые вокруг тебя. Знаешь, что нельзя того, нельзя этого... Это уже универсальные человеческие законы, а не только христианские: не укради, не убий, чти отца своего... Это общечеловеческие мировые законы. Так что религи-

озность у нас снижается. А в России, мне кажется, растет. Хотя оценивать это явление надо с осторожностью. Его нужно изучать.

Корр.: Я недавно видел фильм в интернете про крестный ход в Кировской области. Тысячи людей идут по полям, лесам, болотам, многие тысячи людей. Это впечатляет. Таную Россию и мы-то не очень знаем...

П.: Знаете, что меня удивляет? Почему люди верят каким-то бабнам, которые им гадают, предсказывают судьбу, закликают, заговаривают кого-то. Это какие-то архаические, языческие структуры сознания выходят на поверхность. И очень многие верят в это, тратят большие деньги на этих колдунов. И даже на телевидение их приглашают... Какое-то средневековое рядом с современностью. Это удивительно. И часто совмещается в одних и тех же людях. Это мне странно... Я видела Россию разную: во времена Брежнева, Ельцина, Медведева, Путина. Я жила здесь. И когда работала в Любляне, не оставляла вниманием Россию, очень часто бывала здесь с делегациями... И вот что скажу: я думаю, люди сейчас живут лучше, чем жили раньше. Но мы такие существа, что хотим больше и больше. Всегда стремимся к какой-то мечте. Дача, дом на море, вилла на океане. Всегда мечтаем, чтобы твои потомки жили лучше, чем жили мы. Но в этом понимании лучшего некоторые запутываются, хотя в принципе понять их стремление можно... Если бы люди не стремились к лучшему, они бы и сейчас жили на деревьях. И они хотят, чтобы было что-то и для души. У многих всё есть, а душа пустая. Меня настораживает, когда люди хотят наполнить душу любовью к Богу, а наполняют ее агрессией и ненавистью к другому. Люди ищут, чем заполнить душу, ищут Бога, но почему-то через какую-то нетерпимость. Если все будут себя вести так — к чему это приведет, мы видим на примере бующих страстей на Ближнем Востоке. Есть и гораздо более агрессивные люди.

Я знала одну девушку, австралийку (или новозеландку, не помню). Она фотограф, в девяностые путешествовала через Россию на поезде и как придется. Она остановилась в России не на три дня, как собиралась, а на два месяца. И знаете, что ей нравилось? Человеческие отношения, студенческая среда, все друзья. Она говорила, что в Австралии, в европейских странах слишком много индивидуализма, каждый сам по себе. Но в то время она была очарована межчеловеческими отношениями, они жили в какой-то съемной квартире, четыре или пять человек, я была у них, некоторые спали на полу. Там была и одна словенка, она заболела, я ей помогала от посольства, поэтому и познакомилась с этой командой, с которой она жила

в Москве. Но двадцать лет спустя и в России стало больше индивидуализма, чем было в 93-м году. И у нас тоже, конечно.

Корр.: Вы стали лучше понимать русский характер?

П.: Русский символ — русский медведь. В 1993-94 г. у меня здесь была учительница русского языка. Она меня как-то спросила: что вы там думаете о медведе, о русском медведе? Как вы его видите на Западе? Я ответила: ну, это животное, мощное, сильное, может быть опасным, агрессивным... Она была в шоке: «Что вы, медведь — самая любимая игрушка каждого русского ребенка! Он ласковый! Во всех русских сказках есть медведь. Он добродушен, возможно, наивен, его все обводят вокруг пальца, подсовывают то вершки, то корешки. Но он никогда не агрессивен». А я об игрушках даже не подумала, подумала о настоящем медведе — их в наших лесах тоже много.

Если же говорить о русских... Никто не может определить, какие они, типичные русские. На Западе считается: они не очень общительные, замкнутые, а вот когда выпьют, становятся раскованными, веселыми... Я думаю, в общении с иностранцами у русских еще подсознательно осталась настороженность, идущая со времен «холодной войны». Сначала они неприступны, а потом, когда их узнаешь, это теплые, добрые люди... Но на Западе так не думают, потому что русских по-настоящему можно узнать только здесь, у них дома. Конечно, они могут ругаться, как итальянцы, но в принципе это очень чувствительные люди, которые мгновенно переходят из одного настроения в другое. Здесь женщины часто плачут. Я такого нигде не видела: кажется, они могут заплакать в любую минуту. У нас такого нет. Вы думаете, я ошибаюсь? В восьмидесятых годах все-таки мы были иностранцы, совсем уж близких друзей у нас не было. Никто не знал, следят ли за ним, или за нами. В девяностые годы всё стало по-другому... А теперь снова возникает дистанция.

Корр.: Времена меняются, меняются и люди. Что вы думаете о молодежи?

П.: Когда мы росли, нам хватало палок, песка, тряпичных кукол, ну велосипеда — это уже как роскошь. А теперь у детей компьютеры, модные смартфоны, но общения между ними все меньше. И они все

более одиноки. Или вот сладости. В нашем детстве мама раз в месяц пирог испечет, бабушка пряник принесет... А теперь этими сладостями дети буквально закармливаются. За полвека всюду изменения колоссальные произошли. И ребенок теперь в семьях один, от силы — двое детей. А вокруг родители, бабушки, дяди и тети. Он вырастает, но к двадцати годам все еще ребенок, неспособный к самостоятельной жизни. Такого прежде никогда не было. Это и у нас так. Они быстро устают, у них всегда не хватает времени. А если сам заводят ребенка: всё, у меня ребенок, учиться некогда. У меня тоже был ребенок, я окончила университет, как у вас говорится, с «красным дипломом». И потом уже было двое сыновей — я училась и работала, делала свою карьеру. Училась даже ночью. Я каждый вечер приходила домой, готовила ужин — горячий, из трех блюд, салат, мясо, десерт... И когда дети ложились спать, я садилась за компьютер и писала то, что нужно было написать. И без бабушек, без дедушек, они у меня остались в Каринтии.

В общем, я так скажу: можно совмещать учебу, работу, карьеру и семью. Но это очень трудно, это точно. И у моих подруг (они тоже послы) у обеих и семьи, и дети, и карьера...

После Первой мировой войны, когда рухнула Австро-Венгерская империя и Словения вошла в возникшее Королевство сербов, хорватов и словенцев (а потом в Югославию), моя бабушка осталась совсем без денег... Австрийские деньги меняли на югославские так, что у них не осталось ничего. А Словения тогда была самая зажиточная из всех трех... Они были благополучные люди и всего лишились. Эта травма у них осталась на всю жизнь. Она была актриса провинциальная, играли спектакли из сельской жизни на площадях. Она поздно вышла замуж. Во время войны были карточки, талоны. Мама говорит, что хлеба было мало, но картошка и овощи были. А бабушка не курила, и свои табачные талоны меняла на сахар. Она с теплой вспоминала воскресенье. Потому что по воскресеньям они устраивали спектакли, они играли для детей. Они были уже в возрасте, почти под пятьдесят, но играли с детьми в старые детские игры. Бабушка потом со мной в них играла. А я со своими детьми — уже нет...

Интервью провел В.Ярошенко.

Июль 2013 г. Москва, посольство Словении

бургской империи, сегодня словенцы задаются вопросом о том, насколько важным для них был семидесятилетний югославский эпизод и как он повлиял на их культурную самоидентификацию. Мнения на этот счет отличаются диаметральной противоположностью и часто становятся поводом для ксенофобных высказываний.

Национальный вопрос в контексте бывших республик СФРЮ представляет собой крайне сложную и комплексную проблему, Словения также не может ее избежать, безусловно, имея свою специфику.

Модель социалистического общества, предложенная Иосипом Броз Тито, сделала Югославию активным членом Движения неприсоединения — международной организации, отстаивающей принцип неучастия в военных блоках. Югославской коммунистической партии на протяжении всей истории ее существования удавалось оказывать сопротивление идеологическому и политическому давлению со стороны КПСС, однако вместе с тем Югославия развивала обширные экономические связи с капиталистической Европой, имея открытые границы. Вызывая симпатии на обоих полюсах европейской политики, Тито сформировал идеальную модель социализма, разыгрывая двойную карту — антикапитализма и антисталинизма. Обратной стороной столь удачной формулы была искусственность СФРЮ как государственного образования, внутри которого разным нациям и народностям страны было навязано общее существование. Кажущееся равновесие поддерживалось жесткими репрессиями; не решенный во времена Тито национальный вопрос, на который было наложено табу, обострился сразу же после смерти маршала в 1980 году. Высвобождается скрытый до этого дискурс, тема национального фундаментализма и «гражданских войн» 1941–1945 гг. вновь выходит на поверхность. Политика национализации набирает обороты во всех республиках, а трагическим следствием

этого становится разразившаяся в 1990-е гг. в Боснии и Герцеговине. Словения не участвует в конфликте, приняв на своей территории волну военной миграции. Первую, экономическую, миграционную волну представляет собой поколение, прибывшее на стройку новой словенской индустрии еще во времена существования СФРЮ. Среди федеративных республик Югославии Словения представляла собой наиболее развитую экономически и активно принимала рабочую силу из более отсталых аграрных регионов страны. Так на ее территории оказалось значительное число нацменьшинств, представляющих собой выходцев из Сербии, Хорватии, Боснии, Македонии и Черногории, наделенных в словенском языке пейоративным обозначением «чефур». Это слово получило широкое распространение в начале 1990-х гг.: так агрессивно настроенные группы словенской молодежи называли мигрантов из южных республик только что распавшейся большой Югославии. Внешние отличия и неизменные атрибуты правоверного «чефура» — спортивное трико, дулая куртка, кроссовки «адидас» и стрижка «полубокс» (не могут не напомнить нам российских гопников). Однако само понятие «чефур» оказалось более универсальным и со временем стало применяться как характеристика всех граждан с фамилиями, оканчивающимися на «-ич». Таким образом, стереотип «чефуров», рисует нам переселенцев из бывших югославских республик: у них, как правило, низкий уровень образования, они выполняют тяжелую, низкооплачиваемую работу (чернорабочие, уборщицы и т.д.), их дети учатся в средних специальных учебных заведениях, и живут они в люблянском районе Фужины — так называемом гетто, построенном специально для всех приезжих «чефуров». Этот стереотип настолько прочно вошел в жизнь словенского общества, став столь мощным социальным и культурным фактором, что, несмотря на всю изначально негативную окраску понятия, с ним отчасти начали идентифицировать себя как сами переселенцы и прежде всего их дети, родившиеся и выросшие в Словении, так и часть словенской молодежи, для которых стиль в одежде и музыка, которую слушают «чефуры»,

ПОНАЕХАЛИ ТУТ, ИЛИ ЧЕФУРЫ, ВОН!

словенские реалии мультикультурного сожительства

Словения, вступив в 2004 г. в ряды Евросоюза, тем самым подтвердила свой статус европейского государства с динамично развивающейся экономикой, в очередной раз невольно дистанцируясь от бывших братских республик, которым не так давно довелось пережить один из самых кровавых военных конфликтов. Вопрос идентичности не перестает тревожить Словению. Находясь большей частью своей истории в составе Габс-

стали неотъемлемой составляющей современной городской молодежной субкультуры.

В 2008 г. в Словении вышел в свет роман молодого автора Горана Войновича* (1980 г. р.) под провокационным названием «Чефуры вон!», тут же став бестселлером как в Словении, так и на территории всей бывшей Югославии. Книгу взяли в руки даже те, кто и вовсе не имеет привычки читать беллетристику.

Роман привлек к себе большое внимание к средствам массовой информации после инцидента со словенской полицией, когда Горану Войновичу был предъявлен иск об оскорблении и клевете. В словенской литературной среде поднялась волна негодования, министр внутренних дел Катарина Кресал встала на защиту писателя и лично извинилась перед ним. Публичный скандал вызвал дополнительный интерес к книге, хотя подобная реклама, по словам автора, была явно излишней. Эпизод, однако, стал поводом для шуток: если книгу читают даже полицейские, она и правда должна быть чем-то особенным. Во время одного из своих выступлений в Лейпциге в компании двух авторов из Черногории и Албании Войнович, отвечая на вопрос: почему будучи единственным автором из ЕС, который также единственный имеет проблемы с полицией? — ответил, что, вероятно, именно потому, что Словения — член ЕС, его книгу читают полицейские. На что черногорский писатель и албанский поэт шутя ответили, что в их странах таких проблем нет, ибо их стражи порядка грамотой вовсе не владеют.

Юмор, ирония и самоирония являются одной из главных составляющих книги, которая на данный момент представляет в словенской литературе самое исчерпывающее раскрытие проблемы мигрантов.

В эпиграфах к своей книге писатель дает начальные пояснения о том, кто же такие эти «чефуры»... Так, мы узнаем, что в названии романа использовано распространенное люблянское граффити, отсюда же бросающаяся в глаза ошибка в пунктуации (название по-словенски «Šefurji raus!» — прямая параллель с положением евреев в фашистской Германии, что уже само по себе придает роману остропровокационный

характер). В словенском этимологическом словаре слово «чефуры» с пометой «презрительное» истолковано так: «чефуры» — это иммигранты из южных республик бывшей Югославии; известный словенский исполнитель Роберт Пешут Магнифико в своей песне «Чефур» описывает их поведенческие особенности: «живут они неторопливо, вальяжно, не чураются непристойностей, обожают алкоголь, нежный пол и футбол. Еще одна их страсть — китч и золотые украшения. Они равнодушны к боевым искусствам и часто сами бывают неоправданно агрессивны. Период их акклиматизации, как правило, длителен».

Главный герой романа — семнадцатилетний подросток по имени Марко Джорджич, сын иммигрантов из Боснии, обитатель многонациональных Фужин — сам называет себя «чефуром» и от первого лица рассказывает о жизни этого спального района, о трудностях и проблемах, с которыми приходится сталкиваться его жителям: низкий уровень жизни, небогатые семьи, отсутствие возможности диалога с жителями Любляны, неспособность ассимилироваться в чужеродном пространстве и многое-многое другое. Главы романа напоминают разделы детской энциклопедии и, пародируя логику стереотипа, дают ответы на вопросы: «Почему коммунизм еще не вымер», «Почему чефуры не говорят о сексе», «Почему Радован оказался в Словении», «Почему гастарбайтеры — самая несчастная раса», «Почему чефуры в машине на всю катушку врубают музыку», «Почему чефуры сидят на задних партах», «Почему нет монстров ужаснее, чем молодые чефурки», «Почему Босния не для чефуров»... По сути, книга представляет собой роман воспитания: читатель наблюдает за процессом взросления Марко — героя, перед которым встают вопросы идентичности, стереотипов окружения, проблема выбора... Герой критически воспринимает весь окружающий его мир, соприкосновение двух культур описано им с иронией.

Главный герой, представляя собой второе поколение «чефуров» (его родители приехали в Словению еще во времена существования СФРЮ, получив здесь работу), пытается решить

для себя вопросы национальной и культурной принадлежности, что ему сделать еще сложнее, несмотря на то что он родился и вырос здесь. Родители таких, как он, молодых людей никогда даже не пытались сблизиться с чуждым ментальным пространством — правда, крайне агрессивным по отношению к ним, — что, конечно же, не способствовало ассимилятивному процессу.

Наследие многонациональной Югославии со всеми ее этническими и религиозными конфликтами неуклонно давит своим грузом на все поколения. Отец Марко, Радован, — серб из Боснии, у которого больше нет своей страны, — не приемлет сербских националистов, четников, но и не видит, чтобы хоть что-то менялось к лучшему: страной управляют все те же радикалы: «Нет у Радована своей страны — вот это его и напрягает. Так у всех боснийских сербов. Боснию они типа вычеркнули из списка и типа подвели на Сербскую Республику, а потом вроде как начали за Сербию болеть, и теперь таращатся на этих своих Шешелей, и сами уже не знают: а может, мусульмане и хорваты и получше будут всех этих идиотов? Вот Радован и смотрит на Сербию, надеется, что она станет нормальной страной, и тогда он скажет, что это его страна. А сейчас ему стыдно так говорить, пока у власти там персонажи вроде Коштуницы. Но Сербия-то никогда не будет нормальной страной. Мы все это точно знаем».

Эти проблемы беспокоят и молодое поколение, которое не может найти подлинной опоры для своей идентичности на родине предков, но и Словения, где они родились и выросли, для них, скорее, враждебная среда. Негативная стереотипизация по отношению к иммигрантам, имеющая место в словенском обществе, ксенофобия и этноцентризм питают уверенность словенцев в том, что именно переселенцы являются причиной роста преступности, что их присутствие — с экономической точки зрения — приносит больше вреда, чем пользы. Одну из причин такого отношения, вероятно, следует искать в комплексах, присущих словенскому обществу, которое, в свою очередь, точно так же является жертвой негативных стереотипов со стороны

их соседей — итальянцев и австрийцев. Сами находясь в зависимом положении, подвергаясь критике и насмешкам, они переносят эту же поведенческую модель на зависимых от них людей. Атака, которой подвергается слабейший, на самом деле предназначена сильнейшему, — но ему-то невозможно нанести удар! Так словенское общество формирует и поддерживает стереотип «другого», «чужого», применив его в отношении переселенцев из южных республик бывшей Югославии. Противодействуя такому рода шовинизму, представители национальных меньшинств вырабатывают защитные механизмы, готовя адекватный ответ, что нередко приводит к насилию. Страх перед ассимилятивным окультуриванием и боязнь потерять собственную идентичность в новой среде приводят к радикализации своей собственной культуры, в среде молодежи это выражается в подчеркнуто стереотипной манере одеваться, вести себя в обществе, выбирать музыку. В качестве яркого примера подобной психологической реакции приведем отрывок из романа: «Есть что-то кайфовое, когда вот так врубаешь музыку и едешь медленно на тачке с опущенными стеклами... А самый большой кайф — смотреть, как народ вокруг офигевает. Ясно же: они б с удовольствием накостыляли нам и заслали обратно в Боснию, — а ты нарочно едешь десять километров в час, и Миле Китич орет, чтоб все слышали».

Когда герой демонстративно называет себя «чефуром» — словом с большим знаком минус, уже одним этим он выражает сопричастность с той оппозиционностью, на которую обречены чуждые словенскому миру переселенцы. Одной из схем противодействия становится двунаправленная стереотипизация, когда обозначение «словенец», в свою очередь, тоже приобретает негативные качества.

Марко не перестает противопоставлять Словению и Боснию, да и внутри него самого постоянно происходит столкновение двух различных менталитетов и двух темпераментов. Жители других республик Югославии всегда видели в словенцах людей работающих, хорошо организованных, старательных, но в то же время законопослушных, покорных, слабохарактер-

ных, с чем соглашаются и сами словенцы. Эти черты словенского характера часто связывают с австрийской и немецкой дисциплинированностью и организованностью, которая оказала сильное влияние на словенский народ, в течение нескольких столетий входивший в состав Габсбургской империи, отсюда такие определения, как «австрийские холопы», «конюшенники», «батраки». Со словенским типом характера контрастирует балканский темперамент: балканцы открыты, участливы, внимательны, общительны и эмоциональны. Безразличию, прохладности словенцев противопоставлены главные ценности переселенцев с юга — коллективизм и солидарность. Существует и оппозиция по социальному статусу: словенцы — представители благополучного среднего класса, а иммигранты — маргинальная среда, что, в свою очередь, способствует еще большему расхождению двух поведенческих схем. В романе, однако, позиция героя лишена какой-либо односторонности: Марко ассимилирует обе идентичности, отмечая плюсы и минусы той и другой. В начале романа Босния всегда представлена в положительном свете по отношению к Словении: «И все друг другу помогают, к любому можешь прийти в гости кофе попить без приглашения и всякой прочей мурни. Заходишь, когда хочешь, так — побазарить просто, пообщаться, без понтов и прочей мути. Просто расслабился и вперед. Народ здесь живет не так: дом — работа, работа — дом. <...> Здесь же все только и думают о своей заднице, чтобы у них всего было побольше: и тачка крутая, и хата в несколько этажей — и на срать им на братьев, сестер, дядьёв, тёток. Замкнутые все. Потому и несчастливые». Но когда герой понимает, что ему придется вернуться в Боснию, Словения приобретает в его глазах гораздо больше преимуществ: «Фужины — это круто. Я ни в каком другом месте не хотел бы жить. По сравнению с этой долбанутой Боснией, с этим бараклом, а не страной, Фужины — Голливуд. Самые крутые чуваки — с Фужин. Да и вообще, что тут сравнивать? Здесь просто полнейший облом!» Поиски молодым героем своего «я», вступление на путь взросления, его существование меж двух культур — «чефур» в Сло-

вении, словенец в Боснии — ставит перед ним непростые вопросы, на которые ему еще предстоит ответить.

Наиболее существенным элементом, которым обусловлена двойственность самоидентификации второго поколения иммигрантов, является язык, ставший главной особенностью романа. Он же вызвал немало споров в среде словенских пуристов, в то же время заинтересовав читателей и критиков, послужив материалом для появления многочисленных исследований. Именно этот особый язык — «чефурский» или «фужинский», который представляет собой богатую и выразительную смесь словенского, языков бывшей Югославии, а также уличного люблянского сленга, — явился главным мотивом написания книги. Первоначальный вариант «Чефуров» представлял собой сценарий к фильму, переработанный затем автором в литературный текст как раз для того, чтобы запечатлеть это лингвистическое своеобразие. Сам Войнович утверждает, что язык, на котором говорят обитатели многонациональных Фужин, всегда восхищал его; зафиксировать это ускользающее и быстро меняющееся языковое богатство — вот что стало для него ключевой задачей. Несмотря на то что словенскому читателю порой непросто понять некоторые слова, общее впечатление от восприятия книги при этом несколько не страдает.

В период существования СФРЮ сербско-хорватский язык считался таким же официальным, как и словенский. Вопреки закреплённому в конституции положению о равноправном использовании языков всех федеративных республик, сербско-хорватский как язык численного большинства и центральной власти в Белграде неизменно становился престижным во многих сферах общественной жизни. Словенцы слышали его по радио, на телевидении, на нем выходили основные газеты и научно-популярные издания. Иммигранты из Хорватии, Сербии, Боснии и Черногории, приезжая в Словению, совершенно не чувствовали необходимости учить словенский. Ситуация кардинально изменилась после 1991 года, когда Республика Слове-

ния первой провозгласила свою независимость. Словенский как официальный язык нового государства приобрел более высокий статус, между тем как сербско-хорватский начал ассоциироваться с приезжими с юга. Таким образом, первое и второе поколение «чефуров» оказались в разных языковых ситуациях. Поколение родителей Марко, хотя они полжизни прожили в Словении, так и не овладело полностью словенским языком. Отсутствие мотивации связано также с отсутствием коммуникативных ситуаций: чефуры работают на стройплощадке, где в любом случае нет ни одного словенца. Коверканье словенских слов, неправильное произношение — все это предмет насмешек и карикатур, показатель их социальной ущемленности. С изрядной долей юмора герой романа поднимает этот немаловажный языковой вопрос: «Словенцы страшно бешатся, когда кто-то не умеет говорить по-словенски, — не знаю только, чем им поможет, если все Пешичи по-словенски заговорят. Можно подумать, они сразу с ними болтать начнут. По мне, так это полная чушь. Я о том, что Пешичи должны говорить по-словенски типа из уважения к Словении и все такое. Пешичи работают на стройках, всю Словению они построили, но уважают только Мирослава Илича и холодное пиво. Да эти Пешичи могут хоть по-тунгузски говорить... Можно подумать, кто-то обратил бы на это внимание. Больно нужно! Только вот словенцы напрягаются на этот счет, бешатся, — зачем? Комплекс у них такой, а всё потому, что никогда не умели в футбол играть».

Напротив, второе поколение иммигрантов уже владеет как языком своих родителей, так и языком той среды, в которой они живут, их билингвизм, переход с одного языка на другой, а также их смешение, свобода в создании гибридных форм свидетельствуют о двойной идентичности фужинской молодежи. Молодое поколение именно при помощи языка выражает комплексный характер своего «я» и его культурных составляющих, свою оппозицию по отношению к официальному языковому коду, вобрав в свой социолект маргинальный диалект переселенцев первого поколения и живой городской сленг. Сложно также говорить о сербско-хорватском

языке как о втором языке, речь скорее идет о боснийском, черногорском, хорватском и сербском языках, о каждом из них в отдельности или о всех сразу, другими словами — о «чефурском» языке, который также не имеет смысла определять с точки зрения национальной принадлежности, так как автор вобрал в свою лексическую мозаику слова из самых разных уголков бывшей Югославии.

Еще одной особенностью социолекта переселенцев, которые заняты тяжелым физическим трудом, является преобладание лексики, обозначающей половую сферу, наименований физиологических функций, а также солидный пласт обценного вокабуляра. Для носителя литературного языка употребление подобных выражений допустимо лишь в исключительных ситуациях, тогда как в среде молодежной городской субкультуры использование вульгаризмов и бранных выражений является частью повседневного общения и призвано увеличить чувственную экспрессивность. Сленг и сквернословие — способ дистанцироваться от доминирующего социального и как следствие языкового кода, знак провокации, заданное нарушение принятой нормы. Особый упор делается на инновациях, словарь обогащается за счет непрекращающегося процесса смешения высокого и низкого, старого и нового, родных и иностранных слов; константой является пародирование официальной югославской риторики с ее канцеляризмами, плотно вошедшими в разговорную речь. Использование ненормативной лексики — это тоже способ показать: «мы не утонченные», то есть «мы — не вы». Отметим важное отличие от русского того же сербского языка: мат для его носителей не представляет собой табуированную лексику, — то, что русскому читателю покажется чересчур грубым и агрессивным, для жителей Балкан является чем-то устоявшимся и зачастую вовсе не несет в себе негативного заряда. Искрометный юмор главного героя во многом обязан исключительной выразительности, красочности и живости языка, остроумию и комичности используемых им жаргонизмов. Именно этот словенско-сербско-хорватский вариант суржика, носители которого заявляют о себе как

о людях непосредственных, ярких и искренних, позволяет им выразить свою многонациональную и мультикультурную идентичность.

Так, значит, как, помимо агрессии, «чефур» может возратить удар обществу? Насилие в общем зачастую присуще подросткам в их потребности заявить о себе здесь и сейчас, это самый быстрый и, казалось бы, естественный способ обратить на себя внимание и показать, что ты существуешь и что давление порой невыносимо. Так, именно язык становится тем мощным орудием, которое говорит само за себя. Максима для словенцев и травма для иммигрантов, язык, в его оригинальном преображении, становится защитной и в то же время созидательной реакцией так называемых «чефуров». Люблянский спальный район Фужины, плавильный котел народов, населявших когда-то бывшую Югославию, в миниатюре, мультикультурное наследие распавшегося государства становится уникальной средой для рождения исключительного языкового явления.

Отметим также тот важный факт, что ввиду субверсивного характера «пейоративного» понятия «чефур» и самого «чефурского» языка, эти явления — как символ культурной оппозиционности — приобрели в среде как словенских интеллектуалов, так и обычной молодежи положительное значение, став синонимами так называемой «cool-attitude». Заимствования объективно имеют место быть, чему официальный литературный код старается активно противостоять. В этой связи можно провести параллель с «Канак Шпраком» (дословно по-немецки «язык чужака»), употребляемом для обозначения социолекта, на котором говорят второе и третье поколения турецких иммигрантов в Германии. Последний представляет собой смешение умышленно упрощенных грамматических форм немецкого разговорного языка, турецкого и афроамериканского английского. Представители молодого поколения иммигрантов, родившихся и выросших в Германии, носители «Канак Шпрака» вполне осознанно провозглашают свою культурную непохожесть, принимая закрепившиеся в немецком обществе пренебрежительность и негативность оценки в качестве

своей культурной идентичности, но тем самым утвердив себя и на социальном поле. «Канак Шпрак» благодаря средствам массовой информации и кино стал доступен и тем, кто не является носителями турецкого языка; немецкие студенты и даже образованные люди используют элементы социолекта с его оригинальными высказываниями и упрощенной грамматикой, показывая тем самым свою причастность к актуальным тенденциям в современном разговорном языке.

Благодаря своему роману Горан Войнович сумел разрушить негативный заряд слова «чефур». Однако сам же автор опасается, что чем «круче» оно будет звучать, тем больше опасность стать «мэйнстримом», а позиция «античефура» снова может показаться кому-то привлекательной.

К сожалению, в этом есть доля правды. В декабре 2011 года в ответ на расистские высказывания правого политического лагеря возникло движение «носящих спортивное трико» (слов. «trenirkarji»), как результат стереотипных выпадов: мол, трико носят одни «чефуры» или так называемые «новые граждане Словении», провоцирующие неоправданный перевес в результатах голосования. Несмотря на немногочисленный характер движения, получившего, однако, большой резонанс в СМИ, в ряды его преимущественно вступили словенские граждане, выступающие за более терпимое общество и желающие обратить внимание на все большее присутствие в Словении языка вражды, который распространяет дискриминационное мнение о выходцах из других республик бывшей Югославии.

Благодаря блестящему юмору книга Горана Войновича читается на одном дыхании. Автор, правда, не скрывает, что за всеми «фишками» и «приколами» его юного героя прячется малоприятная реальность, в которой приходится взрослеть молодому поколению: проблемы с наркотиками, отсутствие достойных жизненных перспектив, столкновения с полицией, узколобый провинциальный менталитет родителей, их неумение наладить контакт со своими

детьми, непонимание, жестокость, деструктивный характер патриархальной системы как таковой. Смех и ирония позволяют касаться самых болезненных точек бытия, не становясь на позицию жертвы, и найти созидательные силы в хаотичной энергии молодости.

Одна из главных и больших тем мировой литературы — тема «чужого», «другого» — нашла свое оригинальное и яркое воплощение в романе словенского автора. Будем надеяться, что перевод романа скоро будет доступен и российскому читателю и что судьба «чефуров» не оставит его равнодушным. Контекст происходящего от него, в общем, достаточно далек, но почему бы в очередной раз не задуматься о собственной толерантности и терпимости, способности понять «чужого» и прислушаться к его мнению. Разворачивающиеся события в отдельно взятом районе небольшого европейского государства на самом деле универсальны, поэтому не стоит закрывать на них глаза и делать вид, что ничего похожего рядом с нами не происходит. Как отмечает сам писатель, в каждой стране есть свои «чефуры» и у каждого «чефура» есть своя форма «чефурского» языка. В любом микрорайоне любого города найдется «чефур», сидящий на лавочке возле детской площадки. Однако стереотип оказывается раздавлен и изничтожен, когда речь идет об отдельной личности, о самом интимном и сокровенном ее содержании. Но главное — то несравненное удовольствие, которое получаешь, погружаясь в яркий и живой мир современного города, когда из открытых окон доносится запах балканских голубцов, слышны ритмы народной музыки, а футбольные матчи остро, сочно и темпераментно комментируют обитатели люблянских Фужин.

Словенцы, говоря о Балканах, зачастую дистанцируются от них, предпочитая позиционировать себя как часть «цивильной» Европы. Отрицая «отсталую» балканскую составляющую своего менталитета, они каждый раз с воодушевлением встречают талантливые смешения, рождающиеся при впрыскивании темпераментной южной крови, не решаясь, однако, до конца признаться себе в том, что это тоже они и что это драгоценно.

Примечания

* Горан Войнович окончил Люблянскую Академию театра, радио, кино и телевидения (AGRFT), где изучал режиссуру. Он автор нескольких короткометражных фильмов: «Фужины рулят» (2002), «Сезон 90/91» (2003), «Мой сын – сексуальный маньяк» (2006), «Китайцы прибывают» (2008), – отмеченных наградами на различных международных кинофестивалях. Им написан сценарий, по которому снят фильм Марко Шантича «Счастливого пути, Недимэ» (2006), получивший награду «Сердце Сараево» и номинированный на премию Европейской киноакадемии. В октябре 2010 Войнович дебютировал в качестве режиссера и сценариста полнометражного художественного фильма «Пиран – Пирано». Помимо деятельности в кино и на телевидении, Горан работает как кинокритик, журналист, автор журнальных колонок; некоторые из его текстов составили сборник под названием «Когда Джимми Чу встречает Фиделя Кастро» (2010). В конце 2011 г. вышел в свет второй роман Войновича – «Моя страна Югославия», также принесший автору успех. Текст поднимает серьезную тему рефлексии молодого поколения о распаде Югославии, которое невольно вынуждено разделить вину своих отцов.

«Чефуры вон!» (2008) – дебют Войновича в литературе. В 2009 г. книга была сперва отмечена премией фонда имени Прешерна, а затем названа лучшим романом 2008 года. «Чефуры вон!» получил награду имени Керсника, присуждаемую газетой «Дело». Роман многократно переиздавался, был переведен на хорватский, боснийский, сербский, польский и чешский языки; готовится и англоязычное издание. Горан Войнович в сотрудничестве с признанным боснийско-герцеговинским сценаристом Абдулой Сидраном подготовил сценарий полнометражного фильма «Чефуры вон!», премьера которого должна состояться в 2013 г.

■ □ ■

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ЛЮБЛЯНЕ

Л.А. Кирилина

Почти три года назад произошло событие, явившееся, на наш взгляд, важной вехой в развитии российско-словенских отношений. Уже с февраля 2010 г. в Словении действует Представительство Россотрудничества. Во время официального визита Председателя Российского правительства В. Путина в Республику Словению 22 марта 2011 г. было подписано российско-словенское Межправительственное соглашение об учреждении и условиях деятельности центров науки и культуры. И, наконец, 21 апреля 2011 г. состоялось торжественное открытие Российского центра науки и культуры (далее — РЦНК) в Любляне. Основные задачи его деятельности, ведущейся в тесном взаимодействии с Посольством Российской Федерации, Послом России в Республике Словения Д.Г. Завгаевым, — развивать всесторонние дружественные отношения между Россией и Словенией, знакомить словенскую общественность с историей, наукой и культурой народов России, всемерно продвигать изучение русского языка в Словении, поддерживать проживающих в ней соотечественников и содействовать сохранению и развитию в стране российского этнокультурного пространства*.

РЦНК располагается в красивом старинном особняке в историческом центре Любляны,

неподалеку от Люблянского замка, городской ратуши и кафедрального собора Святого Николая. Внутри помещение оборудовано по самым современным технологиям, а на четвертом этаже можно выйти на площадку, расположенную на крыше, откуда открывается прекрасный вид на Любляну.

В Центре созданы очень широкие функциональные возможности. В нем находятся концертно-выставочный зал, учебно-методический центр русского языка, в котором развернута экспозиция новейшей учебно-методической литературы ведущих российских издательств, библиотека, разнообразные книжные выставки. РЦНК использует инновационные методы, основанные на использовании современных компьютерных технологий, для отображения богатства и разнообразия культурного достояния России. К ним относятся, например, презентации мультимедийного проекта Государственного Русского музея «Русский музей: виртуальный филиал» (виртуальный лекторий Русского музея открылся в РЦНК 11 декабря 2012 г.), электронного читального зала Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина, Центра коллективного доступа к правовой информации Российской Федерации. В базе данных Центра

коллективного доступа к правовой информации Российской Федерации «Законодательство России» содержатся документы с 1937 года, причем обновляются они два раза в неделю. В фондах Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина в настоящее время содержится свыше 80 тысяч единиц хранения. Это документы различных типов — книги, газеты, архивные документы, фото-, видео- и аудиоматериалы. В основном это материалы по истории России, теории и практике российской государственности, русского языка как государственного языка Российской Федерации. В электронном читальном зале библиотеки есть возможность просматривать документы на основе электронных коллекций, объединенных по тематическому принципу и приуроченных к юбилейным датам или значимым событиям. Среди них наиболее крупные — проект «Территория России» и «Память о Великой Победе». Здесь имеются технологии трехмерного моделирования, позволяющие создавать виртуальные модели книг, которые могут просматриваться в различных ракурсах и степенях приближения. В электронном читальном зале можно также прослушивать аудиозаписи и просматривать видеоматериалы.

Книжный фонд библиотеки РЦНК на сегодняшний день насчитывает около трех тысяч книг: русская и зарубежная классика, книги по истории и культуре России, общественно-политическая литература, учебники по русскому языку и литературе, детская литература и др. В библиотеке много методической литературы по преподаванию и изучению русского языка как иностранного, и фонд ее постоянно пополняется. Эти книги пользуются большим спросом у преподавателей русского языка в Словении. В разделе культура и искусство имеются альбомы с репродукциями картин русских художников, книги о русском театре, музыке, религии, архитектуре и кино. Справочно-информационный фонд располагает энциклопедиями и справочниками различной тематики. Основная часть изданий на русском языке, есть также книги на словенском языке. Фонд периодических изданий представлен российскими литературно-художественными журналами, получаемыми по подписке. В фонде медиатеки имеются видео- и аудиодиски с обучающими и справочными программами, документальные и художественные фильмы,

мультфильмы, музыкальные записи, аудиокниги. Книжный и мультимедийный фонды непрерывно пополняются новыми изданиями.

В методическом кабинете русского языка регулярно проводятся занятия. Курсы русского языка в РЦНК являются одними из лучших в Словении, здесь работают профессиональные преподаватели, имеющие большой опыт работы с иностранными студентами. В Центре проводится ежегодная всесловенская Олимпиада по русскому языку, победители которой получают возможность побывать в России.

Творческий коллектив РЦНК под руководством Р.К. Патева разработал уникальный, не имеющий аналогов проект «День гимназии в РЦНК», направленный на популяризацию русского языка и российской культуры в Словении. Этот проект пользуется большим успехом. В 2012 г. в нем приняли участие более двухсот человек из семи словенских гимназий и трех основных школ. 19 декабря, в канун Нового года, РЦНК посетили также студенты 4-го курса факультета общественных наук Люблянского университета, выразившие желание принять участие в этом проекте.

В рамках федеральной целевой программы «Русский язык» Центр международного образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при поддержке Россотрудничества 19-23 ноября 2012 г. провёл Методическую школу русистики в четырех городах Словении. В рамках Школы в Любляне, Нова-Горице, Целье и Ново-Месте прошли научно-методические семинары, на которых выступили профессор В.А. Степаненко, писатель, профессор МГУ А.Н. Варламов, доценты ЦМО МГУ М.М. Нахабина и И.В. Курлова. Методическая школа русистики вызвала большой интерес у школьных учителей русского языка, преподавателей вузов, переводчиков и всех, кто интересуется русским языком и российской культурой. Участники Школы — более 150 человек — приехали на семинары не только из разных городов Словении, но и из Хорватии и Италии. Все они получили Сертификаты повышения квалификации**.

Визитной карточкой Центра является балетная школа под руководством Маргариты Исаевой, выпускницы С.-Петербургской академии балета им. Вагановой. Здесь работают три

© Фото В. Яромченко

художественные студии: студия рисования для взрослых Юрия Кравцова, изостудия Ларисы Зарембы для детей и взрослых, курсы иконописи. Занятия в студиях проводятся в небольших группах, что позволяет полнее раскрыть индивидуальные возможности каждого ученика. Кроме того, в Центре есть музыкальная школа, открыта театральная студия под руководством опытных педагогов Вани Слапар и Виктор Лубутина; работает музыкальный театр под руководством Ирины Гущиной «Талисман».

Каждый первый вторник месяца в киноклубе РЦНК проходят встречи. Ценители российской культуры и кинематографа имеют возможность в уютной атмосфере посмотреть лучшие российские фильмы и обсудить их. Каждая встреча в киноклубе начинается с краткого рассказа о фильме и времени его создания. Фильмы демонстрируются с субтитрами на английском или словенском языках, что делает их более доступными для зрителей, не владеющих русским языком. В РЦНК прошла демонстрация многих шедевров российского кино. В рамках Дней российского анимационного кино прошел показ лучших российских мультфильмов для детей. Дни российского документального кино в Словении состоялись при поддержке Дома русского зарубежья и киностудии «Русский путь». Показы фильмов построены тематически. Демонстрировались фильмы, посвященные 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года, 1150-летию Российской государственности и др. Центр провел цикл из четырех фильмов — «Кумиры советской и российской поп-культуры».

В рамках киноклуба также проводятся встречи с российскими кинематографистами.

РЦНК учредил два международных фестиваля, которые с успехом проводятся в Словении. Первый фестиваль детской песни «Крылатые качели», в котором по приглашению Центра принял участие известный поэт-песенник Ю. Энтин, РЦНК организовал буквально накануне своего открытия — в апреле 2011 г. Хотя этот фестиваль учредили в России, благодаря стараниям коллектива РЦНК впервые он был проведен в Словении, в Фестивальном зале г. Блед.

В 2012 г. Центр обеспечил масштабное участие России в общеевропейском фестивале «Марибор — европейская столица культуры 2012 года». Традиция избирать ежегодно тот или иной европейский город «культурной столицей» существует уже 27 лет, но, к сожалению, до 2012 г. участие России в ежегодном общеевропейском культурном фестивале было более чем скромным. Посольство России и РЦНК в Словении поставило перед собой сложную задачу переломить эту ситуацию — и блестяще ее осуществило. Опираясь на помощь администрации различных российских регионов, их помощь, посольство и РЦНК смогли организовать в рамках фестиваля яркие, высокопрофессиональные выступления в пяти словенских городах известных в России крупных фольклорных, танцевальных, хоровых, джазовых и театральных коллективов из Москвы, С.-Петербурга, Самары, Петрозаводска, Ульяновска, Дубны. Калуги и Тобольска. Значительным и ярким событием фестиваля стал гала-концерт звезд балета Мариинского театра, в который вошли лучшие произведения русской и мировой балетной классики.

В РЦНК прошла первая презентация новых изданий русских переводов произведений словенских писателей, а также и пресс-конференция с участием Генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ) Е.Ю.Гениевой и руководителей Словенского государственного агентства по книгоизданию Славко Прегла и Кати Стергар. Была заключена договоренность о совместном проекте «Словенский Глагол», координатором которого стал РЦНК в Словении. Уникальность проекта «Словенский Глагол» состоит в том, что, по словам Е.Ю. Гениевой, это один из самых динамичных проектов,

в котором когда-либо участвовала ВГБИЛ. Его первое обсуждение состоялось в июле 2011 г., а уже в ноябре того же года первые две книги: «Словенская новелла XX века в переводах Майи Рыжовой» и «Против часовой стрелки. Словенская новелла. Избранное» — из планируемых 16-ти — были напечатаны. Совместно финансируемый проект быстро реализуется благодаря сохранившейся в России хорошей школе перевода со словенского языка на русский и таким его мастерам, как Майя Рыжова. «Словенский Глагол» запущен в 27 регионах России в рамках другого постоянно действующего проекта — «Большое чтение», что непременно сделает его продукцию более доступной российскому читателю. На сегодня ни у какой другой славянской страны нет такого масштабного проекта, как у Словении с Россией.

В Национальной библиотеке Словении при содействии Представительства Россотрудничества прошла выставка «Книги строят мосты». На выставке были представлены книги, вышедшие в издательстве Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им.М.И.Рудомино (ВГБИЛ). В октябре 2012 года в Центре прошла выставка уникальных фотографий начала XX века создателя «Коллекции достопримечательностей Российской империи» С.М. Прокудина-Горского, а также презентация журнала «Вестник Европы». С успехом прошел международный семинар, посвященный 100-летию русского супрематизма, лекции о творчестве Марины Цветаевой, поэтические вечера Рафаэля Клейнера и др.

Усилиями РЦНК у словенцев формируется объективное представление о прошлом и настоящем России, о ее материальном и духовном потенциале, о специфике происходящих в ней процессов.

Примечания

* При написании статьи автор использовал материалы, любезно предоставленные ему директором РЦНК в Словении Р.К. Патеевым и главным специалистом-экспертом РЦНК В.В.Кильпяковой, а также сведения, размещенные на сайте РЦНК: svn.rs.gov.ru/node/267

** http://www.cie.ru/rus_news_110, http://www.gramota.ru/lenta/news/8_2758

■□■

© Текст: А.А. Кириллина

РУССКИЙ СЛЕД

(По материалам РЦНК)

Наши соотечественники на разных этапах прошлого столетия внесли весомый вклад в развитие науки и культуры Словении.

В период между двумя мировыми войнами в Люблянском университете работало около двадцати русских преподавателей-эмигрантов. Их знания и опыт во многом способствовали формированию в Люблянском университете областей науки, для развития которых в Словении не было достаточного числа квалифицированных специалистов. Среди самых видных соотечественников, внесших вклад в развитие науки и образования в двадцатые годы XX столетия, было свыше десяти профессоров: юрист и экономист А.Д.Билимович, математик Ф.Ф.Грудинский, филолог А.В.Исаченко, литературовед и русист Н.Ф.Преображенский, химик В.Исаевич, юрист и историк М.Н.Ясинский, профессор медицинского факультета Е.И.Канский, профессора технического факультета Д.В.Фрост, А.Копылов, А.Н.Митинский, В.В.Никитин, Д.Шахназаров и И.Н.фон Майдел, а также профессора юридического факультета А.В.Маклецов и Е.В.Спекторский. Из русских профессоров, эмигрировавших из России, в Люблянском университете после Второй мировой войны остались только Копылов, Маклецов и Преображенский. Следует упомянуть и профессоров русского происхождения, которые покинули Россию в очень молодом возрасте, получили образование в югославских вузах и после Второй мировой войны стали работать в Люблянском университете. К ним относятся профессор микробиологии Александр Коняев,

сейсмолог Сергей Бубнов, преподаватель русского языка и литературы Вера Брнчич (в девичестве Шермазанова).

Русские артисты-эмигранты не только восхищали своим искусством, но и учили, создавали свои школы. В Любляне пользовалась большой популярностью актриса М.Н. Наболоцкая, которая играла в постановках мировой классики и русской классической драматургии, а также в пьесах национальных авторов. Блестящий актер и режиссер Б.Н.Путята помог художественному развитию Люблянского драматического театра. В историю словенского театра вошли также имена замечательных хореографов П.Н.Грессорова-Головина, отдавшего оперному театру в Любляне почти двадцать лет (1924–1945), и М.Туляковой, известной постановкой танцев в опереттах.

Среди наших соотечественников, живших в Словении, были и те, кто оставил след в современной истории.

А.Д. Бубнов (1883, Варшава — 2 февраля 1963, Крань) — русский контр-адмирал. Во время русско-японской войны мичманом участвовал в Цусимском сражении в составе эскадры

адмирала Рожественского на броненосце «Орёл». В годы Первой мировой войны находился в Ставке Верховного Главнокомандующего, где занимал должность начальника морского управления. 28 июля 1917 года был произведен в контр-адмиралы. Его работы по вопросам морской стратегии и тактики получили высокую оценку специалистов того времени, а воспоминания о годах службы в Царской Ставке стали одним из бестселлеров мемуарной литературы.

После революции А.Д. Бубнов эмигрировал в Югославию. По просьбе короля Александра Карагеоргиевича в 1923 году он основал в Дубровнике военно-морское училище и морскую военную академию, в которой преподавал до 1941 года. Состоял членом Русского научного института в Белграде. До Второй мировой войны проживал в Дубровнике. После оккупации Югославии немцами и увольнения из академии преподавал русский язык в гимназии в словенском городе Крань, где жил и работал после Второй мировой войны.

П.Н.Врангель (15 (27) августа 1878, Новоалександровск, Ковенская губерния, Россия — 25 апреля 1928, Брюссель, Бельгия). Русский военачальник, участник русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей (1918–1920) Белого движения в годы Гражданской войны. Главнокомандующий Русской армией в Крыму и Польше (1920). В 1922 году со своим штабом переехал из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев в Сремски-Карловци. Штаб создал строительную компанию «Техника» (1923–1924 гг.) и построил в Словении железную дорогу Ормож — Лютомер.

В Словении жили и наши соотечественники, известные философскими трудами.

Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951), бывший ректор Киевского университета, был «самым видным русским эмигрантом между мировыми войнами». С 1930–1945 гг. на юридическом факультете университета в Любляне профессор Спекторский преподавал философию и социологию права. Был председателем Словенского общества философии права и социологии в Любляне. В наследии профессора Спекторского сохранились два дневника, написанные в период первых двух лет пребывания в Любляне (1930–1932 гг.), содержание которых знакомит читателя с переживаниями и взглядами русских

преподавателей-интеллектуалов, оказавшихся в эмиграции в Югославии. Известный экономист, профессор Александр Дмитриевич Билимович, бывший министр в правительстве А.И. Деникина, тоже работал в Люблянском университете. Он написал ряд работ, где полемизировал с Марксом и, анализируя особенности советского строя, предвещал ему экономический и политический крах («Экономический строй освобождённой России»). Как считают словенские ученые, он «поднял теоретическое изучение экономики на завидно высокий уровень».

Среди известных русских ученых, меценатов, благотворителей, живших в Словении, известна графиня П.С.Уварова (урождённая княжна Щербатова) (28 марта (9 апреля) 1840, с. Бобрики Харьковской губернии — 30 июня 1924, Добрна, Югославия) — русский историк и археолог. Была избрана почетным членом Императорской Академии наук, профессор Дерптского, Харьковского, Казанского и Московского университетов, а также Петербургского археологического института. Как общественный деятель она требовала принятия закона, запрещающего вывоз древностей из России, беспокоилась о том, что национальное достояние может стать предметом наживы. Важнейшим своим делом Уварова считала составление каталога отечественных древностей. В московском особняке П.С.Уваровой хранилось более трех тысяч древних рукописей, богатейшее собрание картин, греческих и русских монет, памятников античного искусства. Все эти сокровища она передала в дар музеям. Городок Добрна в Словении — последний приют П.С.Уваровой.

Есть «русский след» и в культурной жизни Словении. В 1970 году легендарный Сергей Михайлович Лифарь (Серж Лифарь) в Люблянском театре оперы и балета поставил балетный вечер, в котором были представлены части из трех его балетов: «Ромео и Джульетта» П.Чайковского, «Фавн» Клода Дебюсси, «Сюита в белом» (одноактный балет на музыку из балета «Намуна» Эдуара Лало).

Этот след русской балетной школы простирается и до нашего времени. Художественным руководителем балетной труппы Люблянского

театра оперы и балета работает Ирек Мухамедов. В течение девяти лет он был премьером балетной труппы Государственного академического Большого театра. Его репертуар включал главные мужские партии в балетах «Иван Грозный», «Дон Кихот», «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта», «Жизель», «Раймонда» и «Легенда о любви».

С 1990 года до недавнего времени являлся ведущим солистом, затем хореографом Королевского балета Лондона. В балетной и оперной труппах Мариборского театра оперы и балета работают высококлассные солисты — выходцы из России. Есть в Словении и российские музыканты (пианисты, скрипачи, виолончелисты) высокого уровня, играющие в крупных оркестрах и преподающие в музыкальных учебных заведениях. Есть и художники, скульпторы. В прошлом году в городе Ново-Место поставлен памятник местному уроженцу, самому знаменитому словенскому (югославскому) спортсмену, участнику четырех Олимпиад, трехкратному олимпийскому чемпиону по гимнастике, пятикратному чемпиону мира, Леону Штукелю (*Leon Štukelj*; 12 ноября 1898, Ново-Место, Австро-Венгрия — 8 ноября 1999, Марибор, Словения). В 1998 году 100-летний юбилей выдающегося гимнаста стал главным национальным праздником Словении. Замечательный памятник создан молодым российским скульптором Станиславой Калининой.

По материалам Российского центра науки и культуры в Словении ■□■

С. 242: Памятник легендарному спортсмену Леону Штукелю

С. 243: Российский скульптор Станислава Калинина, автор памятника

ПУТЬ В СЛОВЕНИЮ

Меня пригласили на поэтический фестиваль в Словению, и мы поехали туда вдвоем с Сашей на машине. Это «кругосветное путешествие» по Восточной Европе имело свою драматургию. Из огнедышащей Москвы мы попали на узкое шоссе, где надо было бесконечно обгонять грузовики, а смотреть по сторонам бессмысленно — «леса, леса, леса». Окуджава приписал их Смоленской дороге, но это была не она, по ней мы возвращались, и тоже леса — они у нас вдоль всех дорог, и никаких следов человеческого присутствия. Все «скуцились» в Москве, отступать не хотят. В Брянской области дорога стала совсем невыносимой, поскольку ее ремонтировали, и через каждые три километра светофор открывал путь по единственной оставшейся полосе то нашему потоку, то встречному. Поэтому границу с Украиной мы переезжали поздно (граница пока легкая), бояли на пропускном пункте всего полтора часа и заночевали в первом же городке на украинской стороне — Глухове. Здесь нам повезло занять последний номер в отеле, по всей видимости, самодельном, устроенном в собственном двухэтажном доме, где нас покормили ужином, а утром — завтраком, после которого мы отправились смотреть город. Это оказались советские семидесятые, те же пыльные улицы с разбитым асфальтом, автобусы тех же времён «лиаз» и «рафики», те же замкнутые лица. На центральной площади висит большой плакат: «Глухов — гетманская столица». Это правда, был он столицей Запорожской Сечи и гетманов, и вообще — это один из самых старинных городов Киевской Руси. Советская власть его «уконтропупила», а на поправку денег нет. Зато потом дороги по всей Украине пошли нормальные. Но за это «зато» — звери-гайшники, каких больше нигде не встретишь: на собираемую ими дань можно было бы и Глухов приодеть.

Следующая остановка — Киев, не лучше и не хуже, чем был когда-то; потом Львов — красивый, старинный, живой, но сильно потрепанный. Дальше — Закарпатье, тут, впервые за весь путь, начинаются красивые пейзажи, ночуем мы в Мукачево,

Татьяна ЩЕРБИНА

бывшем австро-венгерском городке, где сохранилась имперская статя. Здесь говорят на русинском, а живут русины, гуцулы, русские, немцы, венгры. До венгерской границы рукой подать, пересекаем ее за те же полтора часа, пару дней проводим на озере Балатон. Драматургия в том, что каждый следующий пункт становится лучше предыдущего, крещендо нарастает: Венгрия ухоженней и дешевле Украины. Русские построили на Балатоне сотни домов (в одном из них мы и жили, у друзей), не только русские тут, конечно, а дома все ладные, самые на вид богатые — крытые соломой. На придорожных заправках уже можно по-человечески пообедать, не то что буфет с булочкой, как на предыдущей части пути. Сами дороги, понятное дело, еще лучше, чем на Украине: не только потому, что вместо гаишников камеры, но и покрытие — прямо черное зеркало, по нему скользишь, как по балетной сцене.

Наконец мы пересекаем границу со Словенией, невидимую, но ощутимую: здесь только смотри в окно, пейзаж все время меняется — домики, поля, виноградники, а вот и море. Приехали в Пиран, бывший венецианский приморский городок, с дворцом дождей, узкими улочками, резными фасадами. Словения — это вообще частично Австрия, частично Италия, но со «славянской душой». Береговая линия здесь короткая, в Пиране берег заделан бетонными плитами с лестницами, ведущими в море, дно — крупная галька, не ступишь, в общем, «пляжный отдых» — это не сюда. Для него есть Каподистрия («мыс Истрий»), но там просто курортная зона, а тут город — исторический памятник. Мы смотрели на него сверху, с крыши дома, куда знакомые слависты пригласили нас на ужин с изумительным словенским вином. «Мальвазия», «Мускатель» — одни названия этих сортов винограда похожи на амброзию, напиток богов. В винодельческие регионы мы отправились позже, главный из них — Иерусалим, название месту дали тамплиеры, бежавшие сюда в XII веке. Они нашли высокий холм, откуда открывается вид на долины редкой

И ОБРАТНО

красоты, с рельефом, по которому всегда скучает глаз — чтоб был не просто простор, но чтоб взгляд взбирался вверх, падал вниз, облетая виноградники, стада овец, поля желтых тыков, золотистой пшеницы, виноградных вьюнков. Украина — это сплошные плоскости с солнечными коронами подсолнухов, Венгрия — ряды фруктовых деревьев, покрытых сеткой от птиц, а в Словении ставят пугала. Непростые пугала, а целые конструкции — мельница с венником. Никакого города в Иерусалиме не воздвигли, только отдельные дома стоят — «шато», как сказали бы в Бордо, и к этим винодельческим шато подъезжают автобусы с туристами из Восточной Европы — на дегустацию, да и закупить хорошего вина домой. По пути мы не раз пересекали реку Песницу, что по-словенски значит «поэтесса». Песник — поэт, такое вот для нас странное сближение, ибо по-русски «поэт-песенник» — это совсем другое, нежели просто поэт.

Поэтический фестиваль сначала проходил в Любляне — я выступала в доме-музее «словенского Пушкина» — поэта XIX века Прешерена, а затем в самом древнем словенском городке Птуй. Тут и крепостной замок XII века, и суровые средневековые «мазанки» с каменными оконными рамами, и барокко XVIII века, и классицизм XIX, а фестиваль — главное развлечение. Характерно, что в римские времена (город I века н.э.) Птуй назывался Поэтовью, т.е. «город поэтов», теперь он считает себя европейской столицей поэзии. Имена поэтов и строчки стихов висят здесь прямо на улицах, на табличках в виде cd-дисков. Птуй — собственно, «усохшее» Поэтовью, как слово «площадь» по-словенски — Трг, превратившийся по-русски в «торг», рынок.

На поэтические чтения из близлежащих мест приходит и приезжает огромное количество людей, прямо-таки Вудсток. Сцена оборудована под открытым небом (прикрытым все же парусиной на случай дождя), а табуретки для зрителей сделаны из приклеенных к сиденью бутылок вина — Птуй тоже винодельческий регион. Называются эти чтения «фестивалем поэзии и вина», поскольку участников фестиваля со всего света поят вином бесплатно в неограниченном количестве, а гостям за деньги предлагают дегустировать разные сорта. Выступающему, когда он на сцене, ставят бокал превосходного, дорогого вина, а на обед и ужин подают столовое молодое... Поэты съехались из Аргентины, Китая, Франции, Испании, Хорватии,

Сербии, Боснии, Германии, Японии, Голландии, Ирана. Французов было трое (Франция — в этом году гость фестиваля): «патриарх» Мишель Деги, много лет издающий журнал *Poésie*, профессор философии; Ги Гоффетт, некогда бельгиец и давно уже парижанин, издатель поэтической серии Галлимара и поэт нового поколения Эмманюэль Мозес, бывший израильтянин, а ныне француз.

Китаец — Янг Льян — хоть и пишет по-китайски, но давно не живет на родине. Выходец из семьи дипломатов, он остался в Европе, жил в Лондоне, теперь — в основном в Берлине. Его считают одним из лучших поэтов современности. Высокий, стройный, обаятельный, с длинными вьющимися волосами, Янг кажется воплощением романтического поэта русского Серебряного века. Иранская поэтесса Назиме Доустдар Санайе тоже не живет в Иране, бежала оттуда в Швецию и прибыла в Словению вместе с мужем и маленькой дочкой. И сербская поэтесса, *лесница* Анна Сферович, живет в Лондоне, а не на своей несчастной родине. Испанец Микель Местре похож на бывалого пирата, а аргентинец Хорхе Салгадо — старый журналист, бросивший все, чтоб писать картины и стихи. С ним рядом заботливая жена — редкий фестиваль проходит в такой семейной атмосфере. Атмосфера тут очень приятная: уютный отель «Митра», из которого не хотелось уезжать, домашние обеды и ужины для поэтов с семьями, на которых все сбивались в языковые группы: англоязычные, немецкоязычные, франкоязычные и испаноязычные. Японец сидел одиноко, поскольку говорил только по-японски, а остальные, кроме слов «суши» и «васаби», ничего не знали. На фестиваль съехались и «продюсеры» (что довольно необычно для поэтических фестивалей) — директора других европейских фестивалей. Приехал и известный американский музыкант Крис Экман со своей группой, предвзято или заканчивая поэтические чтения. Слушали все, что называется, «затаив дыхание», каждый автор читал на своем языке, а на большом экране синхронно проецировался перевод стихотворения на словенский и, если таковой был, на английский. Зрители аплодировали поэтам так же бурно, как и на рок-концертах.

Пока шел фестиваль, мы съездили в Марибор, второй после Любляны город, покатались по птуйскому морю, как местные жители называют свою реку, поплавали в термальных бассейнах (термы — первое туристическое направление в Словении), поехали по деревням и остановились в какой-то

© Текст: Тамарина Шербина

глуши выпить кофе. Саша усмехнулся: «Ты можешь себе представить, чтоб в российской глубинке можно было вот так же остановиться и выпить эспрессо?» Про дороги я даже не говорю: в Словении они все прекрасные, к какой бы маленькой деревушке они ни вели. Периодически стоят предупреждения: «меритво хитрости» (это означает измерение скорости). Хитрость — скорость, надо же! Но если подумать, это действительно хитрость человека — ускорять себя настолько, чтоб автомобиль мог проделать сто двадцать (не будем нарушать), а на самолете — и девятьсот километров в час. А «всход» и «заход» — это восток и запад, разве не чудесно? Там, где солнце всходит и заходит. По-русски востекает и западает за горизонт, что кажется ближе к праславянскому, а на самом деле нет — словенский ближе. Взять хоть «почивалище» — зоны отдыха на дороге, у нас глагол «почивать» в словаре означают пояснением: устар. (устаревший).

В Птуе, рассказывают, проходит красочный карнавал — Курентованье, у них тут есть любимое чудовище Курент, бог гедонизма, эти белые и пушистые куклы продают в сувенирных магазинах и магазинах для дома. Он и вправду похож на домового. Сижу, пью словенский мускат, вспоминаю. Странно, что русских в Словении практически нет, меньше, чем где бы то ни было — а ведь это такой близкий язык, «душа», и здесь так хорошо!

Из Словении, которая стала кульминацией нашей поездки, мы направились в Австрию — сперва

в Грац, потом в Вену. Австрия (это сразу видно) монументальнее, богаче, параднее, здесь нет кризиса, который есть в Словении и почти во всей Европе, здесь всё огромное и значительное. И дух уже не славянский — немецкий. Мы, конечно, понимали, что за Веной последует «снижение». Ну как в пьесе или в романе герою становится все лучше и лучше, а потом бац — и он теряет одно, другое, панически думая, что уже хуже некуда. Так вот и Польша — бедность, плохие дороги, невкусная еда, и только величественный Краков, спасенный от уничтожения во время войны. Он выглядит наряднее Львова, а вот по сравнению с Веной или Любляной — гораздо скромнее.

На польско-белорусской границе мы простояли семь часов! Белорусам нельзя везти из-за границы больше, чем столько-то одежды, даже «сэконд хенд», предметы длительного пользования — раз в год, продукты допускаются только для дорожного пропитания. Теперь ввели новую меру — сто долларов с каждого выезжающего за рубеж белоруса. А то ввозят беспошлинно всё на свете, у нас вот, хоть мы и иностранцы (здесь приятно слышать это слово про себя), изучая содержание машины, поинтересовались: не везем ли мы пиво? Нет, мы не везли пиво, но в этом преступном деянии белорусские пограничники подозревают в первую очередь. Но не стоит о грустном. Мы ходили по Бресту и Минску, ночевали и там, и там, и мне казалось, что я вернулась на десятилетия назад, в «развитой социализм». Впрочем, спасибо Олимпиаде-1980, была построена трасса Брест — Москва, по которой мы благополучно добрались до дома с остановкой в Смоленске. Красивый город. Отель — это подновленная бывшая цеховская гостиница с дежурной на этаже. Номер же, тесный, с двумя сиротскими кроватками, стоил 4.200 за ночь — дороже, чем в процветающей Вене, в имперском отеле с видом на замок Шенбрунн. Ну да ладно — только пробки московские встретили нас неприветливо: от Смоленска до Одинцово дорога заняла столько же времени, как от Одинцово до центра Москвы. В Словении же мы не встретили ни одной пробки. Может быть, как раз потому, что жители России еще не освоили ее и не заполонили своими громадными, как танки, джипами всё жизненное пространство. Словения маленькая, но просторная. И даже в городке с узкими улочками всегда есть где припарковаться. И вообще — там так хорошо! ■□■

Фотопутешествие по Словении

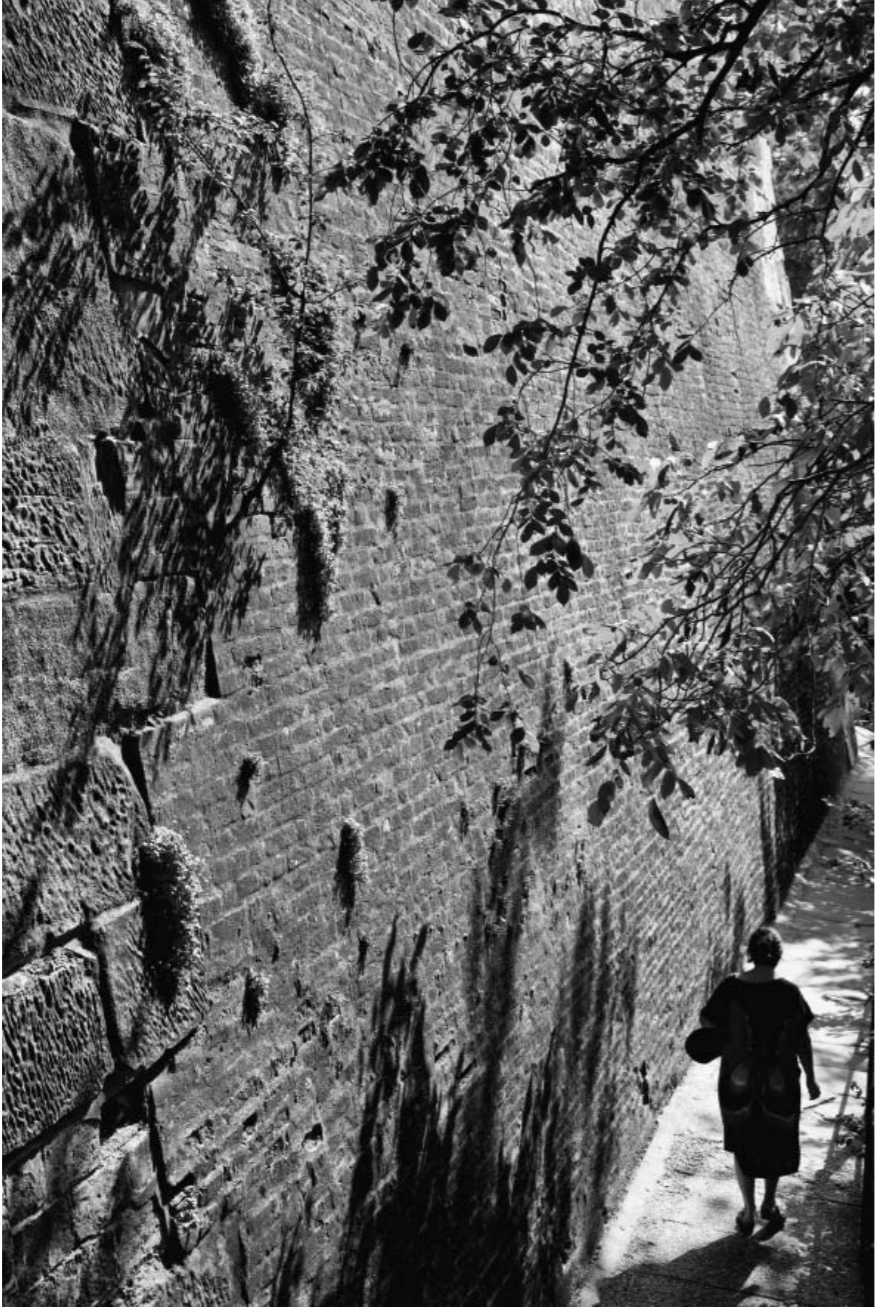
Александр Тягны-Рядно

SLOVENSKIM BRALCEM

Bralcem sporočamo, da smo se Fond Jegora Gajdara, Vseruska državna knjižnica za tujoliteraturo in Vestnik Evrope spoprijateljili s Slovenijo in nameravamo nadaljevati naše prijetno sodelovanje z zelo gostoljubno, kulturno bogato inlepo slovansko deželo še naprej.

Zahvale:

Uredništvo se za pomoč pri ustvarjanju tele številke zahvaljuje Veleposlaništvu Slovenije v Rusiji in osebno bivši veleposlanici *Adi Filip Slivnik*; ministru za zunanje zadeve Slovenije *Karlu Erjavcu*; predsedniku Državnega zbora *Janku Vebru*; Veleposlaništvu Rusije v Sloveniji in osebno veleposlaniku *Doku G. Zavgajevu*; bivšemu predsedniku Slovenije dr. *Danilu Türku*; evropskemu poslancu, prvemu predsedniku vlade neodvisne Slovenije *Alojzu Peterletu*; direktorju Ruskega centra znanosti in kulture v Sloveniji *Rifatu K. Pateevu*; profesorjem *Jožetu Mencingerju*, *Antonu Beblerju*, *Andreju Rozmanu*, *Dušanu Mramorju*, *Maksu Tajnikarju*, *Bogomirju Kovaču*; gospodu *Saši Slavcu*; pisatelju in bivšemu direktorju Javne agencije za knjigo RS *Slavku Preglu*; direktorju založbe Didakta *Rudiju Zamanu*; tretji sekretarki Veleposlaništva Slovenije v Rusiji *Andreji Kuzman*. Posebna hvala *Juliji Sozini*, organizatorki, prevajalki in urednici-sestavljalčki te številke.

Участники Словенского проекта фонда Егора Гайдара:

Борис Минц — председатель Правления фонда Егора Гайдара

Члены попечительского совета Фонда Гайдара — Екатерина Гениева, Андрей Нечаев;

Члены правления фонда — Петр Гайдар, Яков Уринсон, Виктор Ярошенко

Ирина Буйлова — исполнительный директор фонда Гайдара,

Маргарита Геворкян, Станислав Усачев, Елена Епифанцева, Светлана Меркушина, (*фонд Гайдара*)

Людмила Скачкова, Юлия Созина, (*ВГБИЛ*)

В создании словенского номера журнала участвовали:

Виктор Ярошенко — руководитель проекта

Екатерина Гениева — руководитель культурной и литературной части проекта

Юлия Созина — редактор-составитель разделов литературы и культуры, переводчик

Александр Садыков — переводчик, консультант и организатор

Ирина Буйлова — исполнительный директор Фонда Гайдара

Игорь Пронин — главный художник

Письма русского путешественника: Татьяна Щербина

Фотографии: Александр Тягны-Рядно, Юлия Созина, Виктор Ярошенко, МИД Словении, Посольство РФ в Словении

Специальная аэрофотосъемка: Матевж Ленарчич

Переводчики: Татьяна Жарова, Александра Красовец, Жанна Перковская, Надежда Старикова, Юлия Созина,

Наталия Шведова

Корректор — Юлия Баклакова